

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2025

№ 84

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухущина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Deriglazova L.V.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Бахтиярова Е.З. Универсалия культуры «Судьба» и научная картина мира: векторы смыслового взаимодействия.....	5
Погорельская Е.Ю. Онтологические аспекты техники.....	13
Смирнов М.А. Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики	23
Тимохин А.А. Проблема противоречивости в релевантных коннексивных логиках.....	34
Ястреб Н.А. Идеализированная когнитивная модель абстрактного понятия «искусственный интеллект».....	44

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Бурьян В.В. Проблема абстрактных объектов в онтологии и семантике неопрегеанцев	55
Головко Н.В. Когерентизм Л. Бонжура, претензия Дж. Поллока и причинно-доксастическое эпистемическое отношение укоренения	64

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ардашкин И.Б., Ардашкина А.И. Приоритет социальных факторов в терминологии сквозь призму основных исторических предпосылок: социально-философский подход.....	77
Бабич В.В. О подлинности «Я» в структуре нарративной идентичности.....	95
Пономарев С.Б. Тюремная «прописка» как коррелят архаической инициации.....	112
Тазин И.И. Проблема взаимопроникновения моральных принципов гуманизма, гедонизма и трансгуманизма в контексте теории естественного права	123
Чмыхало А.Ю., Жаркова М.А. Трансформация представлений о цифровой грамотности и российская специфика.....	136

СОЦИОЛОГИЯ

Ненашева М.В. Устойчивый круизный туризм в российской Арктике (на примере Соловецкого архипелага)	148
Погодаев Н.П. Стратегия Турции по экспорту высшего образования в страны Центральной Азии: 2013–2023 гг.	158
Александрова Ю.Л., Ливенцова Е.Ю., Гойко В.Л. Ценность здорового образа жизни в зеркале университетских сообществ социальной сети «ВКонтакте».....	179
Enchill G.L. Social analysis and actions for Ghanaian women's development within Bosore and Abirem communities: A project study	196
Ghosh S.Ch. Beyond material grievances: Analyzing the 2015 Bangladesh “No VAT on Education” movement through a New Social Movement perspective.....	205

ПОЛИТОЛОГИЯ

Каминченко Д.И. Прогнозирование результатов внеочередных выборов в национальный парламент Германии 2025 г. на основе нейросетевого моделирования.....	219
Костогрызов П.И. Глобальный поворот от неолиберальной к постнеолиберальной правительности и контуры новой нормальности.....	236
Кучерина И.А. Вызовы и противоречия внешнеполитического курса современной Украины	247
Матвеева Е.В., Сат А.В. Культура субъектности студенческой молодежи в социальных сетях (на примере Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва).....	263
Щербинина Н.Г., Красноперов А.Ю., Аванесова Е.Г. Коммуникативные проблемы актуального политического образования.....	274

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Целищев В.В. «Реализм» аналитической философии: кривое зеркало.....	286
Чекалов Л.Л. Особенности функционирования сознания и поиск возможных выходов из «пещеры» Платона.....	295

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Bakhtiyarova E.Z. The cultural universal “Destiny” and the scientific world picture: Vectors of semantic interaction.....	5
Pogorelskaya E.Yu. Ontological aspects of technology	13
Smirnov M.A. An analysis for the problem of scepticism regarding meaning in terms of linguistic pragmatics	23
Timokhin A.A. The problem of inconsistency in relevant connexive logics	34
Yastrebn N.A. Idealized cognitive model of the abstract concept “Artificial Intelligence”	44

HISTORY OF PHILOSOPHY

Burian V.V. The problem of abstract objects in the ontology and semantics of neo-Fregeans	55
Golovko N.V. Laurence Bonjour’s coherentism, John Pollock’s challenge, and causal-doxastic epistemic basing relation.....	64

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Ardashkin I.B., Ardashkina A.I. Priority of social factors in terminology through the prism of main historical prerequisites: A socio-philosophical approach	77
Babich V.V. On the authenticity of the “Self” in the structure of a narrative identity	95
Ponomarev S.B. Prison “registration” as a correlate of archaic initiation.....	112
Tazin I.I. Correlation of the moral principles of humanism, hedonism and transhumanism in the Natural Law Theory context.....	123
Chmykhalo A.Yu., Zharkova M.A. Transformation of ideas about digital literacy and Russian specifics	136

SOCIOLOGY

Nenasheva M.V. Sustainable cruise tourism in the Russian Arctic (case of Solovetsky Archipelago)	148
Pogodaev N.P. Turkey’s strategy for exporting higher education to Central Asia: 2013–2023	158
Aleksandrova Yu.K., Liventsova E.Yu., Goiko V.L. The value of a healthy lifestyle in the mirror of university communities on the social network VKontakte	179
Enchill G.L. Social analysis and actions for Ghanaian women’s development within Bosore and Abirem communities: A project study	196
Ghosh S.Ch. Beyond material grievances: Analyzing the 2015 Bangladesh “No VAT on Education” movement through a New Social Movement perspective.....	205

POLITICAL SCIENCE

Kaminchenko D.I. Forecasting the results of the federal election to the German parliament in 2025 based on neural network modeling.....	219
Kostogryzov P.I. Global turn from neoliberal to post-neoliberal governmentality and contours of the new normal.....	236
Kucherina I.A. Challenges and contradictions of the foreign policy course of modern Ukraine	247
Matveeva E.V., Sat A.V. Culture of subjectivity of student youth in social networks (on the example of the Kemerovo Region – Kuzbass and the Republic of Tyva).....	263
Shcherbinina N.G., Krasnoperov A.Yu., Avanesova E.G. Communication problems of current political education	274

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Tselishchev V.V. The “realism” of analytic philosophy: A crooked mirror	286
Chekalov L.L. Features of the functioning of consciousness and the search for possible exits from Plato’s “cave”	295

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 165

doi: 10.17223/1998863X/84/1

УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ «СУДЬБА» И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА: ВЕКТОРЫ СМЫСЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Елена Захаровна Бахтиярова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
elenazbest@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается смысловое взаимодействие разных форм знания в пространстве культуры. Примером рассмотрения выступает смысловое взаимодействие универсалии культуры «Судьба» и научной картиной мира.

Ключевые слова: мировоззрение, научная картина мира, универсалии культуры, универсалия культуры «Судьба», принцип детерминизма, мир, человек

Для цитирования: Бахтиярова Е.З. Универсалия культуры «Судьба» и научная картина мира: векторы смыслового взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 5–12. doi: 10.17223/1998863X/84/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

THE CULTURAL UNIVERSAL “DESTINY” AND THE SCIENTIFIC WORLD PICTURE: VECTORS OF SEMANTIC INTERACTION

Elena Z. Bakhtiyarova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elenazbest@yandex.ru

Abstract. The revealed semantic correlations of the cultural universal “Destiny” and the “man–world” relationship in the scientific world picture is that both build a certain type of worldview by generalizing human experience (the experience of life in general, the image of reality, the principle of determinism, etc.), determining a person’s relationship with the world. It is shown that there are at least two main stages of semantic interaction between the cultural universal “Destiny” and the scientific world picture, which result in the generation of new types of worldviews with corresponding world pictures (ideological “turns”). The cultural universal “Destiny”, like all cultural universal phenomena, performs a worldview function, carries a holistic image of the world and a person’s place in it. The cultural universal phenomenon “Destiny” participates in the formation of a common cultural and historical picture of the world, the content of which contains heterogeneous, non-systematized knowledge, and there is a need for the allocation of more objective knowledge, the need for their systematization. Initially, such a systematizer of knowledge about the world is the semantic core of the cultural universal “Destiny”, which unites objective

knowledge about the essence of the world, its structure, etc. As such, it becomes a prerequisite for the development of the theoretical and categorical framework of science and the corresponding scientific picture of the world, having gone through a preliminary philosophical and reflective processing. The article shows the multilayered structure of the cultural universal "Destiny" and the mechanism of renewal of meanings under the influence of the modern cultural context, whose dominant factor is science and the modern scientific world picture, which is being formed under the influence of scientific knowledge that sets the ways of seeing and exploring objects and, accordingly, affects not only general ideas about the world, but also the ways a person interacts with it. The role of the cultural universal "Destiny" as an important participant in the deep program of social development, containing ideas about the world and a person's place in it, is substantiated.

Keywords: worldview, scientific world picture, cultural universals, cultural universal "Destiny", principle of determinism, world, man

For citation: Bakhtiyarova, E.Z. (2025) The cultural universal "Destiny" and the scientific world picture: vectors of semantic interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 84. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/1

Актуальность рассмотрения векторов смыслового взаимодействия универсалии культуры «Судьба» и научной картины мира обусловлена особенностями современного состояния цивилизации, именуемой «техногенная» (В.С. Степин) [1] и характеризующейся как цивилизационный Макросдвиг (Э. Ласло) [2]. Отличительной чертой техногенной цивилизации выступает небывалое развитие науки и техники, что существенным образом изменяет все стороны человеческого бытия: картину мира, способы мышления, предметную среду, темпы социальных изменений, ценностные установки и т.д. Становится очевидным, что эти изменения имеют амбивалентный характер. С одной стороны, они приводят к заметным улучшениям качества жизни человека (развитие коммуникаций, медицины и т.д.), но с другой стороны, происходящие изменения, связанные с развитием научно-технического прогресса, приводят к непредсказуемым результатам и непредвиденным последствиям, обозначенным в литературе как «общество риска» (У. Бек) [3], «уязвимый мир» (Н. Бостром) [4], «текущая современность» (З. Бауман) [5]. Формируется ситуация «новой неопределенности» (К. Шваб и Н. Талеб) [6, 7].

В условиях цивилизационного кризиса возникает необходимость прояснения связи ценностных установок культуры, которые преимущественно носят традиционный характер и ценностных установок «техногенной цивилизации» (В.С. Степин), поскольку смысловые, ценностные ориентиры задают направление движения человечества. Любая человеческая деятельность обусловлена не только целями, но и смыслами, ценностными установками. В современных условиях глобального антропологического кризиса все больше осознается необходимость рефлексии над действующими мировоззренческими установками и реалиями текущего дня, поскольку отчетливо наблюдается разрыв между развитием материальной культуры, представленной технической средой, и духовной, опирающейся преимущественно на традиционные ценности.

В связи с этим несоответствием встает вопрос о прояснении механизмов и структур, служащих основанием для мировоззрения и построения картины мира. В данной статье, с одной стороны рассматриваются векторы взаимодействия универсалий культуры, которые, по определению В.С. Степина, являются «генами» культуры [8], в них откладываются, накапливаются и передаются от поколения к поколению жизненно определяющие смыслы, и с

другой стороны – научная картина мира, в которой осуществляется направленный синтез фундаментальных достижений науки, закрепленных в научном знании. Через научную картину мира научное знание о мире транслируется в культуру, в общую картину мира, влияя на мировоззрение, способы мышления, ценностные установки.

По нашему представлению, в системе мировоззренческих универсалий культуры особое место занимает универсалия культуры «Судьба» в силу своего объект-субъектного характера. Здесь опираемся на определение, данное в философском словаре: «Судьба – универсалия культуры субъект-объектного ряда...» [9. С. 1003], что отличает ее от других универсалий культуры, относящихся либо к объектному, либо к субъектному ряду. Смысловое ядро универсалии культуры «Судьба» задает границы понимания мира и человека, способы их взаимодействия, поскольку в него входят смыслообразы причинности, закона, необходимости, случайности и т.д., что составляет сущность мироустановления и поэтому входит в картину мира в качестве ее смыслового стержня.

Под научной картиной мира понимают систему представлений о свойствах и законах исследуемой реальности, включающую представления о природе, обществе, человеке и его познании, полученные в результате обобщения и синтеза ключевых научных теорий, научных понятий и принципов с опорой на определенные философские основания. В исследованиях истории западно-европейской науки принято выделить три научные картины мира: механистическую, квантово-релятивистскую и системно-эволюционную, основанную на принципе глобального эволюционизма [10. С. 252–255]. Как всякий познавательный образ, научная картина мира упрощает, схематизирует и интерпретирует действительность, вместе с тем выделяя из бесконечного многообразия отношений сущностные, базисные свойства и связи.

Обращая внимание на связь универсалии культуры «Судьба» и научной картины мира, подчеркнем основания этой связи, в центре которой – мировоззренческая составляющая, смыслы универсалии культуры «Судьба», задают образ мира и человека в общей картине мира на определенном историческом этапе, а научная картина мира задает картину мира, связанную со спецификой изучаемых объектов и способов их познания на определенном этапе развития науки. Вторым основанием, позволяющим нам рассматривать соотношение универсалии культуры «Судьба» и научной картины мира, выступает их общая природа, но относящаяся к разным формам знания.

Получается, что существует, по меньшей мере, два основополагающих источника, задающих характер и направленность мировоззрения, – система универсалий культуры, в частности универсалия культуры «Судьба», и научная картина мира. Возникает вопрос: как в процессе формирования мировоззрения соотносятся универсалия судьбы и научная картина мира или каковы векторы их взаимодействия?

Во взаимодействии универсалии культуры «Судьба» и научной картины мира можно выявить смысловые взаимодействия на разных этапах развития культуры и науки, которые характеризуются определенной направленностью, векторами развития – от культуры через универсалии культуры к формированию категориального каркаса науки и научной картины мира и от научной картины мира обратно в культуру.

Рассмотрим основные этапы, векторы смыслового взаимодействия универсалии культуры «Судьба» и научной картины мира.

Как было отмечено, все универсалии культуры, образуя систему, выполняет мировоззренческую функцию, несущую в себе целостный образ мира и место человека в нем. По нашему мнению, систематизатором разнородных знаний о мире в донаучный картину мира выступает смысловое ядро мирофологемы «Судьба», а в дальнейшем – универсалии культуры «Судьба», несущее в себе идеи порядка, закона, причины, необходимости и случайности, которое объединяет объективные знания о сущности мира, его устройстве, возможностях человека в отношениях с миром. В этом качестве смыслообразы универсалии культуры «Судьба» становятся предпосылкой развития теоретически-категориального каркаса философии, философских онтологий, которые в дальнейшем будет использовать зарождающаяся новоевропейская наука для построения своего категориального каркаса и научной картины мира.

Научное познание опирается на категориальный каркас, включающий такие понятия, как закон, причинность, необходимость, случайность, время, пространство, часть, целое и их соотношение, положенные в основание научных онтологий. В результате появились теоретические конструкты и категориально-понятийные схемы в понимании мира. Научная картина мира в определенной мере снижает абстрактный уровень этих онтологий, конкретизирует их прежде, чем они становятся онтологическим основанием для выделения и исследования объектов научного познания. Научная картина мира всякий раз содержательно формируется под влиянием открытий и подходов в исследовании разного рода объектов в условиях той или иной исторической формы научной рациональности¹. Таким образом, формирующаяся новоевропейская наука для построения своего категориального каркаса вбирает ключевые смыслы универсалии культуры «Судьба»: наличие закона в мире, соотношение необходимости и случайности, причинность.

Выявленные смысловые корреляции универсалии культуры «Судьба» и отношения «человек–мир» в механистической картине мира классической науки показывают определенную схожесть в мировоззренческой рамке в части понимания закона, причинности через установку жесткого детерминизма, образа реальности, высвечивающих место и отношение человека с миром. Можно выделить, по крайней мере, два основных этапа смыслового взаимодействия между универсалией культуры «Судьба» и научной картиной мира, следствием которых является порождение новых типов мировоззрения с соответствующими картинами мира (мировоззренческие «повороты»).

Механистически истолкованный образ природы в классической науке привел к вытеснению архаического душевно-духовного начала человеческого жизненного мира за счет его технократизации, замены органической среды существования человека на техноструктуру. Техническое превращается в универсальный все покоряющий фактор, направляющий все процессы и возможности, в том числе и саму науку, тем самым создает ситуацию, которую М. Хайдеггер определил как «забвение истины бытия» [11]. В механистической картине мира осуществляется первый мировоззренческий «поворот».

¹ Мы опирались на модель развития научной рациональности, разработанную В.С. Степиным (классическая, неклассическая, постнеклассическая).

В отношении человека с природой, с миром от единства к доминирующему, покоряющему отношению к природе. Познание природы стало означать власть над природой: подчинить себе, взять судьбу в свои руки. Жесткий детерминизм вселял уверенность во всемогущую науку, в ее способности на основе открытых законов делать надежные прогнозы и предсказания, что давало надежду (окончательно) решить проблему неопределенности будущего развития. Это не могло не отразиться на смыслах универсалии культуры «Судьба» в техногенной культуре. Наиболее значимые онтологические смыслы универсалии культуры «Судьба» воплотились в фундаментальных категориях науки: закон, причинность, необходимость, случайность, время. Концепт «судьба» остался в культуре как источник метафор, как почва для художественных образов в искусстве, с другой стороны, идея судьбы сохранила свое значение для интерпретации жизни отдельного человека, т.е. в качестве индивидуальной судьбы, где, лишившись онтособытийной основы, перешла в психологическую плоскость, что привело к возникновению феномена «кризиса судьбы» в постмодернистских философских интерпретациях.

Смысловое взаимодействие между универсалией культуры «Судьба» и научной картиной мира в то же время характеризуется влиянием на культуру со стороны науки, через научное мировоззрение, формирующееся на базе новых подходов и открытий науки. Смысловой обмен между универсалией культуры «Судьба» и научной картиной мира происходит в XX в. в новых историко-культурных, политико-экономических условиях, в которых социально-политическая нестабильность, экономический кризис, сциентизация, технизация, в том числе цифровизация стали ведущими факторами, которые чрезвычайно усилили темпы развития. Человеку все сложнее адаптироваться к новациям, он постоянно испытывает психологический дискомфорт и фрустрации. «Новая неопределенность», «текучая современность», «общество риска» – так характеризуются современная ситуация. Это обстоятельство позволяет констатировать, что концепт «судьба» не утрачивает, а, напротив, усиливает свою онтологическую значимость в современных условиях. Не случайно антропологически ориентированная философия и социогуманитарные науки обращают внимание в сторону концепта «судьба», делая его предметом исследования и раскрывая новые смыслы.

Была отброшена как иллюзия претензия классического естествознания на надежное долгосрочное прогнозирование развития. Научная картина мира, лежащая в основании теории нелинейности, способствует формированию новых смысловых коннотаций универсалий культуры, в том числе универсалии культуры «Судьба» (вероятностный детерминизм, имманентная случайность и т.д.).

Философы и социологи по-новому рассматривали место субъективной стороны феномена судьбы: было введено в научный дискурс понятие «судьбическая общность» [12] – это новый смысл универсалии культуры «Судьба», не отменяющий, но расширяющий прежний. Расширение смыслового поля концепта «судьба» идет от судьбы, понимаемой индивидуально, т.е. судьбы отдельного человека к судьбе сообщества. Судьба здесь предстает в единстве субъективного и объективного моментов, в единстве единичного и общего. «Судьбическая общность» есть одновременно и условие индивидуальной судьбы, и результат взаимодействия индивидуальных судеб. Если продолжить эту мысль, то возможно говорить о судьбе сообщества, которая

будет представлять результат взаимодействия индивидуальных судеб, результат – чаще всего неожиданный, непредвиденный, данный аспект отсылает нас к проблеме соотношения определенности и неопределенности, необходимости и случайности.

В охарактеризованной выше социокультурной обстановке и в русле философско-гуманитарной мысли рождается потребность в новой научной картине мира, объединяющей знания, полученные в естествознании и в социально-гуманитарных науках. Процесс формирования общей научной картины мира происходит на основе и под влиянием новых подходов и новых теорий, типичных для неклассической и постнеклассической науки. Основополагающими для нее являются принципы глобального эволюционизма, системности, самоорганизации, нелинейности. Полученные на их основе результаты образуют общенаучную картину мира, в которой эволюция природы и общества выступает как единый процесс развития нашей Вселенной, где человеческая активность может быть представлена как фактор, который формирует особую линию эволюции природы. Показано, что в современной научной картине мира отмечается трансформация в понимании причинности и закона в направлении отказа от механистической жесткой лапласовской трактовки к признанию их вероятностного характера. Это находит свое выражение в характеристиках причинности как «предрасположенности» (К. Поппер) [13], закона как «тенденции» (К. Маркс), закономерности как «тренда» (Н.С. Розов) [14]. На этих основаниях можно констатировать, что современный уровень развития науки и культуры позволяет по-новому подойти к интерпретации универсалии культуры «Судьба» в аспекте соотношения понятий определенности и неопределенности. Здесь следует отказаться от их предельных значений и остановиться на понятии «недоопределенность», так как прогнозы современной науки имеют относительный характер, они ограничены по масштабам и срокам.

Обогащение смыслового поля универсалии культуры «Судьба» идет по линии развития новых мировоззренческих установок, получающих подтверждение современного научного знания, позволяющих пересмотреть отношения человека с природой. Их можно охарактеризовать следующим образом: преодоление антропоцентризма в отношении человека к природе; диалогичность и ответственность; приоритет нравственно-этического контроля в отношении человека к природе.

Итогом рассмотрения векторов смыслового взаимодействия универсалии культуры «Судьба» и научной картины мира может выступать обоснование роли универсалии культуры «Судьба» как важного участника глубинной программы социального развития. Поскольку на примере универсалии культуры «Судьба» показана возможность синтеза традиционных представлений о мире и месте человека в нем с представлениями, формирующимися в контексте современного развития науки, показана многослойная структура универсалии культуры «Судьба» и механизм обновления смыслов под влиянием современного культурного контекста, доминирующим фактором которого выступает наука и формирующаяся под влиянием научного знания современная научная картина мира, задающая способы видения и исследования объектов и соответственно влияющая не только на общие представления о мире, но на способы взаимодействия человека с ним.

Список источников

1. Степин В.С. *Философия науки*. М., 2006. 384 с.
2. *Круглый стол «Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига»* 15 сент. 2023 г. // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига. М., 2023. С. 17–75.
3. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М., 2000. 383 с.
4. Бостром Н. *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
5. Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Шваб К., Маллере Т. *COVID-19: Великая перезагрузка*. Женева, 2020. 97 с. URL: <https://advokat-rostovdon.ru/wp-content/uploads/2021/01/covid-19-velikaja-perezagruzka.pdf> (дата обращения: 04.07.2021).
7. Талеб Н.Н. *Черный лебедь: под знаком непредсказуемости*. М.: КоЛибри, 2016. 736 с.
8. Степин В.С. *Философский анализ универсалий культуры* // Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 8–15. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/gumnauka/2011-01/3.pdf> (дата обращения: 02.07.2013).
9. Можейко М.А., Балцевич С.Я. *Судьба* // Новейший философский словарь. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 1003.
10. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации*. М.: ИФРАН, 1994. 273 с.
11. Хайдеггер М. *Вопрос о технике* // *Время и бытие*: статьи и выступления. М., 1993. С. 226.
12. Вахштайн В.¹ *Категория «сообщество судьбы» в социологии: Где пересекаются личная судьба и судьба общества?* М., 2017. URL: <https://postnauka.ru/video/75753> (дата обращения: 31.03.2020).
13. Поннер К. *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук*. М., 2008. С. 126.
14. *Новые парадигмы социального знания*. Новосибирск, 2013. С. 105–107.

References

1. Stepin, V.S. (2006) *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow: Gardariki.
2. Budanov, V.G. & Kiyashchenko, L.P. (eds) (2023) *Nauka i fenomen cheloveka v epokhu tsivilizatsionnogo Makrosdviga* [Science and the Phenomenon of Human in the Era of the Civilizational Macroshift]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. pp. 17–75.
3. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a Different Modernity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Bostrom, N. (2016) *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
5. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
6. Schwab, K. & Malleret, T. (2020) *COVID-19: Velikaya Perezagruzka* [COVID-19: The Great Reset]. Geneva: Forum. [Online] Available from: <https://advokat-rostovdon.ru/wp-content/uploads/2021/01/covid-19-velikaja-perezagruzka.pdf> (Accessed: 4th July 2021).
7. Taleb, N.N. (2016) *Chernyy lebed': pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Translated from English. Moscow: KoLibri.
8. Stepin, V.S. (2011) *Filosofskiy analiz universalii kul'tury* [Philosophical Analysis of Cultural Universals]. *Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 8–15. [Online] Available from: <http://www.intelros.ru/pdf/gumnauka/2011-01/3.pdf> (Accessed: 2nd July 2013).
9. Mozheyko, M.A. & Baltsevich, S.Ya. (2001) *Sud'ba* [Fate]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Interpresservis. p. 1003.
10. Stepin, V.S. & Kuznetsova, L.F. (1994) *Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoy tsivilizatsii* [Scientific Picture of the World in the Culture of Technogenic Civilization]. Moscow: RAS.
11. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. p. 226.

¹ На данный момент признан иноагентом.

12. Vakhshayn, V. (2017) *Kategoriya "soobshchestvo sud'by" v sotsiologii: Gde peresekayutsya lichnaya sud'ba i sud'ba obshchestva?* [The Category of "Community of Fate" in Sociology: Where Do Personal Destiny and the Destiny of Society Intersect?]. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/video/75753> (Accessed: 31st March 2020). (Currently recognized as a foreign agent).

13. Popper, K. (2008) *Evolutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk* [Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences]. Translated from German. Moscow: [s.n.]. p. 126.

14. Vinnik, D.V., Popkov, Yu.V., Rozov, N.S., Tyugashev, E.A., Tselishchev, V.V. & Shevchenko, A.A. (2013) *Novye paradigmy sotsial'nogo znaniya* [New Paradigms of Social Knowledge]. Novosibirsk: Manuscript-SIAM. pp. 105–107.

Сведения об авторе:

Бахтиярова Е.З. – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). Email: elenazbest@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bakhtiyarova E.Z. – senior lecturer, Department of Philosophy and Methodology of Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: elenazbest@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 20.02.2025;
approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научная статья

УДК 111.6

doi: 10.17223/1998863X/84/2

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИКИ

Елена Юрьевна Погорельская

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия, schreibigus@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9723-465X

Аннотация. Онтологический подход к технике предполагает рассмотрение ее как реальности особого рода. В статье выделяются сущностные признаки техники, обосновывается искривленный и плоский характер технической реальности, а также предположение о том, что основной смысл и цель создания технического мира связаны с преодолением ограничений и пределов человеческого существования.

Ключевые слова: онтология техники, преодоление границ, плоская искривленная онтология, целое

Для цитирования: Погорельская Е.Ю. Онтологические аспекты техники // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 13–22. doi: 10.17223/1998863X/84/2

Original article

ONTOLOGICAL ASPECTS OF TECHNOLOGY

Elena Yu. Pogorelskaya

Humanitarian University, Yekaterinburg, Russian Federation, schreibigus@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9723-465X

Abstract. The article discusses issues regarding the ontology of technology. The ontological approach to technology involves the identification of reality of a special kind. The captivity of the modern world is technical; the built-in technology as an equal component in any dialogue and human dependence on technology, its presence, on its serviceability indicate that modern civilization is immersed in the technical. But technology is not only technical objects, and not only technological processes that are akin to technical things. The article draws attention to the fact that with all the availability of technical objects, it is impossible to answer the question of what technology is. In the essence of technology there is a semantic unity that unfolds in time according to its potentials: the technical is produced, each time completing itself. Based on the study, the author concludes that technology is both a tradition and a logic built into tradition, and the implementation of a special being orientation, and the embodiment of a special kind. The article distinguishes essential features of technology, and also concludes about the special curved flat nature of technical ontology. The flat nature of ontology suggests that entities are not subordinated to a sustainable hierarchical subordination; the degree of influence and championship of a particular technical essence is determined situationally and depends on many random factors. The curvature of technical ontology lies in the fact that the individual nature of entities is no longer considered as an unshakable border, all kinds of restrictions are conditional, and entities of different nature can interact and combine, creating various alliances. People and machines are connected into sociotechnical ensembles and are connected by numerous relations with each other. Technology is both an attitude and a state. Every technical item can be represented through a function and through a connection. The world is filled with technical events that unfold through the interaction of entities of different naturals. The article formulates

a hypothesis that the main ideological task of the technical world is to overcome any restrictions and limits.

Keywords: ontology of technology, overcoming boundaries, flat curved ontology, the whole

For citation: Pogorelskaya, E.Yu. (2025) Ontological aspects of technology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 13–22. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/2

Введение

Авангардный характер технических новаций заставляет признать, что новые технологии – это место открытого развития, где нет четких правил, не зафиксированы законы и права, где объективная и разносторонняя оценка является проблемой. Х. Бек пишет, что «сущность техники является чем-то техническим в том смысле, что лежит в основе всех явлений и предметов, вместе взятых, и потому имманентна им; сущность – именно то, что делает их техническими» [1. С. 172]. По сути, здесь ставится вопрос об онтологическом основании технического мира. В решении этой задачи мы, опираясь на современный подход, выраженный ярче всего в акторно-сетевой теории Б. Латура [2] и плоской онтологии М. Деланда [3], предлагаем свою концепцию техники как особого региона бытия.

Плоская искривленная реальность как техническая модель мира

В технической модели природы Рене Декарта различие между живым и мертвым телом условно. Можно сказать, что разница между живым и неживым аналогична разнице между работающим и испорченным механизмом. Декарт в своей работе «Страсти души» пишет: «...заметим, что смерть никогда не наступает по вине души, но исключительно потому, что разрушается какая-либо из главных частей тела; и мы рассудим так: тело живого человека отличается от такого же тела мертвеца, как часы или другой автомат, когда они, будучи заведены, имеют материальный принцип соответствующего движения и все то, что требуется для движения, – и те же часы или иной механизм, когда они распались и начало их движения отказывается служить» [4. С. 143]. Идея о том, что природа – это конструкция, сохраняется по сей день. Наука и сейчас стремится выявить, из каких элементов составлена эмпирическая реальность и какие принципы лежат в основе связей между выявленными элементами, как будто мы находимся внутри гигантской запутанной машины. Сущности, из которых она состоит, «втыкаются друг в друга» как пазлы, важно понять природы этих сущностей и принцип их взаимодействия, тогда, во-первых, мы поймем природное целое и, во-вторых, сможем эффективно его перестраивать.

Техническая модель мира предполагает, что сущности, из которых состоит реальность – взаимодополняемы. Это означает, что при всей разнообразности природ этих сущностей их отношения возможны, если найти какое-либо общее уравнивающее, объединяющее эти сущности свойство. В идеале техническая модель мира предполагает плоскую искривленную онтологию. Идея «плоской онтологии» взята у Мануэля Деланда, который считает, что такая модель универсальна и годна для описания любой эмпириче-

ской реальности. Деланда полагает, что «одним из преимуществ плоской онтологии индивидуальных сущих является то, что все различные социальные акторы, индивиды, институты, города и т.д. могут рассматриваться как сосуществующие в одном онтологическом плане и тем самым способны взаимодействовать друг с другом, несмотря на то, что каждый из них подчинен собственному историческому ритму» [3. С. 51–52]. Новые технологии появляются в «старом мире», который заполнен другими артефактами, и техническим новинкам необходимо встраиваться и адаптироваться под уже сложившиеся цепи отношений, изменяя их своим присутствием, навязывая миру свою новую логику. Обращаем внимание, что универсальность модели плоской онтологии распространяется только на реальность, в которой техническое присутствует в качестве элементов реальности, а также является основным принципом связей внутри сущего, т.е. техническое реализуется и как сущность, и как связь. «Самолет – это всего лишь груды металла. Реальный объект – это не просто груды металла с крыльями, а груды металла плюс вся дифференцированная система отношений, которая поднимает ее в воздух» [5. С. 87–88]. Всякий технический предмет ведет к человеческим отношениям. В *плоских онтологиях статус сущего становится одинаковым*, будь то уровень клетки, живого организма, личности, города, биосферы. Естественно спросить: как это новое целое связано? Техническое мировосприятие операционально, вся глубина опыта взаимодействующих объектов глубоко спрятана в их внутреннюю сложность, и, как следствие, мы видим технически плоский мир. Но *техническая онтология искривлена*, поскольку связи разнообразны, «два объекта могут быть соединены в более масштабную машину, если проделана надлежащая работа по их сближению и найдены способы их соединения. Рассказы Кафки могут быть связаны с Фомой Аквинским или музыкой «Нирваны», хотя понадобится изрядная изобретательность, чтобы удержать связь» [6. С. 22]. Связность элементов осуществляется не по принципу иерархической соподчиненности, а по принципу возможного протекания/перетекания ресурсов. Техническая связь – *ресурс-ориентированная связь*. Любой выбранный элемент такой онтологии силен именно своей связью с другими. В модели плоской онтологии предполагается, что чем большее количество связей поддерживает элемент, чем интенсивнее и активнее ход протекаемых реакций, тем более элемент технически ориентированного мира функционален и силен. На самом деле количества и интенсивности связей для понимания статуса и характера выделенного элемента недостаточно. Техническая онтология *включает в себя временной фактор*. Статус любого элемента, взаимодействующего внутри технических отношений, – *временный*. Технический элемент и технические отношения историчны, они возникают при определенных обстоятельствах, «делают свое дело» и исчезают. Они принципиально фрагментарны. Можем ли мы поставить вопрос: а существуют ли иные онтологические состояния и сущности в техническом мире, которые техническим миром не улавливаются? Что исключено из технического мира? Плоская онтология не включает трансцендентные сущности, она касается только эмпирического мира, она материалистична. Бог из технических отношений исключен как ненадежный помощник, благодать нельзя контролировать – *концепция «контроля»* присуща техническому миру обязательно.

Новый смысл понятия целого в технической онтологии

Традиционная логика предполагает, что целое больше, чем совокупность элементов, его составляющих: объединение элементов в целое дает системе новые свойства. Например, атом золота, казалось бы, носит сущностные свойства металла золота, но говорить о температуре плавления на уровне одного атома мы не можем, ее просто нет. Для того чтобы возникла температура плавления, необходимо, чтобы атомов золота было достаточное минимальное количество, кластер. Именно тогда, при образовании целого, мы сможем найти в золоте физические свойства металла – плавление, теплопроводность, электропроводность и технологические свойства – ковкость, текучесть, свариваемость и т.д. То есть целое больше совокупности взаимодействующих элементов, из которых оно состоит, целое в результате связности элементов приобретает новые свойства. При всей очевидности примата целого над частями, именно внутри технической онтологии возникает идея революции как низвержения стабильного и уверенного целого, как идея трансформации, как идея активности рядового на первый взгляд элемента.

Целое становится на одну ступень с любой своей частью, подчиняясь ей, утрачивая свою онтологическую гегемонию. К примеру, всякий знает, что больной орган человеческого тела может перетянуть на себя все физиологические процессы, заставить целое учитывать свою «больную» логику. Сразу обратим внимание, что, когда мы говорим о техническом, мы не имеем ввиду только неживые объекты, техническое – это не только техника в традиционном смысле этого слова. Техническое отношение и технические состояния распространяются на все, в каком-то смысле после Декарта можно считать, что техническое тотально. В техническое целое могут соединяться сущности различных природ и времени существования. Здесь важно, какая из этих технических связей будет сильнее, какая выдержит и не разорвется, не сломается, «не предаст», а живая она или не живая, социальная или механическая – значения не имеет. Каждый индивидуальный элемент такой плоской онтологической системы имеет свое время жизни, а значит, свою историю. Именно *историчность элементов / атомарных индивидов* делает их реальными, каждого со своей историей, своей судьбой. Обычно агломерации, которые образовались в результате объединения элементов, занимают большую пространственную протяженность, чем сами элементы. Техника сильна включенностью в разного рода отношения. Б. Латур пишет: «В руках женщины пестик – это инструмент, с ним она сильнее, чем когда действует голыми руками, с его помощью она может растереть зерно. Однако, если связать жернов с деревянной рамой, которая, в свою очередь, связана с крыльями мельницы, вертящимися от ветра, получится машина, ветряная мельница, и в руках мельника оказывается соединение сил, намного превосходящих человеческие» [7. С. 210].

Устранение примата целого над частями обременено рядом следствий. Во-первых, происходит «падение» понятия субстанции. Детали машины – псевдосубстанции. Во-вторых, мы перед собой имеем мир коллективов и ансамблей, в которых союзы взаимозависимых сущностей образуются под задачу. Это всегда новый мир, «свежий» и неповторяющийся, отличающийся высокой долей прагматизма и цинизма, поскольку при желании связать мож-

но все. Безусловно, целостности подобного рода нестабильны и легко распадаются. Более всего в таком *технически организованном мире частичных сущностей и псевдосубстанций* встает вопрос: что является объединяющим ресурсом? Что осуществляет связь? Ведь для поддержания технических отношений обязательно должна быть энергия, особенно если учесть, что техническая онтология имеет явную тенденцию к постоянному продлению. Мы можем наблюдать лихорадочную гонку роста новых технологий и технических вещей, оборотной стороной которой является устаревание техники, смерть технических «еще годных» вещей из-за их морального износа, либо превращение старых технических вещей в забаву, в своего рода игрушки. Техника в старости «впадает в свое детство». Она перестает выполнять прагматические и статусные функции и сохраняется только в домах романтиков в качестве диковинки и «ключа» от воспоминаний. *За счет включения человеческого в разветвленный технический мир плоская онтология технического становится искривленной.* К рафинированной рациональности машины добавляются нерефлективные человеческие желания. Ж. Делез и Ф. Гваттари в своей знаменитой работе «Капитализм и шизофрения» [8], описывая технические взаимодействия, в которые погружен весь мир «вместе с потрохами», вставляя человека телесного в самую гущу технических связей, говорили, что именно человек является тем неисчерпаемым ресурсом желания, который энергетически питает все существо техносферы. По сути, техническая истина – это не оседание, а возрастание, потому что это манифестация жизни. Частичность и неосознанность желаний проецируется вовне частичными техноподобными ассамбляжами, в которые человек встроен своим индивидуальным «хочу», с одной стороны, и цепью разветвленных, уводящих вдаль, сообщающихся технических магистралей и станций – с другой. Эта идея по-своему отражена в работе Ж. Бодрийяра «Симулякры и симуляция» [9] и красиво проявлена в фильме Вачовски «Матрица» (1999). Желания и потребности имманентны человеческой природе. Человек «распят» на своих желаниях, которые дробятся и множатся, и техника в этом аспекте является некоей репрезентативной карточкой особого присутствия человека здесь, в бытии. Осколочность человеческого присутствия продлевается и поддерживается системой технических вещей, имеющей свое распространение на тело и повседневность.

Открытая целостность технического бытия предполагает, что мир всякий раз творится заново, и в существе техники мы имеем дело с бесконечным предметом. Рост технических новаций свидетельствует о том, что в их основе находится бесконечное основание. «Контраст между конечностью и бесконечностью проистекает из фундаментального метафизического положения, что каждая сущность предполагает бесконечный набор перспектив, любая из которых выражает конечные характеристики той или иной сущности. И никакая конечная перспектива не позволяет сущности освободиться от ее тесного отношения со всеобщностью» [10. С. 304]. Именно бесконечное основание задает активное творение технического факта.

Технические акторы и агенты сменяют субстанции

Классическая модель иерархически устроенного мира предполагает, что субъект активен, а объект пассивен. По сути, субъектом может быть только

отдельный человек или любая общность людей. Но для технической онтологии такое иерархическое устройство мира оказывается обычным просвещенческим предрассудком о господстве человека над миром. *Вещи мира так же активны*, так же имеют возможность влияния, как и любой сознательный индивид. Истоки такого технического отношения мы находим уже в Античности, когда возникает представление, что природа вещи ставит перед мастером определенный барьер; суть этого барьера в том, что некоторые операции, преобразования с вещью можно делать, а некоторые нет, природа вещи не позволяет делать с вещью все что угодно. Например, природа воды не позволяет построить из нее лодку, а природа дерева позволяет. Активность природы вещи проявляется в способности ставить барьеры, и мастер вынужден познавать природу вещи и оттачивать свое мастерство, учитывая определенные условия, которые диктуются вещью. Соппротивление вещей толкает мастера к пониманию мира. *Техническая плоская онтология четко указывает, что вещи активны*, организуют процессы и оказывают влияние в мире на равных с любым сознательным существом или общностью людей. И нелюди, и люди – акторы. Основное свойство актора – способность оказывать влияние. «Задумайся о вещах – и придешь к людям. Задумайся о людях – и самым этим фактом уже окажешься заинтересованным вещами. Стоит положить глаз на твердые неизменные вещи, и они становятся мягкими, гибкими, человеческими. Обрати взгляд на людей – и наблюдай, как они превращаются в электрические цепи, автоматические устройства, программный код. Мы не можем даже четко определить, что делает одних людьми, других – техникой, однако мы не можем точно задокументировать их модификации и замещения, их перестроения и союзы, делегирования и репрезентации», – пишет Б. Латур [11. С. 169]. Очевидно, что техническое – не проведение силы человека, а проведение силы на равных с человеком. Мосты и тоннели соединяют берега и страны, заставляют людские потоки двигаться в определенном месте и задают направления. Ключи и коды открывают квартиры, дают доступ к необходимым ресурсам. С микробами «можно договориться» при помощи вакцин. *Техническая онтология стремится уравнивать все сущности. Эта онтология находится в основании не только технических вещей, она формирует техноподобные отношения*, смысл которых в том, что сущности мира равны, статус их временный и зависит от степени и интенсивности появления влияния.

Техника и границы миров

Если встать на позицию восприятия мира античным сознанием, то граница между живым и неживым является непроходимой. Аристотель считает, что душа отвечает за возможность быть живым, она задает определенный онтологический статус живому. Например, для Аристотеля живое тело определяется наличием у него души: растительной, животной, разумной. В работе Аристотеля «О душе» говорится, что душа является целевой причиной, энтелехией живого тела, задающей телу определенную логику развития. Таким образом, из куриного яйца с необходимостью появится цыпленок, но не утенок и не лебедь. В течение жизни цыпленок постепенно становится петухом или курицей, тем самым реализуя потенции своей куриной души. По Аристотелю, невозможно перепрыгнуть барьер, отличающий цыпленка от утенка, и

всякое живое существо на протяжении жизни стремится стать самым лучшим, совершенным вариантом себя. Иерархичность мира – одна из особенностей античной онтологии. Всякое движение и изменение, происходящее в мире, по замыслу Аристотеля, ведет к Богу, занимающему лучшее место и влекущему к себе своим совершенством любое существо или вещь: невозможно реализовать чужое предназначение, каждая вещь или существо находится на пути к Богу, но исключительно на своем пути.

Декарт выделяет для человеческой души особый регион бытия. В онтологии Декарта живое не обязательно одушевлено. Душа имеет отношение к мышлению, а не к жизни. Живая материя организована более сложным способом, чем неживая, но она подчиняется также определенным законам природы, которые доступны для понимания и, следовательно, дают основание предполагать и ожидать искусственных живых конструкций. Поскольку живое тело – это естественный автомат, то его при особых знаниях и умениях возможно создать. Живое подобно неживому. Технологический взгляд на природные процессы позволил новоевропейским ученым сравнивать Вселенную с механическими часами, заведенными Богом и работающими по программе совокупных природных законов. Между живыми неживым граница условная.

Исключенная плоская онтология технической реальности предполагает, что барьеры, существующие между природой различных вещей, возможно преодолеть.

В биологическом знании XIX в. появляется клеточная теория Т. Шванна и М. Шлейдена, которая устраняет границы между растительными и животными клетками, сводя все многообразие живого мира к единой структурной единице – живой клетке как таковой.

В теории эволюции Чарльза Дарвина устраняется барьер между различными видами живых существ, а все многообразие жизни на Земле сводится к единому корню возникновения жизни – живой протоклетке. Получается, что виды непостоянны и грань между ними условна. Теории А. Опарина и Дж. Холдейна сводят возникновение жизни к химической эволюции неживого вещества. Их концепции побудили Стенли Миллера в 1950-х гг. провести ряд лабораторных экспериментов по получению в искусственных условиях живой материи. В результате исследований Миллер из простых химических веществ, таких как аммиак, вода, водород и «искра» (электрический разряд), получил некоторые аминокислоты, являющиеся структурными компонентами белков. Хотя С. Миллер не создал «живую клетку», тем не менее стало понятно, что биотехнологии будут двигаться в сторону создания искусственной жизни. Техническое сознание относится к миру как к конструктору. *Зная природные закономерности, можно разобрать любую вещь до технических атомов – минимальных единиц – и постараться найти или сконструировать заменяемую им искусственную аналогию, копию.* «Главной отличительной чертой таких технологий должна быть их максимальная близость к естественным, природным процессам, способность включаться в их единство и взаимосвязи... Сегодня развитие науки достигло такого уровня, когда путем конвергенции наук и технологий стало возможным не просто моделировать, а конструировать, создавать природоподобные системы» [12. С. 7], – пишет М.В. Ковальчук. Киборгизация различных природ, соединенных в едином

существо, позволяет говорить о снятии барьеров между естественным и искусственным, уникальным и скопированным, прошлым и будущим. Н.В. Бряник в работе «От классики к постнеклассике» замечает, что «принцип относительности, который отличает неклассическую биологическую науку, заключается в относительности живого и косного вещества, их взаимозависимости и взаимопереходах» [13. С. 199]. Техническая реальность современного мира формирует новые связи и ситуации, устанавливает сотрудничества и союзы, которые раньше считались прерогативой фантазии. Научно-техническое мышление стремится преодолеть границы, поставленные естественным существованием человека, чтобы на основе своих знаний и воли преобразовать действительность под собственный запрос.

Заключение

В статье выделяются сущностные признаки техники, а также сделан вывод об особом искривленном и плоском характере технической реальности. Плоский характер онтологии предполагает, что технические сущности не *подчинены* устойчивому иерархическому *контакту*, степень влияния и первенства конкретной технической сущности определяется ситуативно и зависит от множества случайных факторов. Искривленность технической онтологии заключается в том, что индивидуальная природа сущностей более не рассматривается как незыблемая граница, всякие ограничения условны, и сущности разных природ могут взаимодействовать и сочетаться, создавая различные альянсы. Люди и машины соединяются в социотехнические ансамбли и связаны многочисленными отношениями друг с другом. В технической реальности формируется новый смысл понятия целого. Целое утрачивает свое преимущество и власть над своими структурными единицами. В зависимости от ситуации в технических взаимодействиях роль основного решающего агента может взять на себя любой элемент технической реальности, это зависит от того, какая из технических связей будет сильнее и выносливее, через какой канал пойдут основные типы контактов и согласований. Мир наполнен техническими событиями, которые разворачиваются через взаимодействие сущностей разных природ. Именно разнообразие природ, формирующих технические альянсы, задает искривленную онтологию, совмещает несовместимое за счет уловок (*techne*), инженерных хитростей. Таким образом техническая реальность изначально имеет склонность к киборгизации и заменяемым копиям.

Таким образом, в статье формулируется вывод, что основная идейная задача технического мира – преодоление любых ограничений и пределов.

Список источников

1. Бек Х. Сущность техники // Философия техники в ФРГ / сост. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна, В.Г. Горохова ; ред. Н. Игнатовская, В. Леонтьев. М. : Прогресс, 1989. 528 с. С. 172–190.
2. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
3. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. № 3 (27). С. 35–56.
4. Декарт Р. Сочинения Декарта / Р. Декарт ; Н.Н. Сретенский ; предисл. И.И. Ягодинского. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1914. Т. 1: Начала философии. Разыскание истины. Страсти души. Из переписки с принцессой Елизаветой. 260 с. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=427302> (дата обращения: 12.03.2023).

5. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. № 3 (27). С. 83–112.
6. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. № 3 (27). С. 1–34.
7. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2017. 320 с.
10. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 718 с.
11. Латур Б. Берлинский ключ, или как делать слова с помощью вещей // Логос. 2017. № 2 (27). С. 157–170.
12. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцшишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.
13. Бряник Н.В. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа. М. : Академический проект, 2021. 373 с.

References

1. Beck, H. (1989) *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of Technology in the FRG]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 172–190.
2. Latour, B. (2018) *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [Politics of Nature. How to Bring Democracy to the Sciences]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem Press.
3. DeLanda, M. (2017) Novaya ontologiya dlya sotsial'nykh nauk [A New Ontology for the Social Sciences]. *Logos*. 3(27). pp. 35 – 56.
4. Descartes, R. (1914) *Sochineniya Dekarta* [Works of Descartes]. Vol. 1. Kazan: Imperial University. [Online] Available from: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=427302> (Accessed: 12th March 2023).
5. Erofeeva, M. (2017) Aktorno-setevaya teoriya: ob"ektno-orientirovannaya sotsiologiya bez ob"ektov? [Actor-Network Theory: Object-Oriented Sociology without Objects?]. *Logos*. 3(27). pp. 83–112.
6. Harman, G. (2017) Seti i assamblyazhi: vozrozhdenie veshchey u Latura i Delanda [Networks and Assemblages: The Revival of Things in Latour and DeLanda]. *Logos*. 3(27). pp. 1–34.
7. Latour, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers Inside Society]. Translated from French. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
8. Deleuze, J. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
9. Baudrillard, J. (2017) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Translated from French. Moscow: Postum.
10. Whitehead, A. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
11. Latour, B. (2017) Berlinskiy klyuch, ili kak delat' slova s pomoshch'yu veshchey [The Berlin Key, or How to Make Words with Things]. *Logos*. 2(27). pp. 157–170.
12. Kovalchuk, M.V., Naraykin, O.S. & Yatsishina, E.B. (2013) Konvergentsiya nauk i tekhnologiy – novyy etap nauchno-tekhnicheskogo razvitiya [Convergence of sciences and technologies – a new stage of scientific and technological development]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 3–11.
13. Bryanik, N.V. (2021) *Ot klassiki k postneklassike: etapy razvitiya nauki sovremennogo tipa* [From classics to post-non-classics: Stages of development of modern science]. Moscow: Akademicheskii projekt.

Сведения об авторе:

Погорельская Е.Ю. – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Российская Федерация). ORCID: 0000-0002-9723-465X, E-mail: schreibigus@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pogorelskaya E.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Humanitarian University (Yekaterinburg, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-9723-465X, E-mail: schreibigus@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 17.04.2025*
*The article was submitted 13.03.2023;
approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научная статья

УДК 165.41

doi: 10.17223/1998863X/84/3

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СКЕПТИЦИЗМА В ОТНОШЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ В КАТЕГОРИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ПРАГМАТИКИ

Михаил Алексеевич Смирнов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

*Московский институт психоанализа, Москва, Россия
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,
mikhailsmirnov84@gmail.com*

Аннотация. Показаны возможности использования категорий языковой прагматики для анализа проблемы скептицизма относительно значения («проблемы Крипке»). Осуществлен критический анализ предложенной Е.В. Борисовым с опорой на идею В.А. Ладова аргументации против скептицизма, апеллирующей к перформативному противоречию, усматриваемому в скептическом дискурсе. Обращение к разграничению локуции, иллокуции и перлокуции позволило в новой перспективе проанализировать проблему скептицизма относительно значения, поставив вопрос: о каком значении идет речь – локутивном, иллокутивном или перлокутивном?

Ключевые слова: аргумент от перформативного противоречия, контраргумент от скептической иллокуции, перформативность, проблема Крипке, речевые акты, скептицизм относительно значения

Благодарности: статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор благодарит Г.А. Золоткова и А.Ю. Моисееву за интересное и плодотворное обсуждение идей, легших в основу этой работы.

Для цитирования: Смирнов М.А. Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 23–33. doi: 10.17223/1998863X/84/3

Original article

AN ANALYSIS OF THE PROBLEM OF SCEPTICISM REGARDING MEANING IN TERMS OF LINGUISTIC PRAGMATICS

Mikhail A. Smirnov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, mikhailsmirnov84@gmail.com*

Abstract. In this work, I show the perspectives revealed for an analysis of the problem of scepticism regarding meaning (“Kripke’s problem”) using the categories of linguistic pragmatics (*performativity*, the distinction of *locution*, *illocution* and *perlocution*). I provide a critical analysis of the argumentation against scepticism proposed by Vsevolod A. Ladov and Evgeny V. Borisov, who appeal to performative contradiction ascribed by them to sceptical

discourse. With extrapolation of this style of argumentation to the discussion of scepticism in general, I show its vulnerability in light of the counter-argument from sceptical illocution proposed in the present work. Taking into account the polemic discussion spread out around the “straight solution” in the literature, I point out that knowledge of meaning by introspection, postulated by Borisov, should be understood as a performative establishment of meaning in individual speech acts (thus, the notion of performativity arises once again in his argumentation). I propose and substantiate the opinion that the appeal to such performativity is not a full-aspect solution for the problem. Addressing the distinction of locution, illocution and perlocution allows analysing the problem of scepticism regarding meaning in a new perspective, posing the question: What aspect of meaning – locutive, illocutive or perlocutive – is concerned? I propose and explicate the hypothesis that objectivity and stability of meanings is maintained by the perlocutive aspect of speech; that does not exclude relativity and fluidity of reconstruction of meanings in the illocutive aspect.

Keywords: argument from performative contradiction, counter-argument from sceptical illocution, performativity, Kripke’s problem, speech acts, scepticism regarding meaning

Acknowledgments: The article was prepared in the course of work within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE). The author thanks G.A. Zolotkov and A.Yu. Moiseeva for an interesting and fruitful discussion of the ideas that formed the basis of this work.

For citation: Smirnov, M.A. (2025) An analysis of the problem of scepticism regarding meaning in terms of linguistic pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 23–33. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/3

Введение

Проблема скептицизма относительно значения – одна из центральных проблем в современной философии языка и эпистемологии. В ряде недавних работ ее анализ связан с применением категориального аппарата языковой прагматики, а именно понятия перформативности. В настоящей статье мною критически проанализирован тот способ, которым понятие перформативности было использовано для аргументации против скептицизма. Кроме того, рассмотрена проблема скептицизма относительно значения в более широкой перспективе языковой прагматики при обращении к разграничению локуции, иллокуции и перлокуции.

Аргумент от перформативного противоречия против скептицизма

В работах В.А. Ладова [1] и Е.В. Борисова¹ [2] фигурируют аргументы против скептицизма, основанные на усмотрении перформативного противоречия в скептическом дискурсе. Эти аргументы приводятся в контексте обсуждения проблемы скептицизма относительно значения. Для того чтобы подойти к вопросу аналитически, имеет смысл вначале разобраться, как выглядит подобный аргумент, если он используется для атаки на скептицизм в целом, без специального внимания к проблеме значения.

Если мы не являемся скептиками, то для нас характерно стремление (в некоторых случаях) использовать предложения нашего языка для высказывания утверждений о реальности, рассматривая их как истинные. Будем называть совокупности (конъюнкции) таких утверждений *теориями* (вклю-

¹ В явном виде к понятию перформативного противоречия обращается Борисов, однако в работах Ладова мы также, по сути, его встречаем.

чая как предельный случай теории, состоящую из единственного атомарного утверждения).

Позиция скептика в общем случае подразумевает невозможность или бесполезность делать какие-либо истинные утверждения (и, таким образом, формулировать какие-либо теории).

Под перформативностью в лингвистике и философии языка обычно понимается такое употребление предложений, посредством которого учреждаются некоторые новые реалии, осуществляется некоторое действие, например «Я вызываю Вас на дуэль» или «Я нарекаю этот корабль „Королем Карлом“». Понятие перформативности было артикулировано Дж. Остином в [3]. Под перформативным противоречием в работе Е.В. Борисова, по всей видимости, подразумевается такое употребление предложения, которое само осуществляет или влечет действие, противоречащее содержанию этого предложения.

Как же сформулировать аргумент против скептицизма, который можно будет охарактеризовать как аргумент от перформативного противоречия? Для этого нужно объединить изложенные выше соображения с допущением, что скептик рассматривает свою позицию как некоторую теорию, включающую как минимум одно истинное утверждение (а именно утверждение о невозможности делать какие-либо истинные утверждения). Тогда получается, что, отрицая на словах такую возможность, он посредством тех же самых слов ее реализует, вступая в перформативное противоречие с самим собой. Исходя из этого, можно заключить, что позиция скептицизма, столь неизбежно влекущая противоречие, неверна.

Этот аргумент в той или иной форме встречается в философской литературе. Здесь можно привести рассуждение В.А. Ладова из книги «Иллюзия значения»: «Если скептическое решение... придерживается... основ рациональной деятельности вообще, то при позиционировании своего тезиса как истинного оно вступает в противоречие с его содержанием... Если же оно, будучи до конца последовательным, соглашается и со своей собственной релятивностью, то... не допускает осуществление какой-либо рациональной теоретической деятельности» [1. С. 255]. В подобном смысле Х. Патнэм говорит о «самоубийстве» релятивиста, см. анализ его позиции в [4. С. 129].

Контраргумент от скептической иллюзии

Для того чтобы увидеть уязвимость аргумента от перформативного противоречия в адрес скептицизма, обратимся к теории речевых актов, сформулированной Дж. Остином в [3]. По его мысли, конкретное употребление некоторого предложения в речи включает три аспекта: локуцию (или локутивный речевой акт), иллокуцию (или иллокутивный речевой акт) и перлокуцию (или перлокутивный речевой акт). *Локуцию* можно определить как значение предложения самого по себе, без учета обстоятельств и целей, при которых оно употребляется. Например, предложение «Я вызываю Вас на дуэль», по всей видимости, обладает некоторым инвариантом значения, независимым от указанных факторов. *Иллокуция* – значение предложения как способ его употребления, образуемый обстоятельствами или намерениями агента речи. Например, предложение «Я вызываю Вас на дуэль» может употребляться: 1) чтобы реально вызвать кого-то на дуэль; 2) в театральной поста-

новке; 3) как шутка; 4) чтобы расписать шариковую ручку; 5) во сне и т.д. Под *перлокуцией* подразумевается тот практически-направленный эффект на рецепиента (могущий затрагивать его чувства, мысли и действия), который оказывается употреблением предложения. Например, предложение «Я вызываю Вас на дуэль» может быть воспринято рецепиентом как вызов на реальную дуэль и повлечь соответствующие чувства, мысли и действия с его стороны.

Аргумент от перформативного противоречия основывается на допущении, что утверждение тотального скептика представляет собой иллюкутивный акт того же характера, что и иллюкутивные акты нескептиков, предназначенные для выражения утверждений о реальности, рассматриваемых как истинные.

Возможно, в некоторых случаях тотальные скептики действительно понимают свое высказывание таким образом, тем самым впадая в противоречие. Однако их речевой акт может носить и другой иллюкутивный характер. Этот акт может не быть направлен на формулировку теории, выражающей некоторую истину, и поэтому не вступать в противоречие с позицией тотального скептицизма. Последнюю в таком случае не следует рассматривать как теорию; можно охарактеризовать ее как *квазитеорию*.

Вначале этот контраргумент может показаться софистическим. Может возникнуть вопрос: чем же занимается скептик, если не формулирует некоторую теорию? Однако в том-то и дело, что позиция тотального скептицизма должна быть понята глубже (что необязательно влечет ее принятие) – именно как отказ от формулирования каких-либо теорий о реальности. При этом любые предложения, локутивно эквивалентные утверждениям, могут использоваться в другом иллюкутивном модусе. Например, тотальный скептик может понимать любые свои высказывания как шутку или театральную постановку либо даже как пустые колебания воздуха или бессмысленную рябь букв.

Будем называть характерный для тотального скептика режим речи *скептической иллюкуцией*. Изложенный здесь контраргумент будем называть (*контр*)*аргументом от скептической иллюкуции*.

Важно отметить, что речь в режиме скептической иллюкуции необязательно рассматривать как бесцельную и бездейственную. Вряд ли кто-то будет оспаривать, что театральная постановка или художественный текст могут оказывать на рецепиента определенное действие, иногда – менять его мировоззрение. Подобным образом нам не следует исключать такую возможность и для скептической иллюкуции. Выражение теории и нацеленность на изменение мировоззрения рецепиента – это не одно и то же, и второе не обязательно достигается за счет первого. Таким образом, нельзя отвергать возможность для скептика влиять с помощью высказываний на мышление людей и при этом не стремиться высказать теорию.

Проблема скептицизма в отношении значения и подходы к ее решению

Проблема скептицизма в отношении значения сформулирована С. Крипке с опорой на идеи Л. Витгенштейна (точное соотношение между позициями этих двух мыслителей является предметом обсуждения, на котором я не буду здесь останавливаться подробно).

Витгенштейн в «Философских исследованиях» [5] сформулировал проблему следования правилу. Она состоит в том, что любая последовательность действий может быть подведена под неограниченное число правил. Поскольку значение в контексте витгенштейнианства понимается как употребление, а интерпретация – как распознавание правила употребления, то проблема следования правилу оказывается почвой для скепсиса в отношении значения и интерпретации.

Проблему следования правилу можно считать частным случаем юмовского «скептицизма» в отношении индуктивного установления номологических причинно-следственных связей. По мысли Юма, следование одного явления за другим в опыте, сколь бы многократно мы ни наблюдали последовательность, никогда не может быть достоверным основанием для утверждения, что эта последовательность имеет необходимый характер и с необходимостью будет повторяться в будущем.

Крипке в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [6] предложил развернутую интерпретацию мыслей Витгенштейна, используя в качестве примера значение термина «плюс» (англ. *plus*). Мы склонны считать, что этот термин обозначает операцию сложения, характер которой хорошо известен каждому (или почти каждому) с детства. Допустим, ранее мы неоднократно использовали термин «плюс» и получали результат, соответствующий обычной операции сложения; однако мы использовали этот термин только при обращении с аргументами, меньшими 57. Какой ответ мы должны получить, применив данный термин в качестве оператора с аргументами 57 и 68? Возможно, читатель подумает, что это простой вопрос и ответ на него – 125. Это было бы так, если бы у нас была гарантия, что при употреблении термина «плюс» мы подразумеваем именно операцию сложения. Однако, по мысли Крипке, такое предположение ничем не гарантировано. Ведь наше употребление данного термина в прошлом совместимо с разными правилами. Одно из возможных правил – употребление его для обозначения сложения. Однако возможно и другое – употребление его для обозначения операции *квожение*, результат которой тождествен результату сложения при аргументах менее 57, а в остальных случаях равен 5. (Можно придумать также неограниченное количество других возможных правил.) По мнению Крипке, наши прошлые употребления термина «плюс» не дают информации для достоверного выбора между этими вариантами; ведь, скажем, наша нынешняя уверенность в том, что мы подразумевали тогда именно сложение, может быть результатом приема психотропных веществ. Более того, Крипке полагает, что и при употреблении термина в настоящий момент имеет место та же ситуация. По его мысли, нет никакой принципиальной разницы в этом отношении между употреблениями терминов в прошлом и настоящем.

Е.В. Борисов считает, что тем самым в работе Крипке предложены две разные версии скептицизма относительно значения: 1) *ограниченный скептицизм*: «...фактов речевого поведения агента в прошлом недостаточно для выявления значения, которым агент наделял в прошлом слово „сложение“» [2. С. 25]; 2) *тотальный скептицизм*: «...для любого агента, любого выражения и любого речевого акта не существует фактов, которые позволяли бы однозначно установить значение, которым данный агент наделяет данное выражение в данном речевом акте» [2. С. 26].

По мнению Борисова, ограниченный скептицизм сводится к тезису о недоопределенности эмпирических теорий фактами (см.: [7]) и не представляет специального интереса. Тотальный же скептицизм опасен, поскольку «ставит под вопрос само существование речи» [2. С. 26].

Еще одна дихотомия, выделяемая в контексте проблемы Крипке, – различие двух типов подходов к ней: 1) *прямое решение* – демонстрация того, что скептицизм относительно значения некорректен; 2) *скептическое решение* – признание корректности скептицизма и при этом демонстрация его совместимости с существованием речи.

В.А. Ладов в [1, 8] предлагает подход к проблеме, который он называет *умеренным решением*. По его мысли, нам пока не удастся напрямую обосновать возможность достоверного знания значения, однако обратный тезис скептицизма абсурден и потому не может быть принят [1. С. 309].

Таким образом, «умеренное решение» В.А. Ладова представляет собой в некотором смысле отрицание отрицания и формулируется с определенной осторожностью. В контрасте с этим Е.В. Борисов предлагает свое «прямое решение» проблемы как способ непосредственно обосновать тезис о том, что значения (в некоторых случаях) нам известны. Подход Борисова можно кратко обозначить так: если речевая коммуникация имеет место, то значения языковых выражений хотя бы иногда нам известны; речевая коммуникация имеет место; следовательно, значения языковых выражений хотя бы иногда нам известны. В каких же случаях мы можем быть уверены, что они нам известны? Мы не можем это утверждать с достоверностью об употреблении языковых выражений другими людьми или даже сами нами в прошлом, т.е., говоря более общо, об употреблении, данных нам в опыте. Это область ограниченного скептицизма, который Борисов признает теоретически состоятельной позицией, отрицая лишь тотальный скептицизм. Однако, по его мысли, есть категория употреблений языковых выражений, в которых значение не реконструируется опосредованно из данных опыта, а дано нам непосредственно и, таким образом, достоверно известно. Этот режим непосредственной данности Борисов называет данностью в интроспекции. По его мысли, это та достоверность, с которой мы располагаем значениями языковых выражений в своих собственных речевых актах, осуществляемых здесь и сейчас. Иначе говоря, та достоверность, с которой мы сами, по своему намерению, вкладываем значение в языковое выражение при его употреблении.

За предложением Борисова последовала дискуссия с участием А.Г. Андрушкевича [9], Г.А. Золоткова [10], В.А. Ладова [8], А.В. Нехаева [11], П.И. Олейник [12], В.А. Суровцева [13], В.В. Целищева [14]. Содержание этой дискуссии будет учтено при анализе проблемы далее в статье.

«Интроспекция» как перформативность

Переходя к дальнейшему анализу проблемы в категориях языковой прагматики, я начну с комментария о месте понятия интроспекции в аргументации Е.В. Борисова. Этот аспект его подхода стал одной из точек приложения критических замечаний в упомянутой дискуссии. Да и сам автор отмечает некоторую условность своего разговора о интроспекции. Пожалуй, это неудивительно, ведь понятие интроспекции уже давно считается многими философами ненадежным.

Я ограничусь здесь указанием на то, что тема интроспекции, на мой взгляд, по сути, представляет собой еще одно вхождение категории перформативности в рассуждение Борисова (наряду с уже описанным употреблением его в аргументе от перформативного противоречия). Другими словами, Борисов апеллирует к тому, что значение в речевом акте нами *учреждается*. Именно это позволяет, образно говоря, знать значение «из первых рук», а не реконструировать его из опыта.

Такое понимание напоминает кантовскую характеристику познаваемости как конструируемости: «Здесь ничто не может ускользнуть от нас, так как то, что разум всецело создает из самого себя, не может быть скрыто» [15. С. 16].

Постулат о перформативном учреждении значения, в принципе, не исключает того, что при таком учреждении агент речи следует обычному употреблению данного языкового выражения, как оно ему известно. Однако такая возможность проблематизируется вопросом о скептицизме в отношении значения, ведь с учетом его можно представить, что все знания агента о значениях языковых выражений в «предшествующих», «обычных» употреблениях являются иллюзией. Тем не менее такая вероятность, по всей видимости, не исключает акта перформативного учреждения значения.

Так понятая достоверная данность значения, вероятно, позволяет избавиться от тотального скептицизма как позиции, предполагающей скепсис в отношении любых значений в любых способах и случаях употребления языковых выражений. Однако она не устраняет возможности скепсиса в отношении знания значений в коммуникации между разными агентами (и даже агента с самим с собой разные времена). Единственной достоверной возможностью в таком случае оказывается использование индивидуального – и мимолетного – языка. Это обстоятельство, уже отмеченное рядом комментаторов, признано и автором «прямого решения» (см.: [16]).

Локуция, иллокуция и перлокуция как предметы скепсиса

Осуществленное в предыдущем разделе применение категории перформативности к «прямому решению» позволило как прояснить его содержание, так и соотнести его с философской традицией (указать на аспектуальное сходство с мыслью Канта). Однако оно не стало поводом предложить существенные коррективы для самого подхода к проблеме или его оценки. Далее мною предложен еще один способ применения категориального аппарата языковой прагматики к проблеме скептицизма относительно значения, что позволит получить более содержательные результаты.

Разграничение локуции, иллокуции и перлокуции, актуализированное выше при анализе аргументации по поводу скептицизма в целом, является одним из базовых результатов языковой прагматики. Это разграничение, рассматриваемое как дифференциация речевых актов, осуществляемых при употреблении языковых выражений, нужно рассматривать также как разграничение значений. Ведь Остин формулирует его в контексте витгенштейнианского понимания значения как употребления, указывая при этом, что слово «употребление» многозначно (следовательно, то же относится и к «значению»).

С учетом этого по поводу скептицизма в отношении значения нужно поставить следующий вопрос: о каком значении идет речь – локутивном, иллокутивном или перлокутивном? Рассмотрим каждый из этих вариантов.

Под локуцией, как уже было сказано, подразумевается значение предложения (или какого-либо другого языкового выражения) без учета специфических обстоятельств и целей его употребления. Иначе говоря, речь идет о способе употребления выражения в том его аспекте, который инвариантен для любых возможных конкретных обстоятельств и целей.

По этому поводу можно отметить, что само наличие такого инварианта ставится под вопрос проблемой скептицизма в отношении значения. Иначе говоря, теория речевых актов и эта проблема могут рассматриваться как несовместимые альтернативы. Однако можно ли все же представить способ их совместить?

На мой взгляд, это возможно. Для этого нужно разграничить два аспекта семантики: с одной стороны, соотнесение языковых выражений с некоторыми объектами; с другой стороны, само наличие таких объектов и структурных связей между ними. Проблема скептицизма ставит под вопрос первый аспект, однако он в некотором смысле является несущественным для локуции. Ведь это понятие подразумевает просто возможность абстрактного инварианта выражений, относящихся к некоторому типу, но отнюдь не утверждение о том, что любой агент употребляет подобные (в синтаксическом плане) выражения именно в таком ключе. Иначе говоря, локуция представляет собой нормативный аспект, который, как абстракция, не аннулируется случаями девиантного употребления. Схожим образом правила этикета – как абстракция – существуют независимо от того, выполняет их кто-нибудь или нет; танец вальс – как определенная система движений – существует независимо от того, танцует ли его кто-то.

Локутивный план значения, по существу, представляет собой область тех объектов, к которым *в принципе* может отсылать то или иное языковое выражение. Функция сложения, которую можно задать индуктивным определением и функция квожения как таковые принадлежат именно к этой области. Их определенность и стабильность никак не зависят от возможной вариативности семантической связи с языковыми выражениями. Вариации соотнесения конкретных синтаксических оболочек с этими объектами несущественны в эпистемологическом смысле. Таким образом, на локутивном уровне проблема скептицизма в отношении значения может быть сформулирована, но не представляет существенного интереса.

Иллокутивный уровень значения представляет собой «языковую игру» существенно иного характера. Если на локутивном уровне «интерпретация» – это соотнесение синтаксических объектов с онтологическими объектами (или категориями), то на иллокутивном уровне суть интерпретации – понять, почему в конкретном случае (при определенных обстоятельствах и с определенными намерениями) агент речи указал на некоторые онтологические объекты (или категории). Иначе говоря, на этом уровне план выражения составляют уже не чисто синтаксические объекты, а пары из них и их локутивных значений. Более того, можно сказать, что чисто синтаксический аспект неважен; носителем иллокутивного значения выступает локутивное значение.

Для того чтобы пояснить эту мысль, приведу пример. Допустим, вы с друзьями слушаете альбом «Red» группы «King Crimson», и один из друзей спрашивает: «Что значит „Red“?». Вам известно, что этот друг прекрасно

владеет английским языком и, несомненно, знает, что слово «red» переводится на русский язык как «красный». Его вопрос не об этом, а о том, почему это слово употреблено в данном случае. Иначе говоря, о том, в каком ключе авторы альбома при его наименовании указали на онтологический объект (или категорию) *красный*. Вы можете ответить на этот вопрос, рассказав, что при записи альбома индикаторы аппаратуры уходили в «красную зону» (зашкаливали), и поэтому альбом был так назван музыкантами.

Впрочем, вы не можете знать этого наверняка. Все, что вам доступно, – это рассказ об истории альбома, который вы получили из третьих рук. Вы не знаете достоверно, не вводит ли вас в заблуждение автор этого рассказа или не был ли он сам введен в заблуждение музыкантами. Интерпретация иллюкутивных значений – это область абдуктивных умозаключений, носящих вероятностный характер. Применительно к ним проблема скептицизма в отношении значения имеет существенный смысл (хотя он довольно банален, как верно отмечает Е.В. Борисов, сводясь к общему тезису о недоопределенности эмпирических теорий фактами).

Таким образом, интерпретация иллюкутивных значений теоретически может оставить каждого из нас, как реципиента речевой коммуникации, в своем собственном воображаемом мире, не тождественном действительному.

Значит ли это, что у нас нет никакой надежды соотнести свои интерпретации с интерпретациями других агентов (и нашими собственными интерпретациями в другие времена)? Думается, что такое соотнесение возможно и указание на него является в некотором смысле решением проблемы скептицизма в отношении значения.

Для того чтобы получить это решение, следует вспомнить о третьем – перлюкутивном – уровне значений языковых выражений. Как уже было сказано, под ним подразумевается реальный практический эффект актов коммуникации на чувства, мысли и поведение реципиентов. И если верно допущение о том, что на практике мы все и и во все времена находимся в одном и том же действительном мире, то воображаемые миры наших интерпретаций не могут быть абсолютно произвольными – по крайней мере, если они позволяют нам осуществлять относительно эффективную целенаправленную практику.

Таким образом, перлюкутивный аспект коммуникации обеспечивает относительную объективность и устойчивость значения языковых выражений, что не исключает вариативности и подвижности реконструкции значений в иллюкутивном аспекте.

Заключение

В данном разделе статьи не будет представлен перечень пунктов ее содержания, поскольку он приведен в аннотации и введении. Вместо этого здесь мною предпринят еще один небольшой опыт рефлексии над возможностями употребления понятия перформативности в аргументации по рассматриваемой проблеме. Само написание данной статьи можно истолковать как высказывание против скептицизма, осуществляемое посредством действия. Ведь эта работа, состоящая в исследовании и аргументации, по всей видимости, не имела бы смысла, если бы я придерживался скептической позиции. Однако ни читатель, ни я сам в дальнейшем не будем располагать достоверными свидетельствами о том, что эта работа действительно означала для ме-

ния исследование и аргументацию. Теоретически она могла быть сугубо художественным опытом, зашифрованным посланием на иную тему или лирическим воспоминанием.

Список источников

1. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.
2. Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. doi: 10.5840/eps202461219
3. Austin J. *How to Do Things with Words*. Oxford : Clarendon Press, 1962. vii, 167 p.
4. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М. : ИФ РАН, 1996. 190 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I / пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
6. Kripke S. *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1982.
7. Quine W.V. *Ontological Relativity* // *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185–212.
8. Ладов В.А. Значение: реализм vs скептицизм // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 43–50. doi: 10.5840/eps202461221
9. Андрушкевич А.Г. Проблемы и перспективы одностороннего решения проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 71–76. doi: 10.5840/eps202461224
10. Золотков Г.А. Опыт интуитивного понимания речи как решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 77–82. doi: 10.5840/eps202461225
11. Нехаев А.В. Злой демон Крипке, картезианская семантика и эпистемическая супервентность // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 60–70. doi: 10.5840/eps202461223
12. Олейник П.И. Спорные аспекты прямого решения проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 83–88. doi: 10.5840/eps202461226
13. Суровцев В.А. Скептицизм, прямое решение и языковые каркасы // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 51–59. doi: 10.5840/eps202461222
14. Целищев В.В. Препятствия на пути прямого решения через прямой доступ к сознанию // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 33–42. doi: 10.5840/eps202461220
15. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.
16. Борисов Е.В. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. С. 89–94. doi: 10.5840/eps202461227

References

1. Ladov, V.A. (2008) *Ilyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Borisov, E.V. (2024) *Pryamoe reshenie problemy Kripke* [A Straight Solution to Kripke's problem]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 23–32. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461219
3. Austin, J. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.
4. Makeeva, L.B. (1996) *Filosofiya H. Patnema* [The Philosophy of H. Putnam]. Moscow: IPH RAS.
5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. I. Translated from German by M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev. Moscow: Gnosis. pp. 75–319.
6. Kripke, S. (1992) *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
7. Quine, W.V. (1968) *Ontological Relativity*. *The Journal of Philosophy*. LXV(7). pp. 185–212.
8. Ladov, V.A. (2024) *Meaning: Realism vs Skepticism*. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 43–50. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461221
9. Andrushevich, A.G. (2024) *Problems and Prospects for a One-sided Solution to Kripke's Problem*. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 71–76. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461224

10. Zolotkov, G.A. (2024) Phenomenon of Intuitive Understanding of Speech Acts as a Solution to Kripke's Problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461225

11. Nekhaev, A.V. (2024) Kripke's Evil Demon, Cartesian Semantics and Epistemic Supervenience. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 60–70. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461223

12. Oleinik, P.I. (2024) Controversial Aspects of a Straight Solution to Kripke's problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 83–88. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461226

13. Survtsev, V.A. (2024) Skepticism, Straight Solution and Linguistic Frameworks. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 51–59. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461222

14. Tselishchev, V.V. (2024) Obstacles to a Direct Solution Through Direct Access to Consciousness. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 33–42. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461220

15. Kant, I. (1994) *Sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Translated from German by N.O. Lossky. Moscow: Choro.

16. Borisov, E.V. (2024) Reply to Critics. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 89–94. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202461227

Сведения об авторе:

Смирнов М.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); доцент Московского института психоанализа (Москва, Россия); старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Smirnov M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, HSE University (Moscow, Russian Federation); associate professor, Moscow Institute of Psychoanalysis (Moscow, Russian Federation); senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: mikhailsmirnov84@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.10.2024;
одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 17.04.2025*

*The article was submitted 09.10.2024;
approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научная статья

УДК 162

doi: 10.17223/1998863X/84/4

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ В РЕЛЕВАНТНЫХ КОННЕКСИВНЫХ ЛОГИКАХ

Арсентий Александрович Тимохин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
flawlesstheory@inbox.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема противоречивости в релевантной коннексивной логике CR. Показано, что свойство противоречивости может быть устранено путем отказа от семантического постулата идемпотентности. В результате такой модификации получена новая логическая теория CRW, в которой сохраняются свойства релевантности и коннексивности, но при этом гарантируется непротиворечивость.

Ключевые слова: коннексивная логика, релевантная логика, импликация, противоречивость

Для цитирования: Тимохин А.А. Проблема противоречивости в релевантных коннексивных логиках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 34–43. doi: 10.17223/1998863X/84/4

Original article

THE PROBLEM OF INCONSISTENCY IN RELEVANT CONNEXIVE LOGICS

Arsentii A. Timokhin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, flawlesstheory@inbox.ru

Abstract. The article addresses the issue of inconsistency in relevant connexive logic CR. It demonstrates that inconsistency can be eliminated by rejecting the semantic postulate of idempotence. This modification yields a new logical theory, CRW, which retains the properties of relevance and connexivity while ensuring consistency. The work is grounded in the broader context of combining relevant and connexive logics, which aim to address classical logical paradoxes and better align with natural reasoning patterns. The study builds upon the foundational system of relevant logic R, developed by Anderson and Belnap, as a framework for analysis. While the initial attempts to integrate Aristotle's thesis into R led to trivialization, recent efforts to extend certain subsystems of R with connexive principles have avoided this problem. The CR system proposed by Francez serves as the basis for further exploration. Although CR satisfies relevance and connexivity, it exhibits inconsistency – a property the study aims to resolve. This inconsistency is addressed through both syntactic adjustments and semantic innovations. The article introduces CRW, a variant of CR that excludes the contraction axiom $(A \rightarrow B) \rightarrow (A \rightarrow (A \rightarrow B))$. This modification is supported by an alternative semantics based on commutative monoids. The CRW system is axiomatically defined and satisfies key properties of relevance, connexivity, and consistency. The article rigorously demonstrates these properties through semantic models and logical proofs, including Aristotle's and Boethius' theses, and highlights CRW's non-trivial nature. The results suggest that CRW offers a promising framework for further exploration of relevant and connexive logics. Future research directions include proving the completeness of CRW's semantics, developing natural deduction or Gentzen-style systems for CRW, and investigating extensions incorporating additional logical connectives. These efforts aim to

refine CRW's theoretical underpinnings and enhance its applicability in modeling natural reasoning processes.

Keywords: connexive logic, relevance logic, implication, inconsistency

For citation: Timokhin, A.A. (2025) The problem of inconsistency in relevant connexive logics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 34–43. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/4

Релевантная и коннексивная логика

В новейшей литературе по логике закрепился тренд на совмещение релевантной и коннексивной логики [1–3]. Эти направления активно развиваются, начиная с середины XX в.; они исследуют условную связь – релевантная логика стремится построить логику без парадоксов классического следования и материальной импликации, коннексивная – формализовать те модели рассуждений на естественном языке, которые являются наиболее приемлемыми для большинства людей с интуитивной точки зрения.

Как известно, с материальной импликацией и классическим отношением следования связан ряд парадоксов. Условное высказывание оказывается истинным, даже если условие (антецедент) и следствие (консеквент) являются ложными, и в случае, если условие ложно, а следствие истинно. Это приводит к тому, что любое ложное высказывание может обуславливать любое истинное, и к тому, что любое ложное высказывание может обуславливать любое ложное высказывание. Например, высказывания «Если $2 \times 2 = 5$, то вода закипает при $100\text{ }^{\circ}\text{C}$ » и «Если нынешняя столица России – Санкт-Петербург, то водород расположен во второй группе периодической таблицы химических элементов» являются истинными в классической логике. Как видно, антецедент и консеквент импликации не связаны по содержанию: речь в них идет о различных предметах. Утверждения такого типа называют парадоксами релевантности. Если противоречивое высказывание рассматривать как парадигмальный пример логически ложного высказывания, а закон логики – как логически истинного, то парадоксальность материальной импликации проявляется в виде известных законов, которые формально можно выразить так:

$$\begin{aligned}(A \& \neg A) &\supset B, \\ A &\supset (B \vee \neg B).\end{aligned}$$

Можно выделить еще один класс парадоксов – парадоксы модальности. Если формула истинна, то она обусловлена любой формулой, если ложна – она является следствием любой формулы:

$$\begin{aligned}A &\supset (B \supset A), \\ \neg A &\supset (A \supset B).\end{aligned}$$

Одним из фундаментальных отношений в логике является отношение логического следования. В классической логике оно также оказывается парадоксальным. Напомним, что из множества формул Γ логически следует формула A тогда и только тогда, когда не существует такой интерпретации нелогических символов, при которой все формулы из Γ принимают значение «истина» и A принимает значение «ложь». В данном случае мы также исходим из идеи, согласно которой посылки и заключения должны содержать общую информацию: логическое содержание заключения должно являться ча-

стью логического содержания посылок. Это условие нарушается в классической логике, поэтому в ней из противоречия следует любое высказывание, а любое высказывание, в свою очередь, обуславливает любой логический закон:

$$\begin{aligned} A \&\neg A \models B, \\ A \models B \vee \neg B. \end{aligned}$$

Все это говорит о том, что классическая логика не может служить надежным инструментом для анализа высказываний естественного языка. Это стимулирует к поиску новых решений, и одним из таких решений является релевантная логика. Она ставит своей основной целью устранение парадоксов материальной импликации и классического отношения следования.

В процессе становления релевантной логики сложилось представление о том, какую логику можно считать релевантной, которое со временем стало доминирующим. Это критерий наличия общей переменной (от англ. variable sharing property) [4] – требование к антецедентам и консеквентам законов импликативного типа иметь хотя бы одну общую пропозициональную переменную. В дальнейшем мы будем кратко называть данное свойство VSP.

Определение 1. (VSP) Если формула $A \rightarrow B$ доказуема, то A и B имеют хотя бы одну общую пропозициональную переменную.

Отметим, что это требование является необходимым, но недостаточным для того, чтобы считать логику релевантной. Всякая релевантная логика должна удовлетворять критерию наличия общей переменной, но наличие этого критерия еще не свидетельствует о том, что логика является релевантной.

Мотивация релевантных и вообще неклассических логик заключается в отказе от ряда принципов классической логики, которые рассматриваются как проблемные. Таким образом, релевантные логики сужают класс законов классической логики, отказываясь от «нерелевантных» принципов и законов. В то же время контр-классические логики имеют в качестве законов и такие, которые вовсе не являются классическими. К таким логикам относятся, в частности, и коннексивные.

Коннексивная логика формализует некоторые особенности условных высказываний, которые не формализует классическая логика, и предъявляет к импликации следующие требования:

- ни одно высказывание не может иметь в качестве логического следствия собственное отрицание, и ни одно высказывание не может быть логическим следствием собственного отрицания;
- ни одно высказывание не может влечь одновременно некоторое высказывание и его отрицание.

В современной логической литературе это принято выражать [5] следующим образом. Первое требование отражают утверждения, называемые тезисами Аристотеля:

- (1) $\neg(A \rightarrow \neg A)$ (Аристотель 1);
- (2) $\neg(\neg A \rightarrow A)$ (Аристотель 2).

Второе требование отражают утверждения, называемые тезисами Боэция:

- (3) $(A \rightarrow B) \rightarrow \neg(A \rightarrow \neg B)$ (Боэций 1);
- (4) $(A \rightarrow \neg B) \rightarrow \neg(A \rightarrow B)$ (Боэций 2).

Все четыре утверждения, называемые коннексивными тезисами, недоказуемы в классической логике. Таким образом, можно сформулировать критерий коннексивности [5].

Определение 2. Логика **L** называется коннексивной, если в ней доказуемы (общезначимы) все коннексивные тезисы и импликация несимметрична.

Последнее означает, что в **L** недоказуема формула $(A \rightarrow B) \rightarrow (B \rightarrow A)$.

Коннексивные тезисы вполне согласуются с практикой естественных рассуждений. Это подтверждают эмпирические данные. Так, например, Сторс МакКолл [6. Р. 421–424] описывает проведение анкетирования среди студентов Макгиллского университета на первой лекции по курсу логики. На вопросы о том, считают ли они правильными рассуждения по типу тезисов Аристотеля и Боэция, более 80% ответили утвердительно. Напротив, такие классические законы, как $A \supset (B \supset A)$ и $A \supset (\neg A \supset B)$, пользовались куда меньшей популярностью среди респондентов – 40 и 12% соответственно. Это и подобные исследования говорят о том, что коннексивная импликация лучше отражает то, как мы обычно рассуждаем, нежели материальная.

Релевантная коннексивная логика **CR** и проблема противоречивости

Вслед за М. Данном и Г. Рестоллом [7. Р. 2] в качестве парадигмальной системы релевантной импликации мы будем рассматривать **R**, разработанную Андерсеном и Белнапом [8. Р. 17]. Логические теории, которые мы рассмотрим далее, будут являться расширениями **R**.

На заре развития коннексивной логики как отдельного направления предпринимались первые попытки совместить свойства релевантности и коннексивности. Но эти попытки быстро отошли на второй план после результатов, полученных в [9] К. Мортенсеном. Он показал, что попытка расширить систему **R** за счет добавления тезиса Аристотеля 1 делает полученную систему тривиальной. Это означает, что любая формула в языке данной логической теории является законом. С содержательной точки зрения нет смысла рассматривать такие теории, в которых либо вовсе нет законов, либо все является законами.

В последнее время возникла новая волна интереса к проекту релевантных коннексивных логик – были предприняты попытки по расширению коннексивными тезисами некоторых подсистем релевантной логики **R**, которые не привели к «тривиализирующему» эффекту. Таковой, например, является система Н. Франсеза **CR** [1], на которой мы далее остановимся подробнее.

Франсез показал, что для построения нетривиальной коннексивной релевантной логики достаточно взять в качестве базиса не систему **R** целиком, а ее фрагмент, содержащий формулы только импликативного вида. Такой фрагмент можно расширить логической связкой отрицания, для которой выполняются законы «двойного отрицания», а также сильный¹ тезис Боэция 2, получив при этом логическую теорию, достаточную для обоснования остальных принципов коннексивной импликации.

Исчисление **CR** – это аксиомные схемы A1–A8 и правило вывода *modus ponens*:

¹ A7 и A8.

- (A1) $A \rightarrow A$;
- (A2) $(A \rightarrow B) \rightarrow ((C \rightarrow A) \rightarrow (C \rightarrow B))$;
- (A3) $(A \rightarrow (A \rightarrow B)) \rightarrow (A \rightarrow B)$;
- (A4) $(A \rightarrow (B \rightarrow C)) \rightarrow (B \rightarrow (A \rightarrow C))$;
- (A5) $A \rightarrow \neg\neg A$;
- (A6) $\neg\neg A \rightarrow A$;
- (A7) $\neg(A \rightarrow B) \rightarrow (A \rightarrow \neg B)$;
- (A8) $(A \rightarrow \neg B) \rightarrow \neg(A \rightarrow B)$.

Эта система интересна тем, что она удовлетворяет требованиям релевантности и коннексивности, но тем не менее она имеет существенную особенность: как и многие другие коннексивные логики, **CR** является противоречивой. В случае многих неклассических логик наличие свойства противоречивости влечет тривиальность, однако еще раз подчеркнем, что особенность **CR** заключается в том, что наличие противоречивости не влечет тривиальности.

Что такое для логики быть противоречивой? Это означает, что в языке логической теории найдется такая формула A , что она доказуема и при этом доказуемо ее отрицание. Основатель логики Аристотель считал принцип непротиворечия наиболее фундаментальным, свободным от предположений, усматриваемым непосредственно как нечто очевидное: «...невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении <...> это, конечно, самое достоверное из всех начал» [10. С. 125]. И далее продолжает: «Конечно, не может кто бы то ни было считать одно и то же существующим и не существующим...», настаивая на общепринятости этого принципа, причем Аристотель предлагает нам выводить логический закон непротиворечия из онтологического. Ведь, например, очевидно, что нельзя одновременно делать и не делать что-либо. Позднее, в Новое время, в дискуссиях о врожденных идеях принцип непротиворечия стал рассматриваться как врожденный, наряду с принципами тождества и исключенного третьего.

В начале XX в. возникла концепция согласованности истины. В одной из версий этой концепции мы можем проверять истинность утверждения, соотнося его с каким-либо исходным множеством, и если проверяемое нами утверждение вступает в противоречие с одним из утверждений исходного множества, то оно квалифицируется как ложное.

С другой стороны, существует и такая точка зрения, согласно которой противоречия – утверждения типа $A \& \neg A$ – могут быть истинными. Такую позицию называют диалетеизмом.

Как видно, единого мнения насчет того, как воспринимать противоречивую информацию, не существует. Но, так или иначе, когда мы встречаем противоречия в науке или повседневном общении, это вызывает у нас диссонанс – возникает проблема: с противоречиями надо что-то делать. По этой причине непротиворечивость является одним из стандартных требований к мета-теоретическим свойствам, которыми должна обладать логическая теория.

Еще в работах С. МакКолла [7. Р. 436] и Я. Вайса в [3. Р. 5] были высказаны предположения о том, что противоречивость многих коннексивных логик и в частности **CR** можно устранить путем избавления от закона сокращения – $(A \rightarrow (A \rightarrow B)) \rightarrow (A \rightarrow B)$. Вайс также показал [3. Р. 5], что закон

сокращения играет существенную роль в построении доказательств противоречивых формул. С опорой на вышеупомянутые наблюдения попытка полноценного исследования логики **CR** без закона сокращения так и не была осуществлена в литературе. Далее в нашей статье мы предпримем такую попытку и более подробно исследуем вопрос о зависимости между законом сокращения и свойством противоречивости.

В литературе по релевантной логике активно изучались фрагменты различных систем релевантной логики без аксиомы сокращения. В частности, фрагмент релевантной логики **R** без сокращения известен под названием **RW**. На наш взгляд, вполне естественно, продолжив эту традицию обозначений, назвать нашу новую систему **CRW**, поскольку она получена в результате исключения аксиомы сокращения из списка дедуктивных постулатов системы **CR**, которое аксиоматизируется следующим образом:

- (A1) $A \rightarrow A$;
- (A2) $(A \rightarrow B) \rightarrow ((C \rightarrow A) \rightarrow (C \rightarrow B))$;
- (A3) $(A \rightarrow (B \rightarrow C)) \rightarrow (B \rightarrow (A \rightarrow C))$;
- (A4) $A \rightarrow \neg\neg A$;
- (A5) $\neg\neg A \rightarrow A$;
- (A6) $\neg(A \rightarrow B) \rightarrow (A \rightarrow \neg B)$;
- (A7) $(A \rightarrow \neg B) \rightarrow \neg(A \rightarrow B)$.

Единственное правило вывода: *modus ponens*.

Вайс [3] предложил семантику полурешеток с объединением для **CR**, опираясь на результаты, полученные А. Урквартом в [11]. Наша задача состояла в том, чтобы предложить адекватную семантику для **CRW**. Отталкиваясь от результатов Уркварта и Вайса, мы построили семантику коммутативного моноида. Дадим основные определения.

Определение 3. Пусть алгебра $A = \langle M, * \rangle$, где M – произвольное множество, $*$ – операция на M . Тогда A называется коммутативным моноидом, если для любых элементов a, b и c из M верно, что они удовлетворяют следующим условиям:

- $a*(b*c) = (a*b)*c$ (ассоциативность);
- $a*b = b*a$ (коммутативность);
- $0*a = a$ (наличие нейтрального элемента).

Определение 4. Модельная структура коммутативного моноида есть упорядоченная тройка $F = \langle S, 0, \sqcup \rangle$, где $F = \langle S, \sqcup \rangle$ – коммутативный моноид и $0 \in S$ – наименьший (нейтральный) элемент в $\langle S, \sqcup \rangle$. Бинарная операция $\sqcup$ обладает следующими свойствами:

Для любых элементов x, y, z из S верно:

- $0 \sqcup x = x$ (тождество);
- $x \sqcup y = y \sqcup x$ (коммутативность);
- $(x \sqcup y) \sqcup z = x \sqcup (y \sqcup z)$ (ассоциативность).

Определение 5. Модель **CRW** есть упорядоченная двойка $M = \langle F, V \rangle$, где F – модельная структура коммутативного моноида, а оценка V – отображение множества пропозициональных переменных в декартово произведение подмножеств носителя. Формально

$$V: \text{Prop} \rightarrow P(S) \times P(S).$$

Для удобства введем следующие обозначения:

- $V^+(p) = X$;

• $V(p) = Y$.

Отношения $x \models^+ p$ (p истинно в модели M) и $x \models^- p$ (p ложно в модели M) определяются следующим образом:

- 1) $x \models^+ p$ тогда и только тогда, когда $x \in V^+(p)$;
- 2) $x \models^- p$ тогда и только тогда, когда $x \in V^-(p)$;
- 3) $x \models^+ \neg A$ тогда и только тогда, когда $x \models^- A$;
- 4) $x \models^- \neg A$ тогда и только тогда, когда $x \models^+ A$;
- 5) $x \models^+ A \rightarrow B$ тогда и только тогда, когда для любого $y \in S$, $y \not\models^+ A$ или $x \sqcup y \models^+ B$;
- 6) $x \models^- A \rightarrow B$ тогда и только тогда, когда для любого $y \in S$, $y \not\models^+ A$ или $x \sqcup y \models^- B$.

Определение 6. A истинна в $M = \langle S, 0, \sqcup, V \rangle$ модели **CRW** ($\models A$) тогда и только тогда, когда $0 \models^+ A$.

Определение 7. A общезначима в **CRW** ($\text{CRW} \models A$) тогда и только тогда, когда для любой M модели **CRW** ($\models A$).

Нетрудно проверить, что принцип сокращения не является общезначимым относительно определения 5. В качестве подходящей контр-модели достаточно рассмотреть следующую. Пусть $M = \langle S, 0, \sqcup, V \rangle$, где $S = \{0, 1, 2\}$, $V^+(p) = \{1\}$, $V^+(q) = \{2\}$, 0 – нейтральный элемент, $\sqcup$ – коммутативная, ассоциативная операция, которая определяется следующим образом:

$\sqcup$	0	1	2
0	0	1	2
1	1	2	2
2	2	2	1

Перейдем к доказательству того, что система **CRW** обладает всеми интересующими нас свойствами: релевантностью, коннексивностью и, что самое главное, непротиворечивостью.

Предложение 1. **CRW** является релевантной логикой, т.е. обладает VSP.

Доказательство. Вайсом было доказано, что **CR** обладает VSP [3. Р. 12–13]. Так как все теоремы **CRW** являются теоремами **CR**, легко показать, что **CRW** также обладает VSP. Доказательство проведем методом от противного. Допустим, что **CRW** не обладает VSP. Тогда существует такая формула $A \rightarrow B$, что она доказуема в **CRW** и при этом A и B не имеют общих пропозициональных переменных. Так как всякая теорема **CRW** является теоремой **CR**, $A \rightarrow B$ доказуема в **CR**, но тогда **CR** не обладает VSP, а это противоречит тому, что **CR** обладает VSP.

Предложение 2. **CRW** обладает коннексивностью.

Для доказательства предложения 2 достаточно показать, что в **CRW** доказуемы все коннексивные тезисы и импликация несимметрична. Покажем, что тезис Аристотеля $1 \neg(A \rightarrow \neg A)$ является общезначимым, воспользовавшись методом от противного.

Допустим, что $\neg(A \rightarrow \neg A)$ не общезначима в **CRW**. Тогда существует такая модель M , что $0 \not\models^+(A \rightarrow \neg A)$. По определению 5 и свойству тождества из определения 4 получаем, что $y \models^+ A$ и $y \not\models^+ A$ – это является противоречием, а значит, верно, что тезис Аристотеля 1 является общезначимой формулой. Аналогично можно доказать общезначимость тезиса Аристотеля 2.

Покажем то же самое для тезиса Боеция 1. Допустим, что $(A \rightarrow B) \rightarrow \neg(A \rightarrow \neg B)$ не общезначима в **CRW**. Тогда существует такая модель M , что $0 \not\models^+(A \rightarrow B) \rightarrow \neg(A \rightarrow \neg B)$. Используя определения 5 и 4 (свойство тождества), получаем $y \models^+ A \rightarrow B$ и $y \not\models^+ A \rightarrow \neg B$. Воспользовавшись вновь определением 5 из первого выражения, можно получить, что верно $z \not\models^+ A$ или $y \sqcup z \models^+ B$. Аналогично со вторым выражением: $z \models^+ A$ и $y \sqcup z \not\models^+ B$. $z \not\models^+ A$ – отрицание выражения $z \models^+ A$, поэтому по исключению дизъюнкции мы можем получить $y \sqcup z \models^+ B$, что в конъюнкции с $y \sqcup z \not\models^+ B$ является противоречием, следовательно, верно, что тезис Боеция 1 является общезначимым. Аналогично для тезиса Боеция 2.

Также нетрудно проверить, что $(A \rightarrow B) \rightarrow (B \rightarrow A)$ не является общезначимой формулой относительно определения 5.

Пусть $M = \langle S, 0, \sqcup, V \rangle$, где $S = \{0, 1, 2\}$, $V^+(p) = \{\emptyset\}$, $V^+(q) = \{1, 2\}$, 0 – нейтральный элемент, $\sqcup$ – коммутативная, ассоциативная операция, которая определяется следующим образом:

$\sqcup$	0	1	2
0	0	1	2
1	1	2	2
2	2	2	1

Итак, полученная логика обладает свойством релевантности и коннексивности. Прежде чем перейти к доказательству свойства непротиворечивости, докажем вспомогательную лемму, утверждающую, что перевод всякой доказуемой формулы **CRW** в язык классической логики высказываний докажем также и в классической логике. Для начала определим перевод τ из языка **CRW** в язык классической логики высказываний¹:

- 1) $\tau(p) = p$;
- 2) $\tau(\neg A) = \neg \tau(A)$;
- 3) $\tau(A \rightarrow B) = \tau(A) \supset \tau(B)$.

Лемма 1. Для всякого A из множества формул **CRW** верно, что если A доказуемо в **CRW**, то $\tau(A)$ доказуемо в классической логике высказываний.

Доказательство проводится методом индукции по длине доказательства. Достаточно доказать, что перевод τ всех аксиомных схем **CRW** является доказуемым в классической логике и что переход от доказуемых переводов τ формул **CRW** при помощи правила *modus ponens* всегда дает доказуемый перевод τ . Для этого удобно воспользоваться методом построения таблиц истинности для классической логики высказываний.

¹ Перевод предложен Я. Вайсом в [3. Р. 5].

Теорема 1. (Синтаксическая непротиворечивость **CRW**). Неверно, что существует такая формула A , что она доказуема в **CRW** и при этом доказуемо ее отрицание.

Теорему легко доказать, используя метод от противного. Для этого достаточно воспользоваться определением перевода τ и леммой 1. Если A доказуема в **CRW**, то ее перевод τ доказуем в КЛВ (по лемме 1). Согласно переводу τ , выходит, что в КЛВ также доказуемо отрицание перевода τ . Следовательно, КЛВ противоречива, что невозможно.

Заключение

В рамках исследования была рассмотрена проблема противоречивости, возникающую при попытке совместить в одной логической теории свойства релевантности и коннексивности. В качестве предмета исследования мы взяли систему **CR** Франсеца. Нами была предложена новая логическая теория, которая синтаксически получается за счет устранения из **CR** закона сокращения, семантически – за счет отказа от постулата идемпотентности. Кроме того, было показано, что полученная логическая теория – **CRW** – обладает свойствами коннексивности, релевантности и непротиворечивости. Таким образом, мы продемонстрировали возможность устранения свойства противоречивости у коннексивных логик, полученных по методу Вансинга.

Одним из приоритетных направлений наших дальнейших исследований является изучение метатеоретических свойств **CRW**. В частности, требуется убедиться в том, что **CRW** действительно адекватна предложенному исчислению без сокращения. Для этого понадобится доказать корректность, и, что самое главное, семантическую полноту. В [11] А. Уркварт предложил метод доказательства семантической полноты импликативного фрагмента R , который впоследствии был адаптирован Я. Вайсом [3] для **CR**. На наш взгляд, этот метод можно адаптировать и для доказательства семантической полноты **CRW**. Есть и другие открытые проблемы. Во-первых, поиск адекватной содержательной интерпретации для семантики коммутативного моноида **CRW**. Интерпретация, разработанная в работах Уркварта [12] и Вайса [3], не удовлетворяет семантике коммутативного моноида из-за отказа от постулата идемпотентности. Во-вторых, исследование **CRW** с точки зрения теории доказательств: разработка системы натурального вывода или исчисления генценовского типа. В-третьих, поиск возможных расширений **CRW** за счет добавления в язык связок $\vee$ и $\&$. В-четвертых, поиск семантики полурешеток с объединением для **CRW**.

Список источников

1. Francez N. Relevant Connexive Logic // *Logic and Logical Philosophy*. 2019. Vol. 28. P. 409–425.
2. Omori H. A Simple Connexive Extension of the Basic Relevant Logic BD // *IfCoLog Journal of Logics and their Applications*. 2016. Vol. 3 (3). P. 467–478.
3. Weiss Y. The Pure Theories of Connexive Implication // *Review of Symbolic Logic*. 2022. Vol. 15, № 3. P. 591–606.
4. Belnap N.D. Entailment and Relevance // *The Journal of Symbolic Logic*. 1960. Vol. 25. P. 144–146.
5. Wansing H. Connexive Logic // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / eds. N.Z. Edward, U. Nodelman. (Summer 2022 Edition).

6. McCall S. A History of Connexivity // *Handbook of the History of Logic* / eds. D. Gabbay, F. Pelletier, J. Woods. Vol. 11. Elsevier. Amsterdam, 2012. P. 415–449
7. Anderson A.R., Belnap N.D. Entailment: The Logic of Relevance and Necessity. Princeton University Press, 1975. Vol. 1.
8. Dunn J.M., Restall G. Relevance logic // *Handbook of Philosophical Logic* / eds. D. Gabbay, F. Guenther. Vol. 6. 2nd edition. Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 1–128.
9. Mortensen C. Aristotle's thesis in consistent and inconsistent logics // *Studia Logica*. 1984. Vol. 43. P. 107–116
10. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль. 1976. Т. 1.
11. Urquhart A. The Semantics of Entailment // PhD Thesis, University of Pittsburgh. 1973.
12. Urquhart A. Semantics for Relevant Logics // *The Journal of Symbolic Logic*. Mar., 1972. Vol. 37, № 1. P. 159–169.

References

1. Francez, N. (2019) Relevant Connexive Logic. *Logic and Logical Philosophy*. 28. pp. 409–425.
2. Omori, H. (2016) A Simple Connexive Extension of the Basic Relevant Logic BD. *IfCoLog Journal of Logics and their Applications*. 3(3). pp. 467–478.
3. Weiss, Y. (2022) The Pure Theories of Connexive Implication. *Review of Symbolic Logic*. 15(3). pp. 591–606.
4. Belnap, N.D. (1960) Entailment and Relevance. *The Journal of Symbolic Logic*. 25. pp. 144–146.
5. Wansing, H. (2022) Connexive Logic. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Summer 2022 Edition.
6. McCall, S. (2012) A History of Connexivity. In: Gabbay, D., Pelletier, F. & Woods, J. (eds) *Handbook of the History of Logic*. Vol. 11. Amsterdam: Elsevier. pp. 415–449.
7. Anderson, A.R. & Belnap, N.D. (1975) *Entailment: The Logic of Relevance and Necessity*. Vol. 1. Princeton University Press.
8. Dunn, J.M. & Restall, G. (2002) Relevance logic. In: Gabbay, D. & Guenther, F. (eds) *Handbook of Philosophical Logic*. 2nd ed. Vol. 6. Kluwer Academic Publishers. pp. 1–128.
9. Mortensen, C. (1984) Aristotle's thesis in consistent and inconsistent logics. *Studia Logica*. 43. pp. 107–116
10. Aristotle. (1976) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
11. Urquhart, A. (1973) *The Semantics of Entailment*. PhD Thesis. University of Pittsburgh.
12. Urquhart, A. (1972) Semantics for Relevant Logics. *The Journal of Symbolic Logic*. 37(1). pp. 159–169.

Сведения об авторе:

Тимохин А.А. – бакалавр философии, магистрант философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова («Экспериментальная философия нейрокогнитивных наук») (Москва, Россия). E-mail: flawlesstheory@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Timokhin A.A. – Bachelor of Philosophy, master's student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: flawlesstheory@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.11.2024;
одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 25.11.2024;
approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья

УДК 172

doi: 10.17223/1998863X/84/5

ИДЕАЛИЗИРОВАННАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ АБСТРАКТНОГО ПОНЯТИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Наталья Андреевна Ястреб

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, nayastreb@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка рассмотрения идеализированной когнитивной модели понятия «искусственный интеллект». Методологической основой исследования выступают понятие и типология идеализированных когнитивных моделей, введенные Д. Лакофф. Для анализа понятия «искусственный интеллект» из предложенной им типологии выбраны метафорические и метонимические проекции. Показано, что термин «искусственный интеллект» носит зонтичный характер и применяется как метафора для обозначения систем, моделирующих интеллектуальную деятельность.

Ключевые слова: искусственный интеллект, модель, концептуальная метафора, идеализированная когнитивная модель, метафорическая проекция, метонимическая проекция

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00254, <https://rscf.ru/project/25-28-00254/>

Для цитирования: Ястреб Н.А. Идеализированная когнитивная модель абстрактного понятия «искусственный интеллект» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 44–54. doi: 10.17223/1998863X/84/5

Original article

IDEALIZED COGNITIVE MODEL OF THE ABSTRACT CONCEPT “ARTIFICIAL INTELLIGENCE”

Natalia A. Yastreb

Vologda State University, Vologda, Russian Federation, nayastreb@mail.ru

Abstract. The article attempts to consider an idealized cognitive model of the concept “artificial intelligence”. The methodological basis of the study is the concept and typology of idealized cognitive models introduced by George Lakoff. To analyze the concept of artificial intelligence, metaphorical and metonymic projections were selected from the typology Lakoff proposed. It is shown that the term “artificial intelligence” is of an umbrella nature and is used as a metaphor to denote systems that model intellectual activity. The analysis of the media and social networks shows that a complex idealized cognitive model has been formed to understand the content of the abstract concept “artificial intelligence”, including metaphors of a machine, subject, person, electricity, weapon, assistant, building, student, sports, living being, seasons, space, and goods. Spatial metaphors reflect ideas about the essential characteristics of artificial intelligence systems, and the metaphor of the seasons helps to explain the heterogeneity of the development of the artificial intelligence sphere. Anthropocentric metaphors serve as a means of understanding the activities and functions of systems, as well as the problems they solve. The explanation of the design and learning process is achieved through the use of both technical and biological metaphors. Comparison of models with living beings is especially noticeable in the language of developers. Some identified metaphors can be compatible and form integral images. The analysis of statements by developers of intelligent systems identifies stable images of a student (a child or a young

person with abilities who needs to be taught, trained); a pet who is cared for, trained, prepared for exhibitions, tests, competitions. The media actively broadcast images of high-speed cars and new types of weapons. Revealing the differences in the idealized cognitive models of ordinary people and developers can help achieve a unified understanding of the opportunities and threats created by modern intelligent systems.

Keywords: artificial intelligence, model, conceptual metaphor, idealized cognitive model, metaphorical projection, metonymic projection

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00254, <https://rscf.ru/project/25-28-00254/>

For citation: Yastreba, N.A. (2025) Idealized cognitive model of the abstract concept "artificial intelligence". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 44–54. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/5

Введение

В 2026 г. исполнится 70 лет термину «искусственный интеллект». Активное его употребление в научном дискурсе началось с Дартмутского семинара, на котором Джон Маккарти предложил объединить все направления исследований и разработок, связанных с моделированием интеллектуальной деятельности, словосочетанием «Artificial Intelligence» [1]. С момента своего появления термин подвергся жесткой критике за метафоричность, неопределенность и научно-фантастические коннотации. Несмотря на это, на протяжении всех этапов сложного пути становления сферы информационных технологий термин не только не перестал использоваться в литературе, но и породил множество связанных с ним понятий. В данной работе ставится задача рассмотрения серии концептуальных метафор, выстроенной вокруг термина «искусственный интеллект», и систематизации данных результатов в идеализированную когнитивную модель абстрактного понятия «искусственный интеллект».

Понятийный аппарат сферы искусственного интеллекта имеет ряд особенностей. Его отличают междисциплинарность, метафоричность и большая доля сленговой лексики, получившей статус научной терминологии. Эти особенности связаны с историческими и организационными особенностями самой предметной области. Междисциплинарность, проявляющаяся во множественных переносах терминов из математики, философии, психологии, нейрофизиологии, является следствием активного использования результатов и методов данных наук начиная с самых ранних этапов становления сферы искусственного интеллекта. Активное использование сленговой лексики в целом отличает сферу информационных технологий, быстрое развитие которой требовало оперативного «изобретения» новых слов для обозначения исследуемых объектов. Но наиболее существенной особенностью понятийного аппарата данной предметной области является его метафоричность [2–5]. Ключевые понятия, такие как искусственный интеллект, нейронная сеть, экспертные системы, трансформеры, обучение, модель, являются результатом метафорического переноса значений терминов смежных научных областей или обыденного языка на сферу искусственных интеллектуальных систем. Для исследования таких понятий мы будем использовать теорию когнитивных моделей Д. Лакоффа.

Теория когнитивных моделей Д. Лакоффа

Метафорический способ категоризации предметной области отличается от традиционного подхода к производству понятий, основанного на выявлении общих признаков, и предполагает использование, помимо логики, механизмов воображения. Это дает исследователю ряд преимуществ, так как «понятия, которые не основываются непосредственно на опыте, используют метафору, метонимию, ментальные образы – все это выходит за пределы буквального отражения, или репрезентации, внешней реальности» [6. С. 11]. Метафора базируется на опыте, в том числе чувственном, и имеет свойства гештальта, т.е. дает целостное представление об объекте.

Метафоризация базируется на взаимодействии двух структур – целевого домена и домена-источника. Целевой домен представляет собой сущность, которую нужно понять, наполнить смыслом. Домен-источник – это понятие, которое хорошо знакомо субъекту из опыта и свойства которого переносятся на целевой домен, обеспечивая понимание каких-либо его сторон. Вместе они образуют концептуальную метафору, под которой Лакофф понимает «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [7. С. 11]. Часто в языке для понимания сложных многогранных понятий формируются серии концептуальных метафор, схватывающих различные аспекты их содержания.

Одной из особенностей категорий, полученных таким образом, является их функциональное воплощение, проявляющееся в том, что они «не столько постигаются умом, сколько используются автоматически, бессознательно, без заметных усилий как часть нормального процесса жизнедеятельности» [6. С. 12–13]. При этом можно выделить категории базового уровня, которые функционально и эпистемологически первичны и лежат в основе формирования образов, организации знаний, восприятия, языкового взаимодействия и других аспектов познавательной деятельности.

Для описания этих процессов Лакофф вводит термин «идеализированная когнитивная модель», под которым он понимает ментальный конструкт, обладающий структурным единством, при помощи которого мы организуем наши знания и концептуализируем свой опыт. Такие модели воплощены в конкретном содержании и структурируют мышление человека, обеспечивая «конвенционализированный способ понимания опыта в чрезвычайно упрощенном виде» [6. С. 174].

Каждая идеализированная когнитивная модель является комплексным структурированным целым, гештальтом, в котором используются четыре типа структурирующих принципов: пропозициональная структура, образно-схематическая структура, метафорическое отображение (mapping) и метонимическое отображение (mapping) [6. С. 99]. Идеализированные когнитивные модели находятся в представлениях субъекта и зависят от уровня понимания ситуации человеком и его опыта, а не от самой реальности, поэтому степень их соответствия реальности может быть различной. Они могут «соответствовать некоторому пониманию мира абсолютно точно, очень хорошо, хорошо, неплохо, плохо, очень плохо или не соответствовать вообще» [6. С. 102].

Лакофф выделил пять типов идеализированных когнитивных моделей, к которым он отнес пропозициональные, образно-схематические, символические, а также метафорические и метонимические модели. Метафорические модели возникают в результате «отображения пропозициональных или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области» [6. С. 158]. Метонимическая модель применяется, когда одно понятие заменяет другое. Метафоры и метонимии составляют гибкую, динамическую часть идеализированной когнитивной модели. Благодаря им модель трансформируется и вбирает и интериоризирует результаты нового опыта индивида [8]. В рамках данной работы мы будем исследовать метафорические проекции понятия «искусственный интеллект».

Концептуальные метафоры в сфере искусственного интеллекта

Для построения идеализированной когнитивной модели понятия «искусственный интеллект» необходимо описать те серии концептуальных метафор, которые составляют ее структуру. Сложность описания метафорической проекции понятия «искусственный интеллект» определяется тем, что сам термин «искусственный интеллект» является метафорой. Поэтому в модели объяснения нужно разделить целевой домен искусственных систем (ЦД1) и целевой домен «искусственный интеллект» (ЦД2). По отношению к ЦД1 *искусственный интеллект* будет выступать доменом-источником, так как слово «интеллект» здесь переносится на искусственные системы, чтобы зафиксировать параллель между их работой и деятельностью человеческого разума. Далее для объяснения этого понятия (ЦД2) привлекаются множественные дополнительные домены-источники. Можно сказать, что для объяснения систем, моделирующих интеллектуальную деятельность, в языке проводится двойная метафорическая проекция. При этом помимо метафорического происходит и метонимический перенос. Результат первой метафорической проекции (понятие «искусственный интеллект») фактически заменяет объект (системы, моделирующие интеллектуальную деятельность) и сам становится целевым доменом для различных концептуальных метафор.

Зонтичный характер термина «искусственный интеллект», а также его метафоричность затрудняют его использование в профессиональной среде, при этом он широко известен и обладает высоким коммерческим потенциалом. В связи с этим в индустрии происходит раздвоение терминологии. Разработчики и исследователи в профессиональном дискурсе все чаще используют термины «нейросеть (нейронная сеть), модель», а словосочетание «искусственный интеллект» применяется 1) для обозначения области исследований; 2) для рассказа об исследованиях и разработках потенциальным заказчикам, потребителям и широкой аудитории. Можно предположить, что такое разделение терминологии приведет к построению различных идеализированных картин мира, но в рамках данной работы мы будем исходить из гипотезы о метонимическом переносе термина «модель» на термин «искусственный интеллект», тем более что такие переносы описаны в литературе [9]. Термины «нейросеть» («нейронная сеть») и «модель» рассматриваются как синонимы. В качестве материала для исследования выбраны русскоязычные тексты, включающие публичные выступления российских разработчиков и исследователей на

профессиональных мероприятиях и в СМИ (https://vkvideo.ru/video-161840409_456242122, https://vkvideo.ru/video-9471321_456242868, <https://safe-surf.ru/specialists/article/5325/706352/6>, <https://hss.center/longrids/interview-ii> и др.). Предпочтение отдавалось устным высказываниям, так как именно в устной речи исследователи наиболее широко используют метафоры, образные сравнения, лексику из профессионального жаргона. Результаты исследования в схематичном виде представлены на рисунке.

Идеализированная когнитивная модель понятия «искусственный интеллект / модель»

Для целевого домена «искусственный интеллект» можно выделить ряд доменов-источников, таких как машина, субъект, человек, электричество, оружие, помощник, здание, ученик, спорт, живое существо, времена года, пространство, товар:

– машина: *гонка искусственных интеллектов; подключить мозг к искусственному интеллекту; в ОАЭ прошли гонки среди нейросетей, гонки больших языковых моделей, модель на некоторых тестах опережает GPT-4o, механизм трансформеров;*

– субъект: *искусственный интеллект принимает решения; утверждает, независимый, самостоятельный агент, мастерски владеет искусством слова, анализом текстов, созданием визуального контента; самообучающийся ИИ, искусственный интеллект обещает, обладает пространственным мышлением, вникает в логику теорем, показывает «сверхчеловеческую креативность», мышление модели, линейное внимание, механизмы внимания, умная модель, умнее на голову всех;*

– человек: *модель интегрируется в общество, галлюцинирует, общается, пишет, креативит, создает, тело и голос модели, отец модели, модель врет, сочиняет стихи, рисует, пока чатгпт спит, Гигачат бдит; модель подглядывает ответы, «право первой ночи» на модель;*

– времена года: *весна искусственного интеллекта, зима искусственного интеллекта, «макушкой лета» этого «сезона» становится ноябрь 2022 г., когда свет увидел ChatGPT;*

не является ли *лето* искусственного интеллекта на самом деле *осенью*, когда мы собираем *урожай*?

– пространство: *вместилище* данных, *загрузить* данные в модель, *общий* ИИ, способный к решению *широкого* круга задач; *узкий* ИИ;

– электричество: искусственный интеллект как *электричество*: оно есть, и все прекрасно, оно не работает, и мы испытываем дискомфорт; большие языковые модели *подключаются* к привычным программам для создания текстов, презентаций, таблиц; *аккумулируют* накопленные человечеством данные, *замкнул накоротко* модель (задал модели вопросы, сформулированные ею самой – прим.);

– оружие: *гонка вооружений* в ИИ, ЕС активно врывается в *гонку* ИИ, *вооружившись* языковыми моделями, LLM представляет собой *абсолютное оружие*;

– помощник: искусственный интеллект *помогает* переводить, распознавать изображения, *возложили на плечи* ИИ, злоумышленники *с помощью* ИИ могут генерировать убедительные, но ложные данные, *сервисы* ИИ, искусственный интеллект как *второй пилот*;

– здание: *архитектура* модели, *строить* модель, *фундамент*, *достройка* модели, *сварщик* моделей;

– ученик: *обучение* модели, модель *успешно проходит* одни из *самых сложных тестов*, модель *сдает экзамен*;

– спорт: *тренировать* модель, модель *показывает высокие результаты*, модель *заняла второе место*; модели *соревнуются в сочинении мемов*;

– живое существо: *скормить* модели данные, *кормушка* для модели, *модель-донор*; пусть *живет*, модели “*голодны*” до данных, ИИ *проходит путь эволюции*;

– товар: *дешевая* модель, *бюджет* модели, в LLM'ки *новую модальность подвезли*, волну интереса к ИИ можно сравнить с *золотой лихорадкой*, *инвестировать* в ИИ, *продавать* модель, *вычислительный бюджет*.

Интерпретация результатов

Можно говорить, о том, что *коннекционистское лето* искусственного интеллекта, связанное с бумом нейросетей, изменило и структуру самой категории «искусственный интеллект». Д. Лакофф, вслед за Э. Рош, говорит о прототипических элементах категории, которые являются более значимыми ее примерами, чем другие элементы. В категории систем, объединяемых термином «искусственный интеллект», прототипические элементы менялись со временем. В 1960-е гг. примерами прототипических (показательных, эталонных) систем искусственного интеллекта были алгоритмы Логик-математик и Логик-теоретик, а в 1980-е – экспертные системы. В категории современных искусственных интеллектуальных систем центральное место занимают нейросети, прежде всего, большие языковые модели, что самым заметным образом отразилось в профессиональном дискурсе, где термин «модель» все чаще заменяет и даже вытесняет термин «искусственный интеллект».

В идеализированной когнитивной модели понятия «искусственный интеллект» центральное место занимают метафоры, связанные с человеком. Их репрезентируют домены-источники *человек, субъект, ученик, помощник*. Теория Лакоффа позволяет объяснить антропоморфизацию искусственных

систем, проявляющуюся в настойчивом приписывании им различных человеческих свойств. Анализируя особенности категоризации языка дьирбал, он сформулировал интересный принцип «мифа и веры», состоящий в том, что «если некоторое имя имеет характеристику X (на основании которой оно должно быть отнесено к некоторому классу), однако через миф или веру соединено с характеристикой Y, то оно в общем случае принадлежит к классу, соотносящемуся с Y, но не к классу, соотносящемуся с X» [6. С. 132–133]. То есть в представлениях человека объект, понимаемый через метафору, сам перемещается в тот класс объектов, который был использован в качестве домена-источника. Системы искусственного интеллекта являются техническими устройствами, однако привлечение метафоры интеллекта для их обозначения привело к формированию устойчивой связи между этими системами и человеком в языке и сознании людей. Обозначение искусственных систем словом «интеллект» прочно связало их в массовом сознании с доменом «человек», из которого и стали черпаться различные метафоры для обозначения и понимания различных аспектов их устройства и функционирования. Антропоморфизация характерна не только для народной модели референции. Анализ высказываний разработчиков и исследователей в области искусственного интеллекта показывает, что подобный перенос происходит и в профессиональной среде. Помимо домена-источника *человек* активно используется домен-источник *живое существо*, включая домашнее животное, которое нужно обучать и воспитывать и о котором следует заботиться. Естественный интеллект при этом выступает одновременно как эталон и образец, однако сам естественный интеллект не ограничен человеческим разумом.

В идеализированных когнитивных моделях особое место занимают пространственно-временные метафоры, отражающие, как правило, фундаментальные представления людей о каком-либо понятии. Применительно к искусственному интеллекту как к области исследований сложилась цепочка метафор, связанных с временами года, таких как *весна искусственного интеллекта*, *зима искусственного интеллекта*, *коннекционистское лето искусственного интеллекта*, «*макушкой лета*» этого «сезона» *становится ноябрь 2022 года, когда свет увидел ChatGPT*. Несмотря на нарушение логики развития искусственного интеллекта и внутренней логики метафоры времен года, когда вслед за *весной* ИИ наступила его *зима*, метафора не исчезла ни из медийного, ни из профессионального дискурса: не является ли *лето* искусственного интеллекта на самом деле *осенью*, когда мы собираем *урожай*? Некоторые авторы идут дальше и рассматривают каждый этап развития искусственного интеллекта как смену времен года. Представление о том, что технология «в процессе своей эволюции проходит несколько „сезонов“, лето сменяется зимой, между которыми есть подобие „межсезонья“» [10], применяется к описанию этапов развития искусственного интеллекта. Внутри каждого этапа выделяется своя *зима* и свое *лето*. А самый сложный период застоя, начавшийся в 1990-е гг. и продолжавшийся около 15 лет, даже называют *ядерной зимой* искусственного интеллекта. Цепочка метафор, связанных с сезонностью и сменой времен года, показывает неоднородность истории развития данной предметной области, в которой этапы прорывов и надежд сменялись периодами разочарования и затухания интереса.

Пространственная метафора, по-видимому, лежит в основе одного из наиболее значимых изменений в терминологии сферы искусственного интеллекта. Начиная с работы Д. Серля «Сознание, мозг и программы» [11], принято было использовать метафору силы для дифференциации интеллектуальных систем. Искусственный интеллект делили на *сильный* и *слабый*. На современном этапе это разделение уходит из профессионального дискурса, а для оценки систем применяются термины «общий» и «узкий искусственный интеллект». Под *общим* подразумевается *широкий*, тот, который может *охватывать* максимальное количество разнообразных задач. Под *узким искусственным интеллектом* (в русском языке термин еще не устоялся) понимается модель, обученная решению конкретной задачи в какой-либо области. Как показал Лакофф, ориентационная метафора устанавливает связь между пространственными характеристиками и оценками объектов. Счастье вверху и впереди, печаль внизу. *Широкий* – хороший, щедрый (*широта души*), *узкий* – ограниченный (*узость кругозора*). Метафора *узости* и *широты* показывает изменение понимания самого критерия интеллектуальности. Более эффективная система не та, которая *пересилила, победила* человека в какой-то интеллектуальной операции, а та, которая способна решать *широкий* круг задач, как это делает естественный интеллект.

Следует обратить внимание на то, что *электричество* представляет собой новый домен-источник, подключаемый для метафорического схватывания понятия искусственного интеллекта. Если субъектность приписывается интеллектуальным системам практически с момента их появления, то метафора электричества появилась совсем недавно. Впервые публично эту метафору использовал сооснователь платформы Coursera Эндрю Энг в своем курсе по машинному обучению (<https://ru.coursera.org/learn/machine-learning>) [12]. Она отражает очень важный процесс включения интеллектуальных систем в различные виды деятельности людей и их переход в фоновый режим. Эти системы становятся частью повседневной жизни и начинают восприниматься как что-то привычное и повседневное, при этом универсальное и всепроникающее. Как приборы *подключаются* к электрическим сетям, так и большие языковые модели *подключаются* к привычным программам для создания текстов, презентаций, таблиц; *аккумулируют* накопленные человечеством данные и даже *замыкаются накоротко*, когда модели задают вопросы, сформулированные ею самой.

Метафоры могут быть согласованными, т.е. соотносимыми с более широким концептом, и совместимыми, т.е. способными сформировать общий образ. Домены-источники *человек, ученик, спортсмен* являются совместимыми и позволяют представить образ ребенка или молодого человека, обладающего способностями, которого нужно учить, воспитывать, тренировать, которому предстоит сдавать экзамены и у которого есть отец. Домены-источники *спорт* и *живое существо* также могут создавать целостный образ питомца, о котором заботятся (*скормить модели данные, кормушка для модели*) и которого тренируют, готовят к выставкам, тестам, соревнованиям (*тренировать модель, модель показывает высокие результаты, модель заняла второе место; модели соревнуются*). Метафора спорта также совместима с метафорой машины, и вместе они формируют образ гоночного автомобиля. Большие языковые модели, как дорогие машины, участвуют в гонках (*в ОАЭ*

прошли гонки среди нейросетей), в которых одни системы опережают, обгоняют другие (модель на некоторых тестах опережает GPT-4o). Следует отметить, что метафора гонок также активно употребляется в значении гонка вооружений (гонка LLM, гонка вооружений в ИИ, ЕС активно врывается в гонку ИИ). Согласованными также могут быть метафоры здания и товара (архитектура модели до двух раз превосходит GPT-4 и других конкурентов). Эти метафоры формируют образ здания с уникальной архитектурой, которое обладает коммерческим потенциалом и разные части которого можно сдавать в аренду.

Как уже отмечалось, идеализированные когнитивные модели могут соответствовать реальности в большей или меньшей степени, и их использование человеком зависит от его личного опыта и уровня знаний. Это может объяснить разницу в популярной и профессиональной терминологии. ИКМ искусственный интеллект в большей степени соответствует обыденным знаниям о данной области и формируется преимущественно в медиасреде, в которой люди как получают информацию об искусственном интеллекте, так и взаимодействуют с самими искусственными интеллектуальными системами через медиаинтерфейсы. Для профессионалов ее отдаленность от реальности слишком заметна, поэтому чаще применяется термин «модель», который более точно соответствует научным знаниям исследователя, его опыту и реальности.

Заключение

Анализ СМИ и социальных сетей показывает, что для понимания содержания абстрактного понятия «искусственный интеллект» сформировалась сложная идеализированная когнитивная модель, включающая метафоры машины, субъекта, человека, электричества, оружия, помощника, здания, ученика, спорта, живого существа, времен года, пространства, товара. Пространственные метафоры отражают представления о сущностных характеристиках систем искусственного интеллекта, а метафора времен года помогает объяснять неоднородность развития сферы искусственного интеллекта. Антропоцентрические метафоры служат средством понимания деятельности и функций систем, а также решаемых ими задач. Объяснение процесса проектирования и обучения достигается за счет использования как технических, так и биологических метафор. Сравнение моделей с живыми существами особенно заметно в языке разработчиков. Некоторые выявленные метафоры могут быть совместимыми и составлять целостные образы. Анализ высказываний разработчиков интеллектуальных систем позволяет выделить устойчивые образы ученика (ребенка или молодого человека, обладающего способностями, которого нужно обучать, тренировать); питомца, о котором заботятся, которого тренируют, готовят к выставкам, тестам, соревнованиям. В СМИ активно транслируются образы скоростных автомобилей и новых видов оружия.

Исследование идеализированных когнитивных моделей сферы искусственного интеллекта может иметь большое значение для проведения социальной оценки, гуманитарной экспертизы, оценки рисков новых технологий и построения этики искусственного интеллекта. Такие модели помогут глубже понять опыт взаимодействия людей с системами искусственного интеллекта.

Выявление различия идеализированных когнитивных моделей обывателей и разработчиков может помочь в достижении единства понимания возможностей и угроз, создаваемых современными интеллектуальными системами.

Список источников

1. McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I // *Communications of the ACM*. 1960. Vol. 3, № 4. С. 184–195.
2. Курилович И.С., Голубов М.Д., Перова Н.В., Занина А.П. Искусственный интеллект как метафора, объект и субъект философского анализа // *Вопросы философии*. 2024. № 9. С. 177–189. doi: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-9-177-189>
3. Морозова Н.Н. Взаимодействие человека и компьютера. Новые когнитивные метафоры // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 2. С. 331–340.
4. Baryshnikov P. Language, Mind and Computation in the Metaphors of Cognitive Science // *Technology and Language*. 2023. № 4(4). С. 1–6. doi: <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.04.01>
5. Baryshnikov P., Velis L. Perceptual Experience and the Problem of Translation: Olfactory Metaphor in Technical and Literary Texts // *Technology and Language*. 2024. № 5 (4). С. 20–37. doi: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.04.03>
6. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Cienki A. Frames, Idealised Cognitive Models and Domains // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens. New York : Oxford University Press, 2007. P. 170–187.
9. Пушкарев Е.А. К вопросу о структуре идеализированных когнитивных моделей в актах переноса // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2015. Т. 12, № 4. С. 56–60. doi: [10.14529/ling150411](https://doi.org/10.14529/ling150411)
10. Дронин И. Пятое лето искусственного интеллекта. URL: <https://ko.ru/articles/pyatoe-letoo-ii/> (дата обращения: 01.02.2025).
11. Searle J. Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1980. № 3. P. 417–424.
12. Ng A. Machine Learning. URL: <https://ru.coursera.org/learn/machine-learning> (accessed: 01.02.2025).

References

1. McCarthy, J. (1960) Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I. *Communications of the ACM*. 3(4). pp. 184–195.
2. Kurilovich, I.S., Golubov, M.D., Perova, N.V. & Zanina, A.P. (2024) Iskusstvennyy intellekt kak metafora, ob"ekt i sub"ekt filosofskogo analiza [Artificial Intelligence as a Metaphor, Object, and Subject of Philosophical Analysis]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 177–189. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-9-177-189>.
3. Morozova, N.N. (2022) Vzaimodeystvie cheloveka i komp'yutera. Novye kognitivnye metafori [Human-Computer Interaction. New Cognitive Metaphors]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2. pp. 331–340.
4. Baryshnikov, P. (2023) Language, Mind and Computation in the Metaphors of Cognitive Science. *Technology and Language*. 4(4). pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.04.01>
5. Baryshnikov, P. & Velis, L. (2024) Perceptual Experience and the Problem of Translation: Olfactory Metaphor in Technical and Literary Texts. *Technology and Language*. 5(4). pp. 20–37. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.04.03>
6. Lakoff, G. (2004) Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind]. Translated from English by I.B. Shatunovsky. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Translated from English by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS.
8. Cienki, A. (2007) Frames, Idealised Cognitive Models and Domains. In: Geeraerts, D. & Cuyckens, H. (eds) *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. New York: Oxford University Press. pp. 170–187.

9. Pushkarev, E.A. (2015) К вопросу о структуре идеализированных когнитивных моделей в актах переноса [On the Structure of Idealised Cognitive Models in Acts of Transfer]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Lingvistika."* 12(4). pp. 56–60. DOI: 10.14529/ling150411

10. Dronin, I. (n.d.) *Pyatoe leto iskusstvennogo intellekta* [The Fifth Summer of Artificial Intelligence]. [Online] Available from: <https://ko.ru/articles/pyatoe-leto-ii/> (Accessed: 1st February 2025).

11. Searle, J. (1980) Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence. *The Behavioral and Brain Sciences*. 3. pp. 417–424.

12. Ng, A. (n.d.) *Machine Learning*. [Online] Available from: <https://ru.coursera.org/learn/machine-learning> (Accessed: 1st February 2025).

Сведения об авторе:

Ястреб Н.А. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: nayastreb@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yastrebn N.A. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Philosophy, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: nayastreb@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025;

одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 17.04.2025

The article was submitted 25.02.2025;

approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 17.04.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/84/6

ПРОБЛЕМА АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ В ОНТОЛОГИИ И СЕМАНТИКЕ НЕОФРЕГЕАНЦЕВ

Вероника Валерьевна Бурьян

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
burian.veronika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0809-450X>*

Аннотация. Рассматриваются некоторые ключевые аспекты онтологии, эпистемологии и семантики философов-неофрегеанцев Боба Хейла и Криспина Райта. Показано, как с помощью принципов абстракции решается проблема существования абстрактных объектов. Основное внимание уделяется интерпретации принципов абстракции как имплицитных определений. Приводится номиналистическая критика неофрегеанского платонизма.

Ключевые слова: абстрактные объекты, Б. Хейл, К. Райт, неологицизм, неофрегеанство, принципы абстракции, имплицитные определения, платонизм

Для цитирования: Бурьян В.В. Проблема абстрактных объектов в онтологии и семантике неофрегеанцев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 55–63. doi: 10.17223/1998863X/84/6

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE PROBLEM OF ABSTRACT OBJECTS IN THE ONTOLOGY AND SEMANTICS OF NEO-FREGEANS

Veronica V. Burian

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
burian.veronika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0809-450X>*

Abstract. This article addresses the problem of abstract objects in neo-Fregeanism, a version of Fregean logicism that holds that mathematical truths are fundamentally truths of logic. Another key thesis shared by most logicians is that there exist abstract objects, such as numbers, sets, and directions, which present significant ontological challenges. Neo-Fregeans Bob Hale and Crispin Wright propose a framework inspired by Frege's works. Abstraction principles, which typically take the logical form of a biconditional $\Sigma(a) = \Sigma(b) \leftrightarrow \Box R(a,b)$, are a central elements of their approach. An example of abstraction principles is Hume's Principle: "The number of Fs is equal to the number of Gs if and only if there is a one-to-one correspondence between Fs and Gs". Hale and Wright use Hume's Principle to derive the axioms of arithmetic – a formal result known as Frege's Theorem, which has been proven consistent. They argue that numbers and other mathematical entities

exist independently as objects, identifying “objecthood” with being the referent of a singular term in a true statement. Hale and Wright view abstraction principles as implicit definitions that introduce new concepts contextually; such definitions, they maintain, are analytic truths. Moreover, these principles establish criteria of identity for abstract entities, thereby granting epistemic and referential access. In their examination of Frege’s *Grundlagen der Arithmetik*, Hale and Wright introduce the notion of “reconceptualization”, illustrating how a single state of affairs can be depicted differently by adopting various “modes of presentation”. However, neo-Fregean ontology has also faced criticism. Nominalist philosophers propose alternative interpretations of abstraction principles. Two main nominalist strategies are reductionism and eliminativism. Reductionism seeks to show that when we speak of abstract objects, we are actually referring to a different category of concrete entities. Eliminativism rejects the truth of abstraction principles altogether. Consequently, abstract objects are excluded from ontology, since any expressions that purport to denote them are seen merely as useful fictions lacking real referential content. One of neo-Fregeans’ primary responses to these criticisms is to argue that the a priori knowledge derived from abstraction principles remains sufficiently robust, and that relying exclusively on empirical epistemological procedures reflects an unfounded orthodoxy. In addition, this article outlines several other challenges facing the neo-Fregean approach to ontology. In conclusion, it is noted that despite these criticisms, neo-Fregeanism continues to attract significant interest from both philosophers of mathematics and metaphysicians.

Keywords: abstract objects, Bob Hale, Crispin Wright, neo-Fregeanism, neologicism, principles of abstraction, implicit definitions, Platonism

For citation: Burian, V.V. The problem of abstract objects in the ontology and semantics of neo-fregeans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 55–63. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/6

Неофрегеанство – это одна из наиболее авторитетных разновидностей неологицизма. Главный тезис неологицистской программы основания математики заключается в возможности сведения истин математики к истинам логики. Онтология неофрегеанцев Боба Хейла и Криспина Райта предполагает существование как конкретных объектов, так и абстрактных. Числа и некоторые другие математические сущности, например направления, являются абстрактными объектами. Они самостоятельны, т.е. независимы от других объектов или мышления человека. Абстрактные объекты каузально неэффективны и располагаются вне пространства и времени. В силу этих характеристик возникает ряд проблем, заставляющих усомниться в их существовании. Каким образом мы получаем надежное знание о них? Как мы можем удостовериться в том, что они действительно существуют? Верно ли то, что мы ссылаемся на числа как объекты референции, когда используем числовые термины, или это всего лишь полезные образные выражения?

Неофрегеанцы убеждены, что с этими вопросами можно справиться с помощью принципов абстракции. Они позволяют зафиксировать референцию нововводимых в лексикон теории абстрактных понятий и удостовериться в существовании объектов, на которые они ссылаются. Предполагается, что знание, полученное этим способом, является достаточно надежным и убедительным.

Принципы абстракции и их роль в неофрегеанстве

В параграфе 62 «Основоположений арифметики» Готлоб Фреге формулирует тезис, который впоследствии будет назван *принципом контекстуальности*: «слова обозначают нечто только в контексте предложения» [1. С. 43].

Фреге полагал, что для определения базовых математических понятий, таких как число и направление, нужно найти подходящее истинное выражение, в котором фигурирует соответствующий термин. Для этой цели подходят принципы абстракции. Общий вид таких принципов:

$$\Sigma(a) = \Sigma(b) \leftrightarrow R(a, b),$$

где a и b – переменные первого или выше порядка; Σ – оператор, образующий новый термин. Он обозначает функцию от сущностей a и b к новым абстрактным объектам; R – некоторое отношение эквиваленции между a и b . Таким образом, принципы абстракции имеют форму бикондиционала. Предполагается, что рациональный агент уже знаком с сущностями a и b . Отношение эквиваленции, как и отношение тождества, ему также уже известны.

После смерти Фреге его проект основания математики считался провалившимся на протяжении многих десятилетий. Но в 80-е гг. XX в. Криспину Райту удалось доказать Теорему Фреге, что способствовало возрождению интереса к фрегеанскому логицизму. Неофрегеанцы также рассматривают принципы абстракции как инструменты, позволяющие ввести в лексикон теории новые понятия. Кроме того, они помогают удостовериться в существовании объектов, которые теория описывает. Предполагается, что референты введенных с помощью принципа абстракции терминов – это абстрактные объекты.

То, что математические сущности являются именно объектами, вытекает из неофрегеанского определения объекта. Объект – это референт единичного термина, фигурирующего в истинном предложении, свободном от компрометирующих контекстов, таких как эпистемические или модальные. Неофрегеанцы придерживаются тезиса лингвистического приоритета. Если синтаксическое условие (т.е. слово действительно является единичным термином¹) и условие истинности всего выражения выполнены, то реальность не может не содержать соответствующий референт. Как отмечает В.В. Целищев, «все эти требования сводятся к тому, чтобы рассматривать синтаксические формы как характеристики мира, описываемого в языке, особенно формальном» [2. С. 10]. Убедиться в выполнении этих условий мы можем без дополнительных эпистемологических процедур, так как речь идет об априорном знании. Успех референции основывается на фактах об истинности.

Например, для того чтобы ввести математический термин «направление», используется следующий принцип абстракции:

$$D(a) = D(b) \leftrightarrow R(a, b).$$

Неформально его можно выразить как направление линии a , идентичное направлению линии b , если и только если линия a параллельна линии b . D – это оператор, образующий новый термин «направление». R – это отношение эквивалентности, а именно параллельности между линиями a и b .

Принципы абстракции также позволяют зафиксировать *критерии тождества* для вводимых с их помощью понятий и объектов. Как гласит важный для аналитической философии тезис Уилларда Ван Ормана Куайна, «нет сущности без тождества» [3. Р. 20]. Наличие способа для распознавания объ-

¹ Хейл и Райт предлагают целый ряд тестов, позволяющих удостовериться, что выражение действительно является единичным термином. Подробнее см. в работах Б. Хейла «Singular terms (1)» и «Singular terms (2)», включенных в сборник «The Reason's Proper Study».

ектов как тождественных обеспечивает бóльшую убедительность тезиса о том, что абстрактные объекты существуют и являются самостоятельными.

Хейл и Райт полагают, что понятие, которое вводится с помощью принципа абстракции, является *сортальным*. Оно применяется для обозначения некоторой разновидности объектов, которые поддаются счету. Быть сортальной – значит иметь критерии тождества, позволяющие отличить один объект некоторого вида от другого объекта такого же вида. Еще один критерий сортальности – наличие способа индивидуации объектов. Хейл и Райт считают, что принципы абстракции позволяют обеспечить необходимые условия для того, чтобы введенные с их помощью понятия, такие как «число», «направление», были именно сортальными. Эта характеристика крайне важна для неофрегеанского решения «Проблемы Юлия Цезаря». Коротко говоря, поскольку для чисел и людей разные критерии тождества и критерии индивидуации, рациональный агент в состоянии избежать ошибки кроссидентификации, т.е. отождествления объектов, подпадающих под разные сортальные понятия.

Принципы абстракции как имплицитные определения

Б. Хейл и К. Райт интерпретируют принципы абстракции как имплицитные или контекстуальные определения. Имплицитное определение заключается во введении нового термина как составной части более крупной лингвистической единицы, например, предложения. Мыслители полагают, что, по крайней мере, некоторые имплицитные определения можно считать надежными. Такие определения оказываются очень полезными, когда речь идет о самых базовых, примитивных понятиях теории, которые не поддаются дальнейшему анализу и редукции. Как полагают Хейл и Райт, «мы можем зафиксировать значение выражения, накладывая некоторую форму ограничения на использование более длинных выражений, как правило, целых предложений, содержащих его» (пер. мой. – В.Б.) [4. Р. 117].

Принципы абстракции, рассмотренные как имплицитные определения, имеют еще одну важную характеристику – они являются стипулятивными. В статье П.И. Олейник можно найти следующую формулировку: «Стипулятивные определения – это определения, в которых новым или существующим терминам дается специфическое значение в целях аргументации или дискуссии в данном контексте» [5. С. 82]. Стипуляцию можно рассмотреть и как речевой акт. Эта процедура позволяет провозгласить истинность предложения (или целого класса предложений), содержащего еще неизвестное определяемое. Мы стипулируем принцип абстракции как истинный и тем самым фиксируем условие истинности выражения тождества (т.е. левой стороны бикондиционала), содержащего новые термины как совпадающее с условием истинности правой стороны. Тем самым мы получаем исчерпывающее *объяснение* выражения из левой стороны, и нам становится понятен смысл как всего бикондиционала, так и его составных частей.

В таком случае мы знаем, что если правая сторона истинна, например, линия *a* действительно параллельна линии *b*, левая сторона так же истинна в силу этого же факта. В то же время мы знаем, что в левой стороне фигурируют подлинные единичные термины, ссылающиеся только на объекты, а не определенные дескрипции или кванторы. Собранных данных достаточно для того, чтобы сформировать единичную мысль и *понять*, что кроется за опре-

деляемыми терминами. Мы понимаем, что есть нечто, что совпадает у двух линий, если они параллельны. Именно это мы называем направлением.

В процессе имплицитного определения такого рода мы в некотором смысле изобретаем значение определяемого понятия, поскольку впервые фиксируем *паттерн использования* нового термина. Хейл и Райт проводят аналогию с тем, как ребенок может «открыть» для себя куб. Он может вылепить из песка такую геометрическую фигуру, при желании повторить и придумать для нее название или услышать его от взрослого. Это не значит, что он изобретает куб, ведь эта возможность уже содержалась в мире. В данном случае он может успешно отличить куб от других фигур благодаря образцу. Принцип абстракции также позволяет приобрести компетенцию в использовании нового понятия и способность сохранять ее в разных контекстах. Но не с помощью остенсии (указания), а будучи надежным и понятным паттерном использования. Как отмечает В.В. Целищев, философия языка неофрегеанцев близка к философии позднего Витгенштейна с ее тезисом о том, что значение есть употребление [2. С. 11].

Б. Хейл и К. Райт предполагают еще целый ряд ограничений, которым должны соответствовать имплицитные определения. Например, они должны быть формально непротиворечивыми и быть консервативными, т.е. не противоречить уже существующей онтологии. Но если все условия соблюдены, то реальность не может не содержать соответствующий референт. Связь между словом и объектом возникает не в процессе именования, когда только после обретения референта слово обретает смысл. Но, наоборот, через схватывание смысла всего выражения и затем смысла определяемого понятия оно обретает референт. Таким образом мы обеспечиваем референциальный (и эпистемический) доступ к абстрактным объектам даже в отсутствие каузального взаимодействия с ними.

Здесь, однако, возникает довольно сложный для неофрегеанцев вопрос, касающийся соотношения языка и мира. Является ли реальность пластичной, поддающейся формированию с помощью языка? Или же она «кристаллическая» с уже имеющимся набором объектов? Оба варианта можно найти в работах Хейла и Райта. Но они остаются квиетистами в отношении этого вопроса. Между принципом абстракции, понимаемым тем образом, который они предлагают, и реальностью нет метафизического зазора, который нужно заполнять [6. Р. 193].

Реконцептуализация

Стипулируя истинность некоторого принципа абстракции мы одновременно стипулируем совпадение условий истинности правой стороны и левой. Это означает, что хотя у правой и левой сторон бикондиционала разные смыслы, положение дел в мире, которое обеспечивает их истинность, одно и то же. И утверждение о тождестве направлений, и утверждение о параллельности линий истинны, если линия *a* действительно параллельна линии *b*.

Подробно анализируя параграф 64 «Основоположений арифметики», Хейл и Райт обсуждают процедуру, которую называют *реконцептуализация*. Фреге предполагал, что одно и то же содержание мы «расчленим» между двумя частями принципа абстракции. Знак параллельности в правой части можно понять как знак равенства. Одно и то же положение дел мы можем интерпрети-

ровать двумя способами – как выражение о параллельности линий и как выражение о равенстве направлений. Две части принципа абстракции синонимичны в том смысле, что их истинностные значения и содержания совпадают. При этом в левой части фигурируют новые понятия, которых нет в правой. Новые понятия ссылаются на новые объекты, о которых в правой стороне не упоминается. Предполагается, что правая часть служит объяснением для левой.

Однако здесь возникает проблема. В семантике Фреге референт предложения – его истинностное значение, а смысл – мысль, которую оно выражает. Согласно приписываемому Фреге *принципу композициональности*, смысл выражения складывается из смыслов его составных частей. Понимая семантику предложений таким образом, ее сложно совместить с процедурой реконцептуализации. Если смыслы двух сторон принципа абстракции равны, то смыслы понятий, составляющих правую и левую части, тождественны. Но задача ведь заключается во введении новых терминов, имеющих новый отличительный смысл. Реконцептуализация в этом случае не будет иметь когнитивного значения. Каким-то образом мы должны совместить тезис о том, что высказывание о параллельности линий и высказывание о тождестве направлений выражают один и тот же смысл, но единичные термины, которые в них фигурируют – «линия» и «направление», имеют различные смыслы.

Б. Хейл и К. Райт решают отойти от учения Фреге для решения данной проблемы. Они различают содержание предложения и смысл, который оно выражает. Содержание – это условие истинности, некое положение дел, возможное или актуальное. Иметь одно и то же содержание, значит, иметь одни и те же условия истинности. Обе стороны принципа абстракции имеют одинаковое содержание, так как являются высказываниями об одном и том же положении дел и имеют одинаковые условия истинности. При этом допустимо, что они могут иметь различный смысл.

Б. Хейл и К. Райт обращаются к идее Фреге о том, что смысл имени – это способ представления референта (*mode of presentation*). У одного объекта может быть более чем одно представление. Эту идею можно экстраполировать на предложения. Содержание предложения только объясняет смысл, но не является им. Смысл предложения – это «способ представления своего референта или способ определения (детерминирования) его семантического значения» (пер. мой. – В.Б.) [4. Р. 196]. Семантическое значение предложения – это его истинностное значение. Именно смысл композиционален. Смысл, а не содержание зависит от понятий и способа их композиции. Стороны бикондиционала репрезентируют/детерминируют истинностное значение, обусловленное одним и тем же фактом реальности, но разными способами. Правая сторона как утверждение о существовании линий и их параллельности, левая как утверждение о существовании направлений и их тождестве. Такая интерпретация семантики предложений позволяет сохранить приверженность тождественности содержаний и необходимости совпадения истинностных значений двух предложений при различии смыслов и референтов их составных частей.

Критика со стороны номиналистов

С точки зрения неофрегеанцев, если все условия удовлетворены и мы можем быть уверены в истинности выражений, в которых фигурируют абстрактные единичные термины, реальность не может не содержать необхо-

димый референт. Но номиналистически настроенные философы не согласны с тезисом лингвистического приоритета. Нельзя принять объекты в онтологию на основании стипуляции. Необходимы дополнительные эпистемологические процедуры. Грубо говоря, они настаивают на той или иной форме подтверждения знания о существовании объектов через возможность каузального взаимодействия с ними. Если мы не можем этого обеспечить, то мы должны найти способ устранить абстрактные объекты из онтологии. Это можно сделать двумя способами. 1. С помощью *редукции* мы можем показать, что говоря об абстрактных объектах, мы на самом деле говорим о некоторых конкретных объектах. Некоторые номиналисты-редукционисты считают, что для этого также можно использовать принципы абстракции. 2. Второй вариант – *элиминативный* номинализм. Он предполагает полный отказ принципам абстракции в истинности. В этом случае абстрактные объекты устраняются из онтологии, поскольку выражения, которые их обозначают, – это всего лишь полезные фикции, не несущие референциальной нагрузки.

Редукционисты соглашаются, что принципы абстракции, понятые как контекстуальные определения, могут быть истинны. Согласно *нетолерантному редукционизму*, только в правой стороне принципа абстракции фигурируют подлинно реферирующие термины. Она содержит высказывание только об одном типе объектов – о линиях. Но поскольку мы рассматриваем обе части бикондиционала как эквивалентные, если в правой стороне нет референции к направлениям, то ее нет и в левой части. Поэтому, согласно нетолерантному редукционизму, выражения в левой части не являются подлинными единичными терминами. *Толерантный редукционизм* – это позиция, которой придерживался Майкл Даммит [7. Р. 191]. Он считал, что термины в левой части определенно являются единичными терминами. Однако референция абстрактных терминов отличается от референции конкретных терминов. Мы не можем интерпретировать абстрактные термины реалистически. Поскольку они вводятся в дискурс контекстуально, их смысл постигается посредством других выражений. По мнению Даммита, референциальный статус абстрактных терминов не играет роли ни для определения истинностного значения целого выражения, ни для схватывания всей мысли, в которой они фигурируют. Мы можем приписать им референцию только в «тонком» (*thin*) [7. Р. 198] смысле. Даммит не предлагает устранить абстрактные термины ввиду их семантической несостоятельности. Поскольку нельзя «последовательно сочетать утверждение о том, что существует число, удовлетворяющее определенному условию, с заявлением о том, что чисел вообще не существует» (пер. мой. – В.Б.) [7. Р. 191].

Элиминативный номинализм не признает истинность принципов абстракции. Так как у нас нет эпистемического доступа к абстрактным объектам, мы не должны считать, что они существуют. Мы можем принять принципы абстракции только как условные выражения, т.е. выражения вида «если бы направления существовали, то направление линии *a* было бы тождественно направлению линии *b* в том случае, если линия *a* параллельна линии *b*». Только в таком виде принцип абстракции может быть истинным. Но тогда мы не обязаны включать абстрактные объекты в онтологию. Такой вывод делается с опорой на каузальную теорию знания. Так как знание по знакомству об абстрактных объектах невозможно ввиду их каузальной и простран-

ственно-временной изолированности, мы не должны включать их в онтологию. К тому же проблематичной кажется процедура стипуляции. Если у нас нет эмпирического подтверждения существования объекта, мы не можем гарантировать его существование с помощью стипуляции. К представителям элиминативного подхода можно отнести Хартри Филда.

Одна из линий защиты неопределенцев от такого рода критики заключается в том, чтобы показать необоснованность исключительно каузального подхода к знанию, на котором настаивают номиналисты. Б. Хейл и К. Райт считают, что априорное знание, получаемое с помощью принципов абстракции, достаточно надежно и ограничение исключительно эмпирическими эпистемологическими процедурами – это необоснованная ортодоксия.

Для защиты своего философско-математического проекта Хейлу и Райту пришлось искать новые определения для целого ряда базовых метафизических понятий. Спор между номиналистами и реалистами в современной аналитической философии вышел на метаонтологический уровень. Это предполагает обсуждение вопросов о критериях существования, о том, что значит существовать, что значит быть объектом. Хейл и Райт внесли заметный вклад в формирование метаонтологии абстракционизма [8. Р. 79]. Абстракционизм является альтернативой преобладающему куайнианскому подходу.

Рассмотренные в ходе нашего анализа аспекты онтологии и семантики неопределенцев не лишены проблем и зачастую подвергаются критике как со стороны номиналистов, так и со стороны представителей других платонистических направлений. То, что многие принципы абстракции являются формально не противоречивыми, признается большинством теоретиков. Тем не менее их интерпретация как имплицитных определений, способных исчерпывающе объяснить вводимое понятие, вызывает сомнение. Особенно проблематичным кажется введение новых принципов и понятий как несущих экзистенциальную нагрузку с помощью стипуляции. Делать утверждения о существовании чего-либо на основе стипуляции – нечто сродни магии. Как будто принцип абстракции – это заклинание и его произнесения достаточно для вызывания сущностей из небытия. Мало помогает предложенный Хейлом и Райтом ход с применением реконцептуализации. Во-первых, мы не можем быть уверены, что действительно в состоянии верно отождествить условия истинности двух предложений, одно из которых нам непонятно. Во-вторых, можно усомниться в том, действительно ли мы можем считать два предложения из правой и левой части бикондиционала эквивалентными. В-третьих, как подмечают номиналисты, сложно понять, как происходит перенос онтологических обязательств, которые имеет правая сторона по отношению к реальности, на левую сторону. Ведь в самом по себе утверждении о, например, линиях нет утверждения о направлениях.

Абстракционизм является развивающейся метаонтологической программой, имеющей, помимо Хейла и Райта, ряд выдающихся сторонников, таких как Кит Файн и Эйстейн Линнебо. Несмотря на приведенную критику, неопределенство представляет интерес как для философов математики, так и для метафизиков.

Список источников

1. *Фреге Г.* Основоположения арифметики: Логико-математическое исследование о понятии числа / вступ. ст. и пер. В.А. Суровцева. Томск : Водолей, 2000. 127 с.

2. Целищев В.В. Принципы абстракции и неологизмизм // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2008. Т. 6, вып. 3. С. 9–14.
3. Quine W.V. Speaking of Objects // Ontological Relativity and Other Essays. New York : Columbia University Press, 1969. P. 1–25.
4. Hale B., Wright C. The Reason's Proper Study. Oxford : Oxford University Press, 2001. 472 p.
5. Олейник П.И. Стипулятивный характер принципа Юма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 81–88.
6. Hale B., Wright C. The Metaontology of Abstraction // Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology / ed. by D.J. Chalmers, D. Manley, R. Wasserman. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 178–212.
7. Dummett M. Frege. Philosophy of mathematics. Duckworth, London : Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1991. 331 p.
8. Eber P., Rossberg M. Abstractionism: Essays in Philosophy of Mathematics. Oxford : Oxford University Press, 2016. 368 p.

References

1. Frege, G. (2000) *Osnovopolozheniya arifmetiki: Logiko-matematicheskie issledovaniya o ponyatii chisla* [Foundations of Arithmetic: Logico-Mathematical Studies on the Concept of Number]. Translated from German by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley.
2. Tselishchev, V.V. (2008) Printsipy abstraktsii i neologitsizm [Principles of abstraction and neologicism]. *Vestnik NGU. Ser.: Filosofiya*. 6(3). pp. 9–14.
3. Quine, W.V. (1969) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press. pp. 1–25.
4. Hale, B. & Wright, C. (2001) *The Reason's Proper Study*. Oxford: Oxford University Press.
5. Oleinik, P.I. (2017) Stipulative character of Hume's principle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 40. pp. 81–88. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/8
6. Hale, B. & Wright, C. (2009) The Metaontology of Abstraction. In: Chalmers, D.J., Manley, D. & Wasserman, R. (eds) *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford: Oxford University Press. pp. 178–212.
7. Dummett, M. (1991) *Frege. Philosophy of Mathematics*. Duckworth, London: Harvard University Press, Cambridge, Mass.
8. Eber, P. & Rossberg, M. (2016) *Abstractionism: Essays in Philosophy of Mathematics*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Бурьян В.В. – аспирант, философский факультет, кафедра зарубежной философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: buryan.veronika@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Buryan V.V. – postgraduate student, Faculty of Philosophy, Department of Foreign Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: buryan.veronika@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025;
одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 25.01.2025;
approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья

УДК 165.0:82

doi: 10.17223/1998863X/84/7

КОГЕРЕНТИЗМ Л. БОНЖУРА, ПРЕТЕНЗИЯ ДЖ. ПОЛЛОКА И ПРИЧИННО-ДОКСАСТИЧЕСКОЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ УКОРЕНЕНИЯ

Никита Владимирович Головко

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия,
golovko@philosophy.nsc.ru*

Аннотация. Показано, что концепция когерентистского обоснования эмпирического знания Лоуренса Бонжура может быть согласована с концепцией причинно-доксастического эпистемического отношения укоренения (К. Коркз, Д. Миттаг, Р. Нета и др.), что позволит ответить на претензию Джона Поллока, что любая холистическая когерентистская теория не может провести различие между обоснованным и обосновываемым убеждением. Основной акцент сделан на экспликации доксастической компоненты в предполагаемой интерпретации отношения укоренения.

Ключевые слова: обоснование, когерентизм, эпистемическое отношение укоренения, Дж. Поллок, Л. Бонжур

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования: Головко Н.В. Когерентизм Л. Бонжура, претензия Дж. Поллока и причинно-доксастическое эпистемическое отношение укоренения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 64–76. doi: 10.17223/1998863X/84/7

Original article

LAURENCE BONJOURS'S COHERENTISM, JOHN POLLOCK'S CHALLENGE, AND CAUSAL-DOXASTIC EPISTEMIC BASING RELATION

Nikita V. Golovko

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation,
golovko@philosophy.nsc.ru*

Abstract. The article aims to show that Laurence BonJour's concept of coherentistic justification of empirical knowledge can be reconciled with the concept of causal-doxastic epistemic basing relation (K. Korcz, D. Mittag, R. Neta, et al.). This will allow responding to John Pollock's claim that "any holistic coherentist theory cannot distinguish between justified and justifiable beliefs". The main emphasis is placed on the explication of the doxastic component in the proposed interpretation of the basing relation. As one of the variants of explanatory meta-belief, which will be a part of a corresponding sufficient

condition for establishing the desired basing relation, a conditional “narrative” is considered that reveals the idea of a current belief’s belonging to a given coherent set of beliefs within the framework of BonJour’s theory. Given the limitations inherent in BonJour’s theory, such as the notion that observational beliefs with which all the other beliefs of a system must be coherent will be epistemically justified only in the presence of, and by virtue of, accompanying background empirical knowledge in the relevant contexts specified by other beliefs, or that a belief system must have a sufficient degree of coherence, greater than the degree of coherence of any alternative system; and the decision which one to accept will depend on the practical situation, and not on reasoning about the “level” of coherence, or that the relation of epistemic priority between individual beliefs depends on the question which particular belief or set of beliefs will be analyzed; and would be solved in each particular case, and others, – the essentially empirical question of the difference between “justified” and “justifiable” empirical, and therefore contingent, beliefs is guaranteed to have an answer in each particular case; and that answer will be interpreted at least as a part of sufficient conditions for justification.

Keywords: justification, coherentism, basing relation, John Pollock, Laurence BonJour

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00739, <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation: Golovko, N.V. (2025) Laurence BonJour’s coherentism, John Pollock’s challenge, and causal-doxastic epistemic basing relation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 64–76. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/

Сорок лет назад вышел не теряющий своей актуальности труд «Структура эмпирического знания» Лоуренса Бонжура [1]. И несмотря на замечания критиков, по крайней мере с педагогической точки зрения, с точки зрения охвата и понимания многообразия всей проблематики эпистемического обоснования знания, с точки зрения влияния, которое книга оказала на развитие сразу нескольких тематик и направлений – эпистемическое обоснование, интернализм, экстернализм, фаундализм, когерентизм, эмпирическое знание, восприятие, связь убеждений и реальности, и других, – это все еще лучший учебник по обоснованию эмпирического знания [2–4]. Хорошая концепция не обязана отвечать на все вопросы, скорее, хорошей ее делает то, что отдельные ее элементы со временем обнаруживают все новые и новые удачные сочетания, которые не дают концепции забыться, сохраняя ее востребованность. В предыдущей работе мы рассматривали возможность обосновать необходимость интернализма в теории Л. Бонжура «внешним образом» – посредством апелляции к концепции доксистического эпистемического отношения укоренения (Р. Ауди, Р. Фумертон, Х. Лонгино и др.) [5]. В этой статье мы надеемся привести еще один пример, иллюстрирующий устойчивость концепции Л. Бонжура как образца выстраивания позиции на пересечении «линий противостояния», которые на момент написания книги еще даже не были должным образом оформлены, по мере того как развиваются новые и актуализируются старые тематики, часть из которых, очевидно, не принималась Л. Бонжуром во внимание. Мы покажем, что тезис Джона Поллока, утверждающего, что в когерентистскую теорию обоснования нельзя должным образом инкорпорировать хорошую концепцию эпистемического отношения укоренения (связывающего убеждение и основания, апеллируя к которым данное убеждение получает обоснование), можно опровергнуть. В свое время

Дж. Поллок писал: «...существует разница между обоснованным (justified) и обосновываемым (justifiable) убеждением, – само по себе обладание основаниями (reasons) в пользу принятия убеждения совершенно не означает, что мы принимаем его именно в силу этих оснований, – и *холистические когерентистские теории* обоснования несовместны (incompatible) с этим делением» (здесь и далее курсив мой. – Н.Г.) [6. Р. 81]. Учитывая достаточно большой выбор возможных концепций эпистемического отношения укоренения (см., например, [7]), на наш взгляд, Л. Бонжур мог бы согласиться с тем, что для того, чтобы ответить на претензию Дж. Поллока, как вариант можно воспользоваться одной из интерпретаций причинно-доксастической концепции эпистемического отношения укоренения (К. Коркз, Д. Миттаг, Р. Нета и др.). Проблема лишь в том, чтобы заполнить недостающие лакуны.

Далее мы остановимся на претензии Дж. Поллока, на основных моментах когерентистской концепции обоснования Л. Бонжура, а также на понимании «причинного», «доксастического» и «недоксастического» аспектов предполагаемого эпистемического отношения укоренения. Как неоднократно отмечает Л. Бонжур, «отношение эпистемического приоритета между индивидуальными убеждениями зависит от того, какое именно убеждение или множество убеждений будет анализироваться в каждом конкретном случае; это решение будет зависеть от практической ситуации, а не от рассуждений об „уровне“ когерентности системы» (см., например, [1. Р. 154]). И именно эта особенность позволит нам рассуждать «в каждом конкретном случае» о конструктивности в плане установления «различия между обоснованными и обосновываемыми убеждениями» такого объекта системы убеждений, как «метаубеждение о принадлежности убеждения данному множеству», которое мы будем рассматривать как достаточное условие выполнения искомого отношения укоренения.

Претензия Дж. Поллока

Как и любой хороший скептический аргумент, рассуждения Дж. Поллока в явном виде содержит в себе указание на основания для ответа на него. «Адекватное отношение укоренения, по крайней мере частично, является причинным отношением. Быть обоснованным в том, что мы принимаем данное убеждение в силу данных оснований, – это значит принять, что данное убеждение „возникает из“ (arise out of) этих оснований некоторым подходящим (appropriate) способом. Однако кажется, что это невозможно, если мы говорим о холистических когерентистских теориях. Для того чтобы понятие обоснованного убеждения (противопоставляемого просто обосновываемому) имело смысл в этих теориях, отношение когерентности (каким бы оно ни было) должно быть таким, чтобы согласованность (coherence) убеждения с системой могла бы причинять (can cause) подходящим способом то, что субъект обладает (hold) этим убеждением. Отношение когерентности должно быть „подходящим образом причинно значимым“. Существует две возможности схватить природу причинной цепочки от когерентности к убеждению. С одной стороны, она может быть „доксастической“. Сначала субъект принимает, что *P* согласуется с системой убеждений, а потом принимает *P* на этом осно-

вании. Простейшее возражение заключается в том, что обычно у нас нет достаточно емкого подходящего представления о когерентности. Кроме того, такой ход рассуждений ведет к бесконечному регрессу: для того чтобы принять, что *P* согласуется с системой, убеждение, что *P* согласуется с системой, само должно быть согласовано с системой и т.д. Остается возможность причинной трактовки, согласно которой причинение *P* происходит без допущения, что у субъекта есть другие убеждения о том, согласуется ли *P* с системой или нет. Однако можно ли согласиться с тем, что отношение когерентности может причинять убеждения недоксастическим способом? В этом случае сложно понять то, в каком смысле оно может быть „подходящим образом причинно значимым“» [6. Р. 81–82]. Предположим, что здесь Дж. Поллок неявно схватил основные элементы того эпистемического отношения укоренения, которое можно было бы ассоциировать с когерентистской концепцией обоснования Л. Бонжура. Собственно, речь идет о том, что (а) «адекватное отношение укоренения, по крайней мере частично, является причинным отношением» и (б) «существует две возможности схватить природу причинной цепочки от когерентности к убеждению, она может быть „доксастической“ и „недоксастической“». Наша задача заключается в том, чтобы проинтерпретировать отмеченные «частично причинный» характер и «доксастический и недоксастический» аспекты предполагаемого отношения укоренения и показать, что в концепции холистического когерентистского обоснования эмпирического знания Л. Бонжура, по крайней мере, потенциально и с учетом соответствующих допущений, можно провести границу между обоснованными и обосновываемыми убеждениями.

Когерентизм Л. Бонжура

На наш взгляд, если мы говорим собственно об обосновании, то можно остановиться на следующих двух основных моментах концепции Л. Бонжура [2–4].

(а) Обоснование нелинейно. Это именно та характеристика, которая нужна Л. Бонжуру для того, чтобы показать, что когерентизм способен преодолеть проблему эпистемического регресса. Именно в этом смысле мы говорим, что его концепция обоснования является холистической. «Мы не отрицаем само понятие эпистемического приоритета. Обоснование единичного эмпирического убеждения опирается на множество убеждений, чья обоснованность внутри системы, локально, принимается как само собой разумеющееся. Убеждения выстраиваются в одномерную последовательность, структурированную отношением эпистемического приоритета, в которой обоснование корректно передается от одного убеждения к другому в соответствии с принятыми паттернами вывода. И, конечно, убеждения-посылки в соответствующих им контекстах должны быть обоснованы. Однако такое представление лишь выглядит линейным. Эти „контекстные“ базовые убеждения не обладают исключительными характеристиками тех самых базовых убеждений в фаундализме. Те отношения между индивидуальными убеждениями, которые выглядят как отношения эпистемического приоритета (*priority and posteriority*), только воспринимаются таковыми и на самом деле являются отношениями взаимной поддержки (*reciprocal support*) внутри системы, которая по отношению к ним

первична. В такой системе нет понятия абсолютный эпистемический приоритет, а значит, нет основания для регресса. Здесь важно направление аргумента в каждом конкретном случае локального обоснования, которое будет зависеть от того, какое именно убеждение или множество убеждений будут анализироваться в данном конкретном случае» [1. Р. 91–92]. Оставим пока в стороне вопрос об отношении «локального обоснования» и также присутствующего в концепции «глобального метаобоснования», гарантирующего адекватность правил первого и обоснованность всей системы в целом. Важно то, что мы говорим об обосновании эмпирического/контингентного знания, а значит, представление о «разном направлении аргументации в каждом конкретном случае» может предполагать разные способы задания отношения эпистемического приоритета. Следовательно, между убеждениями действует «обосновывающее отношение вывода», которое в одном контексте может удовлетворять одному отношению эпистемического приоритета, а в другом – другому. Это буквально контекстуализм, но Л. Бонжур не будет так говорить, поскольку (и это его осознанная позиция) он работает в «классической традиции» (реализм, интернализм, корреспондентная теория истины и т.д.)¹.

(б) Обоснование есть функция когерентности. «Когерентность системы убеждений – это достаточно сложный и уязвимый (fragile) феномен, который легко нарушить, а значит, в принципе (inherently) маловероятно, что система убеждений, которая постоянно получает дополнительное (input) эмпирическое содержание будет оставаться когерентной без постоянного (constant) пересмотра когерентности перед лицом новых данных» [1. Р. 171]. Когерентность, точно так же как и обоснование, «всегда присутствует в какой-то степени». Это не истинность. Следовательно, предполагаемый аргумент в пользу обоснованности того или иного убеждения, при равных условиях, должен учитывать тот факт, что в данном случае обоснование предполагает зависимость от степени когерентности и/или от времени «стабильности» системы –

¹ Не стоит забывать, что Л. Бонжур строит концепцию обоснования именно эмпирического, а значит, контингентного, знания. В данном случае субъект вовсе не обязан схватывать все потенциально присутствующие в системе «убеждения-знания» или рассуждать о знании в абсолютных терминах. Мы говорим только об актуальных субъектах, актуальных убеждениях и актуальных системах, которые выхватывают «не строго» определенный и «не полный» (в математическом смысле) интенционально заданный «фокус внимания». Который, на наш взгляд, вполне можно определить, например, как «реальный паттерн» по Д. Деннету. Вся система убеждений субъекта гарантированно будет содержать множество «локальных» систем убеждений, каждая из которых внутри себя будет когерентна в разной степени, будет опираться на разные «контекстные базовые убеждения», будет апеллировать к разным «отношениям эпистемического приоритета», «взаимной поддержки» или «паттернам вывода» либо же будет состоять из соответствующих комбинаций «хорошо известных» элементов других систем, и это не проблема. Гораздо важнее то, как в этой ситуации Л. Бонжур удастся проинтерпретировать такие знаковые характеристики эмпирического знания, как «эмпирический характер системы определяется тем, как ее убеждения согласованы с выделенным классом (эмпирических) достоверных убеждений» или «любое утверждение, которое не обосновано априорно, должно в принципе явно или неявно проверяться посредством убеждений наблюдения» и т.д. В этом смысле совершенно неважно, например, как именно Л. Бонжур определит понятие «когерентность»: «...сама по себе идея когерентности не требует четкой экспликации, это не главная наша задача, тем более что представление о когерентности – это один из основных ингредиентов буквально любой теории обоснования» [1. Р. 94]. Собственно «когерентность» важна только как характеристика, которая дает возможность оценить истинность убеждения, т.е. то, насколько убеждение обосновано. Здесь «обоснование» является ключевым понятием, а не «когерентность» сама по себе. Точно так же Л. Бонжур никогда не говорит о том, что субъект должен интроспективно «схватить» содержание всех убеждений всей системы и все их возможные связи. Для него важна возможность «перестройки» системы после того, как в свете новых данных ее когерентность будет нарушена.

времени, в течение которого система сохраняет когерентность¹. Только «динамическое» сохранение когерентности системы перед лицом новых данных является достаточным условием обоснования. И все это буквально отвечает хорошо знакомой логике развития эмпирического знания – парадигма аккумулирует новые данные и допускает *ad hoc* только для того в данном случае, чтобы сохранить «когерентность».

Подчеркнем, что приведенное представление последовательно раскрывается на протяжении всей книги и по определению сопряжено с большим набором сопутствующих понятий, каждое из которых не только проясняет соответствующий момент (авторская рецепция интернализма, позволяющая говорить о том, что субъект может интроспективно «схватить» содержание системы убеждений; концепция пополнения системы новыми эмпирическими данными; аргумент «от метаобоснования», связывающий систему убеждений и реальность, и т.д.), но и выступает объектом критики.

Доксастическая и недоксастическая природа отношения укоренения

Следуя Дж. Поллоку, в идеале будем предполагать, что «отношение укоренения должно быть, по крайней мере, частично причинным, а его природа может быть как доксастической, так и недоксастической». Сразу отметим, что с «частично причинным» характером, по-видимому, особых проблем нет. По определению причинная концепция эпистемического отношения укоренения утверждает, что «основания буквально являются причиной убеждения, их можно связать причинной цепью событий» (Д. Армстронг, А. Плантинга, А. Голдман и др.). «Основания», о которых идет речь, – это, конечно же, те интенциональные состояния субъекта – убеждения, перцепции, другие внутренние состояния, которые могут выступать в этой роли – причинять убеждения, например, в том же самом дэвидсоновском смысле, как «убеждения причиняют действия»². И тот факт, что Л. Бонжур в рамках своей концепции повсеместно подчеркивает необходимость интернализма и говорит о том, что «субъект обладает способностью рефлексивно схватывать в первом прибли-

¹ Это значит, что, во-первых, «сила когерентистского обоснования зависит от факта, что система убеждений когерентна не только в настоящий момент, но и остается когерентной на протяжении какого-то времени. Только сохранение когерентности обеспечивает достаточные основания полагать, что обоснованные убеждения с большой вероятностью истинны» [1. Р. 153]. Во-вторых, «система убеждений должна обладать достаточной степенью когерентности, большей, чем степень когерентности любой другой альтернативной (но релевантной рассматриваемому вопросу) системы. Это весьма нечеткое требование, поскольку самой по себе высокой степени когерентности системы может быть недостаточно для того, чтобы говорить об обоснованности убеждений в достаточной степени. Но это не проблема. Всегда будут системы, которые очевидно превосходят требуемый уровень когерентности. И решение, какую из них принять, будет зависеть от практической ситуации, а не от рассуждений об «уровне» когерентности. И конечно, всегда есть нечеткость относительно самого понимания когерентности, которая скажется на предполагаемом «компаративном сравнении когерентностей». Однако каким-то образом представление о когерентности все же является элементом любой концепции знания, а значит, это не проблема» [1. Р. 154].

² Дональд Дэвидсон приводит в пример альпиниста, который «знает, что если он отпустит веревку, на другом конце которой находится напарник, то он спасется, и эмоциональная нагрузка этой мысли может заставить его как отпустить веревку, так и не отпускать» [8. Р. 79]. И мы не отрицаем, что убеждение может порождать (причинять) эмоции, которые в свою очередь будут порождать (причинять) другие убеждения. Однако сложно предположить, что искомое отношение укоренения будет транзитивным на множестве «всех эмоций». Природа этой «порождающей связи» не ясна (тем более что Л. Бонжур категорически не принимает экстернализм), и само это допущение конструктивно ничего не даст для понимания природы предполагаемого эпистемического отношения укоренения.

жении и содержание своей собственной системы убеждений, и ее характеристики, такие как когерентность» [1. Р. 102], или что «благодаря рефлексивному схватыванию субъектом своей собственной системы убеждений мы можем определить класс „когнитивно спонтанных убеждений“, которые определяться изнутри системы как убеждения наблюдения, и именно с этими убеждениями должны быть когерентны все другие убеждения системы, чтобы быть обоснованными» [1. Р. 138], – указывает на то, что, по крайней мере, какой-то элемент «частично причинного» характера предполагаемого отношения укоренения тут явно будет присутствовать. Причинный характер здесь точно принимается во внимание, но в чем именно он заключается, в общем случае сказать сложно. И тут, конечно, можно вспомнить рассуждения Кита Лере, который подчеркивал, что если в данном случае кто-то отказывается от апелляции к «причинной цепи событий», то тем самым «мы можем понять разницу между теми, кто заинтересован в построении теории обоснования, и теми, кто конструирует теории о том, что происходит в голове познающего» [9. Р. 313]. Однако сложно сказать, какого рода «причинное отношение» может иметься здесь в виду каждый раз при установлении эпистемического статуса убеждений самых разных типов, и поскольку нас интересует именно эпистемическое отношение укоренения, а не его причинная трактовка, то мы сосредоточимся на поиске адекватной интерпретации его «доксастической» (как более близкой к «эпистемической») составляющей.

С точки зрения доксастических концепций эпистемического отношения укоренения (Р. Ауди, Р. Фумертон, Х. Лонгино и др.) «необходимым условием того, что данное убеждение должным образом опирается на основания, является наличие метаубеждения о том, что именно эти основания являются хорошими основаниями для обладания (holding) данным убеждением» [10. Р. 533]. В этом смысле отмеченный Дж. Поллоком «недоксастический» аспект природы эпистемического отношения укоренения также должен указывать на объясняющее метаубеждение. И это возможно, например, если мы предположим, что наше убеждение будет опираться на основания, «даже если в определенный момент субъект не может достаточно четко проследить аргументацию в пользу того, что данные основания являются хорошими основаниями для обладания убеждением» [10. Р. 534]¹. Основной проблемой доксастических концепций, естественно, является аргументация в пользу того, что соответствующее объясняющее метаубеждение действительно является основанием для установления искомого отношения укоренения, и мы должны углубиться в содержание конкретной анализируемой концепции обоснования и попытаться показать, что такие метаубеждения возможны и что они действительно играют нужную роль. Мы остановимся на том, как в концепции Л. Бонджура раскрывается основной признак обоснованного убеждения – принадлежность убеждения данному когерентному множеству. Это представление, на наш взгляд, более чем способно эксплицировать то, как «объясняющее метаубеждение само по себе является основанием для установления соответствующего эпистемического отношения укоренения».

Ключевой момент любой «холистической когерентистской теории» – это представление о том, что убеждение обосновано именно в силу того, что оно

¹ Отдельно мы обсуждали этот момент (присутствие в системе убеждений адекватного метаубеждения, даже если в моменте субъект не апеллирует к нему как к достаточному условию выполнения отношения укоренения), разбирая пример К. Лере «цыганский адвокат», в нашей предыдущей работе [5].

принадлежит заданному множеству убеждений, которое является когерентным. Именно «membership» – принадлежность когерентному множеству, определяет эпистемический статус. Более того, убеждение, что P , принадлежит множеству убеждений субъекта S только в том случае, если P является убеждением, которое S принимает¹. Исходя из самых общих соображений о том, как анализируемое убеждение принимается в систему убеждений субъекта, мы можем сказать, что, по крайней мере, в каком-то смысле это убеждение должно быть чем-то лучше, чем его актуальные (или даже возможные) конкуренты, например, исходя из анализа доступной (либо потенциально возможной) опровергающей аргументации. Субъект не просто принимает P , он принимает (а) то, что «убеждение надлежащим способом „возникает из“ оснований», а также (б) то, что вот это «принятие того, что убеждение надлежащим способом „возникает из“ оснований», в каком-то смысле *лучше*, нежели какое-либо другое отношение, которое связывает P и систему. Теоретически таким «другим отношением» может быть представление о том, что P , никак не связано с системой. Либо мы вдруг можем обнаружить, что альтернативное представление о связи P и системы апеллирует к «плохим» (на тот момент или на том этапе, когда мы проводим анализ либо безотносительно этапа и времени) допущениям – убеждениям, которые теперь, как нам кажется, система не должна включать. Естественно, система убеждений, которая должна быть ответственна за то, что мы отсеиваем «конкурентов», – это все та же система убеждений субъекта, который приписывает эпистемические статусы. По идее, все убеждения, которые сейчас принадлежат когерентной системе, считаются обоснованными (в какой-то степени), и сам вопрос об обоснованности P так или иначе апеллирует к вопросу о «переоценке» или о «переприсваивании» статусов всех (по крайней мере, какой-то части) убеждений, входящих в систему. В идеале потенциально у нас должна быть возможность сравнить P с любым другим убеждением системы. Но возможно ли это на практике? И скорее всего, именно так и рассуждает Дж. Поллок: поставленная задача «переоценки» и рассуждения о потенциальных «конкурентах» слишком сложны, чтобы мы могли их отнести «обыденному уровню сознания», а значит, «холистические когерентистские теории» никогда не смогут показать разницу между обоснованными и обосновываемыми убеждениями. Но так ли это с точки зрения концепции Л. Бонжура?

¹ Здесь «принятие» не является фигурой речи. «Субъект принимает P » означает, что существует определенное функционально внутреннее состояние субъекта, который уже рефлексивно оценил убеждение, что P , «в том числе для того, чтобы принять, что P , если и только если P » (см., например, [9]). У нас есть пропозиция P , которая предположительно принадлежит заданному множеству, у нас есть убеждение, что P , и они связаны в сознании субъекта определенным интроспективным отношением. Подобное предполагает интроспективный доступ, т.е. интернализм. И естественно, это «интроспективное отношение» будет играть какую-то роль, будет одним из оснований, в силу которых мы припишем P тот или иной эпистемический статус. Убеждение, что P , принадлежит системе убеждений субъекта, потому что опирается на какое-то конкретное интроспективное состояние субъекта. В этом смысле, как мы уже говорили, особых затруднений с пониманием «частично причинного» характера предполагаемого отношения укоренения в рамках концепции Л. Бонжура возникнуть не должно. «Принятие» анализируется в терминах «состояний субъекта». И мы можем сказать, что соответствующее «принятие» должно описываться в терминах таких-то «причинных отношений» между убеждением и основаниями, о которых говорит «принятие», и «состоянием принятия» самим по себе. И это никак не нарушит пафос обсуждения искомой «доксастической» составляющей. Более того, мы даже можем отдельно потребовать, чтобы «состояние принятия оснований R » (частично причинено R) и «состояние принятия убеждения, что P » (частично причинено убеждением, что P) должны каким-то образом участвовать в усилении анализируемого соответствующего метаубеждения по отношению к другим возможным его конкурентам.

Маршал Суэйн отмечает: «В обычной ситуации система убеждений субъекта содержит большое число типов убеждений, не только убеждения наблюдения, получаемые на основании чувственного восприятия. В системе убеждений всегда будет достаточное число типов убеждений, которые можно интерпретировать как выводные – опирающиеся (и „по происхождению“, и „по обоснованию“) на те убеждения, которые мы считаем убеждениями наблюдения. Это убеждения, которые по своей природе более теоретические, которые гораздо дальше отстоят от привычных представлений о прямом (direct) подтверждении убеждений наблюдения. И что более важно, они специально сконструированы (designed) таким образом, чтобы быть объясняющими и быть когерентными, соответствующими исходной системе убеждений. Такие убеждения могут быть ложными, и будучи такими, они могут занимать „центральное место“ в когерентной системе убеждений, которая в то же время полностью удовлетворяет критериями Бонджура» [11. Р. 122]. И это лишь один из моментов, который мы хотим подчеркнуть. Добавим сюда, например, что «система убеждений должна обладать достаточной степенью когерентности, большей, чем степень когерентности любой другой альтернативной (но релевантной рассматриваемому вопросу) системы. Всегда будут системы, которые очевидно превосходят требуемый уровень когерентности. И решение, какую из них принять, будет зависеть от *практической ситуации*, а не от рассуждений об „уровне“ когерентности» [1. Р. 154]. Или, например, что «те отношения между индивидуальными убеждениями, которые выглядят как отношения эпистемического приоритета, только воспринимаются таковыми и на самом деле являются отношениями взаимной поддержки внутри системы, которая по отношению к ним первична. В такой системе нет понятия абсолютный эпистемический приоритет, „контекстные“ базовые убеждения не обладают исключительными характеристиками тех самых базовых убеждений в фаундализме. Здесь важно направление аргумента, которое будет зависеть от того, какое именно убеждение или множество убеждений будут анализироваться *в каждом конкретном случае*» [1. Р. 92]. Очевидно, что если мы теперь попробуем построить объясняющее метаубеждение, которое схватит то, как «в конкретном случае» в концепции Л. Бонджура понимается принадлежность данному когерентному множеству убеждений, то мы гарантированно разведем обоснованные и обосновываемые убеждения, – апелляции к «практической ситуации» и «в каждом конкретном случае» делают это «естественным образом»¹. И это еще не все.

¹ С точки зрения теории мы, конечно, говорим только о достаточных условиях того, что данное метаубеждение устанавливает искомое отношение укоренения. Как отмечает Кит Коркз, «понимание (recognizing) того, что основания свидетельствуют в пользу (support) убеждения, может быть достаточным условием того, что убеждение необходимым эпистемически образом опирается (based) на основания. В том же самом смысле как мы говорим, что успешная демонстрация того, что субъект обоснован в принятии убеждения, может быть достаточным условием того, что субъект обоснован в принятии убеждения. Если у вас нет подходящего метаубеждения, то вы не можете говорить о соответствующей связи убеждения и оснований» [10. Р. 533]. Мы согласны с тем, что определенное объясняющее метаубеждение в определенных условиях способно быть основанием для установления соответствующего эпистемического отношения укоренения, но не каждое из них на это способно. А значит, необходимы дополнительные условия, например, отбирающие соответствующие метаубеждения среди множества альтернатив. И отчасти приведенные выше соображения о «частично причинном» характере искомого отношения укоренения, в частности о том, как можно понимать «S принимает P», и могут пролить свет на эти «дополнительные условия». Именно в этом смысле мы говорим, что пользуемся «причинно-доксатической» трактовкой эпистемического отношения укоренения.

Еще один интересный момент концепции Л. Бонжура, который, на наш взгляд, может быть здесь полезен, – это внимание к сопутствующему (background) знанию. Например, он пишет: «...в когерентистской теории достоверность должна определяться изнутри (within) системы убеждений субъекта. Класс когнитивно-спонтанных убеждений является эпистемически достоверным по отношению к предмету этих убеждений в следующем случае: а) когда убеждение появляется (оссиг), то с большой вероятностью оно истинно; б) с большой вероятностью оно появится в ситуации, в которой оно будет истинным. Убеждения наблюдения будут эпистемически обоснованы только в присутствии и в силу сопутствующего (background) эмпирического знания *в соответствующих контекстах, которые задают другие убеждения*» [1. Р. 122]. Этот пример показателен не только тем, что дает четкое представление, как интерпретируется обоснованность «убеждений наблюдения», но и тем, что его можно распространить на то, каким образом задаются (что включает это «задание» и т.д.) метаубеждения, объясняющие то, как убеждение принадлежит данному когерентному множеству. Мы обязаны пользоваться сопутствующей информацией для того, чтобы показать, что интересующее нас убеждение обосновано посредством этой информации. И естественно, такое использование сопутствующей информации на определенном этапе обязательно будет включать какое-то метаубеждение, которое свяжет убеждение и основания его принятия. И именно это метаубеждение, участвующее в указании на связь между убеждением и основаниями, мы и будем считать тем самым объясняющим метаубеждением, которое является частью соответствующего эпистемического отношения укоренения. Вопрос о принадлежности убеждения данной когерентной системе (ключевой для холистической когерентистской концепции обоснования) решается точно так же, как и вопрос о достоверности «убеждений наблюдения». Именно в зависимости от «сопутствующего знания и контекста, который задают другие убеждения» и из которого видно, что «данное убеждение „возникает“ из этих оснований подходящим способом». И все это на фоне здоровой конкуренции между системами и подсистемами убеждений, которые «должны обладать достаточной степенью когерентности, большей, чем степень когерентности любой другой альтернативной системы». На фоне того, что «в системе убеждений субъекта всегда будет большое число разных типов убеждений, которые можно интерпретировать как выводные и которые специально сконструированы таким образом, чтобы быть объясняющими и быть когерентными для своей системы убеждений»; на фоне того, что когерентность «всегда присутствует в какой-то степени» и того, что в разные моменты времени одна и та же система «может считаться» когерентной, а может и не считаться; на фоне того, что обоснование (даже в рамках одной системы!) может опираться на разные «контекстные базовые убеждения» и апеллировать к разным «отношениям эпистемического приоритета» в зависимости от того, «какое именно убеждение или множество убеждений будут анализироваться в данном конкретном случае». Все это дает достаточно четкое представление о том, что мы можем ограничить потенциально бесконечное множество метаубеждений, которые задают и описывают разные «конкурентные случаи» задания когерентности, включая случаи, о которых субъект «даже никогда и не слышал». Этот ход рассуждений подсказывает сам Л. Бонжур. Апелляция к «сопут-

ствующему знанию» и к «конкретному случаю» делают эмпирический по сути вопрос «опирается ли данное убеждение должным образом на данные основания?» вполне (с учетом других особенностей данной концепции обоснования) разрешимым.

* * *

Проблема эпистемического отношения укоренения заключается в том, что для того, чтобы убеждение было обосновано, необходимо, чтобы оно должным образом опиралось на адекватные основания. В противном случае, если убеждение не опирается должным образом на основания, соответствующее убеждение, что у нас есть адекватные основания для того, чтобы обосновать убеждение, в лучшем случае будет случайным, – мы не сможем сказать, что в этом случае мы обоснованы в том, что убеждение следует из оснований. И несмотря на то что сама постановка проблемы эпистемического отношения укоренения не подразумевает какой-то конкретной концепции обоснования, ряд исследователей (Дж. Поллок, Дж. Кванвиг, Дж. Паппас и др.) постарались использовать сопутствующие рассуждения, аргументируя за или против той или иной концепции обоснования. Отвечая на претензию Дж. Поллока о том, что «любая холистическая когерентистская теория не может провести различие между обоснованным и обосновываемым убеждением», мы предполагаем, что необходимым условием того, что убеждение обосновано посредством данных оснований, является то, что существует метаубеждение, объясняющее «в каждом конкретном случае», как данные основания могут быть хорошими основаниями для принятия убеждения, и которое может отвечать достаточному условию, что между убеждением и основаниями установлено подходящее отношение укоренения. В этом смысле и с учетом изначально присутствующих в концепции ограничений (например: «убеждения наблюдения, с которыми должны быть когерентны все остальные убеждения системы, будут эпистемически обоснованы только в присутствии и в силу сопутствующего эмпирического знания в соответствующих контекстах, которые задают другие убеждения» или «отношение эпистемического приоритета между индивидуальными убеждениями зависит от того, какое именно убеждение или множество убеждений будет анализироваться в каждом конкретном случае» и др.), в рамках концепции когерентистского обоснования эмпирического знания Лоуренса Бонджура, если в качестве «нарратива», который фиксирует соответствующее метаубеждение, выбрать представление о принадлежности убеждения данному когерентному множеству убеждений, то мы гарантированно «в каждом конкретном случае» сможем различить обоснованные и обосновываемые убеждения.

Список источников

1. *BonJour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1985.
2. Головкин Н.В. Проблема регресса и критика фаундализма. Рец. на кн.: *BonJour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1985. (Part I) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 109–153.
3. Головкин Н.В. Когнитивно-спонтанные убеждения и достоверность внутри системы. Рец. на кн.: *BonJour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 105–137.

4. Головкин Н.В. Мета-обоснование и необходимость соответствия объективной реальности. Рец. на кн.: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 2. С. 79–115.
5. Головкин Н.В. Когерентизм Л. Бонжура, интернализм и эпистемическое отношение укоренения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 30–43.
6. Pollock J. *Contemporary Theories of Knowledge*. Savage, MD : Rowman and Littlefield, 1986.
7. *Well-Founded Belief. New Essays on the Epistemic Basing Relation* / eds. A. Carter, P. Bondy. New York : Routledge, 2019.
8. Davidson D. *Freedom to Act* (1973) // *Essays on Actions and Events. Philosophical Essays*. Vol. 1. Oxford University Press, 2001. P. 63–81.
9. Lehrer K. How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68, № 10. P. 311–313.
10. Korcz K. The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation // *Canadian Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 30, № 4. P. 525–550.
11. Swain M. Bonjour's Coherence Theory of Justification // *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies* / ed. by J. Bender. Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.

References

1. Bonjour, L. (1985) *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
2. Golovko, N.V. (2023) Problema regressa i kritika faundalizma. Rets. na kn.: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) [The Problem of Regress and Critique of Fundamentalism. Review of the book: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I)]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 21(4). pp. 109–153.
3. Golovko, N.V. (2024a) Kognitivno spontannye ubezhdeniya i dostovernost' vnutri sistemy. Rets. na kn.: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) [Cognitively Spontaneous Beliefs and Reliability within the System. Review of the book: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6)]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 22(1). pp. 105–137.
4. Golovko, N.V. (2024b) Meta-obosnovanie i neobkhodimost' sootvetstviya ob'ektivnoy real'nosti. Rets. na kn.: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8) [Meta-justification and the need for correspondence to objective reality. Review of the book: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 7–8)]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 22(2). pp. 79–115.
5. Golovko, N.V. (2024c) Laurence Bonjour's coherentism, internalism and epistemic basing relation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 30–43. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/82/3
6. Pollock, J. (1986) *Contemporary Theories of Knowledge*. Savage, MD: Rowman and Littlefield.
7. Carter, A. & Bondy, P. (eds) (2019) *Well-Founded Belief. New Essays on the Epistemic Basing Relation*. New York: Routledge.
8. Davidson, D. (2001) *Essays on Actions and Events. Philosophical Essays*. Vol. 1. Oxford University Press. pp. 63–81.
9. Lehrer, K. (1971) How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer. *The Journal of Philosophy*. 68(10). pp. 311–313.
10. Korcz, K. (2000) The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation. *Canadian Journal of Philosophy*. 30(4). pp. 525–550.
11. Swain, M. (1989) Bonjour's Coherence Theory of Justification. In: Bender, J. (ed.) *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies*. Kluwer Academic Publishers. pp. 115–124.

Сведения об авторе:

Головко Н.В. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия); ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golovko N.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, head of the Department of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); leading researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2025;
одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 25.02.2025;
approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 304.444
doi: 10.17223/1998863X/84/8

ПРИОРИТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ТЕРМИНОЛОГИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСНОВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Игорь Борисович Ардашкин¹, Александра Игоревна Ардашкина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *ibardashkin@tpu.ru*

² *ardashkinaai@mail.ru*

Аннотация. Исследуются предметная специфика и функции терминологии (терминологической деятельности) сквозь призму основных исторических и философских предпосылок последней, а также фактор социальных приоритетов в ее функционировании и развитии. В качестве основных исторических предпосылок терминологии выявлены следующие предметные области и виды деятельности: лингвофилософия (философия языка), становление научной терминологии в период Нового времени, инженерная деятельность, переводческая деятельность. Обосновывается, что приоритет социальных факторов в процессе реализации терминологической деятельности заключается в том, что последние играют решающую роль в сочетании когнитивной и коммуникативной функций терминологии.

Ключевые слова: терминология, исторические предпосылки, социальный приоритет, предметная область, когнитивная функция, коммуникативная функция, социально-философский подход

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 24-28-00048) «Концептуализация стратегий развития терминологии: социально-философские основания и социолингвистический подход», <https://rscf.ru/project/24-28-00048/>

Для цитирования: Ардашкин И.Б., Ардашкина А.И. Приоритет социальных факторов в терминологии сквозь призму основных исторических предпосылок: социально-философский подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 77–94. doi: 10.17223/1998863X/84/8

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

PRIORITY OF SOCIAL FACTORS IN TERMINOLOGY THROUGH THE PRISM OF MAIN HISTORICAL PREREQUISITES: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH

Igor B. Ardashkin¹, Aleksandra I. Ardashkina²

^{1,2} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *ibardashkin@tpu.ru*

² *ardashkinaai@mail.ru*

Abstract. The article examines the subject-specific features and functions of terminology (terminological activity) through the prism of the main historical and philosophical premises of the latter, as well as the factor of social priorities in its functioning and development. Considering that today terminology is recognized as a separate independent sphere of human activity, a scientific discipline, a profession that has great prospects in the structure of future specialties, researchers pay attention to the problematic state of the subject field of terminology and seek to clarify it by referring to the types of activity that acted as its historical premises. In addition, it is argued that the diversity of the presented premises through a socio-philosophical approach allows them to be integrated within the space of terminological activity, due to which the problematic aspects of terminological activity in the modern world are clarified. The work aims to identify the historical premises of terminology and show the proximity of the problematic field and functions of the designated historical premises with its similar aspects, as well as to demonstrate that the factor of social priorities is an imperative mechanism for managing and integrating their main subject-specific features and functions in terminological work. The following subject areas and activities have been identified as the main historical prerequisites for terminology: linguophilosophy (philosophy of language), the development of scientific terminology in the New Age, engineering, and translation. These are far from all the historical prerequisites for terminology (for example, linguistics and information technology are not represented), but the above-mentioned grounds most fully express the specifics of terminology's subject field. It is substantiated that the historically first prerequisite for terminology is linguophilosophy, which arose in antiquity. Within its framework the main questions requiring their solution both in the philosophy of language and in terminology are formed: a cognitive question (To what extent is language capable of expressing true knowledge?), a communicative question (To what extent does language contribute to the achievement of understanding by the participants in communication?), and a synthetic (cognitive-communicative) question (To what extent does language contribute to the achievement of both truth and understanding?). The second historical prerequisite is the development of New Age science with its transition to national languages as a linguistic basis for scientific terminology. On the one hand, the necessity of universality of the language of science (terminology) as a way of ensuring the key function of science – achieving truth (cognitive) – is emphasized; on the other hand, there is a complexity of the communicative plan associated with the fact that scientists use different linguistic bases – national languages, which does not contribute to achieving understanding in professional communication, since terminology based on national languages has significant cognitive differences. The third historical premise of terminology is recognized as engineering activity, as a result of which mass production and mass use of engineering products are formed by common people who do not know professional terminology, but, as main consumers, need to master terminology to be able to use products at the consumer

level. Here, the communicative function of terminology is actualized by bringing certain cognitive knowledge and skills to people. Translation activity is considered as the fourth historical premise, in the process of which the communicative function is dominant, but the cognitive function should be preserved to the extent that the translation allows preserving the truth of the knowledge being translated from one language to another. It is substantiated that the priority of social factors in the process of implementing terminological activity lies in the fact that these factors play a decisive role in combining the cognitive and communicative functions of terminology. An analysis of the historical prerequisites of terminology confirms this thesis.

Keywords: terminology, historical background, social priority, subject area, cognitive function, communicative function, socio-philosophical approach

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00048, <https://rscf.ru/project/24-28-00048/>

For citation: Ardashkin, I.B. & Ardashkina, A.I. (2025) Priority of social factors in terminology through the prism of main historical prerequisites: a socio-philosophical approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 77–94. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/8

Терминология как самостоятельная сфера деятельности (в качестве науки и социальных практик) играет все большую роль в развитии общества. Специалисты, призванные заниматься терминологией и терминологической работой, считаются представителями перспективной специальности будущего. Однако далеко не сразу возникает понимание того, почему статус терминологии обретает такую актуальность и что имеется в виду, когда говорят о социальных приоритетах терминологической деятельности [1].

Цель статьи – на примере выявления исторических предпосылок терминологии и их анализа уточнить предметную область и функциональные аспекты последней. Это позволит лучше понять обстоятельства и исторические условия возникновения терминологии в качестве самостоятельной сферы деятельности (в качестве науки и социальных практик), а также объяснить, чем обусловлено повышение роли последней в развитии современного общества.

Следует уточнить, что авторы понимают под приоритетом социальных факторов терминологии (терминологического планирования) и ее историческими предпосылками. Под приоритетом социальных факторов подразумевается, что последние (структурная дифференциация общества, ценностные приоритеты, право, профессиональные стандарты, образование, язык, этничность и т.д.) играют ключевую роль как по отдельности, так и совокупно в формировании терминологии, терминологического корпуса, в определении императивов терминологической политики и терминологического планирования по отношению к лингвистическим, когнитивным и коммуникативным аспектам последней. Это не значит, что ее лингвистические, когнитивные и коммуникативные аспекты и способы использования совсем не влияют на терминологию, данные факторы очень существенны для нее. Но это значит, что они обладают большей зависимостью от социальных особенностей их применения, так как специфический характер последних задает «особый социальный регистр» интерпретации терминологии.

Например, взять термин «шампанское», под которым в мире подразумевают вид игристого вина, произведенного из сортов винограда, выращенных на территории французского региона Шампань методом вторичного броже-

ния его в бутылке. Однако в России, например, таким термином могут называть свою продукцию только отечественные производители данного напитка, чья продукция может быть сделана из отечественных сортов винограда, тогда как иностранные производители с 1 января 2021 г. должны обозначать свою продукцию как игристое вино, даже если оно было сделано из сортов винограда, выращенных в Шампани. Не вдаваясь в нюансы такого решения, обратим внимание на то, что правовая норма (Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. N 436-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции“») выступила важнейшим социальным императивом для когнитивного, коммуникативного и лингвистического аспектов термина «шампанское», кардинально меняя его познавательную, семантическую и коммуникативную составляющую, которую необходимо учитывать в процессах формирования и реализации терминологической политики и терминологического планирования в рассматриваемой отрасли экономики (и не только).

Под историческими предпосылками терминологии мы понимаем философские, научные, профессиональные, культурные практики и знания, в рамках которых формировались вопросы, решаемые сегодня в сфере терминологии и терминологической работы. К таким вопросам относятся вопросы когнитивного плана (терминология как атрибут истинного знания), коммуникативного плана (достижение понимания между участниками взаимодействия на терминологическом уровне как по семантическому критерию (область концептов), так и по переводческому критерию (терминология на разных национальных языках)), профессионального плана (профессиональная коммуникация между специалистами данной сферы; профессиональная терминология для массового потребителя). В качестве таких основных исторических предпосылок нами рассмотрены сферы лингвофилософии (философию языка), научной терминологии, инженерной и переводческой деятельности. Мы сознательно не касаемся таких исторических предпосылок, как лингвистика и информационные технологии, поскольку полагаем, что эти предпосылки в меньшей степени влияют на формирование предметного поля терминологии, представляя больше методологические аспекты осуществления терминологической деятельности.

Социально-философский подход заключается в том, что позволяет на основе ряда философских и социально-гуманитарных концепций, представленных в статье, интегрировать рассматриваемые исторические предпосылки в единое предметное поле и функционал терминологической деятельности.

Лингвофилософия (философия языка) как историческая предпосылка терминологии. Лингвофилософия (философия языка) – область философского знания, в рамках которой язык предстает в качестве предмета философского изучения, поскольку данный феномен касался многих важнейших ее аспектов (онтологического, эпистемологического, аксиологического, праксиологического, антропологического). Во-первых, сам язык представлял собой своеобразную реальность (язык – дом бытия). Во-вторых, выступал в качестве инструмента, используемого человеком для описания (познания) мира (использование пропозициональной функции языка). В-третьих, являлся

важнейшим средством взаимодействия между людьми, которым последние могли пользоваться с разной степенью владения (коммуникативная и прагматическая функция). В-четвертых, выступал одним из критериев идентификации человека в качестве представителя особого рода живых существ, демонстрирующего его разумность (антропологическая функция).

Терминологический аспект философии языка также стал формироваться вместе с появлением философии как отдельного типа мировоззрения и знания. Дело в том, что для появления философии потребовалось создание соответствующей терминологии, которую пришлось формировать фактически на пустом месте, когда для слов (терминов) повседневного языка конструировались соответствующие семантические, когнитивные, культурные и другие составляющие. Они и позволили создать новую терминологию, которая представляла предметное поле как философии вообще, так и философии языка в частности. По словам А.В. Ахутина, «философ, сколь бы отвлечена его мысль ни была, вынужден, читая классический текст, погружаться в филологию. Тем более если речь идет о Древней Греции, где язык философии остается глубоко укорененным в стихии повседневного языка и всей словесной культуры. Но вот что при этом не стоит упускать из вида: филолог, переводя (или читая) философский текст, тоже вынужден входить в особую работу мысли, поскольку речь идет не просто о словах, а о понятиях, *впервые* появляющихся на свет *вместе* со своим „понимаемым“, означаемым. Философские „существа“ добываются мыслью, но мысль добывает их в недрах языка. Философские „имена“ делаются из слов повседневного языка, но что они значат, знает только изобретающая их оригинальная мысль» [2. С. 315].

Но в ситуации становления философии языка терминологический аспект вряд ли осознавался как специальное и отдельное направление ее развития. Другое дело, что уже на стадии появления этой предметной области ставились вопросы, которые позже возникли в рамках терминологической деятельности, а достигнутые результаты нашли в ней свое применение. Также можно продемонстрировать определяющую роль социальных аспектов в решении вопросов, имеющих значение для современной терминологии.

Конечно, обращение к лингвофилософии как исторической предпосылке терминологической деятельности в рамках статьи носят ограниченный и избирательный характер, но, по мнению авторов, несколько примеров позволит показать, по каким причинам последнюю можно считать таковой. Мы обратимся к античной философии языка (на примере диалога Платона «Кратил») и к философии языка позднего Л. Витгенштейна (к проблемам языкового значения как употребления и следования правилу). Выбор этих примеров не случаен, так как важно показать, что на протяжении своего функционирования философия языка периодически в разном контексте сталкивалась с необходимостью учитывать социальный фактор в качестве одного из определяющих.

Другое дело, что далеко не все исследователи согласны с тем, что философия языка формируется в античную эпоху. Но для подтверждения обоснованности подобного суждения сошлемся на то, что такая точка зрения имеет место быть, и авторы здесь не одиноки. В частности, Е.А. Найман полагает, что «философская теория языка, ставшая частью интеллектуального наследия современной науки, впервые сформировалась в греко-римской Античности.

Правда, некоторые исследователи сомневаются в разработке греческими мыслителями полноценной философии языка, полагая, что в целом их интересовали внешняя реальность и способы ее постижения человеческой мыслью. Язык отражал иные регионы, будучи скорее инструментом, нежели самостоятельным объектом исследования. Тем не менее именно греки определили предметную область лингвофилософии, связанную с «языком» как абстрактным объектом, конкретизировав свои теоретические интересы» [3. С. 36].

Обращение к диалогу Платона «Кратил» обусловлено тем, что здесь с самого начала рассматриваемой традиции определены подходы к языку сквозь призму философской проблематики. В диалоге поднимается проблема правильности имен (слов) по отношению к тем вещам (предметам), которые они обозначают. Следует уточнить, что имя в античной культуре равнозначно слову (сейчас в лингвистике различаются имена собственные и имена нарицательные, но в Древней Греции такой дифференциации не было).

В диалоге можно выделить три подхода к проблеме правильности имен, каждая из которых представлена одним из его участников (Кратил, Гермоген и Сократ).

По Кратилу, связь между именем (словом) и вещью носит естественный характер, поскольку устанавливается природой. Позиция «своеобразного античного реализма», строящегося на убеждении, что сущность вещи отображается (должна отображаться) ее именем (словом).

По Гермогену, связь между именем (словом) и вещью носит условный характер, поскольку в одном полисе (обществе) одна и та же вещь может носить разные имена и обусловлена особенностями мировосприятия людей, а не природной необходимостью. Позиция «своеобразного античного релятивизма», строящегося на идее конвенционального установления имен (слов).

По Сократу, связь между именем (словом) и вещью может иметь и природный, и условный характер, но при этом нельзя сказать, что характер и условия совмещения природного и конвенционального способов связи, по мнению античного философа, строго определены. Это значит, что природная сущность признается им в качестве основы происхождения имени (слова), но поскольку подлинная природа мира невидима для человеческого «глаза», вечна и неизменна, в процессе познания для нас актуализируется только ее неподлинная (чувственная) сторона, что и может приводить к допущению условного характера связи имени (слова) и вещи.

Таким образом, проблема правильности имени во многом определяется тем, на какую реальность (природу) обращено наше познание. Е.Д. Матусова пишет: «...однако в вопросах познания Сократ с Кратилом не согласен, ибо не считает, что гераклитовская концепция вечного течения и становления мира единственно правильная (по мысли платоновского Сократа, в вечном становлении находится только видимый мир, тогда как истинное бытие, которое единственно, может и должно быть познано, неизменно и постоянно). Так намечается проблема, которая более четко обозначается к концу диалога: к какой именно реальности – видимой или невидимой – относятся слова человеческого языка» [4. С. 432].

Поэтому, по Сократу, условный характер связи имени и вещи не может быть дан на откуп простому (неопытному и неподготовленному) человеку.

Этим должен заниматься специальный человек, который имеет большой жизненный опыт. Таким человеком должен быть законодатель, т.е. тот, кто имеет опыт работы над законами и определения какого-либо порядка (в социальном плане). Как уточняет Платон устами Сократа, «законодатель, о котором мы говорили, тоже должен уметь воплощать в звуках и слогах имя, причем то самое, какое в каждом случае назначено от природы. Создавая и устанавливая всякие имена, он должен также обращать внимание на то, что представляет собою имя как таковое, коль скоро он собирается стать полновластным учредителем имен. И если не каждый законодатель воплощает имя в одних и тех же слогах, это не должно вызывать у нас недоумение» [5. С. 621].

По Сократу получается, что установлением условной связи между именем (словом) и вещью должен заниматься не просто рядовой человек, а особенно подготовленный и опытный, наделенный социальным бэкграундом (законодатель), при этом и он может ошибаться, поскольку допускается, что разные законодатели могут видеть природное предназначение вещи по-разному.

Таким образом, на этапе становления лингвофилософии в Античности формируется несколько подходов в отношении природы языка, которые имеют разное понимание способов имени (слова, термина) выражать реальность. И эти подходы можно рассматривать как по-отдельности (как подход Кратила и Гермогена), так и в совокупности (подход Сократа). Условно говоря, на уровне имени язык может выполнять когнитивную функцию, ориентируясь на истинность выражения сущности вещи последним (Кратил); может выполнять коммуникативную функцию, ориентируясь на формирование понимания людьми сущности вещи посредством имени на основе конвенции (Гермоген); может совмещать когнитивную и коммуникативную функции имени, ориентируясь на природную и социокультурную (условную) сущности вещи (Сократ). Чтобы люди понимали друг друга на основе истинных знаний, представленных именами (словами, терминами).

Важно отметить, что уже на этапе становления лингвофилософии социальный приоритет в наименовании вещей (своеобразный аналог античной терминологической работы) определяется рядом социальных факторов: конвенциями и законодательной деятельностью (метафорически). Фактически наличие таких подходов по отношению к философии языка обусловит сходный характер терминологической деятельности в дальнейшем.

Также важно отметить, что круг лиц, которые интересовались проблемами языка как предмета философии, был очень узким (небольшое количество интеллектуалов). Эта констатация необходима, потому что количество людей, задействованных в коммуникации и связанных в ней использованием определенного терминологического корпуса (имен, слов, понятий), существенно влияет на статус последнего, на что будет обращено внимание при дальнейшем рассмотрении других исторических источников терминологической деятельности.

То, что социальные факторы учитываются в рамках лингвофилософии и позже, демонстрируют проблемы, анализируемые на современном этапе философии языка. Обратимся к позднему Л. Витгенштейну и его концепции языкового значения как употребления и проблеме соответствия правилу, а

также к некоторым линиям дискуссии, вызванной трактовкой С. Крипке этого вопроса.

Для этого важно уточнить, что концепция позднего Л. Витгенштейна отличается от его ранних взглядов (времени «Логико-философского трактата»), а также от позиций Г. Фреге и Б. Рассела, где исследователи рассматривают семантические вопросы языка как таковые, связанные с грамматической структурой языка и ее возможностями представлять значение языкового выражения [6. С. 69]. Тогда как позже Л. Витгенштейна интересует другая проблема – значение языкового выражения в процессе применения последнего в коммуникации (отсюда и название этого подхода – «проблема языкового значения как употребления»). Ему важно понять, что происходит со значением языкового выражения в процессе его использования в коммуникации.

Поскольку коммуникация представляет собой определенную социальную практику, значение языкового выражения зависит не столько от грамматики языка, сколько от характера социальной практики и ее условий. Как пишет В.А. Суровцев, «поскольку употребление выражения предполагает участие в определенной языковой игре, то различие в правилах и условиях протекания таких игр порождает сдвиг значений в зависимости от условий социальной практики, в которую вплетен язык. Невозможно говорить о едином значении одного выражения вне зависимости от условий его употребления. Можно говорить только о некотором семейном сходстве значений одного и того же выражения, которое используется в разных случаях» [7. С. 139–140].

В данном примере важно подчеркнуть: косвенным образом обращение к позднему Л. Витгенштейну позволяет продемонстрировать, что влияние социальных факторов при оценке семантических и других аспектов языковых выражений не просто имеет место в современной лингвофилософии, но и играет одну из ведущих ролей в исследованиях аналитических философов. При этом нельзя не отметить, что осознание подобного влияния и в каком-то смысле его очевидность не снижают степень актуальности и важности данного вопроса, поскольку проблема такая ставится, но какого-то более-менее внятного ее решения не выработано.

Проблема установления значения языкового выражения поставлена с учетом социального аспекта как проблема соответствия правилу, поскольку правило имеет регулятивную функцию, связанную с его соблюдением или несоблюдением. Но для соблюдения правила нужно понимать, что оно из себя представляет. А с этим в отношении социального и коммуникативного контекста его применения возникает сложность, поскольку у того же Л. Витгенштейна, с одной стороны, значение языкового выражения понятно участникам коммуникации, если они следуют одному и тому же правилу, а с другой стороны, в чем это правило заключается и как его соблюдать, ничего не говорится. Поэтому если коммуниканты вдруг начинают пользоваться разными правилами, а этот процесс носит имплицитный характер, то степень непонимания быстро возрастает. Как уточняет В.А. Суровцев, «у Л. Витгенштейна проблема поставлена, но явно предлагаемого решения – нет. Действительно, он нигде не дает формулировку того, что такое правило, и уж тем более не формулирует критерии, позволяющие определить, что значит следовать этому правилу» [8. С. 51].

Не случайно, что отсутствие определения правила в «Философских исследованиях» и других поздних работах Л. Витгенштейна привело к бурной дискуссии, вызванной разными подходами к его трактовке С. Крипке, Г. Бэйкером, П. Хакером, Н. Малколмом и др. Одним из ключевых аспектов этих дискуссий являлся вопрос о роли социальных факторов в проблеме установления значения языкового выражения, который до сих пор представляется одним из нерешенных вопросов [9].

Авторы не будут погружаться далее в тонкости обозначенной дискуссии, поскольку их задача заключается в том, чтобы продемонстрировать наличие подобного рода проблем в философии языка. Для терминологии же проблематичность подобного рода вопроса имеет важное следствие, связанное с тем, что неопределенность в учете влияния социальных аспектов на значение языковых выражений, сказывается на характере терминологической деятельности, которая осуществляется достаточно непоследовательно. Эта непоследовательность проявляется в том, что терминологи используют то строгие модели терминологической деятельности, построенные на жестких критериях установления значений терминов, то в принципе отказываются от планирования в терминологической работе. Подобное во многом вызвано тем, что в таком историческом источнике терминологии, как философия языка, вопрос о роли социальных факторов на процесс установления языковых выражений поставлен, но не решен в должной мере.

Становление научной терминологии и ее развитие как историческая предпосылка терминологии. Научная революция XVI–XVII вв. привела к становлению нового типа науки – науки Нового времени. Этот тип науки формировался в определенных историко-культурных условиях, которые во многом сказались на его чертах. Важно обозначить данные черты того времени, поскольку становление науки Нового времени имело и важные терминологические следствия.

Предшествующая научной революции эпоха Ренессанса (Возрождения) связана с актуализацией античных знаний и текстов, в результате которой стало понятно, что античный и средневековый типы науки не отвечают требованиям Нового времени (географические открытия, показавшие наличие других миров не только биологического, но и антропологического разнообразия; реформация церкви; новый способ трансляции информации (книгопечатание); становление национальных государств и формирование национальных языков и т.д.). Как пишет историк науки Дж. Поскетт, «до XVI в. европейские ученые черпали знания в основном из древнегреческих и древнеримских текстов. Естественную историю изучали по Плинию, географию – по Птолемею. Но с началом колонизации Америки появилось новое поколение мыслителей, которые положились на опыт как на основной источник научных знаний. Они проводили эксперименты, собирали образцы, устраивали географические опросы. Сегодня этот научный метод кажется очевидным, но для того времени он был новаторским. Сосредоточенность на опыте отчасти стала реакцией на то, что древние авторитеты ничего не знали о существовании Америки. Плиний никогда не видел картофеля, а Птолемей считал, что Атлантический океан простирается до самой Азии. Сегодня мы по-прежнему говорим об „открытиях“ ученых и научном „поиске“. Истоки этой

метафоры – в XVI в., когда научные и географические открытия были неразрывно связаны» [10].

Также важно сказать, что наука Нового времени формировалась как самостоятельный тип мировоззрения и знания (в эпоху Античности и Средневековья философию и науку не отличали друг от друга, они были единым знанием). Это можно подтвердить некоторыми тезисами, имеющими отношение к теме нашей статьи. Во-первых, появляется особая группа населения, идентифицирующая себя в качестве ученых (научных работников), чьей основной целью становится получение истинного знания посредством проведения исследований и экспериментов как специальной формы познавательной деятельности. Во-вторых, появление ученых сопровождается процессами институализации их особого социального статуса, что приводит к появлению соответствующих институций: научных академий, научных периодических изданий, установлению нормативных требований к их деятельности (изучение новых истинных знаний, запрет на плагиат и т.д.).

Естественно, что такие социальные трансформации не могут ни коснуться и вопросов языка науки. Возникает острая потребность в формировании языкового средства, позволяющего обеспечить ключевую коммуникативную функцию научного сообщества – познавательную. Эта потребность приводит к формированию научной терминологии, которая способна формулировать истинные результаты познавательной деятельности.

Параллельно возникает и потребность в понимании того, на каком языке научная терминология будет основываться. Если в античное и средневековое время подобными языковыми основаниями являлись древнегреческий язык и латынь, что говорило о достаточно небольшом круге людей, занимающихся философией (наукой), то в условиях формирования национальных государств (соответственно, национальных языков) возникает потребность использования каждого такого национального языка в качестве основы для научной терминологии. Во-первых, это свидетельствует о том, что для занятий наукой не требуется учить отдельный язык (латынь, например), что являлось сильным сдерживающим фактором для осуществления научного познания. Во-вторых, демонстрировало, что число ученых существенно может возрасти, так как для этого не надо учить отдельный язык. В-третьих, появлялась потребность в способности каждого национального языка выражать истинность получаемого научного знания.

Последний аспект связан с двумя факторами. Первый – умение национального языка универсально выражать истинное знание, исключая субъективные (индивидуальные и социокультурные) искажения в результатах познания. Второе – соблюдение универсальности истинного результата при переводе с одного национального языка на другой. Второй фактор мы рассмотрим чуть позже, когда обратимся к переводческой деятельности как источнику терминологической работы. В рамках этого раздела обратимся к первому фактору.

Следует заметить, что поиск совершенного универсального языка – это цель многих интеллектуалов начиная с эпохи Античности. Эти идеи применялись к древнегреческому языку, латыни как наиболее разработанным терминологически языкам. В условиях становления национальных государств и формирования национальных языков данный поиск осуществлялся уже на их

основе. Но эти начинания должны были преодолеть естественный характер национальных языков, и поскольку европейцы уже были знакомы с неалфавитными типами письма (иероглифы, клинопись и т.д.), то усилия предпринимались в рамках сведения всех языков к единому языковому формату. Например, полиграфия А. Кирхера [11].

Важным было и то, что разделение философии и науки на отдельные типы мировоззрения и знания также требовало соответствующих языковых трансформаций. Науке был необходим соответствующий языковой инструмент (терминология) для выражения истинного знания о мире, который способен представить все более открывающееся человеческому взору разнообразие природы. Но и важно было понять, а сохраняется ли у философии собственная функция в отношении языка, не дублирующая его функции в рамках научного познания.

Т. Гоббс, Ф. Бэкон, Г.В. Лейбниц и другие мыслители полагали, что универсальность совершенного языка (каковым теперь считался научный язык) достигается за счет математизации и формализации языка. Такие способы организации последнего, с одной стороны, сохраняли универсальность значений языковых выражений вне зависимости от его национального варианта, с другой стороны, позволяли описывать неограниченное количество природных феноменов, о которых ученые все чаще узнавали в процессе освоения новых территорий земли. Как пишет Г.В. Лейбниц, «теперь же наша характеристика все будет сводить к числам. Она даст нам своего рода статику, чтобы можно было взвешивать и сами доводы разума. Ибо даже вероятности поддаются исчислению и доказательству, поскольку всегда может быть дана оценка того, какое из данных событий вероятнее произойдет в будущем» [12. С. 417–418].

Язык науки строится по принципу таксономий, классификаций, систематизаций (таблиц), позволяющих упростить описание любого опытного знания при его включении в корпус научного знания. Как уточняет М. Фуко в отношении таксономий, «создается правильная таблица, включающая в себя некоторое число точно определенных клеток и конституирующая в некотором смысле программу любого возможного творения (так что настоящая будущая или уже исчезнувшая упорядоченность родов и видов является окончательно зафиксированной); а в первом случае создаются группы родства, остающиеся неопределенными и открытыми, отделенные друг от друга и допускающие недетерминированное число новых форм, сколь угодно близких к уже существующим формам» [13. С. 284].

Фактически то, что предполагают философы и ученые в отношении языка науки, называется сегодня стандартизацией. Последняя является одной из основных функций терминологии и корнями уходит в эпоху становления науки Нового времени и терминологии этого типа научного знания.

Одновременно решается вопрос о том, чем отличается задача философии в отношении языка, если разработка универсального совершенного языка становится задачей науки Нового времени. Ф. Бэкон, считающий индукцию одним из основных методов науки Нового времени, полагает, что старые философские способы совершенствования языка не будут работать. Силлогизмы (по Бэкону, основные способы приведения доказательств в языковых выражениях в рамках наук прошлых эпох) при опоре на индукцию не работают,

поскольку они представляют собой рассуждения, тогда как индукция связана с новым опытом. Он полагает, что «в обычной логике почти вся работа строится вокруг силлогизма. Об индукции же диалектики, кажется, едва ли и подумали серьезно, ограничиваясь поверхностным упоминанием о ней, чтобы поспешно перейти к формулам рассуждений. Мы же отбрасываем доказательство посредством силлогизмов, потому что оно действует неупорядоченно и упускает из рук природу» [14. С. 70–71].

Подлинное описание природы языковыми средствами должно осуществляться на основе специальной науки, задача которой формировать такую структуру языка, позволяющую добиться точного и достоверного знания. Этой наукой, по мнению Ф. Бэкона, должна стать нормативная грамматика, тогда как у философии возникает новая задача, которая связана с изучением основ грамматики (философская грамматика) для определения путей ее совершенствования. Философия языка, согласно английскому философу, связана с необходимостью постоянного мониторинга специальной лингвистической науки в отношении выполнения ею основной функции – функции формирования универсального (совершенного) языка. Как уточняет сам Ф. Бэкон, «мы разделим грамматику также на две части: школьную (нормативную) и философскую. Первая просто используется при изучении языка, помогая быстрейшему его усвоению и способствуя развитию более правильной и чистой речи. Вторая же в какой-то мере дает материал для философии» [14. С. 318].

Получается, что формирование научной терминологии приводит к тому, что эпистемологическая функция становится основной для науки (научной терминологии), тогда как философия языка больше сосредоточена на том, какой тип мировоззрения, знания, деятельности имеет соответствующую функцию языка (терминологии). Также важно уточнить, что количество ученых в период науки Нового времени превышает количество философов (интеллектуалов) эпох Античности и Средневековья, но их число все еще сложно назвать массовым. Поэтому терминология разрабатывается в рамках профессиональных сообществ, что делает их коммуникацию относительно ограниченной.

Инженерная деятельность как историческая предпосылка терминологии. Обращение к инженерной деятельности для нас важно, потому что именно через этот канал человеческой деятельности общество стало не только получать информацию о научно-технологических разработках, но и активно использовать их в своей жизнедеятельности. Несмотря на то, что инженерная деятельность появилась вместе с человечеством, определяя его технологический уклад, активно влиять на жизнедеятельность последнего она стала относительно недавно. Очевидно, что повышение роли инженеров в жизни общества связано и с терминологической составляющей, поскольку использование инженерных разработок должно быть представлено в языковом (терминологическом) формате.

Появление технических (инженерных) наук в XV–XVI вв. также было сопряжено с необходимостью формирования специального терминологического корпуса. Но последний использовался в рамках профессиональной коммуникации и был направлен, как отмечалось выше, на решение когнитивных задач. Другое дело, когда инженерная деятельность стала своеобразным

«мостом» между научно-техническим сообществом и всем остальным социумом. Происходит данная трансформация в процессе индустриализации и установлении новых технологических укладов, строящихся на промышленной основе, которые автоматически меняют характер социальности общества и способы жизнедеятельности. Одна из таких сторон обозначенных изменений – терминологическая.

Изменение жизненного уклада и активное применение инженерных разработок в жизни предполагает необходимость того, что каждый член общества вынужден осваивать эти инженерные разработки в процессе их использования. Это освоение означает, что человек должен ознакомиться с условиями эксплуатации инженерной продукции, следовательно, любая инженерная разработка должна иметь описание того, как она работает и как ее нужно эксплуатировать. Причем язык инструкции к ней должен быть понятен лицам, для которых он предназначен. Поэтому чем больший круг людей мог пользоваться какой-либо разработкой, тем проще должен быть язык (что, как выяснилось, сделать непросто).

Внедрение инженерной продукции с начала XX в. стало носить настолько повсеместный и массовый характер, что привело к необходимости рассмотрения терминологии как отдельной сферы деятельности, основная задача которой – выявить оптимальные способы коммуникации между представителями профессиональных сообществ (ученых и инженеров) и общества в целом, либо в лице каких-либо референтных сообществ.

Иными словами, инженерные разработки и их использование в жизнедеятельности привели к тому, что язык ученых и инженеров (научно-техническая терминология) стал активно употребляться в рамках массовой коммуникации, что, конечно, не могло не отразиться на языке и терминологии этой коммуникации. Не случайно, что именно инженеры осознали проблему использования научно-технической терминологии в таком формате взаимодействия.

Данное осознание привело к вопросу о том, что если терминология разных социальных (профессиональных) групп имеет существенные отличия, то, может, имеются общие моменты, которые свойственны терминологии каждой из групп. По сути, так и возникает идея о рассмотрении терминологии как самостоятельной сферы деятельности. Но изначально вопросы развития терминологии (терминологической политики и терминологического планирования) решались практическим путем, что не способствовало становлению терминологии как самодостаточного вида человеческой активности. Только после оформления первых теорий терминологии последняя обрела такой статус.

Надо сказать, что инженеры в области терминологии видели схожие проблемы с теми, которые решались в рамках философии языка и научной терминологии. Это были когнитивные (достижение истины), коммуникативные (достижение понимания) проблемы, а также синтетическая проблема (достижение и истины, и понимания). Следует уточнить, что в рамках инженерной деятельности основной приоритет был за коммуникативной проблемой. Все-таки инженерная деятельность занимается не столько вопросами познания мира, сколько вопросами использования полученных знаний в научно-технических разработках.

Схожесть решения проблем коммуникации посредством терминологии решалась за счет средств унификации терминологии. О. Вюстер (считается основоположником терминологии) первоначально задавался вопросом единообразия научно-технической терминологии. Он полагал, что нужны стандарты, которые позволят инженерам применять терминологию таким образом, чтобы она была наиболее единообразна. Австрийский инженер посвящает этой проблеме свою докторскую диссертацию, которую он защитил в 1931 г. (*Internationale Sprachnormung in der Technik. Besonders in der Elektrotechnik* (Международная языковая стандартизация в технологиях. Особенно в электротехнике)). Основная идея, направленная на достижение единообразия, – проведение процедур стандартизации (чем-то напоминает идею математизации (формализации) научной терминологии). Так была обозначена первая проблема и способ ее решения.

При этом есть и другая проблема – проблема мониторинга установившегося единообразия значений терминов в процессе их использования. Сфера технологий динамично развивается, что предполагает изменчивость как самих технологий, так и терминологии, с ней связанной. Этот вопрос требует постоянного контроля по использованию терминологии. Для этого создаются различные организации на международном и национальном уровнях, которые занимаются разработкой стандартов и мониторингом их применения.

В 1926 г. была создана Международная федерация ассоциаций по стандартизации (ISA), предшественница Международной организации по стандартизации (ISO), которая, в свою очередь, появилась в 1936 г. как Технический комитет ИСО/ТК 37 (ISA/ТК 37) для формулирования общих принципов и правил стандартизации терминологии. В 1971 г. основан Инфотерм (Международный информационный центр по терминологии при ООН). Это не полный перечень организаций, связанных с вопросами осуществления терминологической деятельности, которые занимаются не только вопросами мониторинга, редукции, но и стандартизации терминологии, тем не менее он демонстрирует степень институционализации терминологической деятельности международным сообществом.

Третья проблема терминологии в процессе реализации инженерной деятельности, с которой в рамках философии языка и научного познания почти не сталкивались, – проблема редукции профессионального языка (терминологии) к повседневному языку (языку массовой коммуникации).

Решение данной проблемы до настоящего времени представляет собой пространство дискуссий (от невозможности такой редукции до демонстрации успешных практик такой трансформации). Инженеры стали привлекать лингвистов для осуществления редукции, но, в свою очередь, это сотрудничество добавило проблем, потому что каждая сторона видела только те аспекты, которые были ей понятны (лингвисты не являются специалистами в области инженерных разработок, им также нелегко даются профессиональные термины последних и т.д.). На рубеже XX–XXI вв. стали появляться теории терминологии, где рассматривались аспекты трансляции концептуальных областей терминологии из одной сферы в другую. Сформировались подходы, но единства в них так и не наблюдается.

Четвертая проблема терминологии в области инженерной деятельности – перевод терминов профессиональной сферы с одного национального языка

на другой. Эта проблема уже имела место в процессе формирования научной терминологии и существует до сих пор. Поэтому имеет смысл обозначить переводческую деятельность как еще одну историческую предпосылку для терминологии.

Переводческая деятельность как историческая предпосылка терминологии. Переводческая деятельность (специалисты в этой области) сегодня, как и терминология, претендует на самостоятельный статус в качестве научной дисциплины. Сколько существует человечество, которое использует язык (языки) в качестве средства коммуникации, столько существует проблема перевода и необходимость осуществления последнего качественным образом. В свое время Цицерон, Иероним Стридонский, Джон Уиклиф, Мартин Лютер, Этьен Доле и другие занимались вопросами перевода как в практическом, так и в теоретическом плане. Чем ближе к нашему времени, тем больше людей (чья известность не столь велика, поскольку перевод становится более повседневным и менее сакральным занятием) профессионально и не только им занимаются. Другое дело, что перевод собой представляет и как он может быть осуществлен.

Задача авторов – обозначить эту проблему, не вдаваясь в подробности, поскольку важно уточнить, что переводческая деятельность определяется множеством факторов, в том числе и социальными (в терминологии, прежде всего). Ведь в процессе перевода важно понять, а что, собственно, это такое – перевод, и что переводчик переводит. Ведь сам язык представляет собой особую реальность, и большой вопрос – кто, кому, что, с какой целью и как может перевести.

Когда речь идет об остенсивном способе определения предмета и его переводе с одного языка на другой, то здесь имеет место какой-то предмет внешнего мира, на который можно указать и как-то соотнести слова в языковых вариантах (но и здесь до конца не все может быть понятно, например случай «гавагай» у У.О. Куайна). Но если речь идет об абстрактном предмете или знаке, у которого нет референта во внешнем мире, то ситуация усложняется. Поэтому уже во времена Античности стало понятно, что перевод – это не только лингвистическая и семантическая деятельность. Как пишет О.И. Костикова, «развитие теоретической отрасли науки о переводе сделало возможными и актуальными широкомасштабные исследования в области истории перевода. Лингвистическая теория перевода отошла на второй план, перевод рассматривается в культурном, историческом и социальном контексте, а наука о переводе становится междисциплинарной» [15. С. 318].

Для терминологии переводческая деятельность однозначно имеет социальный приоритет, особенно когда инженеры выступают инициаторами ее осуществления. Во-первых, стандартизация – это критерий для терминологии, вытекающий из специфики научно-технических разработок, чей язык имеет математический и формализованный характер. Инженерный продукт обладает универсальными и, как правило, материальными свойствами, поэтому терминология на разных языках должна предельно точно сохранять сущность значений, предписываемых этому продукту. Отсюда, кстати, и норма из практики терминологической деятельности XX в. и общей теории терминологии О. Вюстера, которая относится не только к терминологической, но и к переводческой деятельности: один концепт – один термин. Оче-

видно, что данная норма носит сильно упрощенный и искусственный характер. Тем не менее много десятилетий она успешно применялась в терминологии, потому что задавалась социальными приоритетами по стандартизации терминологии на международном и национальном уровнях.

Критике этой нормы для терминологии (и для переводческой деятельности) также послужили социальные основания, связанные с пониманием того, что ее соблюдение отражает интересы государственных структур, организаций и групп, имеющих отношение к осуществлению терминологической деятельности. Другие теории терминологии (и подходы к переводу) стали следствием того, что представители иных общественных групп старались оказать влияние на результаты терминологической деятельности. И это сразу привело к дискуссии и фактической отмене представленной терминологической нормы.

Мы не будем углубляться в указанные аспекты, поскольку в предметном плане они выходят за рамки настоящей статьи, но таким способом стремимся продемонстрировать разнообразие предпосылок для формирования терминологии как самостоятельного вида деятельности и научной дисциплины и их социальных приоритетов на примере такой предпосылки, как переводческая деятельность.

Таким образом, рассмотрев основные исторические предпосылки терминологии и осуществив социально-философский анализ последних, можем констатировать, что их предметная специфика и функционал определяют предметную область и основные функции терминологии, интегрируются в ней на основании социальных приоритетов общества. Если для философии языка и науки (научной терминологии) можно обозначить приоритет когнитивной функции по отношению к коммуникативной, что обусловлено отчасти незначительным числом представителей философии языка и ученых в качестве социального фактора (терминология в основном используется в рамках профессиональной коммуникации), то для инженерной и переводческой деятельности коммуникативная функция обладает большей значимостью по отношению к когнитивной, поскольку характер взаимодействия научно-технологического сообщества и всех остальных социальных групп носит массовый характер. Получается, что чем коммуникация сложнее, многочисленнее, тем менее значима когнитивная (семантическая) функция терминологии. Наоборот, чем специфичнее коммуникация (узкая по количеству ее участников), тем выше значимость когнитивной (семантической). И самое главное то, что это соотношение задается социальными приоритетами.

Иными словами, чем больше потенциальная аудитория потребителей терминологической продукции, тем она многозначнее и сложнее, так же как и процесс по ее формированию, использованию и хранению. И наоборот, чем меньше потенциальная аудитория, тем однозначнее и четче терминология для нее и процесс осуществления терминологической деятельности. Это не значит, что все проблемы терминологической работы полностью зависят только от количества людей и групп, для которых последняя реализуется, но имеется в виду, что число пользователей оказывает определенное влияние. Так же, как и факт, что определенные дилеммы в области философии языка, научной терминологии, инженерной и переводческой деятельности решаются не за счет их преодоления профессиональным образом, а за счет социального

регулирования в тот или иной период общественного развития. Последнее подчеркивает приоритет социальных факторов, которые в области терминологии используются намного чаще и активнее, чем в тех сферах, которые мы рассматривали как ее исторические предпосылки.

Список источников

1. Татаринов В.А. Почему терминоведение, объявленное специальностью XXI-го века в ЕС, выведено из научно-административного обихода в России // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение : материалы Всерос. научн. конф. (Москва, 19 марта 2010 г.). М. : Научный эксперт, 2010. С. 1880–1886.
2. Ахутин А.В. «Омонимия» в переводе философских понятий // EINA: Философия. Религия. Культура. 2012. Т. 1, № 1/2. С. 351–358.
3. Найман Е.А. О технолингвистических и эпистемологических причинах возникновения греческой философии языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 36–46.
4. Матусова Е.Д. Кратил // Античная философия: Энциклопедический словарь. М. : Прогресс-Традиция, 2008. С. 432–433.
5. Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990. С. 613–681. Т. I.
6. Ардашкин И.Б. «Социальный поворот» в теориях терминологического планирования: социолингвистические и социосемантические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 64–80.
7. Суровцев В.А. Реальность лингвистического значения и языковые игры // ПРАΞИМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 135–144.
8. Суровцев В.А. Следование правилу и социальная теория // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 50–55.
9. Ладов В.А. Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Серия: Библиотека аналитической философ. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.
10. Поскетт Дж. Незападная история науки: Открытия, о которых мы не знали. М. : Альпина Паблишер, 2024. 484 с. URL: <https://www.litres.ru/book/dzheymys-poskett/nezapadnaya-istoriya-nauki-otkrytiya-o-kotoryh-my-ne-znali-70457623/chitat-onlayn/?page=1> (дата обращения: 01.02.2025).
11. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб. : Александрия, 2007. 423 с.
12. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М. : Мысль, 1984. 734 с. Т. 3.
13. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
14. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 1977. Т. 1. 574 с.
15. Костикова О.И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2011. № 2. С. 3–22.

References

1. Tatarinov, V.A. (2010) Pochemu terminovedenie, ob"yavlennoe spetsial'nost'yu XXI-go veka v ES, vyvedeno iz nauchno-administrativnogo obikhoda v Rossii [Why terminology, declared a specialty of the 21st century in the EU, has been removed from scientific and administrative use in Russia]. *Rossiya v mire: gumanitarnoe, politicheskoe i ekonomicheskoe izmerenie* [Russia in the World: Humanitarian, Political, and Economic Dimensions]. Proc. of the All-Russian Conference. Moscow, March 19, 2010. Moscow: Nauchnyy ekspert. pp. 1880–1886.
2. Akhutin, A.V. (2012) "Omonimiya" v perevode filosofskikh ponyatiy ["Homonymy" in the Translation of Philosophical Concepts]. *EINA: Filosofiya. Religiya. Kul'tura*. 1(1/2). pp. 351–358.
3. Nayman, E.A. (2023) On the technolinguistic and epistemological reasons for the emergence of the Greek philosophy of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 36–46. DOI: 10.17223/1998863X/74/4
4. Matusova, E.D. (2008) Cratylus. In: Gaidenko, P.P. (ed.) *Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ancient Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 432–433

5. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works in 4 vols]. Vol. I. Moscow: Mysl'. pp. 613–681.
6. Ardashkin, I.B. (2023) “Social Turn” in the Theories of Terminological Planning: Sociolinguistic and Sociosemantic Aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 64–80. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/72/7
7. Surovtsev, V.A. (2022) The Reality of Linguistic Meaning and Language Games. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Problems of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 135–144. (In Russian).
8. Surovtsev, V.A. (2020) Rule Following and Social Theory. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 57(3). pp. 50–55. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202057340
9. Ladov, V.A. (2023) *Illyuziya znacheniya. Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The Illusion of Meaning. The Problem of Rule Following in Analytical Philosophy]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya.”
10. Poskett, J. (2024) *Nezapadnaya istoriya nauki: Otkrytiya, o kotorykh my ne znali* [Non-Western History of Science: Discoveries We Didn't Know About]. Moscow: Al'pina Publisher.
11. Eco, U. (2007) *The Search for the Perfect Language in European Culture*. St. Petersburg: Aleksandriya.
12. Leibniz, G.V. (1984) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
13. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.
14. Bacon, F. (1977) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
15. Kostikova, O.I. (2011) Istoriya perevoda: predmet, metodologiya, mesto v nauke o perevode [History of translation: Subject, methodology, place in the science of translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. 2. pp. 3–22.

Сведения об авторах:

Ардашкин И.Б. – доктор философских наук, доцент, профессор отделения социально-гуманитарных наук школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Ардашкина А.И. – лаборант отделения русского языка школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); студентка факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ardashkinaai@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ardashkin I.B. – Dr. Sci. (Philosophy), docent; professor of the Department of Social Sciences and Humanities, School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Ardashkina A.I. – laboratory assistant, Russian Language Department, School of Social Sciences, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); student of the Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ardashkinaai@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025;
одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 14.02.2025;
approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья
УДК: 17.021.2
doi: 10.17223/1998863X/84/9

О ПОДЛИННОСТИ «Я» В СТРУКТУРЕ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Владимир Владимирович Бабич

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, v.v.babich@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается проблема подлинности «Я» в структуре нарративной идентичности. Формируются ответы на возражения оппонентов, выдвинутые против данной теории идентичности, а именно на утверждения о том, что нарративная идентичность обнаруживает разделение «Я» на подлинное, предшествующее «эмпирическое», или «ощущающее Я», и на «нарративное Я», возникающее вследствие ретроспективного конструирования смыслов и сюжетов, искажающих первоначальный опыт существования.

Ключевые слова: нарративная идентичность, рефлексивное одобрение, этический субъективизм, этика уязвимости, онтологическая динамика субъекта

Для цитирования: Бабич В.В. О подлинности «Я» в структуре нарративной идентичности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 95–111. doi: 10.17223/1998863X/84/9

Original article

ON THE AUTHENTICITY OF THE “SELF” IN THE STRUCTURE OF A NARRATIVE IDENTITY

Vladimir V. Babich

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, v.v.babich@gmail.com

Abstract. “Who are we?” is not a question with an obvious and unambiguous answer for us. Over the course of our lives, we discover that we were mistaken about who we thought we were in the past: in retrospect, we discover events in our biography that shape who we are now, as well as those aspects that reveal versions of ourselves about which we did not know before. We understand that we are often mistaken about who other people are, that we and others lie about ourselves, sometimes without even knowing it. However, when we review our past and make plans for the future in the present, we discover in them a subjectively experienced sense of self-identity. Paul Ricoeur’s theory of narrative identity offers an explanation of how the self is formed and constituted and how our identities emerge. This article analyzes the concept of narrative identity, and also provides a response to the frequently encountered objections raised against this theory, which claims that the narrative identity reveals a divided “self”: the initial “empirical self” and the later emerging narrative about the “self” (the “narrative self”). This objection is based on an empiricist-positivist attitude that asserts that what is given directly in sensory perception is most real, while narrative is understood as a “cognitive tool” through which a meaningful order is retrospectively constructed, falsifying the true nature of the subject’s experience of existence. That is, in order for the self to be told, it must already exist. From a critical perspective, this doubling of the self asserts a false understanding of the self in a narrative identity, as we create a division between who we are and who we say we are. The research

presented here offers a conceptual answer to this objection, eliminating the apparent division between different levels of the self. Responses to criticism are formed in two directions. Firstly, with the help of Jan Patočka's concept of ontological dynamics of "movement", it is possible to demonstrate how the "self" can simultaneously be both an actor and a narrator, constituting a personality. Secondly, the issue of the truth and falsity of narratives that constitute a narrative identity is considered in the context of Judith Butler's ethics of vulnerability and Christine Corsgard's ethical subjectivism.

Keywords: narrative identity, reflective endorsement, ethical subjectivism, ethics of vulnerability, ontological dynamics of subject

For citation: Babich, V.V. (2025) On the authenticity of the "Self" in the structure of a narrative identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 84. pp. 95–111. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/9

Мы знаем, кто мы такие,
но не знаем, чем можем стать.
Шекспир

Введение

Вопрос «кто мы?» не является для нас вопросом с очевидным и однозначным ответом. В течение жизни мы обнаруживаем, что ошибались в отношении того, кем мы себя считали в прошлом: ретроспективно мы обнаруживаем события в своей биографии, формирующие то, кем мы являемся в настоящий момент, а также те аспекты, которые раскрывают версии нас самих, о которых мы до этого не знали. Мы понимаем, что часто ошибаемся и относительно того, кем являются другие люди, что мы и другие лжем о себе, иногда даже не подозревая об этом. Однако, обозревая свое прошлое и конструируя планы на будущее в настоящем, мы обнаруживаем в них субъективно переживаемое чувство самотождественности. Как с философской точки зрения мы можем понять, кто мы? Как узнать правду о себе и других?

Теория нарративной идентичности Поля Рикёра предлагает объяснение того, как формируется и конституируется самость и как возникает наша идентичность. В данной статье анализируется концепция нарративной идентичности, а также представлен ответ на часто встречающееся возражение, выдвигаемое против данной теории, утверждающее что нарративная идентичность обнаруживает в себе разделенное «Я»: изначальное «эмпирическое Я» и возникающее позже повествование о «Я» («нарративное Я»). В основе данного возражения лежит эмпирико-позитивистская установка, утверждающая наиболее реальным то, что дано непосредственно в чувственном восприятии, при этом нарратив понимается как «когнитивный инструмент», посредством которого ретроспективно конструируется значимый порядок, фальсифицирующий истинную природу опыта существования субъекта. То есть для того, чтобы самость была рассказана, она должна уже существовать. С точки зрения критики такое удвоение «Я» утверждает ложное понимание себя в нарративной идентичности, так как мы создаем разрыв между тем, кем мы являемся, и тем, за кого мы себя выдаем. Представленное исследование предлагает концептуальный ответ на выдвинутое возражение, устраняя разрыв между различными уровнями «Я».

Нарративная идентичность и вопрос о подлинности рассказчика

Теория нарративной идентичности предлагает ответ на вопрос о том, как мы можем объяснить сохраняющуюся идентичность человека в темпоральном горизонте. Одним из базовых утверждений концепции нарративной идентичности является высказывание о том, что существует не только числовая идентичность или такая идентичность, которая понимается в качестве стабильного, субстанциального ядра личности. То есть с позиции нарративной идентичности мы не можем говорить об одной и той же существующей неизменной личности во времени подобно тому, как это допускают теории, ассоциирующие личность с субстанцией. Данный тезис можно продемонстрировать с помощью знаменитого мысленного эксперимента «Корабль Тесея». Нам предлагают задуматься, остается ли корабль собой, если все его составные части постепенно заменяются на новые, а старые части используются для создания нового корабля [1]. Если в одном случае мы собрали новый корабль из частей изначального корабля, а в другом – первичный корабль был полностью отремонтирован с помощью замены на новые материалы, то где же подлинный корабль Тесея? Поскольку удаление частей было растянуто во времени, то, утверждая, что перед нами другой корабль, мы также обязаны ответить на вопрос: когда первоначальный корабль перестал быть самим собой и стал другим кораблем? В независимости от того, какой из возможных ответов мы выбираем, определяя статус корабля Тесея, теория нарративной идентичности утверждает, что когда речь идет об установлении идентичности человеческого «Я», вопрос должен ставиться иначе.

Поль Рикёр предлагает два разных способа обозначения идентичности, используя латинские слова «idem» и «ipse». Idem понимается как числовая идентичность человека, которая позволяет рассматривать его как «того же самого», сохраняющего «самотождественность» в изменчивых обстоятельствах. Такой тип идентичности соответствует принципу «перманентности во времени», неизменной остается «организация комбинаторной системы». В качестве примера подобной идентичности Рикёр приводит «постоянство генетического кода биологического индивида» или «неизменную структуру инструмента, все детали которого мы постепенно изменили». Ipse, напротив, «не имеет в виду никакого утверждения, касающегося мнимого неизменного ядра персональности» [2. С. 17]. Ipse связан с понятием самости (ipseite) и выражает тождественность самому себе, своему «Я» (самопостоянство), которое подвержено изменению, тем самым являясь динамической идентичностью. Для формирования такой идентичности принципиально, что в нее диалектически необходимо включение способности распознавать и конструировать себя через другого.

Если idem – идентичность структурного порядка, то ipse – качественно, она включает в себя способность к рефлексии и интроспекции (способность распознавать себя в качестве субъекта своих поступков), волю, мотивацию, этическую оценку и ценности [3. С. 104]. Ipse – это идентичность, которую человек строит сам благодаря «верности себе в сдерживании данного слова», верности нормам, идеалам и делу, связанным с обязательствами перед «Другим» и перед своим «Я» [2. С. 148]. Согласно Рикёру, сдержанное

слово свидетельствует о сохранении «Я» (ipse), что позволяет характеризовать субъекта в качестве автора мотивов и действий.

Когда мы говорим о том, что кто-то «является самим собой», мы не только утверждаем, что он является, во времени, одной и той же сущностью (idem), мы также рассматриваем его идентичность как самость (ipse). «Я» – это особый вид существования, отличный от корабля Тесея или любой другой «не персоны». Поэтому, хотя эксперимент с кораблем Тесея предлагает рассматривать проблему сохранения идентичности в разные моменты времени, вопрос об идентичности «Я» все же требует другой тип ответа, который говорил бы об особом способе существования личности, или самости. Например, о том, что «Я» способно к самоконструированию или что оно не требует такого же постоянства, как сущность или субстанция. Как же в таком случае личность сохраняет свою идентичность во времени?

По мнению Рикёра, есть два способа, с помощью которых человек говорит о себе во времени: «...говоря о самих себе, мы фактически располагаем двумя моделями постоянства во времени, которые я резюмирую двумя терминами сразу, и дескриптивными, и символическими: характер и сдерживаемое слово» [2. С. 148]. Например, то, что мое упрямство и импульсивность напоминают вам обо мне в детстве, является свидетельством продолжения моего характера (и меня самого), даже когда во многих других отношениях, физических, ценностных и других, во мне уже не узнать этого молодого человека. «Сдерживаемое слово» напротив, обеспечивает идентичность именно в тех случаях, когда может произойти нарушение непрерывности характера. Когда я даю обещание, я уверяю вас, что сдержу свое слово – в каком-то смысле сохраняю себя – независимо от того, что произойдет в будущем, тем самым сохраняя самопостоянство личности. Даже если я чувствую себя совсем другим или веду себя совсем иначе, «сдержанное слово говорит о сохранении „Я“, которое, в отличие от характера, невозможно вписать в измерение чего-либо вообще, но можно вписать лишь в измерение „кто“. Одно дело – постоянство характера, другое – постоянство в дружбе» [2. С. 153].

Таким образом, ipse выражает тип идентичности, который мы используем, когда говорим о существовании человека. Теория нарративной идентичности описывает метод, с помощью которого подобный тип идентичности конструируется и достигается. Согласно данной теории, наша личная идентичность формируется посредством артикуляции нарративов о себе. Объединяя события, проекты, планы, воспоминания и отношения в артикулируемый сюжет, мы создаем наше ощущение собственной самотождественности. Подобно тому как истории о нас постоянно пересказываются, дополняются и пересматриваются, так и наше «Я», формируемое посредством рефлексивного осмысления нашей жизни в нарративах, обретает динамическое самопостоянство. «Повествование созидает идентичность персонажа, которую мы можем назвать его нарративной идентичностью, строя идентичность рассказываемой истории. И как раз идентичность истории создает идентичность персонажа» [2. С. 180].

Нечто подобное мы обнаруживаем в художественной литературе: мы узнаем, кем являются персонажи рассказов, наблюдая их развитие, погружаясь в содержание сюжета. Как персонаж реагирует на те или иные события, как его скрытые мотивы находят свое выражение в эмоциональных пережи-

ваниях и поступках, постоянство или изменение ценностей и привычек – вот способы, с помощью которых мы познаем персонажа.

Однако когда речь идет о самоповествовании, возникает проблема. Если только моя личность определяет содержание своей истории, то может показаться, что у меня слишком много свободы в определении себя, не ведет ли нас это к волонтерскому пониманию конструирования «Я»? Я могу рассказывать истории, в которых выбираю, о каких событиях рассказывать, а каких нет, ставить акценты на тех или иных аспектах истории, выставить себя тем, кем хочу быть, но не являюсь, или попросту солгать. Противники теории нарративной идентичности критикуют ее за искажение структуры реальной жизни личности, понимая нарратив в качестве механизма передачи информации с помощью мифа или попытки подражания вымышленному персонажу, используя воображение [4–7]. Так как же обстоит дело с нарративной идентичностью относительно истинности нашей самотождественности? Каким образом истории, которые мы рассказываем о себе, подлинно определяют наше «Я»?

Размышляя о способности, воображения влиять на формирование рассказов о себе, Рикёр писал: «...что же происходит с отношениями между автором, рассказчиком и персонажем, чьи роли и дискурсы весьма несходны в плане вымысла? Когда я интерпретирую самого себя в терминах повествования о жизни, являюсь ли я сразу всеми тремя, как в автобиографическом повествовании?» [2. С. 194].

Критика нарративной идентичности: ложь, удвоение «Я», и существует ли «Я» до того, как его рассказали?

Критика теории нарративной идентичности формируется в двух направлениях: во-первых, с точки зрения лжи о себе или несоответствия фактам нарративных самоинтерпретаций; во-вторых, с точки зрения удвоения «Я» – утверждения, что «нарративному Я», предшествует существование более подлинного «эмпирического» или «ощущающего Я», и, как следствие, констатируется, что «нарративное Я» фальсифицирует истинную природу опыта существования человека.

Авторы, критикующие теорию нарративной идентичности, задаются вопросом, не предшествует ли повествованию о себе более подлинное эмпирическое или «ощущающее Я»? Если да, то в таком случае рассказ о себе – это всего лишь когнитивный инструмент для конструирования значимого порядка, эксплицирующего опыт человеческого существования? Отсюда нарратив рассматривается как вторичный, ретроспективный процесс, фальсифицирующий истинный опыт существования субъекта. Один из основных критиков теории нарративной идентичности, Г. Стросон, утверждает, что современная нейронаука показала, что воспоминания о своем прошлом и рассказы о нем обязательно содержат искажения, а значит, «чем больше вы вспоминаете, пересказываете, рассказываете о себе, тем дальше вы рискуете уйти от точного самопонимания, от истины своего существования. Некоторые постоянно рассказывают о своем повседневном опыте другим в форме историй. Они все больше уходят от истины» [6. Р. 447].

Авторы, выступающие за феноменологическое описание «Я», утверждают, что нарративу предшествует «ощущающие Я»: «...наше ощущающее существование как таковое изначально характеризуется дорефлексивным самосознанием, перспективой первого лица и ощущением „для меня“» [8. С. 32]. По мнению Захави, фундамент «Я» обеспечивается перспективой опыта от первого лица, которая делает опыт «моим». Прежде чем опыт будет рассказан и осмыслен через истории, он должен быть пережит в качестве «чистого» самореферентного опыта. Таким образом, истории, которые я рассказываю о себе, являются вторичным процессом, зависящим от опыта, который я переживаю как «свой» [9. Р. 6]. Мое «автобиографическое Я», требует более раннего существования моего «эмпирического Я».

Вслед за Г. Стросоном и Д. Захави Чапек критикует теорию нарративной идентичности, полагая, что нарративы о нашей жизни всегда ретроспективны. Мы рассказываем о пережитом опыте после того, как событие произошло, а следовательно, искажаем и лишаем их подлинности в предлагаемых интерпретациях [10. Р. 102]. Философ утверждает, что существует «чистое Я», которое переживает события до того, как будет рассказано о них. Поэтому происходит расщепление «Я»: с одной стороны, «чистое Я», которое переживает жизнь в непосредственном моменте и опыте действий, с другой – позже сформированное «нарративное Я», которое пытается осмыслить и изложить опыт задним числом. Эти два аспекта личности не совпадают, при этом «нарративное Я» одновременно ограничивает и искажает опыт «чистого Я» [11]. Подобная критика нарратива опирается на противопоставление «реальности» и «искусственного» порядка, артикулированного человеческого смысла, и с эпистемологической позиции сводится к тезису о том, что рассказ о себе является вторичным и нереальным по отношению к «чистому» опыту, который дан здесь и сейчас или был пережит ранее.

С. Фернандес, анализируя философию Рикёра, формулирует подобные вопросы. Она спрашивает: имеет ли Рикёр в виду, что к «Я» можно получить доступ только через нарративы, и действительно ли «Я» конституируется посредством нарративов? [12. Р. 83]. В первом вопросе уже подразумевается присутствие субъекта, лежащего в основе повествований и делающего повествования возможными, тогда как во втором вопросе «Я» конституируется и проявляется только через повествование. В своем исследовании Фернандес первоначально признает, что, видимо, Рикёр защищает второй вариант, а именно что «Я» действительно конституируется или создается нарративами, но в конечном итоге она отстаивает тезис, что Рикёр утверждает первую формулировку: «Я» артикулируется или понимается в нарративах о себе.

Все перечисленные возражения объединяет утверждение о разделении «Я» на непосредственно «ощущающее Я», переживающее «чистый», подлинный опыт существования, и на «нарративное Я», которое позже артикулируется через нарративы и становится отражением или искажением «чистого» опыта существования. Во всех обозначенных возражениях предполагается, что самость уже присутствует до нарратива в некой первичной форме, и уже позднее «Я» артикулируется и переосмысливается посредством саморефлексии и историй о себе. Ложь о себе также предполагает разделение «Я»: когда кто-то рассказывает о себе ложную историю, он удваивает и искажает собственное «Я».

Ответы на критику удвоения или разделения «Я». Концепция «движения» Яна Паточки

В работе «Нарративная идентичность и феноменология» Якуб Чапек выдвигает гипотезу, что учет опыта теории нарративной идентичности позволит более точно понять личную идентичность в контексте динамичной трансформации самости [13. Р. 374]. Хотя Чапек не упоминает Яна Паточку, именно этот чешский философ разработал центральную идею человеческого существования как «движения» (movement). Движение, – это оригинальная концепция онтологической динамики, объясняющая, как реализуется человеческое существование в своем становлении [14]. Хотя Чапек предлагает нам рассматривать движение как самодостаточную теорию идентичности, в данном исследовании предлагается осмыслить концепцию Паточки в контексте нарративной идентичности.

Паточка представляет человеческое существование в качестве движения, понимаемого как реализация возможностей. Концепция движения Паточки заимствована из философии Аристотеля, который описывает происходящие изменения как возможность, которая предопределена субстанцией, как актуализацию потенциала (dunamis – entelecheia). «Человек в действительности создает человека из того, что было человеком в возможности» [15. С. 107]. Например, лист имеет определенный диапазон окраски: от цветения до увядания и разложения (включая возможные изменения, вызванные болезнями). Этот диапазон цвета предопределен качествами листа, которые в свою очередь определяют его субстанцией. Однако Паточка, подобно Сартру, утверждает, что человеческое существование не предопределено набором характеристик, которые от начала и до конца определяют жизненный путь сообразно субстанциальной заданности («существование предшествует сущности») [16]. Следовательно, движение как модель онтологической динамики человеческого существования должна пониматься иначе, чем первоначальная концепция Аристотеля.

«„Я“ не является субстанцией [substrate], пассивно определяемым наличием или отсутствием определенного эйдоса <...> это нечто, что определяет себя и в этом смысле свободно выбирает свои возможности. Бытие означает, следовательно, не „данность“, а выбор самого себя, создание себя в истине, становление, достижение того, чем ты являешься» [17. Р. 263].

Таким образом, «движение» в философии Паточки выступает основной категорией, определяющей человеческое существование, и представляет собой переосмысленную версию аристотелевского движения. У Паточки актуализация человеческого существования не происходит из определенного набора свойств субстанции. Философ утверждает, что человек не дан в своем существовании, а представляет собой бытие, находящееся в процессе становления: «...каждое мгновение действия или бездействия человека подразумевает решение о его образе существования» [17. Р. 263].

Человек – единственное существо, которое участвует в становлении собственного бытия с помощью рефлексивного осмысления своих действий. Категория осмысленного действия является ключевой в теории Рикёра. Формулируя теорию нарративной идентичности, философ утверждает, что вопрос «кто говорит?» и вопрос «кто делает?» оказываются взаимопереплетенными» [2. С. 33].

«Благодаря рефлексивному характеру „Я“ – мы превратили во вторую грамматическую черту сочетания „Я-сам“. Благодаря этой новой разработке темы нарративной идентичности понятие действия <...> вновь обретет широту смысла, какой могло иметь Аристотелево понятие *praxis*» [2. С. 34].

«Движение» как становление человеческого существования определяется способностью понимать себя. Действие, посредством которого мы понимаем себя, – это конституирующее действие. Таким образом, идентичность, позволяющая распознавать себя в качестве субъекта своих поступков (*ipse*), постоянно находится в процессе становления посредством саморефлексии. Мы становимся теми, кто мы есть, когда мы действуем в мире рефлексивно, созидавая и осмысляя пространство культуры.

Наше понимание мира неотделимо от нашего самопонимания и наших потенциальных возможностей. Паточка утверждает, что только саморефлексия может выступать причиной понимания «вещей», поскольку они осознаются в контексте горизонта наших возможностей [17. Р. 55]. Только моя интенциональность, проект моего «Я» определяет мир в качестве осмысленного существования, но в то же время моя личность и мое понимание себя неотделимы от реализуемых возможностей: я понимаю, кто я такой, только тогда, когда я реализую себя в мире.

Принимая во внимание критику нарративной идентичности Фернандес, Захави, Чапека и Стросона, утверждавших, что «чувствующее Я» предшествует «повествовательному Я» с помощью концепции Паточки мы можем преодолеть данное разделение. Концепция движения позволяет понять, как «Я» может одновременно быть и действующим лицом, и рассказчиком, конституируя личность.

Чапек предлагает понимать сохраняющуюся идентичность во времени с помощью концепции движения, связывая идентичность с переживанием целостности опыта восприятия сложных явлений, протяженных во времени. В качестве примера он предлагает рассматривать музыкальные композиции [13. Р. 374]. Сам Паточка также использует мелодии в качестве иллюстративного примера, позволяющего понимать концепцию движения как становящееся бытие:

«Движение подобного рода заставляет думать о развитии мелодии или, шире, музыкального произведения: каждый элемент есть лишь часть чего-то, что превосходит его, что не присутствует непосредственно в достигнутой форме, но есть, скорее, нечто, что, хотя и подготовлено во всех своих особенностях, в некотором смысле всегда еще впереди, пока композиция звучит» [18. Р. 108].

Например, в «Страстях по Матфею» Баха каждое звучание струнных, духовых или органа не существуют независимо, а существуют как отдельный элемент, созидающий целостное произведение. Оратория представляет собой произведение, обретающее свое существование в процессе звучания, она существует не когда закончена, а именно в своем становлении, в развитии и осмыслении переходов и тем произведения. По аналогии, человек существует в своем становлении и обретает смысл в своих действиях.

Применение данного онтологического принципа в теории нарративной идентичности позволяет рассматривать «Я» одновременно как «нарративное» и «эмпирическое»; личность конституируется в момент рассказывания исто-

рий. «Я» не обязательно должно проявляться как самотождественное существование, до повествования о себе, оно, подобно музыкальному произведению, возникает, когда рассказывает о себе, формируя личностные нарративы.

Однако не предшествует ли нарративу, как говорит Захави, перспектива от первого лица, лежащая в основе наших переживаний? Можно было бы попытаться представить себе опыт существования человека, который не требует «повествовательного Я», например, постоянно заново возникающее «Я», существующее фрагментарно, не связанного ни со своим прошлым, ни со своими будущими проектами и планами. Подобный случай произошел с Клайвом: он, будучи уже признанным музыкантом, перенес заболевание мозга, последствием которого была потеря способности формировать долгосрочные воспоминания и ретроградная амнезия. По свидетельствам его жены, «его способность воспринимать то, что он видел и слышал, не пострадала. Он не мог удерживать никаких впечатлений дольше нескольких мгновений. Действительно, если он и моргал, его веки открывались, открывая новую сцену. То, что он видел и воспринимал до моргания, было совершенно забыто» [19]. Клайв начал вести дневник, записи которого состояли только из утверждений «я бодрствую» или «я в сознании», которые вносились снова и снова через каждые несколько минут. Он писал: «14:10 – на этот раз проснулся как следует. 14:14 – на этот раз наконец-то проснулся. 14:35 – на этот раз полностью проснулся», а также отрицание этих утверждений: «В 21:40 я впервые проснулся, несмотря на мои предыдущие заявления». Это, в свою очередь, было зачеркнуто, а за ним последовало: «Я был в полном сознании в 22:35 и проснулся впервые за много-много недель» [19]. Это, в свою очередь, было отменено следующей записью. Дневник, достигший сотни страниц, отражал попытку подтвердить непрерывность собственного существования, но всегда парадоксальным образом противоречил ей.

Данный случай доказывает то, что когда мы переживаем опыт своего существования в моменте, мы связываем его с другими переживаниями, произошедшими в прошлом, и нашими планами на будущее. Тем самым, личная идентичность подразумевает непрерывность «Я» в протяженности временных интервалов. Когда мы переживаем «простой», «подлинный» опыт, который Захави понимает как первичное переживание «ощущающего Я», – «видение луны, чтение текста, восприятие подоконника, красной книги или дымящейся чашки», мы связываем его с другим нашим опытом [9. Р. 2]. Эти переживания принадлежат мне не только потому, что они являются частью «образа Я», но и потому, что они обязательно связаны с другим моим опытом в прошлом и формируемыми планами на будущее [20]. Это не просто красная книга, которую я воспринимаю в моменте здесь и сейчас, это книга, с которой я работал вчера, на которую я пролил чай в прошлом месяце и чуть не потерял ее случайно в прошлом семестре, ее также просил почитать мой друг, которому я обещал дать ее на следующей неделе. Тот факт, что переживаемый нами опыт является частью «образ Я», сам по себе не формирует личностной идентичности. Точно так же, как недостаточно одного картезианского самообнаружения «Я» с помощью *cogito* для гарантии, что перед нами одно и то же «Я» каждый раз, когда мы обнаруживаем опыт собственного мышления. Одного опыта, представленного в эпизодах «Я», недостаточно, чтобы говорить о «моих» переживаниях; «мой» опыт подразумевает наличие

идентичности, переживаемой как континуальность опыта существования. Жизнь не состоит из нейтральной последовательности дискретных переживаний, она состоит из значимых моментов, действий, отношений, их связей и последствий, и в этом смысле уже повествовательно структурирована.

Нарративное «Я» уже вовлечено в опыт точно так же, как опыт включен в повествование. Концепция нарративной идентичности позволяет рассматривать человеческое существование как процесс интерпретации, осуществляемый в темпоральном горизонте, включающий в себя постоянное переплетение прошлого, настоящего и будущего. В таком контексте проблематично представить себе «подлинный», неискаженный, непосредственный опыт существования нашего «Я», очищенный от интерпретаций и независимый от прошлого, настоящего и будущего. Нарративная идентичность человека не может возникнуть из атомизированного, дискретного опыта, она длится в своем существовании, подобно музыкальному произведению.

Мы не конструируем себя *ex nihilo*, наши рассказы о себе не опираются только на опыт «здесь и сейчас», мы обнаруживаем, кто мы, когда рассказываем истории о своем жизненном проекте, используя доступный спектр культурных интерпретаций. Таким образом, конструируется интерпретативный континуум нашей жизни, который варьируется от базовой интерпретационной структуры «точечного» чувственного восприятия до более сложных смыслообразующих практик, выступающих основой нашей идентичности. «Чистый» опыт не содержит смысла, смысл возникает в повествовательной структуре, и если такой «чистый» опыт не может быть продемонстрирован иначе, то нет причин отвергать нарративные интерпретации как нереальные или заведомо ложные.

Наша идентичность, то, кем мы являемся, определяется связью наших биографических событий посредством сюжета и создания повествования о себе. Саморефлексия и самоконституция – как создание и открытие себя – происходят, когда мы создаем повествовательное единство из событий, относящихся к нам, и рассказываем их другим (или себе в качестве воображаемого «Другого»). Именно это и делает опыт «нашим» опытом. Мы не решаем, каких родителей иметь, где родиться, с каким набором генов и в какой языковой среде, но мы формируем свою личную идентичность в нашем повествовании, рассказывая о себе другим. «Я не являюсь автором <моей жизни> как существования, я делаюсь соавтором ее смысла», – писал Рикёр [21. Р. 191].

Истина и ложь в нарративной идентичности: этика уязвимости Джудит Батлер и принцип рефлексивного одобрения Кристин Коррсгард

Представление Паточки о существовании «Я» как о «движении» помогло нам понять наше существование в качестве становящегося бытия. Мы одновременно являемся персонажем и рассказчиком: тем, кто реализует, и тем, кто содержит в себе весь спектр возможностей. Но как это происходит на практике, и как нам ответить на вопрос о том, что происходит с идентичностью в случае, когда кто-то рассказывает о себе ложную историю? Действительно ли мы являемся теми, за кого себя выдаем? Если «Я» конституирует себя через нарративы, то что происходит в случаях обмана и самообмана?

Формируя теорию нарративной идентичности, говоря об истине, Рикёр не связывает ее с требованиями абсолютной достоверности. Мы не можем ожидать полной транспарентности или однозначно исчерпывающей интерпретации высказывания, когда говорим о том, кем кто-то является (включая самих себя). Несмотря на это ограничение, истина – хотя и выходит за пределы ее понимая в рамках корреспондентной теории – является неотъемлемой и необходимой частью нарративной идентичности, придавая концепции повествовательной идентичности этическое измерение.

Рикёр использует понятие истины как *aletheia*, непрерывного раскрытия смысла в контексте взаимодействия с «Другим». С точки зрения концепции нарративной идентичности, личность создает себя посредством рассказов о себе; через наши рассказы мы приходим к пониманию того, кто мы есть, и в этом самопонимании становимся самим собой. Не важно, реален собеседник или воображаем, я рассказываю свои истории «Другому» и через этот процесс претендую на то, чтобы быть кем-то. Рикёр называет такую истину «удостоверением» (*attestation*) или «свидетельством» (*témoignage*): я свидетельствую о том, что являюсь таким человеком для другого (в том числе и «Другого» в виде моей собственной совести) [22. С. 90].

«Мой тезис в этом плане состоит в том, что существует тесное семантическое родство между удостоверением и самопризнанием, – родство по линии “признания ответственности”, которое греки, от Гомера и Софокла до Аристотеля, приписывали субъектам действия: признавая, что они совершили такой-то поступок, деятели имплицитно удостоверяли, что они были на него способны» [22. С. 90].

Роль «Другого» подразумевает, что мой рассказ о себе может быть принят как правдоподобный или быть отвергнут, не пройдя проверку, а также сопоставлен с другими моими предыдущими рассказами и моими действиями. «Другой» сопричастен определению подлинности моей идентичности: если истина обо мне включает в себя доверие «Другого», проверку моего повествования на правдоподобность и мой авторитет, в таком случае я не решаю в одиночку и в одностороннем порядке, кто я. Мои нарративы о себе, как и все повествования, имеют требование логической последовательности и некоторой достоверности. Противоположностью истины в смысле «удостоверения» или «свидетельства» у Рикёра является «подозрение» (*uspición*) [22. С. 90].

Когда действия приписываются личности, мы не используем правила истинности или ложности, как мы это обычно делаем относительно исследуемых наукой объектов или как это происходит при анализе реальности языковых значений [23]. Учитывая нашу многогранность и противоречивость, наша концепция действия скорее подобна нашей концепции собственности и является культурно обоснованной, завися от принятых правил поведения. По мнению философа права Герберта Харта, действие несводимо к эмпирическим фактам (психически обусловленным движениям человеческого тела), а является синтезом культурной нормы и факта и по своей природе аскриптивно [24].

Выстраиваемая нарративная идентичность может быть отклонена или пересмотрена, если продемонстрировать, что связи между описаниями от третьего лица и психологическими состояниями субъекта (перспектива от первого лица) не соответствуют стандарту того, что общество в настоящее

время понимает под этой идентичностью; или она может не удовлетворять культурным критериям создания смысла, которые включают лингвистические, юридические и другие институциональные практики. Данная проверка является условием конструирования нарративной идентичности.

При этом необходимо учитывать, что мои взгляды, мнения и знания имеют неизбежные ограничения. Это подразумевает, что все описания меня неизбежно будут неполными, ошибочными, подверженными иллюзиям и обману. Джудит Батлер анализирует эту идею в своей работе «Давая отчет о себе»:

«Мой рассказ о себе всегда неполный, меня сопровождает то, о чем у меня нет точной истории. Я не могу исчерпывающе объяснить, почему я возник определенным образом, и мои усилия по реконструкции повествования постоянно подвергаются пересмотру. Во мне и обо мне есть то, чему я не могу дать полного исчерпывающего артикулируемого ответа. Но означает ли это, что я не несу в моральном смысле ответственности за то, кто я и что делаю? <...> Осознание того, что человек в каждом моменте не совсем такой, каким он себя считает, может, в свою очередь, подразумевать определенное терпение по отношению к другим, которое приостанавливает требование, чтобы они были одинаковыми в каждом моменте» [25. Р. 27].

Представление Батлер о самости не совсем совпадает с представлениями Рикёра (хотя у них есть некоторые общие аспекты). Батлер, по-видимому, интересуется именно не проясняемая часть «Я», бессознательное и психоаналитические аспекты философии, которые его исследуют. Но говоря о невозможности полной артикулируемости и транспарентности «Я», Батлер рассматривает это положение в качестве основы этики, и в этом контексте можно говорить о сближении ее философии с проектом нарративной идентичности Рикёра. Объединяющий тезис состоит в том, что мои рассказы о себе – это всегда попытки осмысления моей собственной жизни. Некоторые из них я найду имеющими смысл и проясняющими, другие окажутся ошибочными или будут противоречить будущему пониманию, многие из них я буду пересматривать и продолжать возвращаться к ним до конца своей жизни. Во всех этих случаях критерием истины является «свидетельство» меня и других о соответствии этих попыток – моим предыдущим рассказам, ситуациям и действиям.

Этот вид познания себя К. Корсгаард связывает с этическим горизонтом личности, определяя его как «рефлексивное одобрение» (reflective endorsement). Эта «способность к сознательной рефлексии по поводу наших собственных действий дает нам вид власти над самими собой, и эта власть придает нормативность нашим моральным требованиям» [26. Р. 25–26].

Саморефлексия – это способность ставить под сомнение наши убеждения, желания и мотивы; это способность спрашивать себя, составляют ли они достаточные основания для наших действий. Основания – это предпочтения, ценности и желания, выдержавшие рефлексивную проверку (reflective endorsement test). Таким образом, способность к рефлексии является источником не только нормативности, но и практической идентичности; она дает нам возможность выбора, во что верить и как действовать [26. Р. 25–26]. Подобные основания, утверждает Корсгаард, возникают непосредственно из наших представлений о себе, из нашей личной практической идентичности.

«Практичная идентичность (practical identity) – это не теоретическая точка зрения, а точка зрения о том, что ваше существование является неизбежным научным фактом. Его лучше понимать, в качестве описания, через которое вы оцениваете себя, согласно которому вы считаете, что ваша жизнь стоит того, чтобы жить, а ваши действия достойны того, чтобы их предпринимать. Поэтому я буду называть это концепцией практической идентичности... Вы человек, женщина или мужчина, приверженец определенной религии, член этнической группы, чей-то друг и так далее. И все эти тождества порождают причины и обязательства. Ваши причины выражают вашу индивидуальность, вашу природу; ваши обязательства проистекают из того, что запрещает или к чему обязывает эта идентичность» [26. Р. 83].

Причины, на основании которых мы принимаем те или иные решения, ценности и точки зрения, по крайней мере частично, определяются нашей нарративной идентичностью. Если причины, направляющие наши действия, не основаны на наших базовых качествах, если наши ценности не воплощены в том, кто мы есть, наши действия и убеждения должны быть произвольными и бессмысленными.

Истории, которые мы рассказываем о себе, всегда в некотором смысле являются вымыслом. Но только в этих рассказах, воспринятых другими, мы можем прийти к пониманию того, кто мы есть. Быть собой – значит искать себя. Эти «вымышленные истории» – ложь, с точки зрения радикальных критиков нарративной идентичности, – не противоречат правде о нас, но всегда являются незавершенными и не до конца релевантными; они являются частью пути (существование – это всегда движение, как учит нас Паточка), который мы проходим, следуя императиву «познай самого себя».

Рассуждая над этим, Рикёр писал: «...становится ясным, что в нашем анализе дух лжи неизменно сопутствует исследованию истины, подобно хитону Несса, приросшему к человеческому телу» [27. С. 186]. Когда речь идет о личности, истина и ложь не являются взаимоисключающими элементами, подобно тому как это происходит в исследуемых наукой физических объектах, а всегда остаются связаны между собой. Ложь – это часть одежды, которую мы надеваем, меняем и снимаем на пути к созданию и поиску наилучших ответов на вопрос, кем мы являемся.

Та неполная истина, которая становится доступной нам в рассказах о себе, приводит к пониманию наших собственных ограничений и уязвимостей, тем самым способствуя более терпеливому отношению к ошибочным и неточным рассказам других. Наша неспособность дать исчерпывающий отчет о себе требует наших усилий, поскольку мы несем ответственность за себя и свою жизнь – мы должны сохранять ответственность, даже если у нас нет окончательного и полного ответа на вопрос «кто я?». Именно ответственность и исполнение взятых обязательств обеспечивает непрерывность моего «Я». Идентичность это – «мое сдержанное слово», которое, как утверждал Рикёр, обеспечивает продолжение моей самости (*ipse*) во времени, когда невозможно сохранение моего персонажа через постоянство (*idem*). Именно благодаря личным высказываниям о себе я обязуюсь нести ответственность.

«„Кто же этот я, такой изменчивый, и почему, несмотря ни на что, ты на меня рассчитываешь?“ Разрыв между вопросом, в который погружается

нарративное воображение, и ответом субъекта, ставшего ответственным из-за ожиданий другого, становится тайным пробелом в самой сердцевине вовлеченности. Этот тайный пробел и составляет разрыв между скромностью сохранения „Я“ и стоической гордыней жесткой верности себе» [2. С. 203].

Знание себя не может быть достигнуто во всей полноте, для меня и других, оно всегда требует усилий и работы, приводящих к незавершенным и промежуточным результатам. И тем не менее даже в этом случае я утверждаю и сохраняю свою персональность через ответственность, выраженную в обещаниях «Другому». Именно подверженное ошибкам представление о себе порождает мою идентичность как человека, на которого можно положиться и которого можно привлечь к ответственности.

Заключение

Нарративная идентичность, утверждая два способа говорить о сохранении «Я» во времени (*idem* и *ipse*), выступает альтернативой как теориям субстанциальной автономности и самодостаточности «Я», так и теориям смерти субъекта. Изменчивость утверждается основой идентичности. Взаимодействие через сюжет прошлого, настоящего и будущего обеспечивает единство нашего «Я».

Концепция онтологической динамики («движения») Паточки позволяет сформировать ответ на критику, утверждающую, что «нарративному Я» предшествует более подлинное, первичное «чувствующее Я», или «эмпирическое Я». Концепция «движения» демонстрирует, как «Я» может одновременно быть действующим лицом и рассказчиком, конституируя личность. «Нарративное Я» уже вовлечено в опыт точно так же, как опыт включен в повествование.

Проблема истинности и ложности повествований, образующих нарративную идентичность, рассмотренная в контексте этики уязвимости Джудит Батлер и этического субъективизма Кристин Коррегард, смещает вопрос об идентичности в сторону вопроса о саморефлексии (рефлексивного одобрения, согласно Коррегард). Мы становимся теми, кто мы есть, когда мы действуем рефлексивно, созидая и осмысляя пространство культуры. Таким образом, способность к саморефлексии является источником не только нормативности, но и практической идентичности; она дает нам возможность выбора, во что верить и как действовать. Рассматриваемая в контексте проблемы морального действия, нарративная идентичность предполагает, что, оказавшись рассказчиком собственной жизни, человек понимает себя в качестве субъекта, реализующего инициативу через действия, которые способен оценивать задним числом, и вменять себе соответствующую ответственность, а также «держат слово» перед «Другим», тем самым сохраняя свою идентичность во времени.

Моральная философия Батлер говорит о невозможности полной артикулируемости и транспарентности «Я». Истории, которые мы рассказываем о себе, всегда в некотором смысле являются вымыслом. Но только в этих рассказах, воспринятых другими, мы можем прийти к пониманию того, кто мы есть. Данное понимание позволяет учитывать нашу человеческую сложность при построении моделей идентичности. «Чистый» опыт не

содержит смысла, смысл возникает в повествовательной структуре, и если такой «чистый» опыт не может быть продемонстрирован иначе, то нет причин отвергать нарративные интерпретации как нереальные или заведомо ложные.

Список источников

1. Вихарева М.А. Корабль Тесея: вчера, сегодня, навсегда // Мировоззренческие основания культуры современной России : сб. науч. тр. XII Междунар. науч. конф. Магнитогорск, 14–16 мая 2021 г. / под общ. ред. В.А. Жилиной. Магнитогорск : Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2021. С. 226–230.
2. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. М. : Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.
3. Медова А.А. Время самоидентичности // Философские науки. 2013. № 12. С. 101–116.
4. Черванева В.А. Мифологический нарратив: информационно-коммуникативный аспект // Традиционная культура. 2017. № 1 (65). С. 76–84.
5. Vice S. Literature and the narrative self // Philosophy. 2003. Vol. 78, № 303. P. 93–108.
6. Strawson G. Against narrativity // Ratio. 2004. Vol. 17, № 4. P. 428–452.
7. Кочнев Р.П. Повесть о настоящем человеке: тождество личности и экзистенциализм // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. № 1. С. 95–102.
8. Захави Д. Я и Другой: от чистого я к совместно выстраиваемому мы // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 28–46.
9. Zahavi D. Self and other: The limits of narrative understanding // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2007. Vol. 60. P. 179–202.
10. Čapek J. et al. Experience beyond storytelling: László Tengelyi on the Narrative Identity Debate // Acta Universitatis Carolinae Interpretationes. 2015. Vol. 5, № 2. P. 95–113.
11. Čapek J., Loidolt S. Phenomenological approaches to personal identity // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2021. Vol. 20, № 2. P. 217–234.
12. Fernandes S.M.M.R. Identidade narrativa e identidade pessoal. Uma abordagem da filosofia de Paul Ricoeur // Philosophica: International Journal for the History of Philosophy. 2009. Vol. 17, № 33. P. 75–94.
13. Čapek Jakub. Narrative identity and phenomenology // Continental Philosophy Review. 2017. Vol. 50. P. 359–375.
14. Martinková I. Anthropos as kinanthropos: Heidegger and Patočka on human movement // Phenomenological Approaches to Sport. Routledge. 2013. P. 33–46.
15. Аристотель. Физика. Сочинения : в 4 т. Т. 3: Перевод / вступ. ст. и примеч. И.Д. Рожанский. М. : Мысль, 1981. 613 с.
16. Саптр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм. URL: http://sceptis.net/library/id_545.html (дата обращения: 07.05. 2024).
17. Patočka J. Le monde naturel et le mouvement de l'existence humaine, trans. Erika Abrams, Les éditions des Compagnons d'humanité. 2023. 304 p.
18. Patočka J. Papiers phénoménologiques. Editions Jérôme Millon, 1995. 298 p.
19. Sacks O. The Abyss: Music and Amnesia // The New Yorker. 2007. September 24. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (accessed: 03.05.2024).
20. Луцик М.Ю., Дронго А.В. Модель Я-концепции как процесса оценки опыта // Психолог. 2021. № 4. С. 11–26. doi: 10.25136/2409-8701.2021.4.35464
21. Ricoeur P. Soi-même comme un autre, L'Ordre Philosophique. Paris : Éditions du Seuil, 1990. 424 p.
22. Рикёр П. Путь признания. Три очерка. М. : РОССПЭН, 2010. 268 с.
23. Суровцев В.А. Реальность лингвистического значения и языковые игры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2022. № 3 (33). С. 135–144. doi:10.23951/2312-7899-2022-3-135-144
24. Касаткин С.Н. Концепция юридического языка Герберта Харта: опыт реконструкции // Философия права. 2016. № 5 (78). С. 77–83.
25. Butler J. Giving an account of oneself // Diacritics. Winter. 2001. Vol. 31, № 4. P. 22–40.
26. Korsgaard C.M. The Sources of Normativity. The tanner lectures on human values 12:19-112.1992. URL: https://tannerlectures.utah.edu/_resources/documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (accessed: 03.05.2024).
27. Рикёр П. История и истина : пер. с фр. СПб. : Алетея, 2002. 400 с.

References

1. Vikhareva, M.A. (2021) Korabl' Teseya: vchera, segodnya, navsegda [Theseus' Ship: Yesterday, Today, Forever]. In: Zhilina, V.A. (ed.) *Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury sovremennoy Rossii* [Ideological Foundations of the Culture of Contemporary Russia]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University. pp. 226–230.
2. Ricoeur, P. (2008) *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as Another]. Translated from French. Moscow: Izd-vo guman. lit.
3. Medova, A.A. (2013) Vremya samoidentichnosti [Time of Self-Identity]. *Filosofskie nauki*. 12. pp. 101–116.
4. Chervaneva, V.A. (2017) Mifologicheskii narrativ: informatsionno-kommunikativnyy aspekt [Mythological narrative: Information and communicative aspect]. *Traditsionnaya kul'tura*. 1(65). pp. 76–84.
5. Vice, S. (2003) Literature and the narrative self. *Philosophy*. 78(303). pp. 93–108.
6. Strawson, G. (2004) Against narrativity. *Ratio*. 17(4). pp. 428–452.
7. Kochnev, R.L. (2020) Povest' o nenastoyashchem cheloveke: tozhdestvo lichnosti i ekzistentsializm [The story of a Fake Man: Personal Identity and Existentialism]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 1. pp. 95–102.
8. Zakhavi, D. (2015) Ya i Drugoy: ot chistogo ya k sovmestno vystraivayemomu my [Oneself and Another: From Pure I to Jointly Constructed We]. *Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. 18. pp. 28–46.
9. Zahavi, D. (2007) Self and other: The limits of narrative understanding. *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 60. pp. 179–202.
10. Čapek, J. et al. (2015) Experience beyond storytelling: László Tengelyi on the Narrative Identity Debate. *Acta Universitatis Carolinae Interpretationes*. 5(2). pp. 95–113.
11. Čapek, J. & Loidolt, S. (2021) Phenomenological approaches to personal identity. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 20(2). pp. 217–234.
12. Fernandes, S.M.M.R. (2009) Identidade narrativa e identidade pessoal. Uma abordagem da filosofia de Paul Ricoeur. *Philosophica: International Journal for the History of Philosophy*. 17(33). pp. 75–94.
13. Čapek, J. (2017) Narrative identity and phenomenology. *Continental Philosophy Review*. 50. pp. 359–375.
14. Martínková, I. (2013) Anthropos as kinanthropos: Heidegger and Patočka on human movement. In: Martínková, I. & Parry, J. (eds) *Phenomenological Approaches to Sport*. Routledge. pp. 33–46.
15. Aristotle. (1981) *Fizika. Sochineniya: v 4 t.* [Physics. Works: in 4 vols]. Vol. 3. Translated by I.D. Rozhapshsh. Moscow: Mysl'.
16. Sartre, J.P. (n.d.) *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. [Online] Available from: http://scepsis.net/library/id_545.html (Accessed: 7th May 2024).
17. Patočka, J. (2023) *Le monde naturel et le mouvement de l'existence humaine*. Les éditions des Compagnons d'humanité.
18. Patočka, J. (1995) *Papiers phénoménologiques*. Jérôme Millon.
19. Sacks, O. (2007) The Abyss: Music and Amnesia. *The New Yorker*. 24th September. [Online] Available from: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (Accessed: 3rd May 2024).
20. Lutsik, M.Yu. & Drongo, A.V. (2021) Model' Ya-kontseptsii kak protsess otsenki opyta [Model of the Self-concept as a process of assessing experience]. *Psikholog*. 4. pp. 11–26. DOI: 10.25136/2409-8701.2021.4.35464
21. Ricoeur, P. (1990) *Soi-même comme un autre, L'Ordre Philosophique*. Paris: Éditions du Seuil.
22. Ricoeur, P. (2010) *Put' priznaniya. Tri ocherka* [The Path of Recognition. Three Essays]. Translated from French. Moscow: ROSSPEN.
23. Surovtsev, V.A. (2022) The Reality of Linguistic Meaning and Language Games. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problems of Visual Semiotics – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 135–144. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-135-144
24. Kasatkin, S.N. (2016) Kontseptsiya yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta: opyt rekonstruktsii [Herbert Hart's Concept of Legal Language: An Attempt at Reconstruction]. *Filosofiya prava*. 5(78). pp. 77–83.
25. Butler, J. (2001) Giving an account of oneself. *Diacritics*. 31(4). pp. 22–40.

26. Korsgaard, C.M. (1992) *The Sources of Normativity. The Tanner Lectures on Human Values*. 12:19-112. 1992. [Online] Available from: https://tannerlectures.utah.edu/_resources/documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (Accessed: 3rd May 2024).

27. Ricoeur, P. (2002) *Istoriya i istina* [History and Truth]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.

Сведения об авторе:

Бабич В.В. – кандидат философских наук, магистр кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: v.v.babich@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Babich V.V. – Cand. Sci. (Philosophy), Master of the Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: v.v.babich@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2025;
одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 17.02.2025;
approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.17223/1998863X/84/10

ТЮРЕМНАЯ «ПРОПИСКА» КАК КОРРЕЛЯТ АРХАИЧЕСКОЙ ИНИЦИАЦИИ

Сергей Борисович Пономарев

Филиал Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, Ижевск, Россия, docmedsb@mail.ru

Аннотация. Являясь одной из наиболее агрессивных контркультур, тюремная субкультура обладает набором специфических обычаев, ритуалов, к которым относится ритуал посвящения (тюремная «прописка»). Эта церемония проводится по сценарию, сходному с правилами инициации, существующему в архаических сообществах. Рассмотрены основные этапы сценария тюремной инициации (отделение, переход, инкорпорация).

Ключевые слова: инициация, посвящение, тюремная «прописка», тюремная субкультура, тюремные касты

Для цитирования: Пономарев С.Б. Тюремная «прописка» как коррелят архаической инициации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 112–122. doi: 10.17223/1998863X/84/10

Original article

PRISON “REGISTRATION” AS A CORRELATE OF ARCHAIC INITIATION

Sergey B. Ponomarev

Branch of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Izhevsk, Russian Federation, docmedsb@mail.ru

Abstract. One of the characteristics of the Russian cultural space is the existence of aggressive counterculture. The distinctive features of the prison subculture include such a phenomenon as prison “registration”, which is a procedure for accepting newcomers into the community of prisoners. Prison “registration” is an analogue of the initiation ritual, existing in many archaic cultures. The main stages of initiation are subject to a single algorithm: (1) a three-part temporal division of the ritual: preliminary, liminary and postliminary phases; (2) the plot line in the initiation scenario as a ritual death and resurrection in a new quality; (3) mythological reactualization, consisting in the transformation of the meaning of the existence of the individual in the new community; (4) participation of the initiator’s personality; (5) lustration of the neophyte. The ritual of prison “registration” is associated with the archetype of the Great Mother. The initiation rite can be divided into three stages: (1) separation, (2) transition, and (3) incorporation. The stigmatization of a neophyte consists of: (1) a verdict on the classification of the newcomer into a particular prison caste, (2) assignment to the newcomer of a prison nickname, (3) branding of the newcomer – applying a tattoo encoding the person’s position in the prison hierarchy. Prison initiation games and guessing prison riddles play a huge role in the “registration” ritual. The unified structure of the initiation procedure in the prison subculture and in archaic societies allows classifying prison “registration” as a phenomenon of cultural homoplasy. The reason for the similarity between the “registration” ritual and primitive initiation is the reduction of complex forms of social life.

Keywords: initiation, dedication, prison “registration”, prison subculture, prison castes

For citation: Ponomarev, S.B. Prison “registration” as a correlate of archaic initiation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 112–122. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/10

Культура как комплексная система ценностей и правил поведения складывается из взаимодействующих между собой субкультур – интерсубъективных страт общества, сформированных по правилам демографического, национального, социального, профессионального единства [1–3]. Одной из отличительных характеристик российского культурного пространства является существование развитой и агрессивной контркультуры – так называемой тюремной субкультуры [4, 5], развитие и становление которой связано как с наследием эпохи ГУЛАГа, так и с преступными 90-ми гг. XX в. [6, 7].

Российская тюремная субкультура обладает множеством специфических обычаев, ритуалов, развитой системой тюремных табу и тюремных тотемов [8], особым «воровским» языком. Жизнь в местах лишения свободы жестко регламентирована неписаным каноном тюремных моральных ценностей («тюремным законом») [9]. В тюремном сообществе процветает кастовая система, предусматривающая, в частности, наличие страты «неприкасаемых» – лиц, принудительно используемых для гомосексуальных контактов [10].

К отличительным признакам тюремной субкультуры относится такое явление, как тюремная «прописка», представляющая собой процедуру принятия новичков в сообщество арестантов. Результаты «прописки» влияют на определение нового социального статуса человека, оказавшегося в местах лишения свободы: по окончании испытаний коллективом заключенных, во главе которого стоит так называемый авторитет, выносятся вердикт о том, к какой тюремной страте (касте) необходимо отнести вновь прибывшего арестанта [11]. Считается, что в пенитенциарном культурном пространстве существует несколько больших каст (так называемых мастей). Это «воры», «мужики», «козлы», «черти» и «отверженные» («петухи») [8, 12, 13], а также многочисленные подкасты, качество и количество которых зависит от многих факторов (порядки в исправительном учреждении, его местоположение и т.п.) [8]. При этом вердикт о социальном статусе нового сидельца, вынесенный по результатам прохождения испытаний, как правило, является окончательным и не подлежит пересмотру.

В.Ф. Пирожков считает, что ритуал тюремной «прописки» можно рассматривать с нескольких позиций [14]. Помимо того что она носит функцию проверки новичка на выносливость и пригодность к дальнейшему существованию в условиях отбывания наказания, с ее помощью осуществляется, как было сказано, также и отнесение неофита к конкретной неформальной социальной группе. Человек, успешно прошедший испытания, в дальнейшем продолжает обучение преступному промыслу, втягиваясь в криминальную деятельность, пополняя тем самым ряды апологетов тюремной субкультуры [14].

Тюремная «прописка» является аналогом ритуала инициации (посвящения), существующего во многих архаичных культурах [15, 16]. Основная функция посвящения – социализация новых членов сообщества. В первобытном социуме молодежная инициация – это совокупность ритуалов и обычаев,

закрывающаяся в фиксации факта перехода юношей в категорию взрослых [16]. Примечательно, что ритуал посвящения не только вводит человека в новый круг общения, но и открывает ему новый мир духовных ценностей [17]. Цель инициации – это радикальная трансформация религиозного и социального статуса посвящаемого, онтологическое изменение экзистенциального состояния личности, рождение нового «Я». Феномен инициации наблюдается не только в первобытных племенах, но и, в той или иной мере в современном обществе – при приеме в коллективы людей, объединенных по признакам профессиональной, религиозной и иной принадлежности (клятва Гиппократа, воинская присяга, крещение, вступление в брак и т.п.). Не случайно М. Элиаде считал, что инициация является одним из наиболее актуальных феноменов в истории человечества [17]. В настоящей работе представлен авторский взгляд на феномен тюремной прописки в плане ее сравнения с некоторыми особенностями и правилами обрядов инициации, существующих в архаичных культурах.

Известно, что основные этапы прохождения инициации подчинены единому алгоритму [15]. Среди общих признаков, в той или иной мере характерных для любого вида посвящения, можно выделить такие, как 1) наличие трехчастного темпорального деления ритуала с выделением прелиминарной, лиминарной и постлиминарной фаз; 2) генеральная сюжетная линия в сценарии инициации – это ритуальная смерть и воскресение в новом качестве; 3) лежащая в основе ритуала посвящения мифологическая реактуализация, заключающаяся в трансформации смысла существования личности в новом сообществе; 4) участие в ритуале личности инициатора – таинственного носителя некой сакральной истины; 5) люстрация неопита, придание ему нового имени, клеймение [18] (как пишет И.В. Випулис, под люстрацией применительно к обряду инициации следует понимать совокупность культовых манипуляций, связанных с действием некой очистительной силы [18]; клеймение неопита – это нанесение внешних маркировочных знаков: татуировок, шрамов и т.п., свидетельствующих об успешном прохождении испытания). Единое строение процедуры инициации в различных социумах позволяет отнести данное явление к феномену культурной гомоплазии, который характеризуется наличием сходства ряда синхронистичных культурных явлений у различных народов [19]. Таким образом, в культурах мира существует множество различных обрядов посвящения, построенных по сходному сценарию [15]. Общим для всех них является прохождение неопитом испытаний, которые, как правило, сопровождаются воздействием на психику и физическое состояние нового члена социума. В архаичных обществах атрибутами посвящений были избиения, наказания розгами, отрезание пальцев, выбивание зубов, обрезание крайней плоти, иссечение мочеиспускательного канала, укусы ядовитых насекомых и т.д. [8]. При прохождении обряда инициации испытуемый должен показать крепость духа и силу воли, достойно вступить в круг полноправных членов своего племени. В противном случае он подвергался различным видам наказания: бойкоту, ostracism, символически переводился из мужчин в женщины [8].

Как считает М. Элиаде, практикуемые при посвящении пытки являются воплощением заключительного этапа танатогенеза – терминальной предсмертной агонии. Как было сказано, сценарий любого посвящения символи-

чески состоит из двух частей. Первая – это смерть личности в прежнем, покидаемом им мире, вторая – его рождение в новой реальности. Ритуальные действия первой части инициации (увечья, избияния и т.п.) связаны с угрозой смерти. Это находит свое отражение также и в используемых в инициации атрибутах: наводящих ужас масках, символах смерти, крови животных и т.п. [17]. Вторая часть процедуры – это рождение человека в новом качестве, которое невозможно без его предварительной смерти [15]. По поводу сказанного Д. Фрезер отмечал, что в мироощущении примитивного человека смерть является первым шагом к грядущему воскресению, подобно тому как зимнее увядание является началом весеннего пробуждения [20]. После прохождения инициации неопит начинает воспринимать новую для него мифическую картину мира как реальность, путь к которой он прошел через личный опыт смерти [18].

Так же как и в древних племенах, тюремная «прописка» в местах лишения свободы – это ритуал, олицетворяющий символическую смерть нового сидельца в покидаемом им свободном мире и его воскрешение в новом качестве в темном мире тюрьмы. В.Е. Письменный пишет «В ритуале инициации тюрьма одновременно предстает в двух ипостасях, тесно связанных между собой. Она становится могилой для человека, пришедшего извне, одновременно предстает и материнским чревом, из которого рождается ее сын, получая при рождении новое имя, имеющее значение только в системе тюремно-воровской субкультуры» [21. С. 120].

Таким образом, ритуал тюремной «прописки» связан с архетипом карающей, убивающей и дающей новое рождение Великой матери. Он сходен с обрядами инициации, существующими в некоторых примитивных племенах. В качестве примера можно привести обряд посвящения, существующий в племени Кунапипи (Австралия). При проведении этого обряда юношей-инициантов помещают в специальную хижину, имеющую вид морского монстра, который их «проглатывает» и из которого, после акта символической смерти, юноши вновь рождаются на свет, но уже в новом качестве – как полноправные члены мужского коллектива [17]. Причинение физической боли и ущерба при проведении обряда инициации символизируют то, что неопит не просто убит чудовищем, но разжеван в пасти и переварен в его утробе [15].

В тюремной субкультуре коррелятом такой хижины-зверя является камера следственного изолятора (на тюремном сленге – «хата»), в которой осуществляется инициация. А сама тюрьма здесь выступает в ипостаси юнговской Великой матери [22], которая, по мнению Ю.М. Антоняна, в тюремной субкультуре принимает облик безжалостного сверхъестественного существа женского пола, страшного чудовища, несущего горе и лишения новому обитателю тюремного мира [23]. Тюрьма в ритуале «прописки» становится фантастическим монстром, Ужасной матерью [24], которая сначала символически убивает, съедает человека, а затем рождает его в новом качестве – как полноправного члена тюремного братства.

Вместе с тем, в отличие от «классической» процедуры инициации, тюремная «прописка» имеет свои особенности. Так, символически умирая, неопит не возвращается в мир живых, он «воскресает» в царстве смерти, каковым представляется осужденным их мир («Мертвый дом», по Ф.М. Достоевскому). То есть, исходя из этой логики, рождения в новой реальности для заключенного нет. По мнению И.В. Випулис, в «отличие от архаического

пребывания в Хаосе, после которого следовала необходимая люстрация и последующая сакрализация индивида, в тюремном варианте этого не происходит» [18. С. 134]. Автор считает, что здесь мы имеем дело с псевдоинициацией, так как вторая фаза инициации – ритуальное воскресение человека – происходит не в мире живых, а в Аиде – загробном мире [18], каковым, в представлении заключенных, является тюрьма [8].

Характеризуя современные ритуалы посвящения в мужских коллективах (учебные заведения, тюрьма, армия), отечественный философ И.С. Кон отмечает, что жестокие и издевательские действия (часто сексуально окрашенные, например, раздевание догола, ощупывание гениталий, символическое, а иногда и реальное, изнасилование) во время церемонии посвящения направлены на создание ситуации бездумного подчинения неофита правилам поведения принимающей его группы [25]. Пройдя ритуал посвящения, человек теряет способность разграничить рациональное видение окружающего мира от мифологического восприятия действительности. Откровения, явленные ему при инициации, настолько глубоко запечатливаются в его сознании, что, подобно реализации физиологического эффекта импринтинга, неофит полностью погружается в новую социокультурную реальность. Так как ритуал инициации становится большим потрясением для иницианта, важной точкой его жизни, происходит «сбой» в психике человека с подавлением самостоятельности в осмыслении окружающего мира.

Как считает И.С. Кон, в обряде посвящения можно выделить три основных этапа, которые автор обозначил, как 1) «отделение», 2) «переход» и 3) «инкорпорация» [25].

Рассмотрим каждый из этих этапов по отдельности применительно к вхождению человека в тюремное социокультурное пространство.

«Отделение», т.е. изъятие из привычной среды, сопряжено с психологической реакцией человека на арест и заключение под стражу. На этапе «отделения» наблюдается трансформация личности, ведущая к дезорганизации рассудочной деятельности. В этом психически измененном состоянии человеку присущи чувство отчаяния, депрессия, озлобленность, часто агрессия и экспрессивные выходки [26]. Будучи лишен свободы, находясь в состоянии тюремной депривации, человек перестает объективно оценивать происходящее, начинает совершать неадекватные действия. Этапу «отделения» в архаических культурах соответствует период подготовки к ритуалу посвящения. Это могут быть: запрет на использование речи, запрет на резкие движения, соблюдение многодневного поста, применение отравляющих и галлюциногенных веществ, длительное содержание в условиях изоляции – в специальных хижинах, пещерах и т.п.

«Переход» (основная часть тюремной «прописки»), как и в архаических ритуалах посвящения, представляет собой испытание на переносимость боли и крепость духа новичка, его способность перенести предстоящие тяготы и невзгоды, связанные с жизнью в мире тюрьмы. Это проверка на прочность будущего члена тюремного сообщества, тест на умение постоять за себя, проявить смекалку и сообразительность [8, 14]. В целом «переход» можно охарактеризовать как череду испытаний, издевательств и пыток, цель которых – освобождение неофита от прежней идентичности и обретение им новой личности.

Эта часть ритуала тюремного посвящения, как правило, состоит из двух частей: 1) так называемые приколы (тюремные игры) и тесты на смелость; 2) разгадывание загадок.

Существует большое число тюремных игр и «приколов», составляющих первую часть «прописки». Здесь можно назвать такие испытания, как «Солнышко», «Три товарища», «Водитель автобуса», «Подвиг Гастелло», «Летчик и шахтер», «Проверка зрения» и т.д. [8]. Любая тюремная игра состоит из двух логических пластов: первый – это те правила, которые сообщаются неофиту; второй – это истинная цель задания, заключающаяся в причинении боли и (или) изощренном унижении нового сокамерника. Реальная задача неофита заключается в том, что он должен обнаружить скрытый обман, который содержится в игре. Приведем в качестве примера тюремную игру «Водитель автобуса». Инициант становится на четвереньки, и на него садится один из сокамерников. Движение импровизированного автобуса начинается. Во время поездки «водитель автобуса» должен время от времени объявлять остановки. Игра продолжается до тех пор, пока неофит не догадается сказать: «Последняя остановка. Автобус дальше не идет».

Следующий этап «прописки» заключается в разгадывании загадок. Любой неправильный ответ здесь неминуемо ведет к переводу испытуемого в презируемые касты «петухов», «чертей», «шестерок». При этом для человека, как правило, исключается дальнейшее (в течение всего срока отбывания наказания) изменение закрепленного за ним социального статуса. Сама логика тюремной загадки сконструирована так, что, на первый взгляд, не дает возможности человеку выбрать вариант, при котором он может воздействовать на благосклонность судьбы в тюремном мире. Поэтому при ответе необходимо проявлять смекалку и находчивость (подробно об использовании законов формальной логики при решении тюремных загадок изложено в наших предыдущих работах [8, 27]).

После прохождения описанных этапов инициации следует заключительная фаза «инкорпорация» – обретение новой социальной роли, «вливание» человека в новую социальную общность [25]. Здесь «инициант дает клятву верности идеалам воровского мира, кровно братается с членами группы (например, накладывают руки друг другу кровавыми порезами), инициатор – вор-авторитет – объявляет его маркировку (кличку, статус в группе – „вор – мужик – шестерка“ и т.д.)» [18. С. 134].

Стигматизация неофита заключается:

- 1) в вынесении вердикта об отнесении новичка к той или иной тюремной касте;
- 2) присвоении ему тюремной клички, отражающей статус человека в тюремной иерархии;
- 3) клеймлению – нанесении татуировки, кодирующей положение человека в неформальной тюремной иерархии [9].

Необходимо подчеркнуть, что в примитивных культурах татуировка выполняла роль магической метки, оберега от злых духов. Она позволяла отличить членов своего племени, обозначить ранг и статус ее владельца. Тюремная татуировка, подобно татуировке дикаря, выступает в роли средства самоидентификации, несет смысловую нагрузку, свидетельствуя о положении ее носителя в тюремной иерархии. На воровском жаргоне совокупность

татуировок, свидетельствующих о приметах и особенностях личности заключенного, носит название «фрак с орденами» [28]). Так, по татуировке можно получить информацию о том, по какой статье был осужден ее обладатель, какой преступной деятельностью он занимается, сколько «ходов» в его «послужном списке» и т.д. [29]. Информативны тюремные «перстни», аббревиатуры, изображения крестов, свастики, костей и черепов, «воровских звезд», колюще-режущих орудий и т.п.

Насильно делают идентифицирующие татуировки представителям стра- ты «петухов». Это может быть: женщина в объятиях черта, свинья, порнографический рисунок и т.п. На ягодицы «петухам» наносятся изображения человеческих глаз, улья, открытых ворот и т.п. [8].

В целом тюремные татуировки способствуют формированию определенных стереотипов поведения человек в условиях отбывания наказания, кодируют правила жизни, царящие в преступном сообществе [8].

Заключительным этапом стигматизации сидельца является его наречение: выбор нового имени – примитивной тюремной клички, прозвища, которое значительно трансформирует личность человека [12]. Отрешение неофита от старого, привычного мира, от своего бывшего «Я», от смысла жизни происходит путем отказа от прежнего имени [8, 21]. Говоря об обычаях инициации, М. Элиаде отмечает, что имя неофиту в архаической инициации традиционно присваивалось непосредственно после прохождения процедуры приема в члены племени. При этом оно становилось тождественным самой жизни человека, приобретая статус некоего «духовного существа» [17]. Известно, что для того, чтобы получить новое имя, североамериканские индейцы обращались к духам предков, к богам своего племени [20].

Аналогичное явление наблюдается и в местах лишения свободы. Если кличка у неофита отсутствует, то нередко происходит следующее: один из заключенных начинает кричать в окно: «Тюрьма, дай кликуху!» После этого все обитатели камеры слушают, что ответит трансцендентальное существо, безжалостное воплощение архетипа Великой матери [22] по имени «Тюрьма» [23]. Это могут быть звуки радио, крики заключенных из других камер, разговор охранников. В этом случае мы наблюдаем весьма интересный феномен персонификации тюрьмы [21], ее одушевления.

Как видим, многие явления, свойственные ритуалу тюремной прописки, являются своеобразной калькой с архаических инициаций, описанию которых были посвящены работы многочисленных культурологов, антропологов, социологов, философов, этнографов начиная с XIX в. [15–17, 20]. При этом описанные в статье проявления российской тюремной субкультуры нередко до мельчайших подробностей повторяют особенности, существовавшие в культурах примитивных племен Африки, Америки, Австралии. Поэтому вполне справедлив вопрос: «Почему в российском тюремном сообществе, никак не связанном с древними первобытными племенами, в короткий исторический срок произошел уникальный культурогенез, возродились паттерны поведения, существовавшие в древних примитивных обществах?» Естественно предположить, что должна существовать некая единая детерминанта, формирующая одинаковые стереотипы поведения при проведении ритуала инициации как в первобытном племени, так и в современном сообществе заключенных. Здесь уместно сослаться на мнение М. Мамардашвили о том, что

в условиях редукции сложных форм социальной жизни на передний план выходят ее примитивные формы, дающие появлению типа людей, который автор называет элементарными [30. С. 65]. Указанное проявляется в первую очередь при взаимодействии незащищенного, не вооруженного достижениями цивилизации первобытного человека с непредсказуемыми, жестокими и опасными силами природы. Как пишет В. Тернер, «жизнь в африканской деревне коротка, трудна и опасна: засухи, голод, высокий уровень заболеваемости и смертности, а в историческом опыте – это еще междоусобицы, войны, продажа в рабство» [16. С. 15]. В таких условиях создается благоприятная почва для появления примитивных культурных проявлений: спиритуализма, тотемизма, фетишизма, табу и т.п. [8]. В этот же ряд можно поставить и архаическую инициацию. В условиях современного пенитенциарного пространства на человека также действуют мощные факторы редукции социальной жизни. Будучи лишен свободы, он мучается от чувства неопределенности, страха за собственную судьбу, страдает от разлуки с близкими людьми, с привычным социальным окружением. Режим содержания в исправительном учреждении вкупе с действием специфических пенитенциарных факторов (недостаток чистого воздуха и солнечного света, гиподинамия, сенсорная, информационная, сексуальная депривации и т.п.), изнурительное ожидание окончания срока отбытия наказания негативно влияют на психику, способствуют примитивизации потребностей и чувств заключенного, снижению его интеллекта, упрощению социальных связей между сидельцами, атомизации их отношений. Можно предположить, что в этих условиях пробуждаются дремлющие в глубине психики человека хтонические силы, всплывают универсальные алгоритмы поведения, первичные «схемы человеческой души» [8. С. 30], обнажаются скрытые глубинные структуры, реализующиеся в генезисе многих проявлений тюремной субкультуры (тюремные тотемы, тюремные табу, тюремное кастообразование и т.п. [8]), а также в появлении специфического ритуала тюремной прописки.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Тюремная «прописка» проводится в местах лишения свободы по сценарию, сходному с правилами ритуала посвящения, существующего в архаических сообществах. Единое строение процедуры инициации в тюремной субкультуре и в архаичных социумах позволяет отнести явление тюремной «прописки» к феномену культурной гомоплазии.

2. Сделано предположение, что причиной сходства указанных ритуалов является редукция сложных форм социальной жизни (существующая как в примитивных племенах, так и в условиях пенитенциарного пространства). Это вызывает активизацию глубинных психических структур, которые проявляются в появлении многих феноменов, свойственных тюремной субкультуре, в том числе в появлении специфического ритуала тюремной прописки.

3. В статье рассмотрены основные этапы сценария инициации (отделение, переход, инкорпорация) применительно к местам лишения свободы. Показана роль в ритуале «прописки» тюремных инициационных игр и тюремных загадок. Описаны средства стигматизации, существующие в тюремной субкультуре.

4. Отмечена роль архетипа Великой матери в формировании мифологического мировоззрения лиц, вовлеченных в тюремную субкультуру. Эмана-

цией данного архетипа является трансцендентная сущность по имени «Тюрьма», которая принимает непосредственное участие в прохождении ритуала прописки и в присвоении неофиту нового имени.

Список источников

1. Беляев И.А., Беляева Н.А. Культура, субкультура, контркультура // *Духовность и государственность*. Оренбург : Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002. С. 5–18.
2. Волкова В.В. Субкультура и контркультура в современном обществе // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 12. С. 25–30.
3. Малинин В.Б., Измаков В.А. Социология культуры и субкультуры // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2017. № 10. С. 389–392.
4. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М. : Права человека, 2012.
5. Лысак И.В., Черкасова Ю.Ю. Тюремная субкультура в России. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006.
6. Кузьмин С.И. Становление и развитие криминальной субкультуры в России // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2018. № 3. С. 9–16.
7. Старков О.В. Криминальная субкультура. М. : Волтерс Клувер, 2010.
8. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип–тотем–табу» в пенитенциарной субкультуре. Ижевск : Изд-во ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2021.
9. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // *Человек: преступление и наказание*. 2017. № 2. С. 164–327.
10. Малинин В.Б., Пирожков В.Ф., Трапидзе К.З. Психологическая работа с «обиженными» в местах лишения свободы // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2019. № 3. С. 10–15.
11. Кузьмин С.И., Малетина Е.А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2019. № 1. С. 21–28.
12. Тищенко Н.В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре. Саратов : Изд. центр «Наука», 2012.
13. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
14. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2001.
15. Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М. : Восточ. лит. РАН, 1999.
16. Тернер В. Символ и ритуал. М. : Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1983.
17. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб. : Универ. книга, 1999.
18. Випулис И. В. Архаические инициации и неофициальные посвящения в современности // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2017. № 5. С. 129–137.
19. Пономарев С.Б., Пономарев Д.С. Феномен культурной гомоплазии // *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 7. С. 12–17.
20. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М. : Изд-во полит. лит., 1983.
21. Письменный Е.В. Смысловые уровни мифологемы матери в контексте тюремно-воровской субкультуры // *Челябинский гуманитарий*. 2010. № 3 (12). С. 117–121.
22. Юнг К.Г. Символы матери и возрождения. М. : Совершенство, 1998.
23. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. М. : Вече, 2009.
24. Колосов Д.В. Образ великой матери в мировой культуре (единично-бинарно-троично-четверичная проекция) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2011. № 2. С. 128–140.
25. Кон И.С. Любовь небесного цвета. М. : Продолжение жизни, 2001.
26. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д : Феникс, 2007.
27. Пономарев С.Б. Тюремная «прописка», буддийские коаны и законы формальной логики // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2023. № 2. С. 168–173.
28. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. М. : Кампана, 1997.
29. Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Смирнов Г.Ф. Культ тату (криминальная и художественная татуировка). М. : Юриспруденция, 2003.
30. Мамардашвили М. Опыт физической метафизики. М. : Прогресс традиция, 2009.

References

1. Belyaev, I.A. & Belyaeva, N.A. (2002) Kul'tura, subkul'tura, kontrkul'tura [Culture, subculture, counterculture]. In: *Dukhovnost' i gosudarstvennost'* [Spirituality and Statehood]. Orenburg: Branch of the Ural State University of Civil Engineering in Orenburg. pp. 5–18.
2. Volkova, V.V. (2014) Subkul'tura i kontrkul'tura v sovremennom obshchestve [Subculture and counterculture in modern society]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12. pp. 25–30.
3. Malinin, V.B. & Izmalkov, V.A. (2017) Sotsiologiya kul'tury i subkul'tury [Sociology of culture and subculture]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 10. pp. 389–392.
4. Aleksandrov, Yu.K. (2012) *Ocherki kriminal'noy subkul'tury* [Essays on the Criminal Subculture]. Moscow: Prava cheloveka.
5. Lysak, I.V. & Cherkasova, Yu.Yu. (2006) *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii* [Prison Subculture in Russia]. Taganrog: TRTU.
6. Kuzmin, S.I. (2018) Stanovlenie i razvitie kriminal'noy subkul'tury v Rossii [Formation and development of the criminal subculture in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 3. pp. 9–16.
7. Starkov, O.V. (2010) *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal Subculture]. Moscow: Volters Kluver.
8. Ponomarev, S.B. (2021) *Analiz triady "arkhetip-totem-tabu" v penitentsiarnoy subkul'ture* [Analysis of the "archetype-totem-taboo" triad in the penitentiary subculture]. Izhevsk: IzhSTU.
9. Barabanov, N.P. (2017) Kriminalologicheskii i psikhologicheskii aspekty kriminal'noy ideologii i obraza zhizni v kriminal'noy subkul'ture osuzhdennykh [Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2. pp. 164–327.
10. Malinin, V.B., Pirozhkov, V.F. & Trapaidze, K.Z. (2019) Psikhologicheskaya rabota s "obizhennymi" v mestakh lisheniya svobody [Psychological work with the "downcast" in prisons]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 3. pp. 10–15.
11. Kuzmin, S.I. & Maletina, E.A. (2019) Klassifikatsiya subkul'turnykh otnosheniy v kriminal'nom soobshchestve [Classification of subcultural relations in the criminal community]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 1. pp. 21–28.
12. Tishhenko, N.V. (2012) *Interpretatsiya tyuremnoy subkul'tury v otechestvennoy khudozhestvennoy kul'ture* [Interpretation of prison subculture in Russian artistic culture]. Saratov: Nauka.
13. Tulegenov, V.V. (2003) *Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal subculture and its criminological significance]. Law Cand. Diss. Rostov on Don.
14. Pirozhkov, V.F. (2001) *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal Psychology] Moscow: Os'-89.
15. Gennep, A. van (1999) *Obrady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of Passage: A Systematic Study of Rites]. Moscow: Vostochnaya literatura.
16. Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Translated from English. Moscow: Nauka.
17. Eliade, M. (1999) *Taynye obshchestva. Obrady initsiatsii i posvyashcheniya* [Secret Societies. Initiation Rites and Dedications]. Translated from French. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
18. Vipulis, I.V. (2017) Arkhaicheskie initsiatsii i neofitsial'nye posvyashcheniya v sovremennosti [Archaic initiations and unofficial initiations in modern times]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 5. pp. 129–137.
19. Ponomarev, S.B. & Ponomarev, D.S. (2022) Fenomen kul'turnoy gomoplazii [The phenomenon of cultural homoplasy]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 7. pp. 12–17.
20. Frazer, J.G. (1983) *Zolotaya vetv'* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Moscow: Izd-vo polit. literature.
21. Pismenny, E.V. (2010) Smyslovye urovni mifologemy materi v kontekste tyuremnovorovskoy subkul'tury [Semantic levels of the mother's mythologem in the context of the prison-thieves' subculture]. *Chelyabinskiiy gumanitariy*. 3(12). pp. 117–121.
22. Jung, K.G. (1998) *Simvoly materi i vozrozhdeniya* [Symbols of Mother and Rebirth] Moscow: Sovershenstvo.
23. Antonyan, Yu.M. (2009) *Arkhetip i prestupnost'* [Archetype and Crime]. Moscow: Veche.
24. Kolosov, D.V. (2011) Obraz velikoy materi v mirovoy kul'ture (edinichno-binarno-troichno-chetverichnaya proektsiya) [The image of the great mother in world culture (single-binary-ternary-]

quaternary projection)]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 2. pp. 128–140.

25. Kon, I.S. (2001) *Lyubov' nebesnogo tsveta* [Love of Heavenly Color] Moscow: Prodolzhenie zhizni.

26. Dmitriev, Yu.A. & Kazak, B.B. (2007) *Penitentsiarnaya psikhologiya* [Penitentiary Psychology]. Rostov on Don: Feniks.

27. Ponomarev, S.B. (2023) Тюремная “propiska”, buddiyskie koany i zakony formal'noy logiki [Prison “registration”, Buddhist koans and laws of formal logic]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii.* 2. pp. 168–173.

28. Baldaev, D.S. (1997) *Slovar' blatnogo vorovskogo zhargona* [Dictionary of thieves' cant]. Moscow: Kampana.

29. Dubyagina, O.P., Dubyagin, Yu.P. & Smirnov, G.F. (2003) *Kul't tatu (kriminal'naya i khudozhestvennaya tatuirovka)* [The cult of tattoo (criminal and artistic tattoos)]. Moscow: Yurisprudentsiya.

30. Mamardashvili, M. (2009) *Opyt fizicheskoy metafiziki* [Physical Metaphysics]. Moscow: Progress traditsiya.

Сведения об авторе:

Пономарёв С.Б. – доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник филиала Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: docmedsb@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ponomarev S.B. – Dr. Sci. (Medicine), professor, chief researcher of the Branch of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: docmedsb@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.10.2024;
одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 17.04.2025*

*The article was submitted 27.10.2024;
approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научная статья

УДК 340.12

doi: 10.17223/1998863X/84/11

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ГУМАНИЗМА, ГЕДОНИЗМА И ТРАНСГУМАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Игорь Иванович Тазин

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия, igor.i.tazin@tusur.ru*

Аннотация. Исследуются противоречия в понимании природы гуманизма и их влияние на вопросы технико-правового воздействия на личность. На основе теории естественного права проведен синтез идей гуманизма, гедонизма и трансгуманизма. Отражены актуальные правовые вопросы, связанные с изменением биологической природы человека. Определены комплексные критерии пределов технико-правового воздействия на личность.

Ключевые слова: гуманизм и трансгуманизм в праве, теория естественного права, технологии улучшения человека, этические проблемы медицинского права

Для цитирования: Тазин И.И. Проблема взаимопроникновения моральных принципов гуманизма, гедонизма и трансгуманизма в контексте теории естественного права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 123–135. doi: 10.17223/1998863X/84/11

Original article

CORRELATION OF THE MORAL PRINCIPLES OF HUMANISM, HEDONISM AND TRANSHUMANISM IN THE NATURAL LAW THEORY CONTEXT

Igor I. Tazin

*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation,
igor.i.tazin@tusur.ru*

Abstract. The subject of the research is the relations between moral principles humanism, hedonism and transhumanism in the context of Natural Law Theory. This article reflects new aspects of Natural Law Theory through the combination of these ideas. The aim of the research is to adopt Natural Law Theory to the conditions and requirements of contemporary culture and technical progress. The methodological basis of the research is the logical and systematic methods of scientific knowledge, as well as methods of analysis and synthesis, formal-dogmatic and comparative-legal methods. This article deals with contradictions between humanism and hedonism. They show ambiguity of humanism due to its equal understanding of hedonism in legal culture. Within the framework of this approach, anything that a person likes is declared humane even if it harms one. The process of interpenetration of the principles of humanism and hedonism completes in transhumanism theory. But pure transhumanism has an unrestricted technical impact on the modification of the biological nature of a human being. It determines the law enforcement practices in issues of medical intervention in human body in different cultures and countries. This is how humanism and transhumanism can be used both to justify the ban on the death penalty, euthanasia, and birth

control, and to legalize abortions, sex changes, genetic modifications. An attempt to eliminate contradictions between humanism, hedonism and transhumanism is made in the article. The author claims that the true understanding of humanism is impossible without Natural Law Theory. Law as a traditional regulator of social relations cannot afford experiments and must be based on time-tested concepts. In this connection, a contemporary adaptation of Natural Law Theory has been made. The author proposed complex criteria for reasonable intervention in human nature based on a biopsychosocial approach. Since a person actively integrates into interaction with natural, social and technical realities, it seems necessary to talk about the criteria of “natural humanism”, “social humanism” and “technical humanism”. To keep human instincts means to comply with the natural humanism of medical influence on humans. The basic human instincts that should be preserved as vital for the human species include instincts of self-preservation, procreation, posterity care, and a territorial instinct. Respecting the freedom of choice is the next important part of social humanism. A voluntary legal consent is an essential condition for any medical intervention or modification in the human body. Finally, the technical impact on human body has to restore its lost or weakened natural capabilities. Morphological changes and modification of the body’s functions are at risk for the human species. They should not be done without serious medical indications. In conclusion, it is proposed to provide the right to a natural biological status legislatively.

Keywords: humanism, hedonism, transhumanism, Natural Law Theory, Law Ethics, right to one’s body, ethical problems of augmentative medicine

For citation: Tazin, I.I. (2025) Correlation of the moral principles of humanism, hedonism and transhumanism in the natural law theory context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 123–135. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/11

Введение

Гуманистические начала права, пройдя долгий исторический путь от воззрений Античности до идей постиндустриального общества, стали аксиомой современной правовой реальности. Признавая человека и его свободу высшей ценностью, современные мировые правовые системы рассматривают гуманизм как незыблемый системообразующий принцип права. Вместе с тем анализ философско-правовой мысли и практики законодательной деятельности различных стран, выявляет существенные различия и противоречия в понимании природы гуманизма. Идея гуманизма как забота о счастье и благе человека так часто звучала на протяжении последних веков, что постепенно стала утрачивать предметность в своем содержании. Общеупотребительное и повсеместное использование слова «гуманизм» размывало его содержание, делая его эфемерным понятием, нередко «словом-ширмой», далеко не всегда прикрывающим морально допустимые цели, что привело к кризису гуманизма и необходимости поиска путей его трансформации [1].

Неопределенность содержания гуманизма позволяет соотносить его с широким спектром явлений, в том числе с заботой, счастьем, свободой, удовольствием, безопасностью, комфортом. Неоднозначность гуманизма, в свою очередь, осложняет понимание сути теории естественного права, делает проблематичным разработку четких критериев допустимого социально-правового воздействия на человека, что особенно актуально в условиях нестабильной эпидемиологической ситуации в мире [2], перехода к постиндустриальному обществу [3], усиления процессов цифровой трансформации личности [4]. Предупреждение и устранение новых рисков для человека как биосоциального вида требуют предметного анализа гуманизма, его соотно-

шения со смежными моральными принципами и последующей адаптации теории естественного права.

Взаимосвязь идей гуманизма и гедонизма

В самом общем виде под гуманизмом (лат. *humanus* – «человечный») понимается моральный принцип, основывающийся на признании человека высшей ценностью. Основу гуманизма составляет идея о праве человека на счастье. Гуманизм ориентирован на человека, его развитие, реализацию потенциала, справедливость, мир и гармонию [5]. В свою очередь, гедонизм (гр. *hēdonē* – «наслаждение») представляет собой моральный принцип, выражающий стремление индивида к максимальному получению удовольствий и избеганию страданий. Гедонизм преимущественно делает акцент на получение чувственных удовольствий и наслаждений, материального благополучия и комфорта [6].

Будучи антропоцентричными, гуманизм и гедонизм обладают общими точками соприкосновения. Гуманистический подход предполагает, что человек может достигнуть счастья через свое развитие и совершенствование, что при этом не исключает возможности получения удовольствий и наслаждений. Гедонистический подход, в свою очередь, утверждает, что полнота счастья человека реализуется в достижении удовольствий и наслаждений, что также не исключает возможности совершенствования и развития человека. Указанная взаимосвязь неизбежно приводит к взаимодополнению, и как следствие, взаимопроникновению принципов гуманизма и гедонизма.

Провозгласив гуманизм принципом правового регулирования, правовая доктрина и практика применения законодательства различных стран возложили на себя обязанность создания комфортных и безопасных условий существования для человека в обществе. Однако в этом стремлении произошло внешне незаметное смещение с позиции классического гуманизма в сторону ярко выраженного гедонизма, при котором гуманность стала рассматриваться в правовой культуре через призму удовольствия и комфорта для человека. Другими словами, гуманным стало объявляться все то, что нравится человеку, потворствует его желаниям и позволяет испытать ему удовольствие. В условиях открытости проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности личности, общества и государства, данная установка была многократно поддержана мировыми средствами массовой информации посредством систематического воспроизводства идей праздной, красивой, гламурной жизни [7]. Так, постепенно гедонизм стал ведущим критерием качества жизни в современной правовой культуре, обеспечив психологическое замещение в правосознании личности гуманистических идей гедонистическими ценностями.

Несмотря на то что большинству людей, знакомо понятие гуманизма, это не означает что они до конца осознают гуманистические идеи и готовы следовать им. Справедливо отмечается, что в настоящее время человечество не перестает испытывать дисгармонию между гуманистическими притязаниями и возможностью их реализации на практике. Сегодня правосознание молодежи определяется медиаактивностью, социальной средой, спровоцировано требованиями различных неформальных движений и объединений. При этом гуманистическая составляющая правового сознания значительной части мо-

лодежи характеризуется незрелостью [8]. Так, опросы студентов юридического и неюридического профиля в различных вузах г. Томска показывают, что гуманизм ассоциируется у 48% с комфортным уровнем жизни, 34% – со свободой и уважением со стороны окружающих, 12% – с чувством безопасности и уверенностью в завтрашнем дне, 6% – с другим.

Таким образом, в современной правовой культуре общества и правосознании личности отсутствует четкое разграничение морально-нравственных принципов гуманизма и гедонизма.

Трансгуманизм как результат взаимопроникновения гуманизма и гедонизма

В условиях перехода к постиндустриальному обществу диффузия принципов гуманизма и гедонизма продолжилась в рамках течения трансгуманизма. Анализ философской литературы показывает, что трансгуманизм (в переводе с лат. *trans* – «сквозь, через, за», и *homo* – «человек») представляет собой философскую концепцию, систему взглядов, выступающую за необходимость слияния человека и техники в целях совершенствования его биосоциальной природы [9]. Согласно общей концепции трансгуманизма, человек как биологический вид продолжает процесс эволюции посредством конвергенции с техникой, применяемой для устранения нежелательных аспектов биологического существования (в том числе болезней, старости, смерти, ограниченности органов чувств, физических, умственных, психологических возможностей). Конечным результатом этого процесса становится стирание границы между естественным и искусственным. Согласно прогнозам трангуманистов, в то время как некоторые сохраняют за собой право оставаться людьми с расширяющимся и растущим диапазоном доступных возможностей, другие реализуют свое фундаментальное право трансформироваться в новые формы интеллекта, выходящие за пределы феномена человек [10. С. 30]. При этом на замену природному эволюционному развитию в виде естественного отбора придет усовершенствование организма человека посредством социально-технической регуляции, а «человека разумного» заменит «постчеловек» [11. С. 72–73].

Трансгуманизм сохраняет связь с гуманизмом, оставаясь в системе отношений «человек–общество», и одновременно тяготеет к гедонизму, выступая за активное использование технических средств для повышения уровня удовлетворения потребностей человека и улучшения его возможностей. Также, признавая основополагающим стремление человека к счастью, трансгуманизм тем не менее видит способ его достижения не в естественном существовании человека, а в совершенствовании самой его природы, при котором преодолевается человеческая биологическая ограниченность, обуславливающая ощущение «несчастья».

Таким образом, трансгуманизм логически завершает процесс взаимопроникновения принципов гуманизма и гедонизма в контексте использования возможностей технического прогресса. Философия трансгуманизма снимает ограничение в виде отказа от запрета на внесение изменений в фундаментальные основания биологической жизни, создавая предпосылки для легализации вмешательства в биологическую природу человека.

Правовые последствия противоречий гуманизма, гедонизма и трансгуманизма

Эклектическое сочетание принципов классического гуманизма, гедонизма и трансгуманизма привело к отсутствию единого научно обоснованного подхода науки и практики разных стран в решении актуальных правовых вызовов современности. Главное противоречие гуманизма, гедонизма и трансгуманизма заключается в различном понимании категории свободы: в первом случае свобода выступает как возможность существования человека в условиях первозданности его облика; во втором случае свобода человека реализуется в пространстве удовлетворения всего многообразия его потребностей; в третьем варианте свобода раскрывается через преодоление биологических ограничений человеческого организма посредством использования современных технологий [11. С. 70]. Парадокс гуманизма как оценочной категории заключается в том, что он позволяет в равной степени обосновывать противоположные с этической точки зрения правовые решения. Если XX в. ограничивался решением этических дилемм применения смертной казни, эвтаназии, аборт, трансплантологии и донорства, то начало XXI в. с его курсом на построение постиндустриального общества ознаменовалось постановкой новых проблем гендерного многообразия, принудительной медицины, использования вспомогательных репродуктивных технологий, генной модификации и роботизации человека.

Так, наиболее распространенный аргумент против применения смертной казни, эвтаназии, ограничения рождаемости, продолжительности жизни, гендерного многообразия, генной модификации и роботизации человека основывается на классическом гуманистическом положении данности жизни природой и этической недопустимости осуществления с ней каких-либо биологических манипуляций со стороны общества, государства и техники. В то же время этика гедонистического гуманизма, в рамках признания за человеком права на изменение своего тела, используется как положительный довод в пользу легализации добровольного ухода из жизни, выбора пола, аборт, стерилизации [12]. В свою очередь, этика трансгуманизма обеспечивает идейную основу легитимности генной модификации, регулирования рождаемости и продолжительности жизни, создания искусственных органов, слияния человеческого мозга и компьютера в рамках совершенствования эволюционной природы человека [10].

Таким образом, следует констатировать, что стремительный научно-технический прогресс содержит существенные вызовы для философско-правовой мысли в научно обоснованном определении критериев гуманизма в целях недопустимости его размывания иными принципами и идеями. Без адекватного определения границ гуманизма не представляется возможным системное правовое решение текущих и будущих проблем в новой технико-правовой реальности.

Естественно-правовой гуманизм

В условиях новых рисков для человека как биосоциального вида теория естественного права снова приобретает актуальное звучание. Непреходящая историческая ценность теории естественного права заключается в том, что

она видит первоисточник права в природе человека, а не в относительном, непостоянном и нередко произвольном установлении со стороны общества.

Естественно-правовая концепция всегда помогает на переходных состояниях общественного развития, когда рушатся стереотипы прежнего государственного строя и отсутствуют предпосылки нового [13. С. 53]. Весь ход развития человеческой цивилизации можно представить как непрерывный процесс отделения (отрыва) человека от природы, при котором с каждым этапом связь человека и природы становится менее выраженной, а его биологическая сущность претерпевает существенные изменения. Согласно Н.А. Бердяеву, можно установить три стадии в истории человечества: природно-органическую, культурную в собственном смысле и технико-машинную [14. С. 7]. Если жизнь древнего человека преимущественно протекала в природной среде («человек природный»), а жизнь индустриального человека – в городской среде («человек социальный»), то жизнь человека постиндустриального общества неразрывно связана с цифровой средой («человек цифровой»).

По мнению автора, адекватное понимание гуманизма невозможно вне положений теории естественного права. Теория естественных прав и свобод имеет ярко выраженный гуманистический смысл и общечеловеческую значимость [13. С. 46]. Естественно-правовой гуманизм раскрывает дух права, защищая от формального применения буквы закона [15. С. 11] и принятия «неправовых законов» [16].

Критерии естественно-правового гуманизма

Представляется, что критерии современного естественно-правового гуманизма, учитывая его наполненность идеями гедонизма и трансгуманизма, должны носить сбалансированный характер: не отрицать биологическую природу человека, учитывать его желания и потребности, не игнорировать уровень технического развития общества. Теория естественного права не должна дистанцироваться от научно-технического прогресса или носить запретительный характер, исключая любое техническое улучшение человека. Напротив, в условиях невозможности остановить научно-технический прогресс теория естественного права должна активно участвовать в определении пределов его развития. Только таким образом она в состоянии сгладить существующие для человека угрозы.

Поскольку современный человек активно интегрирован во взаимодействие с природной, социальной и технической реальностями, будет оправданно говорить о критериях «природного гуманизма», «социального гуманизма» и «технического гуманизма» соответственно. Природный критерий гуманизма заключается в сохранности базовых человеческих инстинктов, обеспечивающих сохранение и воспроизводство человеческого вида. Социальное требование гуманизма заключено в сохранности свободы воли и выбора личности, обеспечивающих социальную автономию личности. Технический элемент гуманизма предполагает сохранность технического обеспечения благоприятных условий для реализации естественного человеческого потенциала. Данные критерии, по мнению автора, должны комплексно применяться для оценки гуманности технико-правового воздействия на личность. Другими словами, допустимо любое технико-правовое воздействие на человека, если

оно не ослабляет его инстинкты, совершенно с его согласия и создает благоприятные условия для реализации его естественного потенциала.

Сохранность инстинктов как критерий «природного гуманизма»

Современный человек является носителем небольшого количества остаточных инстинктов, среди которых инстинкт самосохранения, инстинкт продолжения рода, инстинкт заботы о собственном потомстве, территориальный инстинкт. Несмотря на то что инстинкты при стечении неблагоприятных социальных факторов способны обуславливать противоправное поведение личности, их сохранность является необходимым условием для стабильного функционирования общества и техники в долгосрочной перспективе. Необходимо учитывать, что устойчивое развитие общества и техники, как производных от природы искусственных систем, не может быть гарантировано. При таком подходе человек, лишенный базовых инстинктов, чрезмерно зависимый от общества и техники, остается беспомощным перед непредвиденными ситуациями природного, социального и техногенного характера. Изложенное согласуется с положениями международного права, согласно которым поддержание и восстановление популяций жизнеспособных видов в их естественных условиях является главным принципом сохранения биологического многообразия¹.

В условиях перехода к постиндустриальному обществу в научной литературе уже предпринята естественно-правовая попытка обоснования необходимости сохранения следующих способностей человека: а) способность к самосохранению личности; б) способность к сохранению потомков (самосохранению рода); в) способность к сохранению этноса (самосохранению нации); г) способность к сохранению вида (самосохранению человечества как биологического вида); д) способность к сохранению разумной жизни (самосохранению разума независимо от формы его существования) [17. С. 51].

При таких обстоятельствах, по мнению автора, гуманным и правоммерным представляется только такое технико-правовое воздействие на человека, которое не нарушает сохранности его инстинктов самосохранения, продолжения рода, заботы о собственном потомстве, а также качеств его разумной психики. В свете изложенного, например, переливание крови, протезирование, эстетическая медицина могут рассматриваться как гуманная медицинская операция, в то время как эвтаназия, смена пола, клонирование не могут считаться таковыми.

Сохранность свободы выбора как критерий социального гуманизма

В силу естественного права на свободу сохранение возможности отказа от технико-правового воздействия в отношении самого себя и своего тела является бесспорным, что находит подтверждение в международном праве². Личность может подвергнуться технико-правовому воздействию только при

¹ Преамбула Конвенции Организации Объединенных Наций о биологическом разнообразии, принятой в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.

² См. ч. 1 ст. 6 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г.; ст. 5 Конвенции о правах человека и биомедицине, утвержденной Советом Европы 4 апреля 1997 г.

наличии ее информированного добровольного согласия, если это отвечает ее потребностям и не имеет для нее медицинских противопоказаний [18]. При этом следует избегать формального подхода к соблюдению данного критерия: наличие выраженного согласия не должно исключать проверки соблюдения иных критериев гуманизма в процессе технического вмешательства. При таких обстоятельствах принудительная медицина, обязательная биометрия, обязательное использование средств технического контроля не могут рассматриваться как гуманная технико-правовая операция.

***Сохранность технического обеспечения благоприятных условий
для реализации естественного человеческого потенциала
как критерий «технического гуманизма»***

Техника направлена на преодоление существующих ограничений способностей и возможностей человека как врожденного, так и приобретенного характера, в том числе сформированных в процессе эволюции. Вместе с тем, с позиции естественно-правового гуманизма, технико-правовое воздействие должно носить преимущественно восстановительно-развивающий характер, т.е. быть направленным на восстановление утраченных (ослабленных) функций или развертывание уже имеющегося потенциала (задатков) человека как биосоцио-психодуховного существа. Представляется, что такое воздействие не должно изменять природы человека как биологического вида, т.е. приносить в него нехарактерные для него свойства и функции. В этом смысле следует различать «человека здорового» и «человека улучшенного» [19. С. 41], лечение и самоулучшение [20. С. 145], лечебную и дополняющую медицину [12]. Так, допустимо техническое улучшение биологической сферы человек в части восстановления утраченных функций организма (например, протезирование), социальной сферы в направлении повышения социализации личности (например, использование системы социального рейтинга), психической сферы в части восстановления утраченных функций психики (например, использование средств нейроинтерфейса), но недопустимо генетическое редактирование человека в части изменений его внешнего вида, обмена веществ, уровня физической силы, умственных способностей¹. В этом отношении автор солидарен с позицией Д.А. Иезуткина, согласно которой, выход техники за пределы создания благоприятных условий для реализации естественного человеческого потенциала неизбежно приведет к отчуждению природы человеческого тела от эволюционно сложившихся механизмов функционирования, к разрушению автономии духовно-телесного пространства и утрате самоидентификации индивидуума [21. С. 79].

В юридической литературе уже предпринята попытка построить коммуникацию между доктриной естественного права и философией трансгуманизма применительно к вспомогательным репродуктивным технологиям, по результатам которой авторы приходят к выводу о юридической допустимости асексуальной искусственной репродукции неопределенного круга лиц, в рамках которой человеческое размножение будет осуществляться в лабора-

¹ Статья 13 Конвенции о правах человека и биомедицине устанавливает, что вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека.

торных условиях без необходимости личных контактов владельцев генетического материала [19. С. 150–151]. Представляется, что такое правовое решение не отвечает критерию «технического гуманизма», а также создает риски ослабления инстинкта продолжения рода. Справедливо ограничивать применение вспомогательных репродуктивных технологий только в отношении лиц, страдающих бесплодием¹.

Право на естественный биологический статус в структуре соматических прав человека

Развитие биотехнологий позволяет говорить о формировании института биологических (соматических) прав человека. В связи с незавершенностью данного процесса отсутствует определенность относительно объема этих прав. Так, к относительно признанным соматическим правам принято относить право на жизнь, право на отдых и сон, право на личную неприкосновенность, право на свободу от пыток, право на телесную целостность, право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду, право на материнство и отцовство и др. [22. С. 50]. Большая часть из этих прав закрепляется на уровне основных законов государств. К спорным соматическим правам могут быть отнесены: право на смерть, право на генную терапию, право на смену пола, право на использование репродуктивных технологий, право на аборт, право на клонирование и др. [22. С. 51]. Значительная часть этих прав по-прежнему является предметом научных дискуссий. Опираясь на правовую культуру, отражающую различное соотношение моральных принципов гуманизма, гедонизма и трансгуманизма, каждая конкретная страна определяет индивидуальную структуру соматических прав человека.

Безусловно, разработка матрицы соматических прав представляется важной задачей законотворческой деятельности. Вместе с тем теоретическое обоснование структуры таких прав выходит за пределы предмета настоящей статьи. Представляется, что при решении данной задачи могут быть использованы ранее обозначенные критерии естественно-правового гуманизма, которые предметно позволяют оценить каждое из дискуссионных прав с точки зрения допустимости их законодательного закрепления. Несмотря на то что определение перечня соматических прав в законодательстве разных стран, в конечном итоге, будет зависеть от множества социально-культурных, экономических, технических и политических факторов, представляется необходимым включение в их базовую структуру права на сохранение и защиту естественного биологического статуса. Данное право может быть также поименовано как «право на самосохранение в природном виде» [23. С. 165], «право на защиту от неправомерного вмешательства в биологическую природу» [22. С. 51], «право на биологическую безопасность» [24. С. 103], «право на биологическую идентичность и генетическую неприкосновенность» [25. С. 34].

Заключение

Таким образом, понимание современного гуманизма невозможно в его отрыве от гедонизма и трансгуманизма. Решение проблемы взаимопроникно-

¹ Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

вления данных принципов видится в выстраивании баланса между ними. Обеспечение равновесия принципов гуманизма, гедонизма и трансгуманизма, по мнению автора, возможно в рамках модернизации теории естественного права. Естественного-правовой гуманизм должен быть понят как юридическая недопустимость ослабления биологической природы человека как со стороны общества, государства и техники, так и со стороны самого человека или с его согласия, при равной допустимости технического восстановления утраченных или ослабленных свойств человека, необходимых для реализации его естественного потенциала. Представляется, что право на естественный биологический статус должно быть закреплено на уровне Основного закона (конституции) государства и квалифицироваться как неотчуждаемое наряду с другими естественными (основными) правами.

Список источников

1. *Thomas Schwarz Wender, Cheryl Mattingly.* Toward a new humanism: An approach from philosophical anthropology // *Journal of Ethnographic Theory.* 2018. Vol. 8, Is. 1–2. P. 144–157. doi: 10.1086/698361
2. *Аничкин Е.С.* Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России // *Правоприменение.* 2021. Т. 5, № 3. С. 101–111. doi: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).101-111
3. *Кузьмин В.В.* Информационные риски в постиндустриальном обществе // *Грамота.* 2018. № 9 (95). С. 67–71. doi: 10.30853/manuscript.2018-9.14
4. *Степанов О.А., Степанов М.М.* Правовое регулирование генезиса цифровой личности // *Правоприменение.* 2022. Т. 6, № 3. С. 19–32. doi: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32
5. *Новейший философский словарь* / под ред. А.А. Грицанова. Минск : Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
6. *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина. М. : Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
7. *Тазин И.И.* Правовое обеспечение информационно-психологической безопасности несовершеннолетних // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2012. Вып. 6 (121). С. 215–220. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/tazin_i_i_220_225_6_121_2012.pdf/ (дата обращения: 12.03.2025).
8. *Miller V.I.* Value of humanistic grounds in the field of legal education of youth // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 2015. Vol. 166. P. 427–433. doi: 10.1016/j.sbspro.2014.12.548
9. *Нафикова А.И.* Трансгуманизм как современная концепция социального развития // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 2, ч. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22306> (дата обращения: 12.03.2025).
10. *Будник Р.А.* Правовой базис трансгуманизма: хартия и билль о правах // *Информационное общество.* 2022. № 1. С. 26–37. URL: <http://infosoc.iis.ru/article/view/712> (дата обращения: 12.03.2025).
11. *Васенкин А.В., Васильева Н.А.* Трансгуманизм как проявление постчеловеческого в современном обществе // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* 2018. Т. 7, № 1А. С. 69–75.
12. *Sandberg A.* Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it // *TransVision Conference.* Berlin. 2001. URL: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm> (accessed: 12.03.2025).
13. *Фролова Е.В.* Теория естественного права (предметный аспект) // *Государство и право.* 2015. № 4. С. 45–53. URL: <http://gospravo-journal.ru/s1026-94520000616-5-1-ru-327> (дата обращения: 12.03.2025).
14. *Berdyaev N.A.* Man and Machine (the Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology) (translation by Walker Trimble) // *Technology and Language.* 2023. Vol. 4, Is. 2. P. 7–26. doi: 10.48417/technolang.2023.02.02
15. *Сорокин В.В.* Дух права и буква закона: характер соотношения // *Правоприменение.* 2021. Т. 5, № 2. С. 5–15. doi: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).5-15

16. Бирюков С.В., Бирюкова Т.А. Неправовой закон: проблемы его установления и применения (теоретический аспект) // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 4. С. 16–24. doi: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).16-24
17. Шидловский А.В., Задорин М.Ю. Естественное право и искусственный интеллект: на пути к «цифровому Кембрийскому взрыву» // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 3. С. 39–53. doi: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53
18. Бояринова В.И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 4. С. 115–124. doi: 10.24147/1990-5173.2019.16(4).115-124
19. Федорин В.В. Генетическое редактирование человека: перспективы, неизбежность и вопрос морально-этической оправданности // Философская мысль. 2020. № 12. С. 30–41. doi: 10.25136/2409-8728.2020.12.34403
20. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2014. № 2. С. 143–152. doi: 10.7256/1729-5920.2014.2.10192
21. Иезуткин Д.А. Человеческое тело как объект биомедицинских технологий: философские и этические аспекты // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 76–80. doi: 10.25136/2409-8728.2020.12.34403
22. Третьякова Е.С. Теоретико-правовой анализ соматических прав человека // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 4. С. 46–56. doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-5
23. Тырина М.П. Биологические права и свободы человека в современном законодательстве // Вестник Мариупольского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 3–4. С. 154–165.
24. Сапельченко Н.Е. Право на биобезопасность и право на неприкосновенность личности в системе охраны здоровья, обеспечения населения безопасной окружающей средой // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 100–106. doi: 10.18384/2949-513X-2023-3-100-106
25. Умнова-Конохова И.А., Алешикова И.А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 34–35. doi: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.034-045

References

1. Wender, T.S. & Mattingly, C. (2018) Toward a new humanism: An approach from philosophical anthropology. *Journal of Ethnographic Theory*. 8(1–2). pp. 144–157. DOI: 10.1086/698361
2. Anichkin, E.S. (2021) Konstitutsionnyy status cheloveka i grazhdanina v usloviyakh pandemii koronavirusnoy infektsii: vektory transformatsii v Rossii [Constitutional status of an individual in the context of coronavirus pandemic: Vectors of transformation in Russia]. *Pravoprimeneniye*. 5(3). pp. 101–111. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).101-111
3. Kuzmin, V.V. (2018) Informatsionnye riski v postindustrial'nom obshchestve [Information risks in post-industrial society]. *Gramota*. 9(95). pp. 67–71. DOI: 10.30853/manuscript.2018-9.14
4. Stepanov, O.A. & Stepanov, M.M. (2022) Pravovoe regulirovanie genezisa tsifrovoy lichnosti [Legal regulation of the genesis of digital identity]. *Pravoprimeneniye*. 6(3). pp. 19–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32
5. Gritsanov, A.A. (ed.) (1998) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The Latest Philosophical Dictionary]. Minsk: Skakun.
6. Stepin, V.S., Guseynov, A.A. & Semigin, G.Yu. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl'.
7. Tazin, I.I. (2012) Pravovoe obespechenie informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti nesovershennoletnikh [Legal regulation of information and psychological safety of minors]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(121). pp. 215–220. [Online] Available from: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/tazin_i_i._220_225_6_121_2012.pdf (Accessed: 12th March 2024).
8. Miller, V.I. (2015) Value of humanistic grounds in the field of legal education of youth. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 166. pp. 427–433. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.548
9. Nafikova, A.I. (2015) Transgumanizm kak sovremennaya kontseptsiya sotsial'nogo razvitiya [Transhumanism as a Modern Concept of Social Development]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2(2). [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22306> (Accessed: 12th March 2024).

10. Budnik, R.A. (2022) Pravovoy bazis transgumanizma: khartiya i bill' o pravakh [Legal basis of transhumanism: Charter and Bill of Rights]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 1. pp. 26–37. [Online] Available from: <http://infosoc.iis.ru/article/view/712> (Accessed: 12th March 2024).
11. Vasenkin, A.V. & Vasilieva, N.A. (2018) Transgumanizm kak proyavlenie postchelovecheskogo v sovremennom obshchestve [Transhumanism as a manifestation of the posthuman in modern society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 7(1A). pp. 69–75.
12. Sandberg, A. (2001) Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it. *TransVision Conference*. Berlin. [Online] Available from: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm> (Accessed: 6th March 2024).
13. Frolova, E.V. (2015) Teoriya estestvennogo prava (predmetnyy aspekt) [Theory of natural law (subject aspect)]. *Gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 45–53. [Online] Available from: <http://gospravojournal.ru/s1026-94520000616-5-1-ru-327> (Accessed: 12th March 2024).
14. Berdyayev, N.A. (2023) Chelovek i mashina (problema sociologii i metafiziki tekhniki) [Man and Machine (The Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology)]. *Tekhnologii v infosfere*. 4(2). pp. 7–26. DOI: 10.48417/technolang.2023.02.02
15. Sorokin, V.V. (2021) Dukh prava i bukva zakona: kharakter sootnosheniya [The spirit of the law versus the letter of the law: The nature of correlation]. *Pravoprimerenie*. 5(2). pp. 5–15. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).5-15
16. Biryukov, S.V. & Biryukova, T.A. (2018) Nepravovoy zakon: problemy ego ustanovleniya i primeneniya (teoreticheskiy aspekt) [Non-legal rules: Problems of their determination and enforcement (theoretical aspect)]. *Pravoprimerenie*. 2(4). pp. 16–24. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).16-24
17. Shidlovskiy, A.V. & Zadorin, M.Yu. (2021) Estestvenno pravo i iskusstvennyy intellekt: na puti k "tsifrovomu Kembriyskomu vzryvu" [Natural law and artificial intelligence: towards a "digital Cambrian explosion"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 3. pp. 39–53. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-39-53
18. Boyarinova, V.I. (2019) Pravovaya priroda informirovannogo dobrovol'nogo soglasiya na me-ditsinskoe vmeshatel'stvo [Legal nature of informed voluntary consent for medical intervention]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 16(4). pp. 115–124. DOI: 10.24147/1990-5173.2019.16(4).115-124
19. Fedorin, V.V. (2020) Geneticheskoe redaktsirovanie cheloveka: perspektivy, neizbezhnost' i vopros moral'no-eticheskoy opravdannosti [Genetic modification of the human: Prospects, inevitability, and the question of moral and ethical justification]. *Filosofskaya mysl'*. 12. pp. 30–41. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34403
20. Rybakov, O.Yu. & Tikhonova, S.V. (2014) Doktrina estestvennogo prava i filosofiya transgumanizma: vozmozhnost' kommunikatsii [The doctrine of natural law and the philosophy of transhumanism: The possibility of communication]. *LEX RUSSICA*. 2. pp. 143–152. DOI: 10.7256/1729-5920.2014.2.10192
21. Iezutkin, D.A. (2018) Chelovecheskoe telo kak ob"ekt biomeditsinskikh tekhnologiy: filosofskie i eticheskie aspekty [The human body as an object of biomedical technologies: Philosophical and ethical aspects]. *Gumanitarnyy vector*. 13(2). pp. 76–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-76-81
22. Tretyakova, E.S. (2023) Teoretiko-pravovoy analiz somaticheskikh prav cheloveka [Theoretical and legal analysis of somatic human rights]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 11(4). pp. 46–56. DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-5
23. Tyrina, M.P. (2012) Biologicheskie prava i svobody cheloveka v sovremennom zakonodatel'stve [Biological rights and human freedoms in modern legislation]. *Visnik Mariupol'skogo derzhavnogo universitetu. Seriya: Pravo*. 3–4. pp. 154–165.
24. Sapelchenko, N.E. (2023) Pravo na biobezопасnost' i pravo na neprikosновенност' lichnosti v sisteme okhrany zdorov'ya, obespecheniya naseleniya bezопасnoy okruzhayushchey sredoy [The right to biosafety and the right to personal integrity in the health care system, providing the population with a safe environment]. *Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal*. 3. pp. 100–106. DOI: 10.18384/2949-513X-2023-3-100-106
25. Umnova-Konyukhova, I.A. & Aleshkova, I.A. (2022) Vliyaniye nauchno-tekhnicheskogo progressa v biotekhnologiyakh na prava cheloveka i printsipy prava [The impact of scientific and technological progress in biotechnology on human rights and principles of law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 10. pp. 34–35. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.034-045

Сведения об авторе:

Тазин И.И. – кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного, гражданского права и правового обеспечения инновационной деятельности Томского государственного

го университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: igor.i.tazin@tusur.ru
SPIN-код РИНЦ: 2559-5552; AuthorID: 702563; Scopus AuthorID: 57212034644

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tazin I.I. – Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Information, Civil Law and Legal Support for Innovation Activities, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: igor.i.tazin@tusur.ru
SPIN-code RSCI: 2559-5552; AuthorID: 702563; Scopus AuthorID: 57212034644

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 24.02.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научная статья
УДК 168.1, 37.01
doi: 10.17223/1998863X/84/12

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Александр Юрьевич Чмыхало¹, Марина Алексеевна Жаркова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

¹ *sanichtom@tpu.ru*

² *mma1252@tpu.ru*

Аннотация. Рассматривается эволюция подходов к определению понятия «цифровая грамотность». Цель работы – экспликация подходов к пониманию цифровой грамотности, которая позволяет выявить тенденции в трансформации представлений о данном виде грамотности в условиях дальнейшего развития информационно-коммуникационных технологий. Было выявлено несколько тенденций в исследованиях цифровой грамотности, проявляющих себя в дальнейшем развитии стандартизированных определений, в переосмыслении школьной грамотности в соответствии с меняющимися информационными технологиями и т.д.

Ключевые слова: цифровая грамотность, цифровые технологии, цифровая компетентность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00316, <https://rscf.ru/project/24-28-00316/>

Для цитирования: Чмыхало А.Ю., Жаркова М.А. Трансформация представлений о цифровой грамотности и российская специфика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 136–147. doi: 10.17223/1998863X/84/12

Original article

TRANSFORMATION OF IDEAS ABOUT DIGITAL LITERACY AND RUSSIAN SPECIFICS

Alexander Yu. Chmykhalo¹, Marina A. Zharkova²

^{1,2} *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *sanichtom@inbox.ru*

² *mma1252@gmail.com*

Abstract. The creation of new information and communication technologies at the turn of the 21st century required the formation of new skills for working with an ever-increasing amount of information, as well as a deep knowledge of the nature of digital technologies. Under these conditions, the concept “digital literacy” was introduced into scientific discourse, designed to reflect the ongoing changes in perceptions of literacy in the digital age. The high dynamics of the development processes taking place in the field of digital technologies, the involvement of an increasing number of countries with different economic, social, and intellectual potential in this area necessitate the improvement of our

understanding of what is happening and requires further study of ideas about digital literacy. The aim of this study is to identify the main trends in the transformation of ideas about digital literacy in both foreign and domestic research. In the course of this study, analytical and comparative methods were applied, the combination of which allows identifying the features of the approaches under consideration in relation to the interpretation of digital literacy, achieving the best understanding of the processes taking place in modern society, as well as obtaining results that can have practical significance related to finding invariant requirements for this type of literacy, which can be used in the work to improve educational programs in the field of computer science. The study revealed several key trends in modern digital literacy research, which manifest themselves in the further development of standardized definitions, including an indication of a particular set of knowledge and skills that define national and international standards of digital literacy, and in the actualization of the desire to rethink school literacy in accordance with changing information and communication technologies. It was found that in Russian research on information literacy, there is a tendency to analyze the concept “digital literacy” in connection with the development of the so-called digital economy and consider it in conjunction with the concept “financial literacy”, which is somewhat at odds with those areas of digital literacy research that are being developed by foreign scientists. It was established that the further development of digital technologies raises additional questions for researchers and forces them to look for new approaches to conceptualizing ideas about digital literacy.

Keywords: digital literacy, digital technologies, digital competence

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00316, <https://rscf.ru/project/24-28-00316/>

For citation: Chmykhalo, A.Yu. & Zharkova, M.A. (2025) Transformation of ideas about digital literacy and russian specifics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 136–147. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/147

Создание новых информационно-коммуникативных технологий на рубеже XX–XXI вв. оказало существенное влияние на изменение качественных и количественных характеристик информационных потоков. Принципиально иная природа цифровых технологий (по сравнению с аналоговыми) привела к созданию и дальнейшему бурному развитию вычислительной цифровой электроники, прежде всего компьютерной техники, а также робототехники, автоматизированных систем управления различного назначения, многочисленных измерительных приборов и цифровых устройств, используемых практически во всех сферах жизни современного общества.

В этих условиях исследователи стали говорить не только об информационной грамотности, связанной с формированием навыков работы со все возрастающим объемом информации, или о компьютерной грамотности, ориентированной на предоставление знаний компьютерных программ и выработку умения работы на компьютере, но и о принципиально ином наборе навыков и компетенций, которые связаны с глубоким знанием природы цифровых технологий.

Итогом таких размышлений стало введение в 1995 г. в научный оборот понятия «цифровая грамотность». По всей видимости, первым исследователем, кто сформулировал это понятие, был Ричард Лэнхем. В журнале «Scientific American» была опубликована его небольшая статья, которая так и называлась – «Digital literacy» (цифровая грамотность) [1]. В ней он утверждал, что семантическое значение слова «грамотность» претерпело значительные изменения. Если первоначально оно означало способность читать и писать, то в настоящий момент грамотность – это способность понимать ин-

формацию, как бы она ни была представлена. Он полагал, что поскольку цифровая информация имеет мультимедийную природу, то и цифровая грамотность предполагает формирование несколько иных навыков, по большей части связанных с расшифровкой сложных изображений и звуков, а также знанием синтаксических тонкостей слов.

С середины 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени сформировалось множество подходов к определению понятия «цифровая грамотность» и их число продолжает увеличиваться в силу дальнейшего развития как самих цифровых технологий, так и усиления их влияния на судьбы современного мира. С начала 2000-х гг. особое внимание на изучение цифровой грамотности было обращено отечественными исследователями, всплеск активности которых происходил на фоне все более разрастающейся дискуссии о возможности и необходимости построения в России так называемой цифровой экономики, идея которой в дальнейшем получила вполне конкретное воплощение в ряде политико-правовых актов.

Таким образом, высокая динамика процессов развития, совершающихся в области цифровых технологий, вовлечение в эту сферу все большего количества стран с разным экономическим, социальным, интеллектуальным потенциалом обуславливает необходимость улучшения нашего понимания происходящего и требует дальнейшего изучения представлений о цифровой грамотности. Именно поэтому цель настоящего исследования состоит в стремлении выявить основные тенденции трансформации представлений о цифровой грамотности как в зарубежной, так и в отечественной исследовательской мысли.

Характеризуя совокупность имеющихся к сегодняшнему дню исследований, посвященных цифровой грамотности, можно указать на наличие нескольких позиций. Так, австралийский исследователь Колин Ланкшир и американский профессор Мишель Кнобель полагают, что все возможные определения цифровой грамотности бывают двух основных видов:

- концептуальные;
- стандартизированные [2].

Среди первых концептуальных определений они называют определения Р. Лэнхема и П. Гилстера. Лэнхем впервые концептуализировал цифровую грамотность как способность понимать информацию независимо от ее носителя в онлайн- или офлайн-средах. П. Гилстер выступил в роли популяризатора концепции цифровой грамотности и превращении ее в важнейший навык [3]. Многие исследователи до сих пор убеждены в том, что именно Гилстер, а не Лэнхем является автором понятия «цифровая грамотность». П. Гилстер определял цифровую грамотность как способность понимать и использовать информацию в различных форматах из самых разных источников, через компьютеры, в частности через Интернет. С его точки зрения цифровая грамотность предполагает адаптацию наших навыков к новой среде, в которой важнейшим является опыт работы в Интернете. Цифровая грамотность предполагает овладение идеями, а не нажатием клавиш. При этом Гилстер выделил четыре ключевые компетенции цифровой грамотности: 1) сбор знаний, 2) оценка информационного контента, 3) поиск в Интернете, 4) навигация по гипертексту. Он призывал в процессе обучения больше фокусироваться на формировании когнитивных способностей, а не компетен-

ций, утверждая, что цифровая грамотность – это овладение идеями, а не умение нажимать клавиши.

Стандартизированные определения, по мнению К. Ланкашир и М. Кнобель, включают в себя некоторый набор знаний и навыков, определяющих национальные и международные нормы цифровой грамотности. Среди подобного рода определений они, в частности, выделяют подход Глобального совета по цифровой грамотности (Global Digital Literacy Council (GDLC)). Текущие стандарты GDLC включают в себя основы вычислений (Computing Fundamentals), знание ключевых приложений (Key Applications) и использование ресурсов Интернета (Living Online).

Есть и другие организации, осуществляющие разработку средств оценки цифровой грамотности, как, например, Служба образовательного тестирования США для среды высшего образования (the US Educational Testing Service for higher education environments (ETS)). Позиция этой службы состоит в том, что цифровая грамотность – это способность использовать цифровые технологии, средства связи и/или сети надлежащим образом для решения информационных проблем и функционирования в информационном обществе. Она включает в себя способность использовать технологии в качестве инструмента для исследования, организации, оценки и передачи информации, а также обладание фундаментальным пониманием этических/правовых проблем, связанных с доступом и использованием информации.

Необходимо заметить, что использование стандартизированного подхода к определению понятия «цифровая грамотность» всегда имело определенный приоритет среди исследователей, поскольку его результаты находили и находят отклик со стороны государства, системы образования и иных потребителей, желающих получить исчерпывающий перечень того, какие знания, умения и навыки должны иметь учащиеся, чтобы они могли считаться грамотными в области цифровых технологий. Эта тенденция прослеживается до сих пор. Достаточно широко в научной литературе представлены подобного рода исследования.

Французская исследовательница К. Белиль придерживается несколько иной позиции в дифференциации подходов к определению понятия «цифровая грамотность», выделяя три измерения: 1) функциональное, 2) социокультурное, 3) трансформационное [4].

Функциональное измерение грамотности несколько перекликается с первоначальной концепцией Лэнхэма и стандартизированными определениями К. Ланкашира и М. Кнобель и включает в себя способность применять навыки работы с компьютером, такие как ввод, вывод и поиск, а также способность понимать, когда и где каждый набор навыков актуален.

Социокультурное измерение грамотности состоит в знании ценностей, взглядов, практик и традиций общества, в понимании того, где они применяются. С этой точки зрения цифровая грамотность рассматривается как овладение новыми каналами, которые предоставляет цифровой мир, для общения и участия в жизни социума. Грамотность обретает смысл лишь в контексте с культурной жизнью общества, позволяя людям погрузиться в мир и участвовать в социальных и экономических структурах цифрового общества.

Трансформационное измерение цифровой грамотности состоит в том, что его рассматривают как основу для трансформации человеческих мысли-

тельных способностей. Расширение интеллектуальных возможностей людей посредством грамотности способно преобразовать общество, особенно в тех областях, где творческие когнитивные способности приводят к созданию новых когнитивных инструментов.

Если на рубеже XX–XXI вв. в основном англоязычные авторы определяли основные направления и содержание исследований, посвященных проблемам цифровой грамотности, то в последние годы спектр стран-лидеров, исследователи которых занимаются изучением тех или иных аспектов цифровой грамотности, претерпел изменения. Как отмечают испанские и перуанские исследователи Ф. Фернандес-Отойя, Дж. Каберо-Альменара, Г. Перес-Позиго, Дж. Браво, Алькасар-Ольгин, М. Вилка-Родригес в своем коллективном исследовании, посвященном анализу публикаций по вопросам цифровой грамотности за период с 2018 по 2023 г., страной с наибольшим количеством исследований, индексируемых в базе данных Scopus по этой теме, является Испания (29% от общего числа), за ней следуют Индонезия (6%) и США (4%). Страной с наибольшим количеством исследований по теме цифровой грамотности, индексируемых в базе данных Web of Science (WoS), является Испания (30%), за ней следуют Россия (10%) и Норвегия (8%) [5].

Указанная группа исследователей представила свою классификацию подходов к определению понятия «цифровая грамотность», в которой они постарались учесть весь более чем 25-летний опыт его изучения, представленный как в западных исследованиях, так и в современных российских публикациях. Они полагают, что концептуализация термина «цифровая грамотность» основана на трех ключевых концепциях:

1. Концепция М. Пренски, введенная в научный оборот в 2001 г. [6]. Ее специфика состоит в использовании понятий «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты», обозначающих сегодняшних студентов, говорящих на цифровом языке компьютеров, видеоигр и Интернета. «Цифровые аборигены» – это студенты, которые рождаются с естественной способностью использовать технологии, а «цифровые иммигранты» – это люди, которые знакомятся с цифровыми технологиями в более позднем возрасте.

2. Концепция, предложенная в 1997 г. П. Гилстером, в которой цифровая грамотность рассматривается как совокупность взаимосвязанных навыков или компетенций, необходимых для выживания в эпоху цифровых технологий. Она получила дальнейшее развитие у более современных авторов, среди которых выделяются исследования израильского ученого Йорам Эшет-Алкалай [7]. В 2004 г. он предложил концептуальную основу цифровой грамотности, определив ее как совокупность пяти видов грамотности: репродуктивной, информационной, фотовизуальной, социально-эмоциональной, разветвленной.

3. Социокультурная концепция, для которой характерно представлять цифровую грамотность как следствие активного участия обучающихся в онлайн-сообществах. Здесь указанные авторы солидаризируются с позицией М. Кнобель и К. Ланкшир, представлявших социокультурное видение цифровой грамотности как результат вовлечения студентов в качестве участников коммуникативного процесса, в котором используются устоявшиеся способы создания, обмена закодированными текстами и происходит согласование соответствующего контента.

По мере умножения различных определений цифровой грамотности в зарубежной и отечественной исследовательской мысли стали появляться критические работы, представлявшие аргументы, которые демонстрировали слабость сложившихся подходов. В частности, Ланкашир, критикуя все известные концепции цифровой грамотности, выдвинул три ключевых основания для ее осуществления:

1) поскольку все текстовые взаимодействия, как и общение, не могут быть сведены к актам передачи и получения информации, то любое определение цифровой грамотности, осуществленное с позиции, что она связана исключительно или по преимуществу с получением и использованием информации, искажает социальную практику;

2) оспаривается позиция оценки информации, имеющаяся в Интернете, с истинноцентристской позиции. Ланкашир полагает, что идеалы достоверности, выражаемые в терминах конвенциональных норм эпистемического характера, уместные в академической сфере, не совсем уместны в отношении оценки информации, с которой люди имеют дело в Интернете. Вместо них более важными являются не опасения по поводу правды, а забота о поддержании социальных отношений и участии в дружеских союзах;

3) с социокультурной точки зрения существует много качественно различных социальных практик чтения и письма и разных концепций того, что должно включать в себя чтение и письмо. Это означает, что грамотных очень много. При этом грамотность следует понимать как следствие и квинтэссенцию социальных практик концепций и чтения, и письма. Это означает, что цифровая грамотность не может быть представлена как нечто единое, о ней невозможно говорить как о чем-то едином и, конечно, не как о какой-то конечной компетенции или навыке или даже как о наборе компетенций или навыков.

Существует множество различных социальных практик и концепций поиска, навигации по ссылкам, оценки достоверности источников и т.д. Они различаются в зависимости от того, как люди идентифицируют себя в зависимости от их ценностей, социальных групп, к которым они относятся, склонностей и проч.

На фоне такой критики среди исследователей уже в начале 2000-х гг. начинает формироваться позиция о замене термина «цифровая грамотность» на другие, которые бы позволили более точно отразить те тенденции в области грамотности, которые сформировались на фоне все большей вовлеченности людей в общение с использованием цифровых технологий и средств, созданных на их основе. Одним из исследователей, кто пошел по этому пути, был Д. Белшоу, предложивший использовать не термин «цифровая грамотность», а термин «цифровые грамотности», чтобы не сводить его понимание к какому-то конечному результату, а учесть всю динамику и разнообразие происходящих изменений и сложность концептуальных построений. Белшоу представил восемь неиерархических элементов цифровой грамотности: культурный, когнитивный, конструктивный, коммуникативный, уверенный, творческий, критический и гражданский [8].

Таким образом Белшоу, подчеркивает, что цифровая грамотность включает не только простой набор навыков, охватывающих познавательные способности, но и знания и компетенции, способствующие участию в культурной жизни и участие, и возможности критического анализа информации, а

также определенное понимание социальной справедливости и гражданскую ответственность. Цифровая грамотность – это не просто какой-то набор функциональных способностей, но комплекс навыков, обеспечивающих расширение прав и возможностей социокультурного взаимодействия, а также включенность человека в процессы самосовершенствования и преобразования общества. С другой стороны, многие исследователи (например, Р. Салье [9]) отмечали, что в образовательном контексте слово «грамотность» часто используется как синоним таких терминов, как знание и обучение. В свою очередь, и такие термины, как «цифровые навыки», «компетенции», «знания», «понимание» и «мышление», часто используются взаимозаменяемо. Именно такая позиция получила свое воплощение во многих официальных документах. Так, еще в 2006 г. Комиссия Европейского Союза включила цифровую компетентность в список ключевых компетенций для всех граждан. Восемь ключевых компетенций были определены как необходимые для личной реализации, активной гражданской позиции, социальной сплоченности и трудоустройства. Позднее этот подход получил развитие в документах Комиссии по широкополосной связи (Broadband Commission) ЮНЕСКО в 2017 г., а также в Плане действий по цифровому образованию, принятому Европейской комиссией в 2018 г.

Анализируя данный подход, М. Спанте, С.С. Хашеми, М. Лундин и А. Алджерс [10] показали, что концепции цифровой грамотности и компетентности используются в исследованиях высшего образования и политических документах. И хотя понятие «цифровая грамотность» используется в исследованиях в течение более длительного периода времени, в последнее время термин «цифровая компетентность» используется все чаще и все отчетливее прослеживается тенденция его все большей легитимации. При этом имеет место и географическая разница. Если термин «цифровая грамотность» в основном используется в англоязычных странах, то термин «цифровая компетентность» (digital competence) используется в других европейских странах, например, таких как Испания, Италия, страны Северной Европы.

Еще одним вариантом замены термина «цифровая грамотность» является термин «медиаграмотность», который иногда рассматривается как часть или эквивалент цифровой грамотности. Об этом, в частности, пишут норвежские исследователи О. Эрстад и С. Амдам [11].

В последнее время возрос интерес к исследованиям грамотности, в которых получило распространение использование понятия «критическая цифровая грамотность». Л. Панграцио выделяет три возможных понимания критической цифровой грамотности:

- 1) подход критической грамотности;
- 2) подход критической медиаграмотности;
- 3) подход цифрового дизайна [12].

Критическая цифровая грамотность, развиваемая, например, Дж. Авила и Дж. Пандия, позиционируется как подход, для которого характерна критика цифрового контекста либо через критику его потребления, либо творческого производства и предлагает развивать либо технические навыки проектирования, либо более общие теоретические навыки критики [13]. Такое новое понимание цифровой грамотности необходимо рассматривать в широком контексте социальных, политических, экономических и технических проблем, через изучение того, как неравенство усиливается цифровыми технологиями

и как с ним можно бороться, сосредоточив внимание на том, как происходит формирование и реконфигурация техносociальных систем.

Основная идея критической медиаграмотности состоит в выделении личного опыта человека [14]. Сторонники этой позиции, среди которых заметную роль играли британские теоретики СМИ, такие как Д. Бэкингем [14] и Дж. Сефтон-Грин [15], обратили внимание на повседневное использование молодыми людьми цифровых текстов, при котором «правильное» прочтение этих текстов менее важно, чем то, как они связаны с жизнью учащихся. В этой модели студенты рассматриваются как «жертвы манипуляции СМИ», тогда как педагог призван выступить в роли хранителя знаний и навыков, которые освободят их от репрессивных идеологий, выражаемых через СМИ. Другой сторонник данной модели, Дж. Поттер делает акцент в своих исследованиях на производстве и репрезентации идентичности посредством цифровых медиа и описывает ее как тип «самокураторства». Он полагает, что в настоящее время самокураторство является ключевым навыком и склонностью к новым медиа. Самокураторство – это форма критического потребления, в котором осевой точкой является индивидуум [16].

В современной исследовательской работе получили развитие и иные способы интерпретации грамотности в рамках данной модели, например трехсторонняя модель критической практики Барнетта и Мерчант, в которой раскрываются взаимосвязи между идентичностью, практикой и сетями, которые возникают внутри и за пределами социальных медиа [17]. В своей критике они концентрируют внимание не только на роли цифровых технологий как той абстрактной силе, которая структурирует наши мысли и действия, но и на необходимости исследования и оценки того, что мы на самом деле делаем в сети и офлайн. Они утверждают, что использование социальных сетей обычно доставляет удовольствие, поэтому любая критическая практика должна сочетать интерес учащихся с более серьезными педагогическими целями. Этот подход рассматривает личную реакцию человека на цифровые информационные ресурсы, связывая критическую грамотность с процессом формирования социальной идентичности.

Подход цифрового дизайна [18]. Впервые «дизайн» как ключевой компонент обучения грамоте представила в своей работе над мультиграмотностью Нью-Лондонская группа в 1996 г. В начале 2000-х гг. идея дизайна получает свое осмысление в цифровом контексте и становится все популярным методом обучения цифровой грамотности. Ключевую роль в повороте исследований в направлении разработки идеи дизайна сыграли работы Г. Кресса, а также исследования М. Шеридан и Дж. Роуселл, Г. Дженкинса и Д. Гаунтлетта. Введение идеи дизайна в цифровой контекст было новым шагом в изучении критической цифровой грамотности.

Г. Кресс утверждал, что мир коммуникации теперь устроен таким образом, что необходимо выделять концепцию дизайна, а не такие понятия, как приобретение, компетентность или критика [19]. Это связано не только с изменениями в коммуникации и производстве, вызванными цифровыми технологиями, но и с доминированием визуального режима на экране. Дизайн формирует будущее посредством преднамеренного использования репрезентативных ресурсов в интересах дизайнера. Шеридан и Роуселл развили идеи Кресса [20]. Они доказывали, что становление учащегося в качестве продюсера (дизайне-

ра) может помочь привить ему позитивную грамотность и интеллектуальную практику, выйдя за пределы типичных школьных практик повторения и критики. Дизайнерская грамотность обеспечивает полезный способ формирования индивидуальной активности посредством имманентной технической формы критики [21].

Несколько иную версию концепции дизайна выдвинул Дэвид Гаунтлетт [22], который утверждает, что настоящее обучение происходит тогда, когда люди творят. Основное внимание при обучении должно быть сосредоточено на создании «новых» вещей и, одновременно, на формировании навыков мастерства и критики. В таком контексте критика рассматривается как способность представить инновационные и альтернативные творения и практики.

Характеризуя в целом дизайнерский поворот в цифровой грамотности, его исследователи отмечают, что он позволил смягчить политическую ориентацию критики, скрыв ее под маской творчества, имеющей более социальный и эстетический характер.

Что касается отечественных исследований понятия «цифровая грамотность», то, как отмечает в своем исследовании А.В. Шариков, в России данное понятие стало использоваться в научных публикациях лишь с 2010 г. и первоначально трактовалось как «грамотность в использовании современных технических цифровых средств» [23]. К настоящему времени активность отечественных ученых, работающих в контексте тех или иных подходов к изучению цифровой грамотности, значительно возросла. Однако, несмотря на то, что тематика работ охватывает достаточно значительный комплекс технологических, психолого-педагогических, медийно-информационных, индустриальных проблем формирования, развития цифровой грамотности, в целом они не выходят за рамки тех концептуальных подходов к пониманию данного вида грамотности, которые предварительно получили развитие в зарубежных исследованиях.

Данный подход получил официальное оформление и признание в виде Концепции медийно-информационной грамотности (МИГ), которая разрабатывалась в рамках международного проекта ЮНЕСКО «Информация для всех» и была закреплена как самостоятельная в 2012 г. в Москве на международной конференции «Медиа- и информационная грамотность в обществах знания». По результатам работы конференции была принята «Московская декларация о медиа- и информационной грамотности».

Несмотря на относительную новизну названия концепции, в ее содержании отсутствует какое-то оригинальное, принципиально отличное от имевшихся, определение понятия «цифровая грамотность». С точки зрения концепции МИГ, цифровая грамотность – всего лишь частный случай медийно-информационной грамотности, привязанный к новым медиа. Однако, получив официальное признание и оформление, концепция МИГ объединила многих отечественных исследователей и координируется Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» под руководством Е.И. Кузьмина [24]. Также на основе данной концепции в 2014 г. был организован и реализован группой исследователей под руководством С.Г. Давыдова проект «Индекс цифровой грамотности».

С 2016 г. в России появляется новая тенденция – понятие «цифровая грамотность» начинает связываться с экономическими проблемами развития

страны, с развитием так называемой цифровой экономики и часто рассматривается в связке с понятием «финансовая грамотность» [25], что идет в разрез с теми направлениями исследований цифровой грамотности, которые развиваются зарубежными учеными.

Подводя итог, можно выделить несколько ключевых тенденций, которые сформировались в исследованиях цифровой грамотности:

Во-первых, дальнейшее развитие стандартизированных определений, включающих в себя тот или иной набор знаний и навыков, определяющих национальные и международные нормы цифровой грамотности. Их появление вызвано изменениями, происходящими в сфере цифровых технологий. Отсюда необходимость постоянного мониторинга и внесения изменений в образовательные стандарты, учебные программы и прочие документы, регламентирующие требования к цифровой грамотности.

Во-вторых, значительное исследовательское значение приобрел подход М. Кнобеля и К. Ланкшира «Новых исследований грамотности», которые акцентировали внимание на необходимости переосмысления школьной грамотности в соответствии с меняющимися информационными и коммуникационными технологиями. Этот подход актуализировал необходимость поиска и адаптации нового набора навыков, необходимых для полноценного участия людей в социальных и культурных мероприятиях современного мира.

В-третьих, развитие цифровых технологий происходит на фоне сложных социальных, экономических и политических процессов, вызывающих трансформацию традиционных и формирование новых этических, политических и идеологических ориентаций современного социума. Эти обстоятельства способствуют появлению принципиально новых подходов к изучению цифровой грамотности, таких как концепции критической цифровой грамотности (L. Pangrazio и др.), трансформационной цифровой грамотности (A. García, N. Mirra, E. Morrel, A. Martinez, D. Scorza), социоматериальной цифровой грамотности (M. Dezuanni).

В-четвертых, в последнее время как в зарубежных, так и отечественных исследованиях наметилась новая тенденция, связанная с изучением роли не только человеческих, но и нечеловеческих агентов (например, ChatGPT) в онлайн-среде, что способствует формированию новых представлений о цифровой грамотности.

Таким образом, дальнейшее развитие цифровых технологий ставит дополнительные вопросы перед исследователями и заставляет искать новые подходы к концептуализации представлений о цифровой грамотности.

Список источников

1. *Lanham R.A.* Digital literacy // *Scientific american*. 1995. Vol. 273, № 3. P. 198–199.
2. *Lankshear C., Knobel M.* Digital literacy and Digital Literacies: – policy, pedagogy and research considerations for education // *Nordic journal of digital literacy*. 2015. Vol. 10, Jubileumsnummer. P. 8–20.
3. *Gilster P., Glister P.* Digital literacy. New York : Wiley Computer Pub., 1997.
4. *Bélisle C.* Literacy and the digital knowledge revolution // *Digital literacies for learning*. 2006. P. 51–67.
5. *Fernández-Otoya F. et al.* Digital and Information Literacy in Basic-Education Teachers: A Systematic Literature Review // *Education Sciences*. 2024. Vol. 14, № 2. C. 127.
6. *Prensky M.H.* Sapiens digital: From digital immigrants and digital natives to digital wisdom // *Innovate: journal of online education*. 2009. T. 5, № 3.

7. Aviram A., Eshet-Alkalai Y. Towards a theory of digital literacy: Three scenarios for the next steps // *European Journal of Open, Distance and E-Learning*. 2006. Vol. 9, № 1.
8. Belshaw D. et al. What is 'digital literacy'? A Pragmatic investigation. (Doctoral dissertation). Durham University, 2012.
9. Säljö R. Literacy, digital literacy and epistemic practices: The co-evolution of hybrid minds and external memory systems // *Nordic Journal of Digital Literacy*. 2012. Vol. 7, № 1. P. 5–19.
10. Spante M. et al. Digital competence and digital literacy in higher education research: Systematic review of concept use // *Cogent education*. 2018. Vol. 5, № 1. P. 1519143.
11. Erstad O., Amdam S. From protection to public participation: A review of research literature on media literacy // *Javnost-the public*. 2013. Vol. 20, № 2. P. 83–98.
12. *Critical digital literacies as social praxis: Intersections and challenges* / ed. J.A. Ávila, J.Z. Pandya. New York : P. Lang, 2013.
13. Alvermann D.E. Media, information communication technologies, and youth literacies: A cultural studies perspective // *American behavioral scientist*. 2004. Vol. 48, № 1. P. 78–83.
14. Buckingham D. Media education: Literacy, learning and contemporary culture. John Wiley & Sons, 2013.
15. Sefton-Green J. Chapter 8 Youth, Technology, and Media Cultures // *Review of research in education*. 2006. Vol. 30, № 1. P. 279–306.
16. Potter J. Digital media and learner identity: The new curatorship. New York : Palgrave Macmillan, 2012.
17. Burnett C., Merchant G. Is There a Space for Critical Literacy in the Context of Social Media? // *English Teaching: Practice and Critique*. 2011. Vol. 10, № 1. P. 41–57.
18. Cazden C. et al. A pedagogy of multiliteracies: Designing social futures // *Harvard educational review*. 1996. Vol. 66, № 1. P. 60–92.
19. Kress G. Literacy in the new media age. Routledge, 2003.
20. Sheridan M.P., Rowsell J.M.K. Design literacies: Learning and innovation in the digital age. 2010.
21. Jenkins H. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. The MIT press, 2009. 145 p.
22. Gauntlett D. Making is connecting. John Wiley & Sons, 2013.
23. Шариков А.В. Концепции цифровой грамотности: российский опыт // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2018. Т. 3, № 3. С. 96–112.
24. Кузьмин Е.И., Жилавская И.В., Игнатова Д.Д. Медийно-информационная грамотность в России: дорога в будущее. М. : МЦБС, 2014.
25. Веселовский М.Я., Измайлова М.А., Абрашкин М.С. Приоритеты и главные инструменты развития цифровой экономики России // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2018. Т. 9, № 2 (34). С. 192–199.

References

1. Lanham, R.A. (1995) Digital literacy. *Scientific American*. 273(3). pp. 198–199.
2. Lankshear, C. & Knobel, M. (2015) Digital literacy and Digital Literacies: Policy, pedagogy and research considerations for education. *Nordic Journal of Digital Literacy*. 10. pp. 8–20.
3. Gilster, P. & Glistler, P. (1997) *Digital Literacy*. New York: Wiley Computer.
4. Bélisle, C. (2006) Literacy and the digital knowledge revolution. In: Martin, A. & Madigan, D. (eds) *Digital Literacies for Learning*. Facet. pp. 51–67.
5. Fernández-Otoya, F. et al. (2024) Digital and Information Literacy in Basic-Education Teachers: A Systematic Literature Review. *Education Sciences*. 14(2). p. 127.
6. Prensky, M.H. (2009) Sapiens digital: From digital immigrants and digital natives to digital wisdom. *Innovate: Journal of Online Education*. 5(3).
7. Aviram, A. & Eshet-Alkalai, Y. (2006) Towards a theory of digital literacy: Three scenarios for the next steps. *European Journal of Open, Distance and E-Learning*. 9(1).
8. Belshaw, D. et al. (2012) *What is 'digital literacy'? A Pragmatic Investigation*. Dr. Diss. Durham University.
9. Säljö, R. (2012) Literacy, digital literacy and epistemic practices: The co-evolution of hybrid minds and external memory systems. *Nordic Journal of Digital Literacy*. 7(1). pp. 5–19.
10. Spante, M. et al. (2018) Digital competence and digital literacy in higher education research: Systematic review of concept use. *Cogent Education*. 5(1). pp. 1519143.
11. Erstad, O. & Amdam, S. (2013) From protection to public participation: A review of research literature on media literacy. *Javnost-the Public*. 20(2). pp. 83–98.

12. Ávila, J.A. & Pandya, J.Z. (eds) *Critical Digital Literacies as Social Praxis: Intersections and Challenges*. New York: P. Lang.
13. Alvermann, D.E. (2004) Media, information communication technologies, and youth literacies: A cultural studies perspective. *American Behavioral Scientist*. 48(1). pp. 78–83.
14. Buckingham, D. (2013) *Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture*. John Wiley & Sons.
15. Sefton-Green, J. (2006) Chapter 8 Youth, Technology, and Media Cultures. *Review of Research in Education*. 30(1). pp. 279–306.
16. Potter, J. (2012) *Digital Media and Learner Identity: The New Curatorship*. New York: Palgrave Macmillan.
17. Burnett, C. & Merchant, G. (2011) Is There a Space for Critical Literacy in the Context of Social Media? *English Teaching: Practice and Critique*. 10(1). pp. 41–57.
18. Cazden, C. et al. (1996) A pedagogy of multiliteracies: Designing social futures. *Harvard Educational Review*. 66(1). pp. 60–92.
19. Kress, G. (2003) *Literacy in the New Media Age*. Routledge.
20. Sheridan, M.P. & Rowsell, J.M.K. (2010) *Design literacies: Learning and Innovation in the Digital Age*. Routledge.
21. Jenkins, H. (2009) *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. The MIT press.
22. Gauntlett, D. (2013) *Making is Connecting*. John Wiley & Sons.
23. Sharikov, A.V. (2018) Kontseptsii tsifrovoy gramotnosti: rossiyskiy opyt [Concepts of digital literacy: Russian experience]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn*. 3(3). pp. 96–112.
24. Kuzmin, E.I., Zhilavskaya, I.V. & Ignatova, D.D. (2014) *Mediyno-informatsionnaya gramotnost' v Rossii: doroga v budushchee* [Media and Information Literacy in Russia: The Road to the Future]. Moscow: MCBS.
25. Veselovskiy, M.Ya., Izmaylova, M. A. & Abrashkin, M.S. (2018) Prioritety i glavnye instrumenty razvitiya tsifrovoy ekonomiki Rossii [Priorities and main instruments for the development of the digital economy of Russia]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*. 9(2/34). pp. 192–199.

Сведения об авторах:

Чмыхало А.Ю. – кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: sanichtom@tpu.ru

Жаркова М.А. – кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: mma1252@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chmykhalo A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Social Sciences and Humanities, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sanichtom@tpu.ru

Zharkova M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Social Sciences and Humanities, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mma1252@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 25.02.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 379.85
doi: 10.17223/1998863X/84/13

УСТОЙЧИВЫЙ КРУИЗНЫЙ ТУРИЗМ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЛОВЕЦКОГО АРХИПЕЛАГА)

Марина Викторовна Ненашева

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия, m.nenasheva@narfu.ru*

Аннотация. На примере Соловецкого архипелага рассматривается индустрия круизного туризма в российской Арктике с точки зрения теории устойчивого развития. Круизы – это многоакторный вид экономической деятельности, который осуществляется на водных объектах и в круизных дестинациях. Выявлены экономические, экологические и социальные факторы, затрудняющие внедрение концепции устойчивого круизного туризма на практике. На основе стейкхолдерского подхода предложена стратегия повышения устойчивости круизов.

Ключевые слова: круизный туризм, российская Арктика, Соловецкий архипелаг, устойчивость

Для цитирования: Ненашева М.В. Устойчивый круизный туризм в российской Арктике (на примере Соловецкого архипелага) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 148–157. doi: 10.17223/1998863X/84/13

SOCIOLOGY

Original article

SUSTAINABLE CRUISE TOURISM IN THE RUSSIAN ARCTIC (CASE OF SOLOVETSKY ARCHIPELAGO)

Marina V. Nenasheva

Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation, m.nenasheva@narfu.ru

Abstract. This article examines the cruise tourism industry in the Russian Arctic from the perspective of the sustainable development theory. Cruise tourism is a tourist product that includes the transportation of passengers on a cruise ship along a pre-agreed tourist route along sea and (or) inland waterways. The main areas of cruise tourism in the Russian Arctic are island territories located in the waters of the northern seas, which are part of the Arctic Ocean. Cruise tourism plays an important role in the economic development of the Arctic territories, but it can also have a negative impact on the ecosystem and the livelihoods of the local population. In this regard, the problem of sustainable development of cruise tourism becomes urgent. The aim of this article is to identify the factors of formation of sustainable cruise tourism in the Russian Arctic. The study was conducted on the example of the Solovetsky Archipelago using a stakeholder approach and high-quality semi-structured interviews with key stakeholders. It is shown that the sustainability of cruise tourism is

influenced by economic, environmental and social factors. Economic factors include the underdevelopment of the coastal infrastructure, the lack of cruise ships, regular water communication with the administrative center, as well as a unified passenger accounting system. Environmental factors include seasonality of cruise tourism, uneven distribution of anthropogenic pressure on the archipelago and lack of an environmental risk management system. Social factors include low involvement of the local population in cruise tourism activities and lack of information about the economic benefits of cruise tourism for residents of Solovki. Specific but no less significant factors affecting the sustainability of cruise tourism in Solovki are epidemic and geopolitical processes. To increase the sustainability of cruise tourism in the Russian Arctic, it is proposed to develop a cruise management strategy based on the coordination of actions of all cruise tourism stakeholders.

Keywords: cruise tourism, Russian Arctic, Solovetsky Archipelago, sustainability

For citation: Nenasheva, M.V. (2025) Sustainable cruise tourism in the Russian Arctic (case of Solovetsky Archipelago). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 148–157. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/13

Введение

Круизный туризм – это один из наиболее перспективных и быстрорастущих секторов экономики России, который «включает перевозку пассажиров на круизном судне по заранее согласованному туристскому маршруту по морским и (или) внутренним водным путям» [1]. В 2019 г. до пандемии COVID-19 количество круизных пассажиров в России составило 500 тыс. человек, из которых около 150 тыс. – иностранные туристы. В 2023 г. общий круизный пассажиропоток в России составил 370 тыс. человек, что на 23% больше, чем в 2022 г. [2]. Основными направлениями круизного туризма в России являются речные и морские туры в Азово-Черноморском, Каспийском и Балтийском бассейнах. К числу перспективных относятся морские круизы в Арктической зоне РФ [1].

Исследователи выделяют несколько причин роста турпотока в Арктику: пресыщение традиционными видами туризма, интерес к освоению новых направлений, популярность эксклюзивных туров. Развитию круизного судостроительства в Арктике способствуют также климатические изменения. Из-за уменьшения ледового покрова увеличивается сезон навигации, в связи с чем Арктика становится доступней [3]. Для увеличения количества морских круизов в российскую Арктику Правительство РФ планирует усовершенствовать нормативно-правовое регулирование круизного туризма, построить и модернизировать водную инфраструктуру, создать условия для кадрового сопровождения круизного туризма [4].

Круизный туризм играет важную роль в экономическом развитии территорий благодаря росту инвестиций, развитию инфраструктуры, созданию новых туристских кластеров и рабочих мест [5, 6]. Вместе с тем он может оказать негативное воздействие на окружающую природную среду и существенно изменить условия жизни местного населения. В связи с этим возникает необходимость поиска баланса между экономическими выгодами и возможными социальными и экологическими последствиями круизного туризма, более известная как проблема устойчивого развития.

В научной литературе отсутствует четкое определение понятия «устойчивый туризм». Всемирная туристская организация определяет его как деятельность, которая одновременно удовлетворяет потребностям поставщиков и потребителей туристских услуг и учитывает текущие и будущие экономи-

ческие, социальные и экологические последствия туристской деятельности [7]. Применительно к круизному судоходству устойчивый туризм подразумевает создание такой модели туристской деятельности, которая приносит прибыль, способствует развитию инфраструктуры и занятости населения, не нанося при этом вред окружающей среде и местным сообществам.

В зарубежной литературе исследования устойчивого круизного туризма включают вопросы антропогенного воздействия круизного туризма на экосистему Арктики [8]; управления и нормативно-правового регулирования круизного туризма [9, 10]; инфраструктурного обеспечения круизного туризма [11]; влияния климатических изменений на круизное судоходство в Арктике [12] и др. Эти вопросы рассматриваются на примере островных и прибрежных территорий Гренландии, Исландии, Норвегии, Канадской Арктики.

В России основные научные дискуссии разворачиваются вокруг масштабов и перспектив круизной туристской деятельности [13, 14], а также факторов, мешающих развитию круизного туризма [15–17]. В работах, посвященных проблеме устойчивого круизного туризма, основное внимание уделяется экологической безопасности [15, 18], в то время как воздействие круизной индустрии на местные сообщества остается мало изученным. Природа и культура туристских направлений являются основными причинами, по которым пассажиры круизных судов высаживаются на берег, поэтому нужно уделять особое внимание практикам устойчивого круизного туризма, возникающих в местах их назначения.

Цель исследования – выявить факторы формирования устойчивого круизного туризма в российской Арктике на примере Соловецкого архипелага, который является одним из самых известных в России и за ее пределами туристским комплексом, а также пространством, где переплетаются социальные, экологические и экономические практики круизного туризма. Результаты исследования могут стать основой для отраслевой практики, направленной на повышение устойчивости круизного туризма в российской Арктике.

Материалы и методы исследования

Соловецкий архипелаг (Соловки) занимает центральное положение в Онежском заливе Белого моря, на перекрестке морских путей, в 290 км от г. Архангельска, в 165 км от условного полярного круга. Соловецкий архипелаг имеет площадь 347 км² и состоит из шести крупных островов: Большой Соловецкий, Анзерский, Большая Муксалма, Малая Муксалма, Большой Заяцкий, Малый Заяцкий и более сотни мелких островков (рис. 1). На территории Соловецкого архипелага расположено муниципальное образование «Сельское поселение Соловецкое», которое входит в состав Приморского муниципального округа Архангельской области и Арктическую зону РФ.

Главным фактором развития туризма на архипелаге является природное, духовное и историко-культурное наследие Соловков. Большая часть островов покрыта сосново-еловыми лесами, здесь находятся уникальные болота, редкие реликтовые растения, геологические образования. На архипелаге нет рек, мало родников и почти нет ручьев. Источниками пресной воды являются озера (более 300), которые имеют ледниковое происхождение. Благодаря природному ландшафту Соловецкий архипелаг является особо охраняемой природной территорией. Здесь же расположен монастырь и музей-заповедник.

Решением Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО от 14 декабря 1992 г. № 632 историко-культурный ансамбль Соловецких островов включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Исследование круизного туризма на Соловецком архипелаге проводилось с использованием стейкхолдеровского подхода и качественных полуструктурированных интервью с основными субъектами круизного туризма. Подход на основе стейкхолдеров позволяет рассматривать проблему устойчивого круизного туризма не только на макроуровне, но и на уровне отдельных хозяйствующих субъектов. Субъектами и потенциальными выгодополучателями от круизного туризма являются туристические фирмы, судоходные компании, получатели туристских услуг, местное население, органы власти.

Качественные полуструктурированные интервью проводились с представителями Министерства культуры Архангельской области, Агентства по развитию Соловецкого архипелага, Администрации муниципального образования «Сельское поселение Соловецкое», туристическими компаниями, туристическими гидами, местным населением. Интервью включали три тематических блока: а) история развития и современное состояние круизного туризма на Соловках; б) влияние круизного туризма на природу и местных жителей; в) управление круизным туризмом на Соловках и практика применения принципов устойчивого развития. Информация, полученная в ходе интервью, была дополнена историческими сведениями о Соловецком архипелаге, статистическими данными о количестве постоянных жителей, посещениях круизных судов, информацией о стратегиях и планах социально-экономического развития Соловецкого архипелага.

Результаты исследования

На Соловецком архипелаге действуют четыре хозяйствующих субъекта: муниципальное образование «Сельское поселение Соловецкое», Соловецкий музей-заповедник, Соловецкий монастырь и Соловецкое лесничество. По состоянию на 1 января 2024 г. на Соловках проживает 917 человек, однако фактическая численность жителей меняется в зависимости от сезона. В зимнее время примерно треть жителей поселка выезжает на материк. Основная причина колебаний численности населения – зависимость от сезонности основных видов экономической деятельности. На Соловках нет промышленности и сельского хозяйства, поэтому большая часть населения занимается различными услугами, связанными с туризмом, обслуживанием объектов культурного и духовного наследия.

С конца 1960-х гг. Соловецкий архипелаг входит в систему общероссийских туристских маршрутов. Основные туристские услуги оказывают Соловецкий музей-заповедник и Соловецкий монастырь. Они организуют экскурсионное, информационное, лекционное, гостиничное и транспортное обслуживание посетителей. Соловецкий музей-заповедник проводит ежегодные мероприятия событийного туризма: ярмарка ремесел, фестиваль авторской песни, дни памяти жертв политических репрессий, Соловецкая регата.

Количество обслуживаемых этими организациями туристов и паломников составляет в среднем 30 тыс. человек в год. Точные данные о количестве посетителей Соловков отсутствуют, поскольку нет единого принципа учета посетителей архипелага. Например, Соловецкий музей учитывает посещения

по количеству проданных билетов на экскурсии. Это значит, что один человек, посетивший две экскурсии, может быть учтен за двоих посетителей. Посетители, воспользовавшиеся услугами местного населения, вообще никак не учитываются.

Наибольшее количество туристов добирается до Соловецких островов водным транспортом через город Кемь в Республике Карелия. Воздушным транспортом пользуются лишь 10% туристов, что обусловлено высокой стоимостью авиаперелетов и ограниченным количеством рейсов. Музей и монастырь обслуживают более 20 экскурсионных маршрутов. В экскурсионном отделе музея и паломнической службе монастыря работают около 40 гидов из Архангельска, Москвы и Санкт-Петербурга.

Соловецкий архипелаг включен в маршруты отечественных и зарубежных круизных лайнеров. В советское время были популярны внутренние круизы из Архангельска на Соловки на судах «Буковина» и «Татария», которые субсидировалось государством. По информации респондентов, сейчас этих маршрутов нет, а местные туроператоры не заинтересованы в их возрождении из-за высоких издержек. В настоящее время перевозки на Соловки осуществляются туристическими компаниями Республики Карелия, Москвы и Санкт-Петербурга. В летний сезон 2021 г. российские судоходные компании совершили семь заходов на Соловецкие острова, в 2023 г. – 13, а в 2024 г. – 31. В допандемийный период на архипелаг ежегодно прибывало от 2 до 10 иностранных круизных судов. Поскольку инфраструктура пирса не позволяет принимать большие круизные лайнеры, они встают на якорь в море, а туристов переправляют на берег на надувных лодках («Зодиаках»).

Круизный туризм в российской Арктике регулируется национальным законодательством и стандартами в области водного туризма. К ним относятся Арктическая стратегия до 2035 г., утвержденная Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645; Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р; Национальный стандарт «Туристические услуги. Водный туризм. Общие требования», утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 октября 2017 г. № 1466-ст.; Кодекс внутреннего водного транспорта РФ, утвержденный Государственной Думой 07.02.2001 № 24. Правовое регулирование въезда и пребывания иностранных граждан на территории России осуществляется Положением о пребывании на территории Российской Федерации иностранных граждан – пассажиров круизных судов, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 28.08.2003 № 532.

Портовый пункт «Соловецкий» относится к Онежскому порту и не включен в список портов, открытых для иностранных пассажирских судов, поэтому длительная процедура согласования является основным препятствием для судоходства иностранных круизных компаний. Для обеспечения экологической безопасности круизные суда оснащены системами и устройствами, предотвращающими загрязнение водной среды. С 2001 г. в целях защиты беломорской белухи действует запрет на плавание судов любого класса в районе мыса Белужий и посещение его прибрежной зоны.

С организационной точки зрения круизный туризм на Соловецких островах – это взаимодействие нескольких экономических субъектов: судоходные компании, туристические агентства, туроператоры, портовые власти, музей,

монастырь, муниципалитет. Особенностью круизного туризма на Соловках является сезонность, которая зависит от периода навигации в Белом море и длится с июня по август. Максимальная антропогенная нагрузка на Соловки составляет 40 тыс. туристов в год, но из-за сезонности это воздействие распределено неравномерно и возрастает в летнее время. Поскольку Соловки – это островная территория, то наиболее остро стоит проблема утилизации отходов. На архипелаге есть три полигона твердых бытовых отходов, но нет предприятий по их переработке, хотя в 2022 г. на Соловках началось строительство комплекса по обращению с отходами, который предусматривает сортировку, компостирование и вывоз отходов на материк. Другая проблема – это сточные воды, которые сбрасываются непосредственно в море. Еще в 2014 г. Правительство РФ утвердило комплекс мер по сохранению и развитию Соловецкого архипелага, которые включают модернизацию инженерной и жилищно-коммунальной инфраструктуры Соловков [19]. Однако очистные сооружения на архипелаге до сих пор отсутствуют, поэтому остро стоит проблема антропогенного загрязнения водоемов в районе поселка Соловецкий. По мнению респондентов, количество отходов, образующихся от туристов, которые прибывают на круизных судах, небольшое. Круизные суда обеспечивают полный пансион, в том числе контроль за обращением с отходами, а архипелаг туристы посещают только для экскурсий.

Туризм является основным источником дохода местных жителей Соловков. В туристический сезон местные жители сдают в аренду жилье, осуществляют автомобильные и морские пассажирские перевозки, проводят экскурсии, продают сувениры. В 2020 г. из-за пандемии COVID-19 Соловецкий архипелаг был закрыт для туристов. Попасть туда могли только жители Соловецкого архипелага. В июле власти Архангельска разрешили туристам и паломникам въезжать на Соловки с медицинской справкой, подтверждающей отсутствие COVID-19. В результате в 2020 г. туристический поток сократился вдвое по сравнению с предыдущим годом. Поскольку круизный туризм является плановым, а график судозаходов формируется заранее, в 2020 и 2021 гг. не было иностранных круизных судов. В настоящее время также нет предпосылок для захода туристических судов иностранных компаний из-за геополитической обстановки. По мнению респондентов, круизный туризм приносит Соловкам небольшой доход, потому что круизных судов очень мало. Если будет увеличение судозаходов, то и доходов будет больше, однако на местных жителях это не скажется, так как круизные суда обслуживаются только музеем. Местные предприниматели и жители практически не участвуют в обслуживании круизных пассажиров.

Обсуждение результатов

Соловецкий архипелаг обладает огромным потенциалом для развития круизного туризма благодаря уникальному сочетанию своего географического местоположения с природным, духовным и культурно-историческим наследием. Вместе с тем важно учитывать наличие проблем, затрудняющих внедрение концепции устойчивого круизного туризма на практике. Их можно разделить на три группы: экономические, экологические и социальные.

Экономические проблемы связаны с неразвитостью прибрежной инфраструктуры Соловков, нехваткой круизных судов для судоходных компаний,

отсутствием регулярного водного сообщения с г. Архангельском и единой системы учета пассажиропотока на Соловки. Зарубежные туристские компании заинтересованы в фрахтовании больших круизных лайнеров, чтобы брать на борт больше туристов, однако на Соловках отсутствуют причалы для приема таких кораблей. Что касается российских круизных компаний, то они используют суда смешанного класса «река – море», которые предназначены прежде всего для эксплуатации на внутренних водных путях и ограниченно – для эксплуатации в море. Кроме этого, инфраструктура архипелага не рассчитана на одновременное размещение большого количества туристов, круизных кораблей, а также мало приспособлена для туристов в пожилом возрасте, инвалидов и маломобильных групп населения.

Очевидно, что водными коммуникациями архипелаг сильнее привязан к Республике Карелия, чем к Архангельской области, частью которой он является. Наличие регулярных перевозок водным транспортом между Соловецким архипелагом и г. Архангельском могло бы способствовать не только развитию круизного туризма (в том числе за счет увеличения количества посещений островов жителями Архангельской области), но также повышению качества жизни населения Соловков.

Отсутствие единой системы учета пассажиропотока, обслуживаемого водным транспортом, не дает возможности контролировать количество и качество туристических услуг, предоставляемых посетителям Соловецкого архипелага. Необходимая база исходных данных может формироваться только при объединении данных о туристической деятельности из разных источников – музея, монастыря, муниципалитета, турфирм, предпринимателей и частных лиц. Эта информация необходима для учета доходов местного бюджета от туризма как основного источника экономического развития архипелага.

Результаты исследования показывают, что в ближайшие годы количество заходов российских туристических судов на архипелаг будет расти. Это увеличение имеет большое значение для развития местной экономики, но также ставит вопрос о пределах антропогенной нагрузки, которая носит сезонный характер и требует уточнения и дифференцирования на всей территории архипелага. Для сохранения природных и культурных объектов Соловков необходимо внедрение системы управления экологическими рисками, например, увеличить количество и протяженность туристических маршрутов, чтобы распределить антропогенную нагрузку по большей территории островов и тем самым снизить ее в районе монастыря; квотировать посещение определенных зон архипелага; рационально планировать коллективные маршруты и др.

Для достижения целей устойчивого развития круизного туризма крайне необходима координация действий между всеми субъектами, которые задействованы в круизной туристской деятельности на Соловках: правительством Архангельской области, администрацией муниципального образования «Соловецкий», монастырем, музеем, круизными компаниями, туроператорами, предпринимателями, а также местными жителями. Результаты исследования говорят о низкой вовлеченности жителей архипелага не только в обслуживание круизных туристов, но и в целом в туристскую деятельность, хотя это один из важных показателей устойчивости индустрии туризма. В научной литературе эта тема также мало изучена, хотя потенциал туристической деятельности, в которой круизные компании и местные сообщества работают

сообща, очевиден: сотрудничество туристских компаний с населением может способствовать его занятости, увеличению разнообразия предоставляемых туристских услуг, а также формированию ответственного использования туристами существующей инфраструктуры и природных ресурсов без ущерба для местных жителей.

Заключение

Круизный туризм в российской Арктике – это многоакторный вид экономической деятельности, который осуществляется не только на водных объектах, но и в местах круизных направлений. На примере Соловецкого архипелага показано, что на устойчивость круизного туризма влияют экономические, экологические и социальные факторы. К экономическим факторам относятся неразвитость прибрежной инфраструктуры, отсутствие морских круизных судов, регулярного водного сообщения с административным центром, а также единой системы учета пассажиропотока; к экологическим факторам – сезонность круизного туризма, неравномерность распределения антропогенной нагрузки на архипелаг и отсутствие системы управления экологическими рисками; к социальным факторам – низкая вовлеченность местного населения в круизную туристскую деятельность и отсутствие информации об экономических выгодах круизного туризма для жителей Соловков. Специфические, но не менее существенные факторы, влияющие на устойчивость круизного туризма на Соловках, связаны с эпидемическими и геополитическими процессами. Для повышения устойчивости круизного туризма в российской Арктике предлагается разработать стратегию управления круизами на основе координации действий всех участников круизного туризма.

Список источников

1. *Концепция* развития круизного туризма в Российской Федерации на период до 2024 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ № 117-р от 28.01.2022. URL: <http://static.government.ru/media/files/uXXZ3AvF4jE0Zq3f7xBCP9gL9RjBfaRH.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).
2. *Пегасова О.* Туроператоры подвели итоги круизной навигации 2023 г. // Ассоциация туроператоров России. URL: <https://www.atorus.ru/node/54887?ysclid=ly2y0nllje153253652> (дата обращения: 01.11.2024).
3. *Шерстюков Б.Г.* Климатические условия Арктики и новые подходы к прогнозу изменения климата // *Арктика и Север*. 2016. № 24. С. 39–67.
4. *Стратегия* развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. URL: <https://strategy.arctic2035.ru/c/documents/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii-i-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnos/> (дата обращения: 10.10.2024).
5. *Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Никанорова А.Д., Медведков А.А., Кудакеев А.Я., Меньшикова Т.Н.* Организация круизного туризма в национальном парке «Русская Арктика»: риски и потенциал развития // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2021. Т. 15, № 3. С. 157–169. doi: 10.24412/1995-0411-2021-3-157-169
6. *Фомин А.А., Плотникова В.С., Федорова Е.В.* Развитие круизного туризма в арктическом регионе // *Вестник экономики, права и социологии*. 2023. № 4. С. 326–330.
7. *Sustainable development* // The World Tourism Organization. URL: <https://www.unwto.org/sustainable-development> (дата обращения: 10.10.2024)
8. *Papathanassis A.* A decade of ‘blue tourism’ sustainability research: Exploring the impact of cruise tourism on coastal areas // *Cambridge Prisms: Coastal Futures*. 2023. № 1. P. 1–11. doi: 10.1017/cft.2023.2

9. Dawson J., Johnston M., Stewart E. The unintended consequences of regulatory complexity: The case of cruise tourism in Arctic Canada // *Marine Policy*. 2017. Vol. 76. P. 71–78. doi: 10.1016/j.marpol.2016.11.002
10. Johnston M.E., Dawson J., Maher P. Strategic Development Challenges in Marine Tourism in Nunavut // *Resources*. 2017. Vol. 6, No. 3. P. 1–15. doi: 10.3390/resources6030025
11. Chen J.S., Wang W., Jensen O., Kim H., Liu W.-Y. Perceived impacts of tourism in the Arctic // *Journal of Tourism and Cultural Change*. 2020. Vol. 19, № 4. P. 495–508. doi: 10.1080/14766825.2020.1735403
12. Bystrowska M. The Impact of Sea Ice on Cruise Tourism on Svalbard // *Arctic*. Vol. 72, № 2. P. 151–165. doi: 10.14430/arctic68320
13. Севастьянов Д.В. Арктический туризм в Баренцевоморском регионе: современное состояние и границы возможного // *Арктика и Север*. 2020. № 39. С. 26–36. doi: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.26
14. Валькова Т.М., Шумков Д.С. Арктический туризм на Шпицбергене: современное состояние, перспективы развития // *Географическая среда и живые системы*. 2022. № 1. С. 70–92. doi: 10.18384/2712-7621-2022-1-70-92
15. Грушенко Э.Б. Экологический туризм как фактор устойчивого развития Западной Арктики // *Арктика и Север*. 2018. № 32. С. 18–29. doi: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.18
16. Баяскаланова Т.А. Туризм в российской Арктике: проблемы и возможности развития // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2020. Т. 14, № 1. С. 109–119. doi: 10.24411/1995-0411-2020-10111.
17. Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Никанорова А.Д. и др. Организация круизного туризма в национальном парке «Русская Арктика»: риски и потенциал развития // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2021. Т. 15, № 3. С. 157–169. doi: 10.24412/1995-0411-2021-3-157-169.
18. Севастьянов Д.В. Арктический туризм и рекреационное природопользование – новый вектор развития северных территорий // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 10 (33). С. 75–88.
19. Об утверждении комплекса мер по сохранению и развитию Соловецкого архипелага. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1939-р от 01.10.2014.

References

1. Russian Federation. (2022) *Kontseptsiya razvitiya kruiznogo turizma v Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 g. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF № 117-r ot 28.01.2022* [The concept of cruise tourism development in the Russian Federation up to 2024. Approved by Decree No. 117-r of the Russian Government dated January 28, 2022]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/uXXZ3AvF4jE0Zq3f7xBCP9gL9RjBfaRH.pdf> (Accessed: 10th October 2024).
2. Pegasova, O. (2023) *Turoperatory podveli itogi kruiznoy navigatsii 2023 g.* [Tour operators summed up the results of cruise navigation in 2023]. [Online] Available from: <https://www.atorus.ru/node/54887?ysclid=ly2y0nllje153253652> (Accessed: 11th January 2024).
3. Sherstyukov, B.G. (2016) *Klimaticheskie usloviya Arktiki i novye podkhody k prognozu izme-neniya klimata* [Climatic conditions of the Arctic and new approaches to forecasting climate change]. *Arktika i Sever*. 24. pp. 39–67.
4. Russian Federation. (n.d.) *Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2035 goda* [The strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security up to 2035]. [Online] Available from: <https://strategy.arctic2035.ru/c/documents/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rossiyskoy-federatsii-i-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnos> (Accessed: 10th October 2024).
5. Kruzhalin, V.I., Shabalina, N.V., Nikanorova, A.D., Medvedkov, A.A., Kudakaev, A.Ya. & Menshikova, T.N. (2021) *Organizatsiya kruiznogo turizma v natsional'nom parke "Russkaya Arktika": riski i potentsial razvitiya* [Organization of cruise tourism in the Russian Arctic National Park: Risks and development potential]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 15(3). pp. 157–169. DOI: 10.24412/1995-0411-2021-3-157-169
6. Fomin, A.A., Plotnikova, V.S. & Fedorova, E.V. (2023) *Razvitie kruiznogo turizma v arkticheskomo regione* [Development of cruise tourism in the Arctic region]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 4. pp. 326–330.
7. The World Tourism Organization. (n.d.) *Sustainable development*. [Online] Available from: <https://www.unwto.org/sustainable-development> (Accessed: 10th October 2024)
8. Papatthanassis, A. (2023) A decade of 'blue tourism' sustainability research: Exploring the impact of cruise tourism on coastal areas. *Cambridge Prisms: Coastal Futures*. 1. pp. 1–11. DOI: 10.1017/cft.2023.2

9. Dawson, J., Johnston, M. & Stewart, E. (2017) The unintended consequences of regulatory complexity: The case of cruise tourism in Arctic Canada. *Marine Policy*. 76. pp. 71–78. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.11.002
10. Johnston, M.E, Dawson, J. & Maher, P. (2017) Strategic Development Challenges in Marine Tourism in Nunavut. *Resources*. 6(3). pp. 1–15. DOI: 10.3390/resources6030025
11. Chen, J.S., Wang, W., Jensen, O., Kim, H. & Liu, W.-Y. (2020) Perceived impacts of tourism in the Arctic. *Journal of Tourism and Cultural Change*. 2020. 19(4). pp. 495–508. DOI: 10.1080/14766825.2020.1735403
12. Bystrowska, M. (2019) The Impact of Sea Ice on Cruise Tourism on Svalbard. *Arctic*. 72(2). pp. 151–165. DOI: 10.14430/arctic68320
13. Sevastyanov, D.V. (2020) Arkticheskiy turizm v Barentsevomorskom regione: sovremennoe so-stoyanie i granitsy vozmozhnogo [Arctic tourism in the Barents Sea region: current state and boundaries of the possible]. *Arktika i Sever*. 39. pp. 26–36. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.26
14. Valkova, T.M. & Shumkov, D.S. (2022) Arkticheskiy turizm na Shpitsbergene: sovremennoe so-stoyanie, perspektivy razvitiya [Arctic tourism in Svalbard: Current state, development prospects]. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*. 1. pp. 70–92. DOI: 10.18384/2712-7621-2022-1-70-92
15. Grushenko, E.B. (2018) Ekologicheskii turizm kak faktor ustoychivogo razvitiya Zapadnoy Arktiki [Ecological tourism as a factor of sustainable development of the Western Arctic]. *Arktika i Sever*. 32. pp. 18–29. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.18
16. Bayaskalanova, T.A. (2020) Turizm v rossiyskoy Arktike: problemy i vozmozhnosti razvitiya [Tourism in the Russian Arctic: Problems and development opportunities]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 14(1). pp. 109–119. DOI: 10.24411/1995-0411-2020-10111
17. Kruzhalin, V.I., Shabalina, N.V., Nikanorova, A.D. et al. (2021) Organizatsiya kruiznogo turizma v natsional'nom parke "Russkaya Arktika": riski i potentsial razvitiya [Organization of cruise tourism in the Russian Arctic National Park: Risks and development potential]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 15(3). pp. 157–169. DOI: 10.24412/1995-0411-2021-3-157-169
18. Sevastyanov, D.V. (2017) Arkticheskiy turizm i rekreatsionnoe prirodopol'zovanie – novyy vektor razvitiya severnykh territoriy [Arctic tourism and recreational nature management – a new vector of development of the northern territories]. *Rossiya v global'nom mire*. 10(33). pp. 75–88.
19. Russian Federation. (n.d.) *Ob utverzhdenii kompleksa mer po sokhraneniyu i razvitiyu Solovetskogo arkhipelaga. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 1939-r ot 01.10.2014 g.* [On the approval of a set of measures for the conservation and development of the Solovetsky Archipelago. Decree of the Russian Government No. 1939-r dated October 1, 2014].

Сведения об авторе:

Ненашева М.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: m.nenasheva@narfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nenasheva M.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Philosophy and Sociology, Northern Arctic Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: m.nenasheva@narfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 24.01.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья

УДК 378

doi: 10.17223/1998863X/84/14

СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ ПО ЭКСПОРТУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: 2013–2023 гг.

Николай Петрович Погодаев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
Nik-pogodaev@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что мягкая сила образования является одним из важных инструментов, который Турция, выступая конкурентом России, использует на постсоветском пространстве. В задачи исследования входит анализ институализации процесса экспорта высшего образования Турции и динамика поступления в университеты этой страны студентов из пяти стран Центральной Азии с 2013 по 2023 г. Обращается внимание на гендерную составляющую студентов. Делается вывод о том, что экспорт высшего образования Турции подвержен влиянию политической конъюнктуры, его динамика носит восходящий характер с заметным ее повышением в последние два года.

Ключевые слова: образовательная миграция, Турция, Центральная Азия, экспорт образования, интернализация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036, <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>

Для цитирования: Погодаев Н.П. Стратегия Турции по экспорту высшего образования в страны Центральной Азии: 2013–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 158–178. doi: 10.17223/1998863X/84/14

Original article

TURKEY'S STRATEGY FOR EXPORTING HIGHER EDUCATION TO CENTRAL ASIA: 2013–2023

Nikolai P. Pogodaev

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
nik-pogodaev@yandex.ru*

Abstract. The relevance of the study of the export of higher education by Turkey to Central Asian countries is due to the fact that the soft power of education is one of the important tools of this state in strengthening its influence in the post-Soviet space. Based on current foreign policy doctrine, Turkey acts as a competitor to Russia for influence in this region. The research objectives include the analysis of the institutionalization of the export of higher education in Turkey and the dynamics of admission of students from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan to public and private universities of this country in 2013–2023. Attention is paid to the gender characteristics of students. Data from the Turkish Higher Education Information Management System (Yükseköğretim bilgi yönetim sistemi) are used as a statistical basis. The tables summarize the dynamics of the admission of students from Central Asian countries to public and private universities. Information on student enrollment in the charts is given separately by public and private universities. The publication draws on a wide range of sources on the development of higher

education in Turkey and Central Asian countries. The study concludes that the export of higher education by Turkey, the practice of interaction between countries in the educational space are subject to the influence of the political situation. The reasons for changes in the number of applicants to Turkish universities of different kinds are explained. A peculiar interpretation of the push-and-pull mechanism is discussed due to the diversification of educational migration flows in Central Asia. In general, the dynamics of admission of students from Central Asian countries to universities in Turkey is upward with a noticeable increase in the last two years of the period under review. This may be due to the reorientation of some applicants from Russia to other countries, including Turkey. Turkey's success in exporting higher education, subordinated to the promotion of its socio-political model, is largely due to the reformatting of relations in the post-Soviet area. The current situation is transitory, and its further development will depend on many international variables.

Keywords: educational migration, Turkey, Central Asia, export of education, internationalization

Acknowledgements: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-10036, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/>

For citation: Pogodaev, N.P. (2025) Turkey's strategy for exporting higher education to Central Asia: 2013–2023. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 84. pp. 158–178. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/14

Идеологическая основа экспорта высшего образования Турции в страны Центральной Азии

Внешнеполитическая доктрина «Стратегической глубины», принятая Турецкой Республикой на нынешнем этапе ее развития, включает тезис об особом внимании к постсоветскому пространству Центральной Азии. Эти цели были сформулированы рядом ведущих турецких политиков. Тургут Озал – президент страны с 1989 по 1993 г., призывал к «экономическому и культурно-просветительскому вторжению в постсоветское пространство преимущественно с тюркоязычным населением» [1. С. 65]. В том же духе были выдержаны и рассуждения премьер-министра Сулеймана Демиреля (1965 по 1993 г. пять раз с перерывами возглавлявшего кабинет министров страны) о том, что Турции суждено стать культурным центром новых суверенных государств Центральной Азии. Ахмет Давутоглу, многие годы возглавлявший турецкий МИД, а с 2014 по 2016 г. – правительство, являвшийся в тот период лидером Партии справедливости и развития (ПСР), сформулировал внешнеполитическую концепцию «Стратегической глубины», основанную на трех «методологических подходах» и пяти принципах. Первый методологический подход состоит в том, что Турция должна отойти от того видения международной ситуации, которое сформировалось в период холодной войны, и действовать с учетом изменившегося международного баланса сил, своих интересов на Ближнем Востоке. Второй методологический подход заключается в необходимости осуществлять политику по всему миру. «Третий методологический подход заключается в выработке нового дискурса и дипломатического языка, основанного на распространении турецкой „мягкой силы“» [2. С. 112].

В книге А. Давутоглу (2001), которая воспроизводила название продвигаемой им внешнеполитической доктрины, использовался термин «неоосманизм», представляющий «стратегический курс, направленный на возврат „от-

томанского прошлого“ с учетом современных реалий». В его основе четыре принципа: крови, османского мышления, почвы и языка. Они призваны формировать представление о наднациональном лидерстве Турции. Основными направлениями стратегии неоосманизма являются Ближний Восток, Северная Африка, Центральная Азия, Кавказ, Крым и Балканы.

Для стран Центральной Азии концепция «Стратегической глубины» предполагала особое воплощение. Турция рассматривала свое политическое и экономическое устройство в качестве модели для упомянутых постсоветских государств. Эта «турецкая модель» сочетает в себе «ислам, демократию, права человека и рыночную экономику» [3]. В наиболее четкой форме характер отношений Турции с постсоветскими странами этого региона выразил министр Турции по связям с тюркоязычными Республиками СНГ Абдулхалук Чей. Он заявил, что «Турецкая Республика – преемница великой Османской империи» и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном даже ценой резкой конфронтации с Россией» [4. С. 86]. О серьезности намерений в определенной степени свидетельствует само учреждение этого поста Государственного министра по связям с тюркоязычными странами [5]. По утверждению достаточно авторитетного турецкого политолога Ш. Актюрка, «после окончания холодной войны для Турции образовался исторический шанс отыграть часть имперских пространств, потерянных в результате взаимодействия с Российской (Советской) имперской системой» [6. С. 226].

Составляющей концепции «Стратегической глубины» является «Доктрина добрососедского ядра», предполагающая, что ближайшие соседи страны являются ее естественным поясом безопасности, препятствующим экспансии военной мощи великих держав. Примерно то же содержание имеет и доктрина «Ноль проблем с соседями». В регионе Центральной Азии Концепцию «Стратегической глубины» можно расценивать как инструмент Турции на новом этапе «Большой игры», субъектами которой являются, помимо нее самой, Россия, Китай, США. Культурно-гуманитарное сотрудничество, в том числе и в образовательной сфере, является частью этого процесса.

Стратегические ресурсы Турции в сфере международного образования

Интернализация высшего образования проводится в Турции под руководством целого ряда государственных структур. Основными среди них являются Министерство национального образования, Совет по высшему образованию Турции (YÖK) [7], Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (TÜRKSOY) [8], Совет по научно-техническим исследованиям Турции (TÜBİTAK) [9], Управление по делам диаспоры и соотечественников за рубежом при правительстве Турции (YTB) [10]. Очень большую роль играет созданное в 1992 г. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). Оно является аналогом Россотрудничества, USAID, Координационного совета соотечественников в Китае.

Географическими направлениями его деятельности являются Центральная Азия и Кавказ, Балканы и Восточная Европа, Ближний Восток и Африка, Восточная и Южная Азия, Тихоокеанский регион и Латинская Америка. Приоритетным направлением активности TİKA рассматриваются постсовет-

ские государства. К 2021 г. проекты Агентства осуществлялись на территории 170 государств. Информация о деятельности ТИКА, включая планы на ближайшие годы, детализирована по направлениям и содержит финансовые данные [11]. При характеристике ресурсов Агентства отмечается, что его финансирование «относится к классу специальных бюджетных управлений Центрального бюджета». Рост активности Агентства является практическим выражением изменения доктринальных основ турецкой внешней политики в период нахождения у власти Партии справедливости и развития.

В Турции нет полностью бесплатного образования, но экспорт высшего образования Турции опирается на большую стипендиальную программу и программы академической мобильности. С начала 90-х гг. XX в. действовала разработанная Министерством образования Программа «Большой студенческий проект». Ее цели – воспитание толерантного к Турции поколения, подготовка кадров высокой квалификации для стран Центральной Азии и Кавказа, распространение турецкой культуры и языка, укрепление связей в тюркском мире. Кроме выделения 10 тыс. стипендий в рамках этой программы для стран Центральной Азии выпускались литература и газеты, был открыт телеканал *Avrasya* (Евразия), ставший основой для создания филиалов или частных телевизионных станций в странах-реципиентах, что привело к большому потоку в этот регион информации о различных сторонах жизни Турции [12. С. 120–128]. В 2012 г. программа получила новое название – «Стипендии Турции» – «*Türkiye Bursları*». Стипендии, выделяемые странам по соответствующим квотам, позволяют студентам из-за рубежа обучаться в 50 университетах страны [13]. Важной характеристикой программы является то, что она покрывает не только обучение, но годичный курс по изучению турецкого языка, медицинскую страховку, питание, услуги сотовых операторов, проезд в Турцию в начале учебы и на родину – по ее завершению.

Программа академического обмена «Мевлана», открытая в 2011 г., дает возможность студентам обучаться в зарубежных университетах на протяжении одного-двух семестров, а преподавателям – на протяжении от одной недели до трех месяцев. Студентов и преподавателей по этой программе принимают 15 турецких университетов. Для Кыргызстана предусмотрены двойные дипломы и «сэндвич-программы» [14]. В 2013 г., в рамках Ассоциации тюркских университетов, была открыта Программа международного обмена Орхун [15]. Студенты могут учиться по ней за границей один-два семестра, преподаватели – работать в течение одного семестра.

Вышеперечисленные организационные ресурсы с соответствующим финансированием являются основой привлечения молодежи из стран Центральной Азии в университеты Турции. Данные Министерства образования страны дают возможность проанализировать в данной статье динамику поступления молодежи из стран Центральной Азии в турецкие университеты с 2013/14 по 2023/24 учебные годы, т.е. за тот период, когда стали действовать вышеупомянутые инструменты активизации экспорта высшего образования.

Политика Турции по экспорту высшего образования

С 2002 по 2020 г. количество вузов в Турции увеличилось с 76 до 207, а общее количество учащихся – с 1,6 до 8,4 млн человек. Финансовой основой этого процесса стал рост расходов на поддержку системы высшего образова-

ния с 2,5 до 36 млрд лир [16]. ВВП Турции на душу населения за этот период вырос с 10 648 до 30 500 млрд долл. США [17].

По данным Статистического института ЮНЕСКО, в 2002 г. только 83 из 1 000 иностранных студентов мира получали образование в Турции – их число тогда не превышало 18 тыс. По данным на 2022 г., в республике проживало 2,9% всех иностранных студентов мира – это свыше 300 тыс. человек [18]. Управление по делам граждан Турции за рубежом и связанных с ними общин (YTB) получило в 2022 г. 165 тыс. заявок на стипендии для обучения. Большинство обучающихся в Турции иностранных студентов были гражданами Сирии – страны с низким среднедушевым доходом. Это нетипичная для международного рынка образовательной миграции ситуация, так как учиться за границу в большей степени едет молодежь из более развитых стран. Но в Турции студенты именно из стран с низким и ниже среднего уровня доходов составляют 44% от общего числа иностранных студентов, в то время как по общемировой статистике за 2019 г., они составляют в странах ОЭСР лишь 29%. Представитель Совета Турции по высшему образованию объясняет это тем, что в Турции стоимость обучения в бакалавриате в государственных вузах одна из самых низких в странах ОЭСР [18].

Развитие образовательной сферы связано с расширением соответствующей инфраструктуры, в том числе строительством общежитий. За 20 лет их количество увеличилось в 4 раза – со 190 общежитий в 2002 г. до 800 в 2022 г. Количество мест в них выросло за тот же период в 4,6 раза: со 182 тыс. в 2002 г. до более чем 850 тыс. в 2022 г. Заявляется, что если европейские страны обеспечивают общежитиями лишь от 6 до 15% нуждающихся в них студентов, то в Турции этот показатель превышает 90%. Плата за проживание в общежитии составляла на начало 2020-х гг. от 250 до 450 турецких лир в месяц [18].

Активность в зарубежном образовательном пространстве Турция рассматривает в качестве своей «мягкой силы». Начиная с 1992 г. стала реализовываться первая модель выхода на образовательный рынок Центральной Азии через среднее образовательное звено – турецкие школы и лицеи (табл. 1). Это был определенный отбор и по качеству обучающихся, и по семьям, ориентированным на данный вектор образования детей. Преподавание велось на национальных, английском и турецком языках. Знакомство в лицеях с историей и культурой Турции формировало в образовательном пространстве стран Центральной Азии слой тех, кто впоследствии вполне осознанно и с необходимым базисом мог продолжать обучение в университетах Турции или в создаваемых Турцией в странах этого макрорегиона учебных заведениях по турецким или совместным программам. Турецкие лицеи и школы создавались преимущественно в столицах или крупных городах стран Центральной Азии. Они выполняли роль «инфлюенсеров первого порядка», знакомя с различными аспектами гуманитарной культуры Турции те слои населения, которые так или иначе соприкасались с создаваемыми образовательными структурами. Семьи обучавшихся там детей распространяли информацию по горизонтальным каналам в своей среде. Турецкие учебные заведения среднего звена привлекали тем, что образование там было качественным и доступным для большинства категорий жителей стран Центральной Азии. В исследованиях приводятся данные о количестве соответствующих учебных заведений до событий в Турции 2016 г. [1. С. 160–177].

Таблица 1. Данные о создании турецких средних учебных заведений в странах Центральной Азии [20]

Страна	Количество средних учебных заведений
Узбекистан	65
Казахстан	32
Кыргызстан	23
Таджикистан	6
Туркменистан	1

Но особенность проекта турецких лицеев и школ состояла в том, что он был организован движением турецкого политика Фетхуллаха Гюлена – сначала сторонника президента Турции Реджепа Эрдогана, а потом его противника. После обвинения Ф. Гюлена в подготовке госпереворота в 2016 г., турецкие школы и лицеи в странах Центральной Азии стали закрываться, переформатироваться в те или иные варианты национальных учебных заведений. В Таджикистане, например, они были преобразованы в лицеи для одаренных детей. В ряде исследований высказывается мнение о том, что данная турецкая модель «мягкой силы» в странах Центральной Азии потерпела фиаско и в результате внутривосточных коллизий, и в результате излишне интенсивной попытки Анкары продвигать «турецкую модель». Это не коснулось немногочисленных турецких университетов, открывшиеся в странах Центральной Азии, которые продолжили свою работу (табл. 2).

Таблица 2. Данные о высших учебных заведениях, созданных в странах Центральной Азии при участии Турции

Страна	Высшие учебные заведения, открытые при участии Турции
Узбекистан	Турецкий университет экономики и технологий в Ташкенте (TOBB ETÜ Tashkent) – филиал университета экономики и технологий при Союзе торговых палат и товарных бирж Турции (TOBB)
Казахстан	Университет им. А. Ясави
Кыргызстан	Университет «Манас», Университет «Ала-тоо»
Туркменистан	Международный туркмено-турецкий университет, преобразованный позже в Университет инженерных технологий Туркменистана

Но в целом сложившаяся ситуация подтолкнула Анкару к иной модели интернализации образования – к более активному привлечению студентов из стран СНГ для обучения в университетах Турции.

Эта модель имеет иные преимущества, нежели первая. Во-первых, позволяет использовать формат Болонского процесса для расширения за счет иностранных студентов магистратуры в турецких вузах. Во-вторых, иностранные студенты вливаются в поток потребителей на рынке товаров и услуг, включая туристический рынок, становятся дополнительным источником иностранной валюты. В-третьих, это делает обучающихся в Турции студентов дополнительным ресурсом на рынке труда, включая предпринимательскую сферу. Все это превращает иностранных студентов во «флюенсеров второго порядка», продвигающих в страны исхода представления об истории своего успеха в Турции. Их будущая мобильность не ограничивается карьерой на рынке труда на родине или в Турции, но позволяет работать и в странах «османского наследия», внося тем самым вклад в популяризацию турецкой модели.

Новым ресурсом экспорта высшего образования Турции становится усилившаяся «географическая диверсификация» интернализации высшего образования стран Центральной Азии после февраля 2022 г. Российское направ-

ление стало сокращаться в пользу усиления турецкого, китайского, американского и европейского. В частности, «число казахстанцев, получающих образование в Турции, увеличилось с 2019 по 2023 г. с 2,2 тыс. до почти 12 тыс.» [20]. Среди иностранных преподавателей в вузах Казахстана 7,3% составляют граждане Турции, реализуется три совместных программы [20]. В Узбекистане Турция в этой ситуации открыла 1 филиал и 11 совместных образовательных программ.

В 2023 г. в вузах Турции обучалось почти 12 тыс. студентов из Казахстана, более 6,2 тыс. граждан Узбекистана, 2,3 тыс. студентов из Кыргызстана, более 12 тыс. – из Туркменистана [20]. В Статистическом сборнике сферы образования Республики Таджикистан среди стран, где студенты из Таджикистана получают образование, Турция не упоминается [21]. Но по данным Информационного агентства «Азия плюс» в Турции, по данным на август 2024 г., обучается 900 студентов из Таджикистана [22].

Экспорт высшего образования государственными и частными университетами

Статистика свидетельствует о разных по численности потоках молодежи из Центральной Азии в государственные и частные университеты страны. Основу высшего образования страны составляют 129 государственных университетов, подчиненных Министерству образования. Обучение в них ведется по общенациональным стандартам. Если турецкие абитуриенты еще в школе сдают стандартизированный экзамен YKS (Yükseköğretim Kurumları Sınavı), состоящий из трех частей, то иностранные студенты в рассматриваемый период, сдавали международные вступительные экзамены YÖS (Yabancı Uyruklu Öğrenci Sınavı), направленные на проверку базовых знаний, математических навыков и аналитического мышления. В некоторых университетах сдавали и TOEFL. Абитуриенту надо было набрать не менее 30 баллов из 100 возможных. Позже, в 2024 г., упомянутый вступительный экзамен был заменен на Турецкий международный студенческий вступительный экзамен TR-YÖS или средние оценки школьного аттестата. Места для обучения в университетах распределяются по квотам. На факультет зачисляют не более 20% иностранцев от общей численности студентов. Стоимость обучения по программам на турецком языке – 240–750, на английском – 450–1 500 долл. США [23]. Другой источник называет сумму оплаты за обучение в 2024 г. от 300 до 5 000 долл. США [24]. Обширная программа стипендий дает скидки на оплату обучения и другие статьи расходов. По вышеупомянутой международной программе «Турецкие стипендии» обучение иностранных студентов в государственных университетах может быть бесплатным с компенсацией расходов за проживание в общежитии, питание в столовой, проезд в общественном транспорте, перелет из страны исхода и обратно.

Частные университеты, их в Турции 75, также контролируются государством, но в их создании принимают участие частные фонды. Эти университеты нередко имеют общие программы с престижными иностранными вузами, более обширную научную базу, готовят специалистов международного профиля. Значительный стипендиальный фонд позволяет выплачивать талантливым студентам из небогатых семей стипендии. Инфраструктура этих вузов включает студенческие кампусы, спортивные комплексы, специализирован-

ные лаборатории, творческие студии, конференц-залы, спортивные объекты, общежития или арендованные квартиры. При поступлении в частные университеты абитуриенты сдавали тот же экзамен YÖS, а после его отмены – TR-YÖS или поступали на основе оценок аттестата о среднем образовании. Оплата за обучение составляет от 1 000 до 30 000 долл. США.

Показатели табл. 3–7 и рис. 1–11 рассчитаны по данным из «Системы управления информацией высшего образования Турецкой республики» [25].

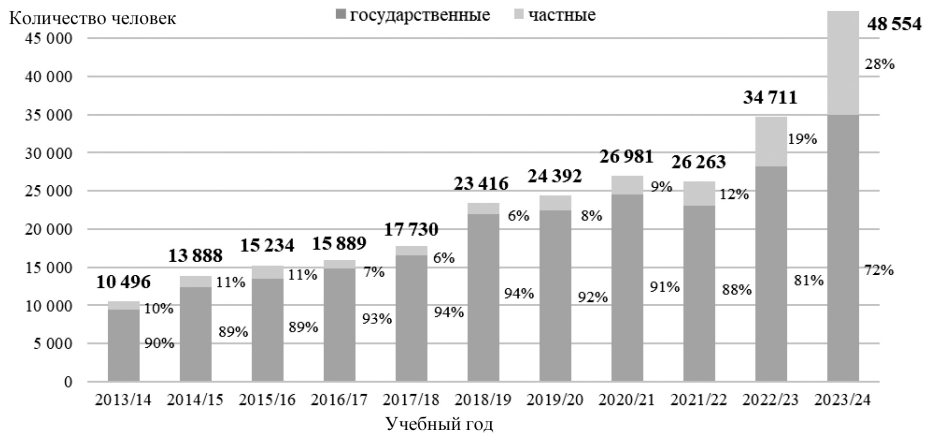

Рис. 1. Динамика поступления студентов из Центральной Азии в государственные и частные университеты Турции

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что, во-первых, динамика поступления молодежи из стран Центральной Азии в университеты Турции за минувшие 11 лет почти все время шла по нарастающей. Исключение составил лишь 2021/22 учебный год – период пандемии COVID-19. Количество поступивших в 2023 г. превысило количество поступивших в 2013 г. в 4,6 раза, что можно расценивать как свидетельство повышения привлекательности обучения в университетах Турции. Если с начала анализируемого периода и по 2021/22 учебный год количество студентов увеличивалось постепенно, то за два последних года эти показатели увеличились гораздо более резко. Можно предположить, что это связано с переориентацией части студенческой молодежи из стран Центральной Азии с России на Турцию. Резкое увеличение притока молодежи в частные университеты в эти годы можно интерпретировать как переориентацию на эту страну молодежи из хорошо обеспеченных семей.

Важным обстоятельством получения высшего образования в Центральной Азии является акцентуация на доступности его для девушек. Поэтому на диаграммах по каждой из стран, на фоне общего количества студентов, отражены именно эти переменные. Общая динамика процесса интернализации университетов Турции обеих форм собственности за счет студентов каждой из стран отражена в соответствующих таблицах. Данные по поступлению молодежи в государственные и частные университеты приводятся в диаграммах раздельно.

Таблица 3. Динамика поступления студентов из Казахстана в государственные и частные университеты Турции в разные учебные годы, человек

2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23	2023/24
1 306	1 799	1 986	2 014	2 065	2 191	2 349	2 909	4 856	8 861	11 894

Количество поступивших в 2023 г. превысило количество поступивших в 2013 г. в 9 раз. Тот же показатель по государственным университетам – более чем в 9,7 раза, по частным – 7,7 раза.

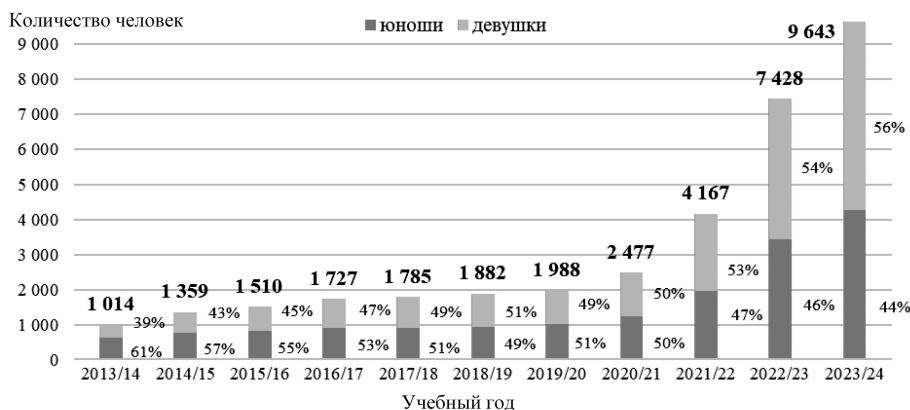

Рис. 2. Динамика поступления студентов из Казахстана в государственные университеты Турции

Рост притока молодежи из Казахстана в государственные университеты Турции вплоть до 2021/22 учебного года, почти всегда имея положительную динамику, шел относительно небольшими темпами, но резко увеличился в последние два года рассматриваемого периода. В образовательной миграции из Казахстана в Турцию использовались различные дополнительные инструменты. В 2023 г., например, среди более восьми тысяч студентов из Казахстана, в вузах Турции училось 11 стипендиатов «Болашак», 190 студентов казахстанских вузов обучались в рамках академической мобильности [26].

Что касается гендерного аспекта, то количество девушек из Казахстана уже с самого начала намного превышало треть студенчества, а начиная с 2021/22 учебного года их и вообще стало больше, чем юношей. Это свидетельство высокого уровня доступности образования для девушек из этой страны, возможности их сепарации от родительских семей.

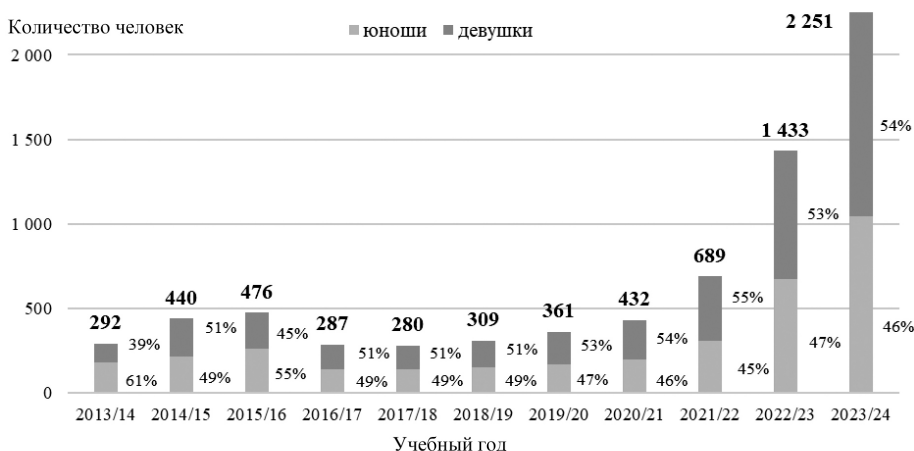

Рис. 3. Динамика поступления студентов из Казахстана в частные университеты Турции

Уменьшение поступлений в частные университеты с 2016 г. было связано, возможно, с политическим трением между государствами. Анкара потребовала закрыть казахско-турецкие лицеи, которые поддерживались Ф. Гюленом. Ответ был дан на уровне Министерства образования и науки Казахстана, заявившего, что не допустит вмешательства во внутреннюю политику страны. Упомянутые лицеи, по словам представителя ведомства, никакого отношения к внутритурецким проблемам не имеют [27]. Второй причиной уменьшения количества иностранных студентов была отмена приема вступительных экзаменов YÖS за границей. Эта мера также была связана с борьбой Эрдогана с Гюленом [28].

Резкое увеличение численности юношей и девушек из Казахстана в частных университетах в последние два-три года было связано, возможно, с тем, что хорошо обеспеченные слои населения Казахстана переориентировались со столичных российских университетов на вузы Турции. Каких-либо новых мер по привлечению студентов из Центральной Азии в эти годы Турцией предпринято не было, но, вполне возможно, что предшествующие меры постепенно приобрели кумулятивный эффект, повысив привлекательность образовательной системы страны. К числу этих мер относятся соответствие образовательных программ европейским стандартам, мобильность образовательной системы, наличие стипендий для части иностранных студентов, отмена для них вступительных экзаменов.

В частных университетах Турции с 2016/17 учебного года началось превышение количества девушек над юношами, и с тех пор эта тенденция сохранялась. Это, возможно, связано с усилением ислама в казахском обществе [29], выбором родителей, отправляющих своих дочерей на учебу за рубеж, в пользу страны с более близким культурным кодом.

Таблица 4. Динамика поступления студентов из Кыргызстана в государственные и частные университеты Турции в разные учебные годы, человек

2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23	2023/24
1 410	1 818	1 994	2 032	1 926	1 937	1 789	1 647	1 766	2 025	2 272

Количество поступивших в 2023 г. превысило количество поступивших в 2013 г. в 1,6 раза. Тот же показатель по государственным университетам – в 1,6 раза, по частным – в 1,5 раза.

Небольшой поток молодежи в Турцию из Киргизии связан, вероятно, с тем, что в Киргизии работают два турецких университета, имеющих достаточно высокий рейтинг. Международный университет «Ала-Тоо», открытый в 1996 г., входит в частный образовательный холдинг «Сапат», в создании которого принимал участие турецкий религиозный деятель и политик Ф. Гюлен. Годом позже был открыт Кыргызско-турецкий университет «Манас», созданный по договору между правительствами двух стран. Количество девушек не особо уступало количеству юношей, а 2023/24 учебном году даже превысило его, что свидетельствует о высоком уровне эмансипации женщин.

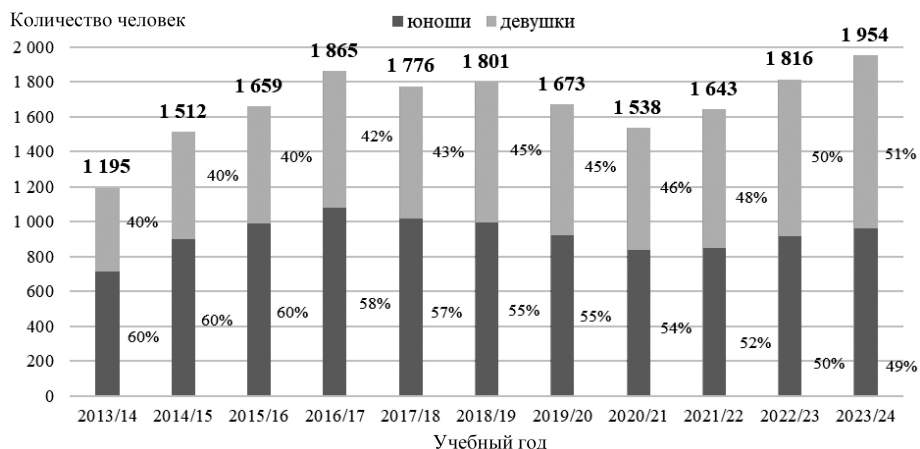

Рис. 4. Динамика поступления студентов из Кыргызстана в государственные университеты Турции

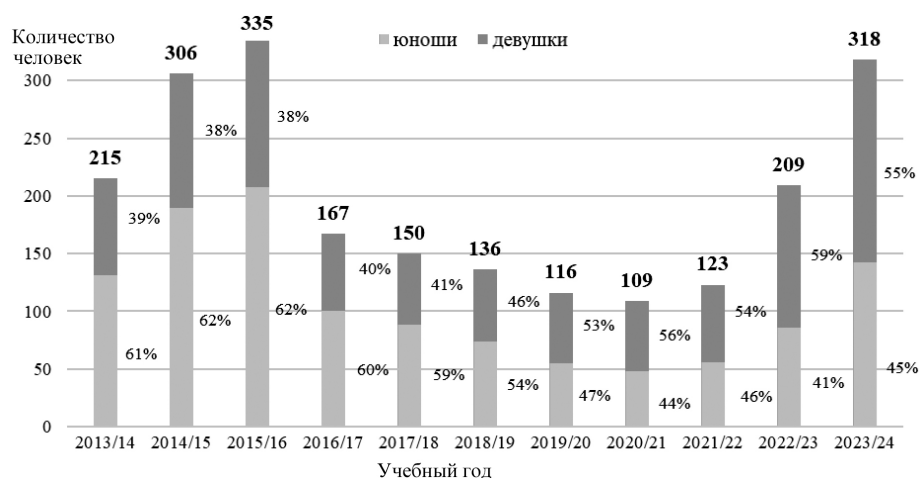

Рис. 5. Динамика поступления студентов из Кыргызстана в частные университеты Турции

Интерес к частным университетам, набиравший первые три года рассматриваемого периода уверенный рост, затем не просто упал, а снижался на протяжении пяти лет и лишь потом пошел на повышение, так и не достигнув прежнего максимума. Скорее всего это стало следствием политических разногласий между Бишкеком и Анкарой. После попытки государственного переворота, в котором правительство Турции обвинило Ф. Гюлена, Анкара потребовала от Бишкека закрыть все аффилированные с ним организации, но получила достаточно резкий отказ на самом высоком уровне. Президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев ответил, что «Киргизия является независимым и суверенным государством, которое само в состоянии понять и решить, что для него хорошо, а что плохо» [30]. За этой фразой стояли весьма существенные обстоятельства: в 16 лицеях, двух международных школах и университете сети «Себат» обучалось более 11 тыс. школьников и студентов. Преподавание велось на киргизском, турецком, английском и русском языках. Обучение считалось качественным и престижным, многие чиновники

отдавали туда своих детей. Выпускники пополняли властную и бизнес-элиты страны. Имущество учебных заведений оценивалось в 80–100 млн долл. США. Можно предположить, что возникшие настроения и привели к резкому падению поступления молодежи из верхних слоев кыргызского общества в университеты Турции. А народ попроще продолжал поступать в государственные университеты страны. Созданная при участии Ф. Гюлена образовательная сеть «Себат» была все-таки преобразована в «Сепат», учредителем которой стало Министерство образования Кыргызстана. В процессе экспорта высшего образования Турция опирается на созданную в Кыргызстане образовательную инфраструктуру. Больше всего молодежи в турецкие университеты поступает из Бишкека и Ошской области, где расположено наибольшее количество турецких лицеев [31]. Заметное увеличение количества поступивших в частные университеты в последние два года может быть связано и с переориентацией части молодежи из обеспеченных семей с российских университетов на турецкие, и теми же настроениями в отношении образования девушек, которые были упомянуты выше применительно к Казахстану.

Таблица 5. Динамика поступления студентов из Таджикистана в государственные и частные университеты Турции в разные учебные годы, человек

2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23	2023/24
469	624	701	692	656	649	648	626	681	794	998

Количество поступивших в 2023 г. превысило количество поступивших в 2013 г. в 2 раза. Тот же показатель по государственным университетам – в 1,7 раза, по частным – почти в 3 раза.

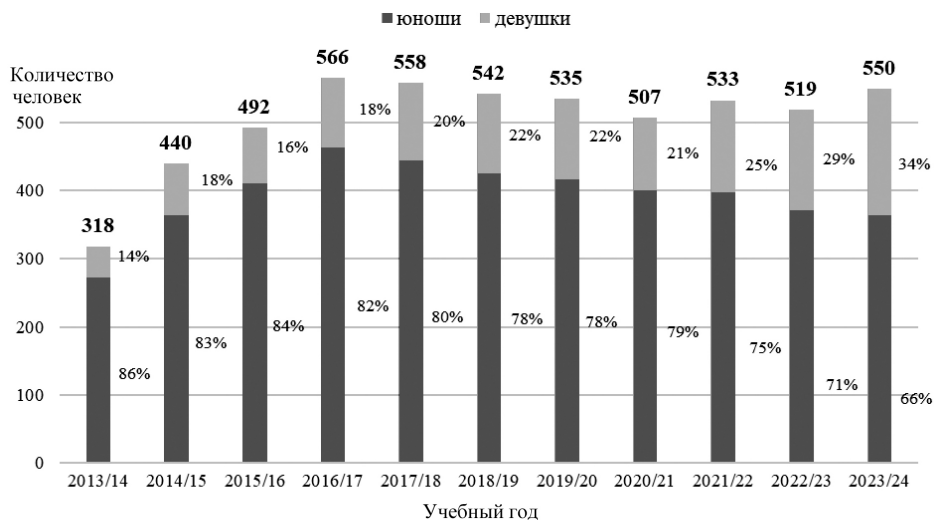

Рис. 6. Динамика поступления студентов из Таджикистана в государственные университеты Турции

Внутри турецкий конфликт летом 2016 г. официально не отразился на отношениях двух стран. Душанбе с пониманием отнесся к требованию Анкары закрыть образовательные структуры, находившиеся под патронатом Ф. Гюлена. По постановлению правительства Таджикистана таджикско-турецкие лицеи были преобразованы в «лицеи для одаренных учащихся»

[32]. В то же время количество поступавших в государственные университеты стало понемногу снижаться и даже в 2023 г. не достигло уровня 2016 г. Но количество девушек среди них стало постепенно увеличиваться. Хотя усиление в Таджикистане в постсоветский период религии и традиционной культуры привело к тому, что семьи отправляют на учебу за границу в основном сыновей. Исключение составляет лишь Горно-Бадахшанская автономная область.

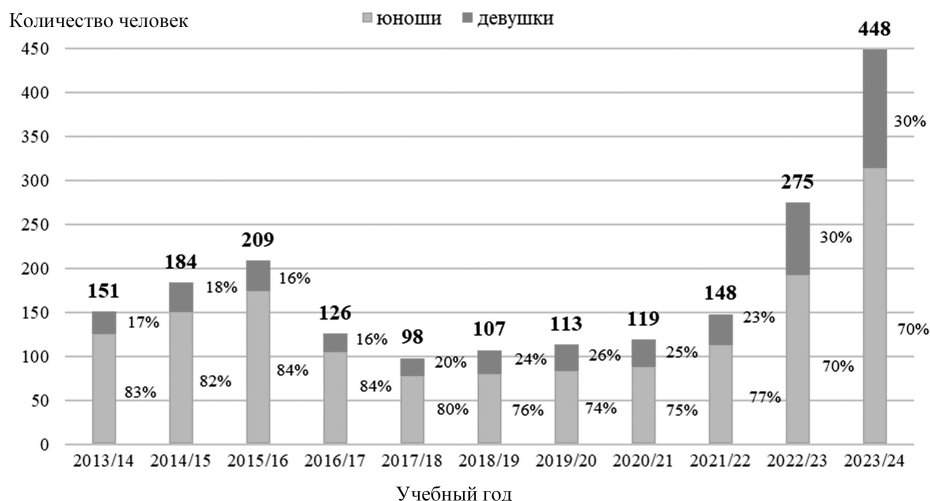

Рис. 7. Динамика поступления студентов из Таджикистана в частные университеты Турции

Резкое уменьшение с 2016 г. количества поступивших в частные университеты Турции, возможно, было связано с тем, что хотя официальные отношения стран по поводу турецких лицеев затронуты не были, конфликт произвел определенный эффект на уровне общественного мнения, отразившись на позициях обеспеченных семей по поводу перспектив обучения детей. Переформатирование турецких лицеев могло привести к падению качества преподавания в них турецкого языка. Достаточно резкое увеличение поступлений студентов из Таджикистана в частные университеты Турции в последние два года может быть связано с несколькими факторами. Углубление кризиса системы высшего образования в Таджикистане усилило стремление обеспеченных семей отправлять своих детей на обучение за рубеж. Приоритетным направлением была и остается Россия, но ужесточение ее миграционной политики с неизбежностью привело к диверсификации части образовательной миграции в пользу других стран, в числе которых была и Турция. Увеличение в частных университетах девушек работает на подтверждение этой гипотезы – обеспеченные семьи, стремящиеся дать хорошее образование и дочерям, отправляют их в более близкую в культурном отношении страну.

Таблица 6. Динамика поступления студентов из Туркменистана в государственные и частные университеты Турции в разные учебные годы, человек

2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23	2023/24
6 941	9 085	9 901	10 415	12 243	17 565	18 010	19 378	15 571	18 242	27 328

Количество поступивших в 2023 г. превысило количество поступивших в 2013 г. в 3,9 раза. Тот же показатель по государственным университетам – почти в 3 раза, по частным – в 23 раза.

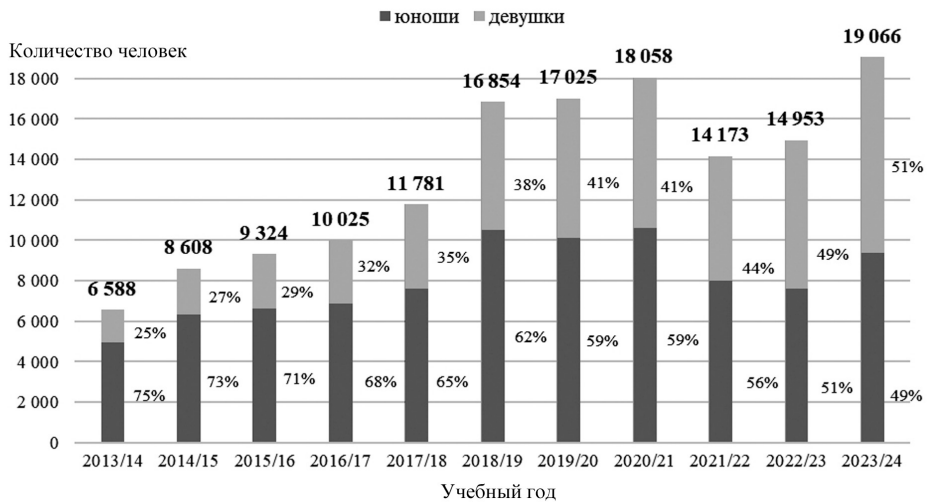

Рис. 8. Динамика поступления студентов из Туркменистана в государственные университеты Турции

Образовательной миграции из Туркменистана в Турцию способствует близость языков, слабость системы высшего образования в Туркменистане, небольшое количество вузов в этой стране. До 2011 г. в стране было 20 турецких лицеев, но в 2016 г. почти все они были закрыты. Барьерами образовательной миграции служит стремление руководства Туркменистана ограничить выезд граждан из страны, ограничение денежных переводов в оплату за обучение за рубежом, введение Турцией, по требованию туркменской стороны, въездных виз осенью 2022 г. [33]. Несмотря на такую ситуацию, поток абитуриентов из Туркменистана в Турцию постоянно, за исключением периода пандемии COVID-19, нарастал. Процент девушек, поступавших в государственные университеты Турции, увеличился вдвое.

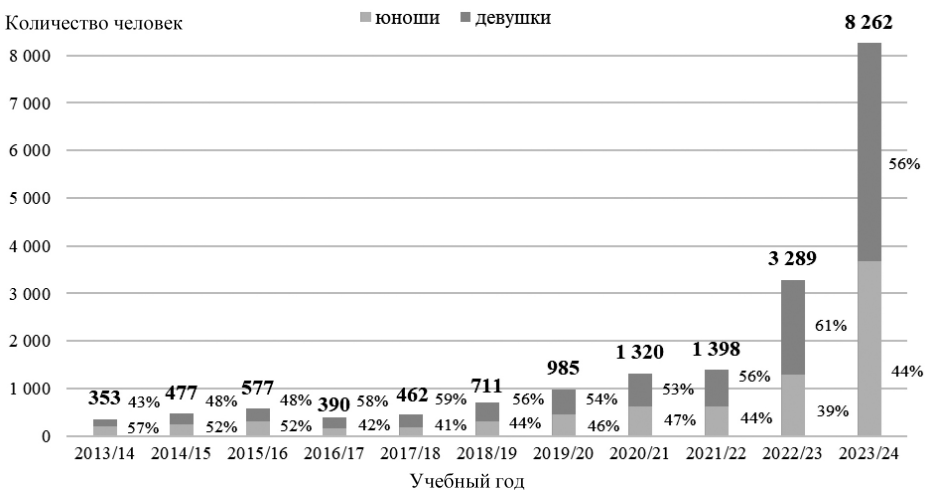

Рис. 9. Динамика поступления студентов из Туркменистана в частные университеты Турции

Можно предположить, что небольшое количество студентов из Туркменистана, поступающих в частные университеты Турции, связано с узостью социального слоя тех, кто имеет возможность оплачивать более дорогое обучение детей за границей. Резкое увеличение количества студентов из Туркменистана в частных турецких университетах в 2023 г. объяснить трудно. Для получения студенческой визы также нужны были дополнительные усилия и расходы. Нельзя исключить, что каким-то образом увеличение численности студентов из Туркменистана в турецких университетах в 2023 г. связано с использованием этого канала в качестве альтернативного для выезда из страны [34]. Более весомой причиной, возможно, было расширение Туркменистаном перечня турецких вузов, дипломы которых признаются в этой стране. В 2021 г. это было 43 университета [35], в 2022 г. – 54, в 2023 г. – 61 [36]. Возможно, эта мера и сыграла главную роль в резком притоке молодежи из Туркмении и в государственные и в частные университеты Турции. Хотя эта гипотеза и противоречит той, что касалась малого количества семей, которые способны оплачивать образование детей в более дорогих частных университетах Турции. Могла также сказаться и ситуация в России. Большой процент девушек среди туркменских студентов в Турции можно объяснить, возможно, тем, что родители достаточно охотно отправляют дочерей в страну с близкой культурой, с раздельным обучением юношей и девушек в университетах.

Таблица 7. Динамика поступления студентов из Узбекистана в государственные и частные университеты Турции в разные учебные годы, человек

2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23	2023/24
370	556	652	736	840	1 074	1 596	2 421	3 389	4 789	6 062

Количество поступивших в 2023 г. превысило количество поступивших в 2013 г. более чем в 16 раз. Тот же показатель по государственным университетам – в 12 раз, по частным – в 39 раз.

На образовательной миграции из Узбекистана в Турцию неоднократно сказывались отношения руководства двух стран. В 1993 г. президент Узбекистана Ислам Каримов отозвал учившихся в Турции студентов в связи с конфликтом из-за предоставления в Турции политического убежища представителям узбекской оппозиции [37]. В 1999 г. обострение политического конфликта привело к отмене Узбекистаном безвизового режима и закрытию турецких школ. Узбекистан отказался присоединиться к созданному под эгидой Турции в 2009 г. Совету сотрудничества тюркоязычных государств. Отношения между государствами улучшились до «уровня стратегического партнерства» после изменений в пользу сил, выступающих в Узбекистане за активное сотрудничество с ведущими мировыми и региональными державами, с соседними странами, отказа от политики закрытости. Олицетворением этого курса с декабря 2016 г. стал Ш. Мирзиёев. На первом заседании Совета стратегического сотрудничества и партнерства, среди большого количества иных направлений, были рассмотрены и проблемы образования. Президент Узбекистана был единственным высокопоставленным гостем при открытии в Анкаре Библиотеки Нации при Президенте Турецкой Республики.

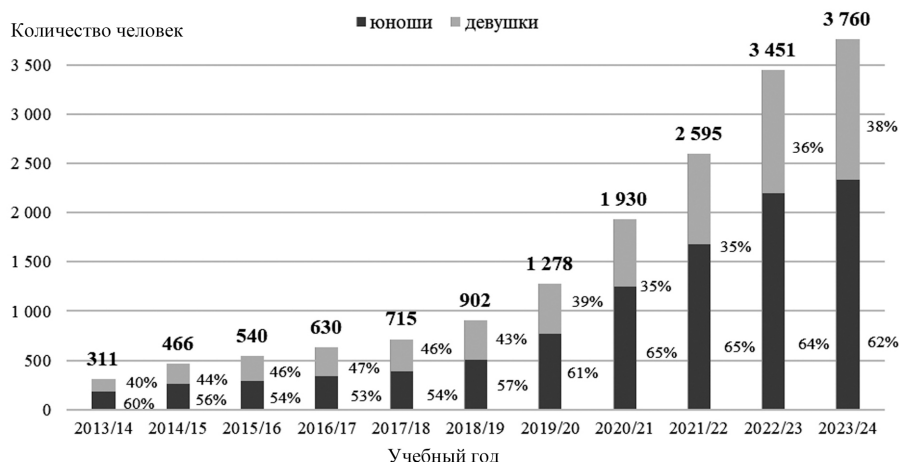

Рис. 10. Динамика поступления студентов из Узбекистана в государственные университеты Турции

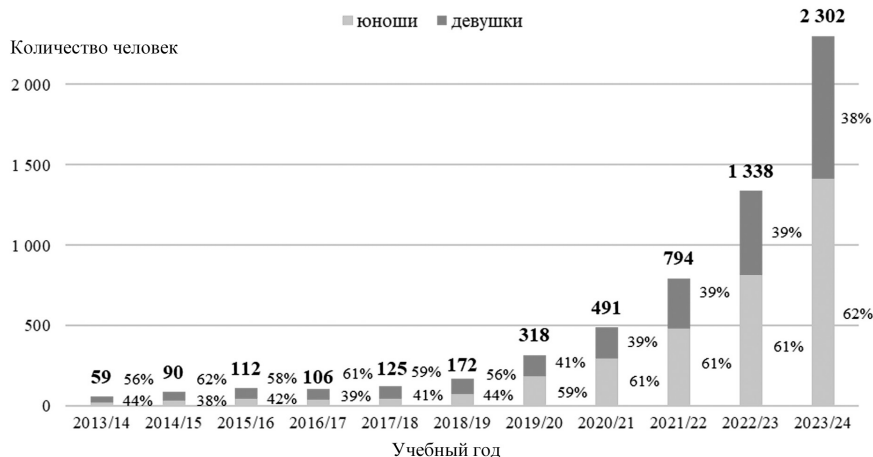

Рис. 11. Динамика поступления студентов из Узбекистана в частные университеты Турции

Процент девушек в государственных университетах не опускался ниже 35%, но и никогда не превышал половины. В частных – не опускался ниже 38%, а на протяжении первых шести лет рассматриваемого периода превышал 50%. Это свидетельствует и о высоком уровне эмансипации в образованных слоях Узбекистана и о все той же склонности семей отпускать дочерей на учебу в страну с близкой культурой.

Заключение

Образовательная миграция из стран Центральной Азии в Турцию, анализируемая в данной статье, относится к периоду, когда отношения между государствами этого региона прошли первый этап взаимной адаптации и обрели определенную стабильность. Конфликты политического руководства Турции с руководством той или иной страны Центральной Азии, становившиеся факторами политического курса и общественного мнения, влияли и на отношение семей к обучению детей в Турции, могли вести, в определенный период, к уменьшению потока абитуриентов. Влияло и закрытие коммуника-

ций в период пандемии COVID-19. Несмотря на это очевиден общий тренд на успешный экспорт Турцией высшего образования в страны Центральной Азии за счет его внутренней интернализации. Успех достигнут в результате взаимодействия таких факторов, как реализация Турцией ее новой внешне-политической доктрины с институализацией необходимого инструментария в образовательной сфере и потребности стран Центральной Азии в подготовке специалистов высокой квалификации.

За последние два года анализируемого периода в Казахстане и Узбекистане резко выросла динамика поступления и в государственные, и в частные университеты Турции. В Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане отмечен резкий рост поступления в частные университеты при относительно небольшом росте количества поступлений в государственные. Можно предположить, что это связано, в частности, с решением части обеспеченных семей стран Центральной Азии отправлять детей на учебу не в Россию, а в Турцию. Количественному росту образовательной миграции способствует кумулятивный эффект преференций, предоставляемых правительством и частными фондами Турции иностранным студентам, а также развитие в Турции миграционных сетей выходцев из стран Центральной Азии. Ситуация позволяет предложить и своеобразное прочтение механизма Push and Pull применительно к диверсификации потоков образовательной миграции на постсоветском пространстве Центральной Азии. Политические и экономические проблемы России, ужесточение миграционного режима, становясь феноменом общественного мнения стран Центральной Азии, отталкивают часть молодежи от этой страны в пользу иных экспортеров качественного высшего образования, включая Турцию.

Мягкая сила образования, являясь составляющей противоборства крупных держав, одновременно представляет собой серьезный ресурс повышения качества человеческого капитала развивающихся стран. Международная политика последних, реагируя на возникающие преференции и вызовы, постоянно лавирует. Успех Турции в экспорте высшего образования, подчиненный продвижению ее социально-политической модели, обусловлен во многом переформатированием отношений на постсоветском пространстве Центральной Азии. Ситуация на нынешнем этапе является преходящей, дальнейшее ее развитие будет зависеть от многих переменных международного развития.

Список источников

1. Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // Зарубежный опыт государственного управления и международные отношения. Т. VII. С. 160–177.
2. Третьяк С.С. Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика. С. 109–123. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/kontsepsiya-ahmeta-davutoglu-strategicheskaya-glubina-teoriya-i-praktika.pdf> (дата обращения: 08.12.2024).
3. Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике // Турция в мировой политике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoosmanizm-v-regionalnoy-politiki-turtsii/viewer> (дата обращения: 09.12.2024).
4. Дружиловский С., Аватков В. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель-Observer. 2013. № 6. С. 73–88.
5. Чыналиева М. Культурное сотрудничество Кыргызстана и Турции. URL: <https://flatik.ru/m-chinalieva-kulturnoe-sotrudnichestvo-kirgizstana-i-turcii> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Ирхин А.А., Москаленко О.А. и др. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) // Russian Journal of Regional Studies. Vol. 31, № 2. 2023. P. 214–237.

7. Совет по высшему образованию Турции URL:// <https://bigenc.ru/c/sovets-po-vysshemu-obrazovaniiu-turtsii-db92fd> (дата обращения: 10.10.2024).
8. Организация ТЮРКСОЙ – духовно-культурный центр современного и будущего Тюркского мира. URL: <http://pr.kg/gazeta/number540/1844/?ysclid=m6f2siktga582447474> (дата обращения: 27.01.2025).
9. *Türkiye Bilimsel ve Teknolojik Arastirma Kurumu – TUBITAK* (Совет по научно-техническим исследованиям Турции) URL: <https://vpk.name/library/t/tubitak.html> (дата обращения: 05.12.2024).
10. *YTB: 10 лет вклада в образование и диалог с диаспорой*. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/ytb-10-лет-вклада-в-образование-и-диалог-с-диаспорой/1841945> (дата обращения: 17.12.2024).
11. *TİKA Stratejik Plan 2024–2028*. URL: <https://tika.gov.tr/publication/tika-stratejik-plan-2024-2028/> (дата обращения: 05.12.2024).
12. *Шамарина О.А.* Исторические истоки современной турецкой политики «Мягкой силы» // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ. 2021. Т. 1. С. 120–128.
13. Бесплатное образование в Турции по стипендии *Türkiye Bursları*. URL: <https://www.hotcourses.ru/study-abroad-info/money/turkiye-burslari-scholarship-in-turkey/> (дата обращения: 20.01.2025).
14. *Mevlana exchange programme*. URL: <https://mukr.iuk.kg/melvana> (дата обращения: 20.01.2025).
15. Программа обмена Орхун. URL: https://www.ayu-edu-tr.translate.goog/degisim-programlari/orhun-degisim-programi?_x_tr_sl=tr&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=tr&_x_tr_pto=wapp (дата обращения 21.01.2025).
16. *Эргашев А.С., Гришин О.Е.* Образовательная политика Турции в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 3. С. 319–326. URL: <https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/354/318> (дата обращения: 03.10.2024).
17. Экономика Турции. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 05.10.2024).
18. Турция стала центром притяжения иностранных студентов URL: <https://www.trtrussian.com/novosti/turciya-stala-centrom-prityazheniya-inostrannyh-studentov-11167719> (дата обращения: 03.12.2024).
19. «Знание – сила»: образовательные проекты Турции в Центральной Азии. URL: <https://ia-centr.ru/experts/ia-centr-ru/znanie-sila-obrazovatelnye-proekty-turtsii-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 13.12.2024).
20. *Троцкий Е., Погорельская А., Юн С.* Интернализация высшего образования в Центральной Азии и роль России. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internationalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii/?sphrase_id=175307870&ysclid=m72n7tlq1k61840118 (дата обращения: 04.12.2024).
21. Статистический сборник сферы образования Республики Таджикистан на 2022–2023 учебный год (часть II). Душанбе, 2023.
22. Минобрнауки назвало число обучающихся за границей таджикских студентов. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20240827/minobrnauki-nazvalo-chislo-obuchayutshihysya-za-granitsei-tadzhikskih-studentov> (дата обращения: 12.01.2025).
23. Сколько стоит обучение в Турции. URL: <https://hayatestate.com/skolko-stoit-obucheniye-v-turtsii> (дата обращения: 21.12.2024).
24. Стоимость обучения в частных университетах Турции 2024. URL: <https://www.prof-met.com.tr/stoimost-obucheniya-v-chastnykh-universitetakh-turtsii/> (дата обращения: 21.12.2024).
25. *Yükseköğretim bilgi yönetim sistemi*. URL: <https://istatistik.yok.gov.tr/> (дата обращения: 25.01.2025).
26. Больше восьми тысяч казахстанских студентов учатся в Турции. URL: <https://litr.kz/skolko-kazakhstansev-uchatsia-v-turtsii-1675848410/> (дата обращения: 24.12.2024).
27. В Казахстане не допускают вмешательство в работу казахско-турецких лицеев. URL: <https://ria.ru/20160730/1473234694.html?ysclid=m6qp0hh71433369710> (дата обращения: 24.12.2024).
28. Университет Сулеймана Демиреля отменил экзамены YÖS за границей. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/образование/университет-сулеймана-демиреля-отменил-экзамены-yos-za-granitsey/39300> (дата обращения: 20.01.2025).
29. Тастанова Л. Исламизация в Казахстане: болезнь роста или реальная угроза? URL: <https://malim.kz/article/analytics/islamizatsiya-v-kazaxstane-bolezn-rosta-ili-realnaya-ugroza-20010?ysclid=m6w54219077255954> (дата обращения: 24.12.2024).

30. Алексеев В. Последнее турецкое предупреждение? Анкара предъявляет политические требования к Бишкеку. URL: https://www.stoletie.ru/zarubejie/posledneje_tureckoje_preduprezhdenije_785.htm?ysclid=m6qfhhzi9i190157539 (дата обращения: 26.12.2024).
31. Саманчина Ж., Эленбаева А.Б. Социологическое исследование учебной миграции из Кыргызстана в Турцию. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KNUSAMANCHINAZH.ELEBAEVA.A.2015-2.pdf> (дата обращения: 28.12.2024).
32. Посол Турции в Таджикистане назвал закрытие турецких лицеев в республике «верным шагом». URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20231030/posol-turtsii-v-tadzhikistane-nazval-zakritie-turetskih-litseev-v-respublike-vernim-shagom?ysclid=m6rv161w4774996174> (дата обращения: 15.01.2025).
33. Зачем туркменам берег турецкий? О студентах зарубежных вузов. URL: <https://www.hronikatm.com/2018/08/zachem-turkmenam-bereg-turetskiy-o-studentah-zarubezhnyih-vuzov/?ysclid=m6rye25e5362131662> (дата обращения: 15.01.2025).
34. В гостях хорошо. Отмена безвизового режима с Турцией может обернуться социальным взрывом. URL: <https://www.hronikatm.com/2022/09/turkish-visas-2/> (дата обращения: 20.01.2025).
35. В перечень иностранных вузов, дипломы которых признаются в Туркменистане, в 2021 году вошли 43 турецких вуза. URL: <https://central-asia.news/turkmeniia/proisshestviya-turkmeniia/v-perechen-inostrannyh-vyzov-diplomy-kotoryh-priznausia-v-tyrkmenistane-v-2021-gody-voshli-43-turetskih-vyza?ysclid=m6tkjacq1322713387> (дата обращения: 15.01.2025).
36. В Туркменистане расширили перечень вузов Турции, дипломы которых признаются. URL: <https://turkmenportal.com/compositions/1515> (дата обращения: 15.01.2025).
37. Новый этап стратегического партнерства между Турцией и Узбекистаном. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/new-stage-in-turkey-uzbekistan-strategic-partnership/?lang=ru> (дата обращения: 12.01.2025).

References

1. Plotnikov, D.S. (2016) “Myagkaya sila” politiki Kitaya, Turtsii, Irana, Rossii i SShA v Tsentral'noy Azii v sfere obrazovaniya [“Soft Power” of the Policy of China, Turkey, Iran, Russia and the United States in Central Asia in the Sphere of Education]. *Ars Administrandi*. 1. pp. 160–177.
2. Tretyak, S.S. (2022) Kontseptsiya Akhmeta Davutoglu “Strategicheskaya glubina”: teoriya i praktika [Ahmet Davutoglu's Concept “Strategic Depth”: Theory and Practice]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 8(2). pp. 109–123.
3. Mekhdiev, E.T. (2016) “Neosmanizm” v regional'noy politike [“Neo-Ottomanism” in Regional Politics]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2(47). pp. 32–39.
4. Druzhilovskiy, S. & Avatkov, V. (Vneshnepoliticheskie ideologemy Turtsii (2002–2012 gg.)) Vneshnepoliticheskie ideologemy Turtsii (2002–2012 gg.) [Foreign policy ideologemes of Turkey (2002–2012)]. *Obozrevatel'*. 6(281). pp. 073–088.
5. Chynaliev, M. (n.d.) Kul'turnoe sotrudnichestvo Kyrgyzstana i Turtsii [Cultural cooperation between Kyrgyzstan and Türkiye]. [Online] Available from: <https://flatik.ru/m-chinalieva-kuleturnoe-sotrudnichestvo-kirgizstana-i-turcii> (Accessed: 20th January 2025).
6. Irkhin, A.A., Moskalenko, O.A. et al. (2023) Imperskoe vozrozhdenie: sopernichestvo i sotrudnichestvo Rossii i Turtsii v Chernomorskom regione (politiko-istoricheskiy analiz) [Imperial Revival: Rivalry and Cooperation between Russia and Türkiye in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis)]. *Russian Journal of Regional Studies*. 31(2). pp. 214–237.
7. Türkiye. (n.d.) Sovet po vysshemu obrazovaniyu Turtsii [Higher Education Council of Türkiye]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/c/sovet-po-vysshemu-obrazovaniyu-turtsii-db92fd> (Accessed: 10th October 2024).
8. Israilov, E. (2011) Organizatsiya TYURKSOY – dukhovno-kul'turnyy tsentr sovremennogo i budushchego Tyurkskogo mira [TURKSOY Organization – the Spiritual and Cultural Center of the Modern and Future Turkic World]. [Online] Available from: <http://pr.kg/gazeta/number540/1844/?ysclid=m6f2siktga582447474> (Accessed: 27th January 2025).
9. Türkiye. (n.d.) Türkiye Bilimsel ve Teknolojik Arastirma Kurumu – TUBITAK. [Online] Available from: <https://vpk.name/library/f/tubitak.html> (Accessed: 5th December 2024).
10. YTB. (2020) 10 let vkladu v obrazovanie i dialog s diasporoy [10 Years of Contribution to Education and Diaspora Dialogue]. [Online] Available from: <https://www.aa.com.tr/ru/turtsiya/ytb-10-let-vkladu-v-obrazovanie-i-dialog-s-diasporoy/1841945> (Accessed: 17th December 2024).
11. Türkiye. (n.d.) TİKA Stratejik Plan 2024–2028. [Online] Available from: <https://tika.gov.tr/publication/tika-stratejik-plan-2024-2028/> (Accessed: 5th December 2024).

12. Shamarina, O.A. (2021) Istoricheskie istoki sovremennoy turetskoy politiki “Myagkoy sily” [Historical origins of the modern Turkish policy of “Soft power”]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1. pp. 120–128.
13. Hotcourses.ru. (n.d.) *Besplatnoe obrazovanie v Turtsii po stipendii Türkiye Bursları* [Free education in Turkey with a scholarship Türkiye Bursları]. [Online] Available from: <https://www.hotcourses.ru/study-abroad-info/money/turkiye-burslari-scholarship-in-turkey/> (Accessed: 20th January 2025).
14. Kyrgyzstan. (n.d.) *Mevlana exchange programme*. [Online] Available from: <https://mukr.iuk.kg/melvana> (Accessed: 20th January 2025).
15. Türkiye. (n.d.) *Programma obmena Orkhun* [Orhun Exchange Program]. [Online] Available from: https://www.ayu-edu-tr.translate.goog/degisim-programlari/orhun-degisim-programi?_x_tr_sl=tr&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=tr&_x_tr_pto=wapp (Accessed: 21st January 2025).
16. Ergashev, A.S. & Grishin, O.E. (2022) Obrazovatel'naya politika Turtsii v Tsentral'noy Azii [Educational policy of Turkey in Central Asia]. *Problemy postsovetского prostranstva*. 9(3). pp. 319–326. [Online] Available from: <https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/354/318> (Accessed: 3rd October 2024).
17. Wikipedia. (n.d.) *Ekonomika Turtsii* [Economy of Turkey]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8 (Accessed: 5th October 2024).
18. *TRT Russian*. (2022) Turtsiya stala tsentrom prityazheniya inostrannykh studentov [Turkey has become a center of attraction for foreign students]. 2nd December. [Online] Available from: <https://www.trtrussian.com/novosti/turciya-stala-centrom-prityazheniya-inostrannykh-studentov-11167719> (Accessed: 3rd December 2024).
19. ia-centr.ru. (n.d.) “Znanie – sila”: obrazovatel'nye proekty Turtsii v Tsentral'noy Azii [“Knowledge is power”: Turkey’s educational projects in Central Asia]. [Online] Available from: <https://ia-centr.ru/experts/ia-centr-ru/znanie-sila-obrazovatelnye-proekty-turtsii-v-tsentralnoy-azii/> (Accessed: 13th December 2024).
20. Troitskiy, E., Pogorelskaya, A. & Yun, S. (2024) *Internalizatsiya vysshego obrazovaniya v Tsentral'noy Azii i rol' Rossii* [Internationalization of Higher Education in Central Asia and the Role of Russia]. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-v-tsentralnoy-azii-i-rol-rossii/?sphrase_id=175307870&ysclid=m72n7tlq1k61840118 (Accessed: 4th December 2024).
21. The Republic of Tajikistan. (2023) *Statisticheskii sbornik sfery obrazovaniya Respubliki Tadzhikistan na 2022–2023 uchebnyy god (chast' II)* [Statistical Digest of the Sphere of Education of the Republic of Tajikistan for the 2022–2023 Academic Year (Part II)]. Dushanbe: [s.n.].
22. Aslonova, N. (2024) *Minobrnauki nazvalo chislo obuchayushchikhsya za granitsej tadzhikskikh studentov* [The Ministry of Education and Science Named the Number of Tajik Students Studying Abroad]. [Online] Available from: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20240827/minobrnauki-nazvalo-chislo-obuchayutshihsya-za-granitsei-tadzhikskikh-studentov> (Accessed: 12th January 2025).
23. HayatEstate. (2020) *Skol'ko stoit obuchenie v Turtsii* [How much does it cost to study in Turkey]. [Online] Available from: <https://hayatestate.com/skolko-stoit-obucheniye-v-turtsii> (Accessed: 21st December 2024).
24. Profmet.com. (2024) *Stoimost' obucheniya v chastnykh universitetakh Turtsii 2024* [Tuition fees at private universities in Turkey 2024]. [Online] Available from: <https://www.profmet.com.tr/stoimost-obucheniya-v-chastnykh-universitetakh-turtsii/> (Accessed: 21st December 2024).
25. Türkiye. (n.d.) *Yükseköğretim bilgi yönetim sistemi*. [Online] Available from: <https://istatistik.yok.gov.tr/> (Accessed: 25th January 2025).
26. Kazakhstan. (2023) *Bol'she vos'mi tisyach kazakhstanskikh studentov uchatsya v Turtsii* [More than eight thousand Kazakh students study in Turkey]. [Online] Available from: <https://liter.kz/skolko-kazakhstanshev-uchatsia-v-turtsii-1675848410/> (Accessed: 24th December 2024).
27. Ria.ru. (2016) *V Kazakhstane ne dopuskayut vmeshatel'stvo v rabotu kazakhsko-turetskikh litseev* [Kazakhstan does not allow interference in the work of Kazakh-Turkish lyceums]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20160730/1473234694.html?ysclid=m6qp0hh71433369710> (Accessed: 24th December 2024).
28. Türkiye. (n.d.) *Universitet Suleymana Demirelya otmenil ekzameny YÖS za granitsej* [Suleyman Demirel University canceled YÖS exams abroad]. [Online] Available from: <https://www.aa.com.tr/ru/obrazovanie/universitet-suleymana-demirelya-otmenil-ekzameny-yos-za-granitsey/39300> (Accessed: 20th January 2025).

29. Tastanova, L. (2023) *Islamizatsiya v Kazakhstane: bolezni rosta ili real'naya ugroza?* [Islamization in Kazakhstan: growing pains or a real threat?]. [Online] Available from: <https://malim.kz/article/analytics/islamizatsiya-v-kazakhstane-bolezni-rosta-ili-realnaya-ugroza-20010?ysclid=m6w54219077255954> (Accessed: 24th December 2024).
30. Alekseev, V. (2016) *Poslednee turetskoe preduprezhdenie? Ankara pred"yavlyayet politicheskie trebovaniya k Bishkeku* [The last Turkish warning? Ankara makes political demands on Bishkek]. [Online] Available from: https://www.stoletie.ru/zarubejie/posledneje_tureckoje_preduprezhdenije_785.htm?ysclid=m6qfhhzi9i190157539 (Accessed: 26th December 2024).
31. Samanchina, Zh. & Elenbaeva, A.B. (2015) *Sotsiologicheskoe issledovanie uchebnoy migratsii iz Kyrgyzstana v Turtsiyu* [Sociological study of educational migration from Kyrgyzstan to Turkey]. [Online] Available from: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KNUSAMANCHINAZH.ELE-BAEVAA.B.2015-2.pdf> (Accessed: 28th December 2024).
32. Radio Ozodi. (2023) *Posol Turtsii v Tadzhikistane nazval zakrytie turetskikh litseev v respublike "vernym shagom"* [The Turkish Ambassador to Tajikistan called the closure of Turkish lyceums in the republic "the right step"]. [Online] Available from: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20231030/posol-turtsii-v-tadzhikistane-nazval-zakrytie-turetskikh-litseev-v-respublike-vernim-shagom?ysclid=m6rv161w4774996174> (Accessed: 15th January 2025).
33. Mamedov, A. (2018) *Zachem turkmenam bereg turetskiy? O studentakh zarubezhnykh vuzov* [Why do Turkmens need the Turkish coast? About students of foreign universities]. [Online] Available from: <https://www.hronikatm.com/2018/08/zachem-turkmenam-bereg-turetskiy-o-studentah-zarubezhnykh-vuzov?ysclid=m6rye25e5362131662> (Accessed: 15th January 2025).
34. Kramer, K. (2022) *V gostyakh khorosho. Otnena bezvizovogo rezhima s Turtsiey mozhet obrnut'sya sotsial'nyy vzryvom* [Visiting is good. The abolition of the visa-free regime with Turkey could result in a social explosion]. [Online] Available from: <https://www.hronikatm.com/2022/09/turkish-visas-2/> (Accessed: 20th January 2025).
35. Turkmenportal.com. (2021) *V perechen' inostrannykh vuzov, diplomy kotorykh priznayutsya v Turkmenistane, v 2021 godu voshli 43 turetskikh vuza* [In 2021, 43 Turkish universities were included in the list of foreign universities whose diplomas are recognized in Turkmenistan]. [Online] Available from: <https://central-asia.news/turkmeniya/proisshestviya-turkmeniya/v-perechen-inostrannyh-vyzov-diplomy-kotoryh-priznautsia-v-tyrkmenistane-v-2021-gody-voshli-43-tyreckih-vyza?ysclid=m6tkjacq1322713387> (Accessed: 15th January 2025).
36. Turkmenistan. (2023) *V Turkmenistane rasshirili perechen' vuzov Turtsii, diplomy kotorykh priznayutsya* [Turkmenistan has expanded the list of Turkish universities whose diplomas are recognized]. [Online] Available from: <https://turkmenportal.com/compositions/1515> (Accessed: 15th January 2025).
37. Aben Dauren Abenuly. (n.d.) *Novyy etap strategicheskogo partnerstva mezhdur Turtsiey i Uzbekistanom* [New stage of strategic partnership between Turkey and Uzbekistan]. [Online] Available from: <https://www.eurasian-research.org/publication/new-stage-in-turkey-uzbekistan-strategic-partnership/?lang=ru> (Accessed: 12th January 2025).

Сведения об авторе:

Погодаев Н.П. – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pogodaev N.P. – Cand. Sci. (History), associate professor at the Department of Social Work, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 17.02.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья
УДК 316.725
doi: 10.17223/1998863X/84/15

ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ЗЕРКАЛЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СООБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Юлия Леонидовна Александрова¹, Евгения Юрьевна Ливенцова²,
Вячеслав Леонидович Гойко³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *jalexandrova@data.tsu.ru*

² *evg.liv@mail.ru*

³ *goiko@data.tsu.ru*

Аннотация. Работа посвящена исследованию повестки российских университетов в отношении формирования у студентов ценности здорового образа жизни, а также анализу реакции студентов на данную повестку. Эмпирическую базу составили 9 239 сообществ 674 вузов из 145 городов России.

Ключевые слова: ценности, здоровый образ жизни, студенты, большие данные, цифровые следы

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2023-0015.

Для цитирования: Александрова Ю.Л., Ливенцова Е.Ю., Гойко В.Л. Ценность здорового образа жизни в зеркале университетских сообществ социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 179–195. doi: 10.17223/1998863X/84/15

Original article

THE VALUE OF A HEALTHY LIFESTYLE IN THE MIRROR OF UNIVERSITY COMMUNITIES ON THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE

Yuliya K. Aleksandrova¹, Evgeniya Yu. Liventsova², Vyacheslav L. Goiko³

^{1, 2, 3} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *jalexandrova@data.tsu.ru*

² *evg.liv@mail.ru*

³ *goiko@data.tsu.ru*

Abstract. Currently, significant work is being done at the state level to develop a healthy lifestyle (HLS) value attitude in children and young people. Universities are seeing a trend to additionally search for organizational and educational strategies to solve the problem of healthy lifestyle formation and development. Student life is not only a period of intensive physiological maturation of the body, but also a period of personality and worldview formation, and an active formation of value orientations. This study used the capabilities of digital sociology (digital data analysis). The aim of the study is to analyze the information

agenda of universities regarding the value of a healthy lifestyle, as well as the students' reaction to this agenda. A comprehensive analysis of online university communities of Russian higher education institutions in the VKontakte social network was carried out. The empirical base consisted of 9,239 communities of 674 universities from 145 cities of Russia. The research methodology included collecting and analyzing data from two types of university communities: official (53%, 4,937), administered by universities, and unofficial (47%, 4,302), created at the initiative of students. The time period of the study covered the 2022–2023 academic year (September–July). A total of 13,141 posts and 1,175 comments on the topic of healthy lifestyle were analyzed. At the first stage of the study, the agenda that universities broadcast to students regarding the topic of healthy lifestyle was identified. It was determined that the main publication activity of universities on the topic of healthy lifestyle occurs in the autumn months, which is explained by the beginning of the new academic year, the complication of the epidemiological situation, as well as significant dates in the field of public health. Further, thematic distribution allowed us to identify the main topics that are discussed in the communities (coinciding with the generally accepted components of a healthy lifestyle): physical activity, medical prevention, good and bad habits, healthy sleep, proper nutrition, and personal hygiene. It was found that the “physical activity” topics are most often discussed in posts published by university administrations, while student youth are more active in commenting on the topic of “bad habits”. The topic of “hygiene” does not receive due attention. It was found that students are aware of the significant components of a healthy lifestyle and the importance of following them. Posts on the topic of a healthy lifestyle are characterized by a neutral or positive tone, which is most likely due to their informational nature. Posts with negative assessments on the topic of a healthy lifestyle are not presented. The task of universities, as before, is to form a healthy lifestyle as a value, expand the range of informational and educational activities to develop sustainable motivation of students for a healthy lifestyle.

Keywords: values, healthy lifestyle, students, big data, digital footprints

Acknowledgments: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2023-0015.

For citation: Aleksandrova, Yu.K., Liventsova, E.Yu. & Goiko, V.L. (2025) The value of a healthy lifestyle in the mirror of university communities on the social network VKontakte. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 179–195. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/15

Введение

В государственных документах (Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г. [1], Стратегия формирования здорового образа жизни населения РФ на период до 2025 г. [2], закон «Об образовании в Российской Федерации» [3] и другие) закреплены задачи по развитию у детей и молодежи мотивации к ведению здорового образа жизни (ЗОЖ). Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования закрепляют перечень универсальных компетенций, которые должны быть освоены. В их число входит такая компетенция, как способность поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности [4].

Студенчество – это период не только интенсивного физиологического созревания организма, но еще и период становления личности и мировоззрения, активного формирования ценностных ориентаций, профессионального становления [5–7]. В свою очередь, здоровый образ жизни во многом зависит

от мировоззрения и ценностных ориентаций студента, а также от уровня информированности о факторах риска и их снижения.

В современных исследованиях достаточно активно обсуждаются общие вопросы сохранения и укрепления здоровья студенческой молодежи [8, 9], рассматривается влияние различных факторов (социальных, информационных, биологических и др.) на формирование ЗОЖ студентов [10–12], изучается уровень осведомленности студенческой молодежи по теме ЗОЖ [13], анализируются практики формирования ЗОЖ в среде вуза [14], исследуется отношение студенческой молодежи к теории и практикам ЗОЖ [15]. Данные исследования проводятся в основном с помощью опросных методов на репрезентативных выборках. Однако ввиду того, что современная молодежь (в том числе студенческая) сегодня широко представлена в цифровых медиа (в том числе социальных сетях), в настоящей статье были использованы возможности цифровой социологии [16].

Цель исследования: изучение повестки российских университетов в отношении формирования у студентов ценности здорового образа жизни и информационной составляющей приверженности ценностям здорового образа жизни студентов (на основе цифровых следов).

Актуальность и методология исследования

Современная молодежь представляет собой ту часть населения, которая окружена коммуникативным пространством цифровых медиа, и которая еще только вырабатывает собственную систему ценностей. В рамках представленного исследования мы опирались:

- на положения теории культивирования, все, чем наполнены цифровые медиа, в частности социальные сети, формирует мнение, установки, ценности пользователей. Одной из самых больших частей теории культивирования является резонанс, который фокусируется на создании псевдореальностей, параллельных повседневной жизни. Такой контент является «синтетическим», так как он меняет сознание людей, искажает их восприятие и суждения пользователей [17];

- положения концепции о конструировании «совместной идентичности» в цифровых медиа, согласно которой посредством взаимодействия и дискуссионных практик (обмена информацией, комментариями, видео, фото, репостами, лайками и т.д.) как на вертикальном (с лидером мнения), так и горизонтальном уровнях (с другими участниками сетевого сообщества) пользователи формируют, перестраивают, дополняют, переосмысливают представление о себе и мире, осваивая (перенимая, осознанно или бессознательно копируя) новые для себя практики самоосуществления либо получая поддержку и одобрение моделям поведения (в различных сферах жизни), в которых они ранее сомневались, считали недопустимыми. Как следствие, формируется система определенная система ценностных ориентаций [18].

В ряде научных исследований приводятся достаточно тревожные данные относительно формирования антиценностей ЗОЖ именно в цифровых медиа. Например, исследователем E. Engel были проанализированы научные публикации, содержащие тематический анализ контента лидеров мнений (51 статья, опубликованная в период с 2012 по 2022 г.). Наиболее распространенными темами для обсуждения стали: внешний вид, питание и употребление

психоактивных веществ [19]. Тема, которая мало представлена в контенте инфлюенсеров, – это, например, психическое здоровье. В анализируемых публикациях подчеркивалось негативное влияние социальных сетей на «умы» молодежи, в частности, продвижение нереалистичных образов тела, нездоровое питание, употребление психоактивных веществ, а также неточную диагностику и рекомендации по лечению. Кроме того, одной из основных проблем контента лидеров мнений, на которую указывают исследователи, является ненадлежащая реклама нездоровых продуктов (например, нездоровой пищи, табачных изделий и алкоголя). Коллектив авторов из Австралии опубликовали результаты обзора оригинальных качественных исследований (73 исследования, включающих 15 905 182 поста в Twitter, YouTube, Instagram, Pinterest, TikTok и Weibo, опубликованные в период с 2004 по 2022 г.), которые были посвящены тематическому анализу контента в социальных сетях о табаке, алкоголе, психостимуляторах, электронных сигаретах, ингалянтах и новых психоактивных веществах и пр. Было определено, что 76,3% контента, доступного в том числе и российским пользователям, изображают употребление психоактивных веществ в позитивном ключе [20].

Таким образом, чем навязчивее молодежи транслируется неоднозначный контент в сфере ЗОЖ, искажающий восприятие реальности, влияющий на сознание, установки и мотивацию, тем масштабнее и содержательнее должна быть работа по формированию не только критического мышления для противостояния манипуляциям в цифровой действительности, но и по развитию ценностного отношения к своему здоровью. Полагаем, что университеты, ввиду своей многолетней преемственности в трансляции нравственных и моральных ценностей и установок, а также тех государственных задач, которые перед ними стоят, могут сыграть значимую роль в данном процессе.

Кроме того, в исследовании мы опирались на аксиологический подход как инструмент, связывающий когнитивный и практический подходы, устанавливающий взаимосвязи между ценностями, социальными и культурными факторами и личностью. Мы исходили из того, что ценности проявляются в конкретном человеке через ценностные ориентации – установки личности на ценности, включающие три компонента: когнитивный компонент установок – совокупность знаний, суждений, представлений о ценности; эмотивный компонент – чувства и эмоциональные оценки ценности; поведенческий компонент – действия, направленные на реализацию ценности. В связи с этим нами были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Какова информационная повестка вузов относительно ценности ЗОЖ?
2. Какие знания и представления о здоровом образе жизни присутствуют у российских студентов? Осведомлены ли студенты о различных компонентах ЗОЖ?
3. Насколько вовлечены студенты в обсуждение тем, связанных с ЗОЖ?
4. Какие чувства и эмоциональные оценки вызывает у студентов тема ЗОЖ?

Методы и источники данных

В настоящее время довольно подробно представлены возможности и ограничения методов цифровой социологии в социальных исследованиях, в том числе в изучении ценностных ориентаций [16, 21]. Данные методы опира-

ются на нереактивные данные, генерирующиеся пользователями ежесекундно в повседневной коммуникации (цифровые следы). Наряду с ограничениями использования таких данных (слабая репрезентативность, конструктивная валидность, нестационарность и пр.), исследователями подробно рассматриваются их существенные достоинства. Так, например, в рамках опросов респонденты зачастую могут дать социально одобряемый ответ. Цифровые следы «естественны» по своей природе и позволяют не только получить ответы на интересующие вопросы, но и рассмотреть контекст обсуждений вне сформулированных гипотез и конкретных вопросов. Большие данные позволяют реконструировать масштабные социальные сети, исследовать большие по охвату аудитории группы.

В рамках проведенного исследования был осуществлен комплексный анализ университетских онлайн-сообществ российских высших учебных заведений в социальной сети «ВКонтакте». Эмпирическую базу составили 9 239 сообществ 674 вузов из 145 городов России. Были собраны и проанализированы данные из двух типов университетских сообществ: официальных (53%, 4 937), администрируемых вузами, и неофициальных (47%, 4 302), созданных по инициативе студентов. Временной период исследования охватил 2022/23 учебный год (сентябрь–июль). Технический инструментарий исследования базировался на использовании API «ВКонтакте» с применением авторского программного обеспечения на языке Python. Массив собранных данных, включающий свыше 2 млн постов и 3 млн комментариев, был систематизирован в СУБД PostgreSQL. Аналитическая обработка осуществлялась посредством платформы текстовой аналитики PolyAnalyst, разработанной компанией Megaruter. Методика обработки текстового контента включала многоступенчатую процедуру очистки данных: элиминацию нерелевантных элементов (специальных символов, электронных адресов, html-тегов), фильтрацию нечитаемого контента, проверку орфографии и дедупликацию, далее проводилась кластеризация текстов методом ВЛСА. В итоге был проанализирован 13 141 пост и 1 175 комментариев по теме ЗОЖ, где в неофициальных сообществах было опубликовано 3 217 постов и 820 комментариев, в официальных – 9 924 поста и 355 комментариев. При этом посты, опубликованные в неофициальных сообществах, представляют собой информационные публикации представителей университетов о проводимых мероприятиях по теме. Таким образом, можно вести речь о том, что посты полностью отражают официальную повестку вузов, а комментарии – реакцию студентов на данную повестку.

Интерпретация данных и обсуждение

Всемирная организация здравоохранения понимает под здоровым образом жизни оптимальное качество жизни, определяемое мотивированным поведением человека, направленным на сохранение и укрепление здоровья, в условиях воздействия на него природных и социальных факторов окружающей среды [22]. К составляющим здорового образа жизни относят: физическую активность, рациональное питание, отказ от вредных привычек, эмоциональное самочувствие, личную гигиену и др. [23].

На первом этапе исследования выявлялась общая активность в университетских сообществах относительно темы ЗОЖ.

Стоит отметить, что определенные вузы выделяются большим количеством постов по теме. Больше всего публикаций по теме ЗОЖ опубликовано в университетских сообществах Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова. Вуз занимает активную позицию в развитии здорового образа жизни студентов, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в сети Интернет^{1, 2}. На втором месте расположен Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта. Университет, специализирующийся непосредственно на физической культуре и спорте, логично оказывается упоминаемым по публикациям на тему ЗОЖ. Также данный вуз традиционно является одним из лучших спортивных университетов. Тройку замыкает Уральский федеральный университет (УрФУ) имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Хотя УрФУ не специализируется исключительно на медицине или спорте, его активное участие в спортивной жизни, а также стремление к всестороннему развитию студентов, вероятно, объясняет его присутствие в тройке лидеров (рис. 1).

Рис. 1. Топ вузов по количеству постов в сообществах по теме ЗОЖ, % от общего числа вузов

Стоит отметить, что основная публикационная активность университетов по теме здорового образа жизни приходится на осенние месяцы. Полагаем, это обусловлено двумя причинами: началом нового учебного года и возобновлением социальной жизни студентов после летних каникул, а также осложнением эпидемиологической обстановки, связанной с ростом заболеваемости простудными заболеваниями и вирусными инфекциями. Поэтому в это время публикуется множество официальных постов о проведении медицинских осмотров, вакцинаций и спортивно-оздоровительных мероприятий: *«Вот и лето прошло... А значит настала пора активности вирусных инфекций. Избежать заболевания гриппом и ОРВИ вам помогут несколько наших советов: Вакцинируйтесь. Вакцинация – это самый эффективный способ профилактики вирусных заболеваний...»*. Также на осенний период выпадают несколько значимых дат в сфере охраны здоровья населения, среди которых:

¹ Статус вуза здорового образа жизни носит РязГМУ имени академика И.П. Павлова // <https://dzen.ru/a/YyMhpjCs6Dr8yi1e>

² РязГМУ открыл конкурс «Вуз здорового образа жизни» // https://akvobr.ru/konkurs_vuz_zdorogo_obraza_zhizni.html

День трезвости (11 сентября), Всемирный день сердца (29 сентября), Международный день распространения информации о болезни Альцгеймера (21 сентября), Всероссийский день ходьбы (6 октября): *«Сегодня, в связи с Всемирным днем сердца, в Институте Дошкольного и Начального образования прошла акция, направленная на профилактику сердечно-сосудистых заболеваний...»*. Затем публикационная активность снижается до минимального уровня в январе, и затем набирает рост к апрелю – ко Всемирному дню здоровья (7 апреля). К празднику было опубликовано большое количество официальных постов (431), посвященных проведению спортивных и общественных мероприятий, акций и тренингов, приуроченных к значимой дате. При этом посты, связанные с днем здоровья, получили значимый отклик от аудитории и в сумме набрали 15 196 «лайков» и 408 комментариев. Наибольшее число постов по случаю праздника было опубликовано в Москве (54), Воронежской области (31), Адыгее (27), Санкт-Петербурге (20), Саратовской (21) и Волгоградской областях (20).

Пик публикационной активности студентов в комментариях (т.е. неофициальные сообщения от студентов) приходится на конец августа и начало сентября. Высокий уровень активности в сентябре обусловлен теми же причинами, что и в постах – осеннее время года отличается высоким уровнем активности университетских и студенческих сообществ, так как начинается новый учебный год. Именно в этот период студенты достаточно оживленно обсуждают тему здоровья и откликаются на ту информационную повестку, которую предлагают вузы. Начало этой активности в августе объясняется еще и подготовкой студентов к учебе в виде прохождения медицинских осмотров для поступления в университеты и заселения в общежития: *«А прививка от ковида обязательна для заселения в общежитие?»*. Рост числа публикаций по теме ЗОЖ в марте незначителен и не связан с какими-либо конкретными событиями.

Таким образом, в целом можно отметить, что публикационная активность по теме ЗОЖ в вузах достаточно слабая и в основном приурочена к началу учебного года или значимым датам в сфере ЗОЖ. На протяжении всего года обсуждение темы слабо поддерживается в официальной повестке со стороны представителей вузов (в постах), так и самими студентами – подписчиками (в комментариях).

На втором этапе исследования выявлялась та повестка, которую транслируют университеты студентам относительно темы ЗОЖ. Для этого все посты и комментарии в университетских официальных и неофициальных сообществах социальной сети «ВКонтакте» были тематически распределены в соответствии с общепринятыми компонентами ЗОЖ. Это позволило определить, каким компонентам ЗОЖ вузы уделяют особое внимание и какие темы вызывают больший отклик у студентов, а какие обсуждаются слабо.

Одним из важных компонентов ЗОЖ является привычка заниматься **физической культурой и спортом**. Постов, относящихся к данной тематике, достаточно много – 30,6%: *«...Любовь к спорту воспитывается с самого начала обучения, потому что спорт – это здоровье, красота и хорошее настроение...»*, *«Студенты БГМУ начали свой путь к здоровью через физические нагрузки, ведь ЗОЖ – это движение!...»* и пр. Публикуемые посты содержат информацию о проводимых в оздоровительных мероприятиях и

спортивных соревнований. Достаточно обсуждаемыми тематиками оказались «медицинская профилактика» (профилактика заболеваний) (20,1%), «привычки» (полезные или вредные) (22,1%). Реже в официальной повестке обсуждаются такие темы, как «здоровый сон» (12,6%) и «правильное питание» (11,7%). Такой компонент ЗОЖ, как «соблюдение правил личной гигиены», крайне редко обсуждается в университетских сообществах (2,9%) (рис. 2).

Рис. 2. Распределение тематик в постах

Тематическое распределение в комментариях (т.е. неофициальная повестка) отлично от распределения постов. Наиболее часто студенческая молодежь комментирует тему «привычек». Темы «правильного питания» и «здорового сна» обсуждаются примерно в равной степени. Тема «гигиены» не получает должного внимания (рис. 3).

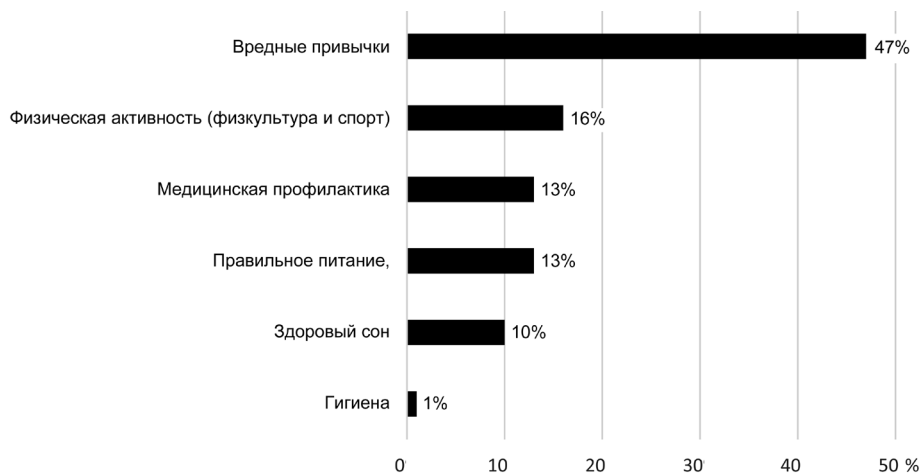

Рис. 3. Распределение тематик в комментариях

Тематическое распределение постов и комментариев позволяет сделать вывод о том, что в информационной повестке вузов основные значимые компоненты ЗОЖ (которые возможно отследить с помощью анализа цифрового следа) представлены. Однако обсуждение данных компонентов не пропорци-

онально. Информационная повестка вузов скорее направлена на формирование мотивации студентов к физической активности, в то время как студенты активнее реагируют на публикации, связанные с обсуждением темы «полезных и вредных привычек». Анализ комментариев по данной теме дает основание предположить, что студентов она «тревожит» и подталкивает на определенную рефлексию своего образа жизни и последствий вредных привычек.

Ввиду вышеуказанного несоответствия официальной и неофициальной повесток представляется актуальным подробное рассмотрение контекста и тональности обсуждения тематик.

Так, официальные посты по теме ЗОЖ отличаются нейтральным или позитивным тональным окрасом, что обусловлено их информационным характером. Достаточно много постов, которые содержат рекомендации по ведению ЗОЖ, советы для выполнения различных спортивных упражнений: *«В современном мире физическая активность людей продолжает снижаться, но она жизненно необходима каждому из нас. Благодаря регулярным занятиям спорта у человека снижаются риски развития сердечно-сосудистых заболеваний... улучшается мыслительная деятельность. Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики подготовил для вас листовки, с которыми мы предлагаем вам ознакомиться...»*.

В категорию негативных комментариев попадают те публикации, где автор говорит либо о личных проблемах со здоровьем, либо о проблемах со здоровьем у многих людей или студентов (обобщенно и вместе с тем обезличенно). Часто подобные комментарии дополняются советами автора по решению этих проблем через приобщение к здоровому образу жизни: *«Здоровый образ жизни это хорошо... У многих есть проблемы с моральным здоровьем из-за ситуаций дома, экзаменов, недосыпа и т.д. А здоровый образ жизни может облегчить такое состояние»*; *«Все решаемо, я бы начала с физических проблем – как минимум сон наладить. Сама на стрессе плохо спала, уснуть не могла по несколько часов»*; *«Некоторые люди, поддаваясь пагубным привычкам (курению, алкоголю, наркотикам), укорачивают свою жизнь...»*. То есть, с одной стороны, негативная тональность данных комментариев указывает на некую констатацию фактов (по мнению студентов), что «многие» имеют проблемы со здоровьем. А с другой – контекст комментариев позволяет определить, что студенты, оставляющие комментарии, все же воспринимают ЗОЖ как ценный компонент жизнедеятельности.

Как уже было отмечено ранее, наибольшее внимание университеты уделяют популяризации и развитию такого компонента ЗОЖ, как **«физическая культура и спорт»**. Чаще всего в публикациях упоминаются такие виды спорта, как бег (296 постов), баскетбол (237), гимнастика (219), волейбол (156) и футбол (142). Категория спорта вызывает высокий отклик среди подписчиков университетских сообществ. Кроме того, среди спортивных мероприятий можно выделить отдельную категорию оздоровительно-патриотических мероприятий, целью которых является не только популяризация спорта, но гражданско-патриотическое воспитание молодежи, формирование нравственных ценностей (табл. 1). Как правило, это спортивные мероприятия, приуроченные к каким-либо важным историческим датам в истории России: *«17 и 18 февраля пройдут „Первые открытые Лесгафтовские фиджитал игры“ в рамках открытого Фестиваля зимних видов спорта, здоровья и ГТО,*

НГУ им. П.Ф. Лесгафта, посвященного 79 годовщине полного освобождения Ленинграда!».

Категория спорта вызывает высокий отклик среди подписчиков университетских сообществ. Наиболее часто оставляют цифровой след подписчики из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Саратова и Нижнего Новгорода.

Таблица 1. Сумма лайков и комментариев по категориям темы «Физическая культура и спорт»

Категория	Сумма лайков	Сумма комментариев
Спортивно-оздоровительные мероприятия	71 289	2 530
Рекомендации в отношении спорта и ЗОЖ	34 800	1 745
Популяризация ЗОЖ	16 550	387
Оздоровительно-патриотические мероприятия	12 621	690
Всего	135 260	5 352

Примечательно, что комментарии к постам по теме физкультуры и спорта – чаще всего одобрительные высказывания в адрес любой физической активности как способу укрепления здоровья: «Спорт – сила»; «Самое время заняться спортом. Это не только здоровье, но и отличная смена деятельности после учебы»; «Спорт, в комплексе с желанием сохранить и продлить свое здоровье, не знают границ» и пр. В комментариях к постам большинство пользователей выражают энтузиазм и мотивацию, связывая спорт с силой, энергией и положительными эмоциями. Студенты подчеркивают важность физической активности для поддержания здоровья и хорошего настроения, отмечая, что утренняя зарядка приносит ощутимую пользу для здоровья. Отдельного упоминания студентами заслуживает спорт на свежем воздухе, который считается отличным способом восстановления сил и улучшения общего состояния организма. Такие занятия воспринимаются как естественная альтернатива тренировкам в закрытых помещениях. В комментариях пользователей прослеживается, что они не ставят знак равенства между профессиональным спортом и любительскими занятиями. Например, упоминается, что три часа умеренной активности в неделю – это скорее оздоровление, чем полноценный спорт. Для многих спорт ассоциируется с интенсивными тренировками, а физкультура – с поддержанием здоровья и общего самочувствия.

Ряд комментариев касается роли студенческих спортивных клубов в продвижении спорта и здорового образа жизни. Отмечается, что участие в таких клубах доступно всем студентам, независимо от уровня подготовки. Некоторые комментарии указывают на необходимость пропаганды ЗОЖ через образование и общественные инициативы. Подчеркивается, что важно не только самому следовать принципам здорового образа жизни, но и делиться этими знаниями с окружающими. То есть сами студенты формируют запрос на содержательное расширение информационной повестки вузов, включающей предоставление возможностей студентам делиться своими знаниями и успехами.

«Медицинская профилактика» является одним из ключевых элементов охраны здоровья населения [24]. В последние годы медицинской профилактике в России уделяется особое внимание. Анализ постов продемонстрировал то, что и в студенческой среде этой теме отводится значительное внимание.

Большинство сообщений со стороны вузов носит характер информирования о важности медицинской профилактики на фоне всплеск множества заболеваний (гриппа, коронавирусной инфекции, кори и пр.): «С приходом осени традиционно отмечается подъем заболеваемости респираторных инфекций. Напоминаем вам о необходимости обязательного соблюдения правил гигиены, социальной дистанции и масочного режима. Также, обращаем внимание, что вовремя сделанная прививка позволит избежать осложнений и тяжелого течения болезни...». Кроме того, в университетах проводятся профилактические мероприятия по борьбе с различными заболеваниями: «21 марта состоялась встреча заведующего отделом медицинской профилактики <...> со студентами ВИБТ. Тема мероприятия: „Профилактика вирусных гепатитов“» или же просто мероприятия, позволяющие оценить состояние организма: «Диспансеризация – это комплексный медицинский осмотр, направленный на выявление хронических неинфекционных заболеваний, а также риска их развития. Ее можно пройти и т.д.». Отдельно можно выделить посты, в которых содержатся призывы вовремя пройти медицинские осмотры, что отражает общую активность администраций университетов и их спикеров в сфере профилактике и выявления болезней.

Общее количество лайков и комментариев в каждой категории темы показывает невысокий интерес аудитории. Однако и сами публикации имеют исключительно информационный характер, не требующий какой-либо реакции. Комментарии по теме медицинской профилактики представляют собой вопросы относительно проводимых вакцинаций и медицинских осмотров и имеют позитивную или нейтральную тональность (табл. 2).

Таблица 2. Сумма лайков и комментариев по категориям темы «Медицинская профилактика»

Категория	Сумма лайков	Сумма комментариев
Вакцинация и ее распространение	18 826	850
Профилактические мероприятия и рекомендации	23 315	788
Медицинские осмотры	12 659	359

Официальные публикации университетов по теме «**привычки**» носят информационный и агитационный характер. Значительная часть постов содержит рекомендации по отказу от пагубных привычек и их профилактике: «Сегодня хотим с вами обсудить проблему курения! Ежегодно табак приводит почти к 7 миллионам случаев смерти...<...>. Если не будут приняты срочные меры, число ежегодных случаев смерти к 2030 году может превысить 8 миллионов». Другая часть постов посвящена мероприятиям и программам по решению проблемы вредных зависимостей и их профилактике: «Наркотикам – НЕТ! 6 апреля на теплоэнергетическом факультете состоялся круглый стол на тему профилактики наркомании в молодежной среде».

Динамика публикаций по теме вредных привычек имеет два пика в ноябре и апреле. Обусловлены они мероприятиями, приуроченными к празднованию Дня отказа от курения – 17 ноября и Дня здоровья – 7 апреля. Как было отмечено ранее, именно тема привычек больше всего обсуждается в комментариях. Цифровой след в виде суммы лайков и суммы комментариев по данной теме равняется 71 781 и 2 719 соответственно. В целом в комментариях обсуждается резко негативное отношение к вредным привычкам: «Даже та-

кие „мелочи“, как неправильное питание, вредные привычки, несоблюдение режима сна и многое другое могут сильно сказаться на физическом, а позже и на эмоциональном состоянии человека...»; «Честно, терпеть не могу вейп и сигареты...», «Ладно вейп... ягоды и фрукты перетерпеть можно, но вот сигареты воняют табаком, который не выветривается так быстро как дым от вейпа, и неприятно идти и дышать этим». Значительная часть комментариев посвящена советам в отношении отказа от вредных привычек: «Я бы еще сюда добавила (в список полезных привычек) достаточное количество сна и отказ от вредных привычек» и пр. Таким образом, та активная часть студенчества, которая оставляет комментарии, скорее «осуждает» вредные привычки, осознавая их пагубное влияние на качество и транслируя тем самым это читателям. В то же время по характеру комментариев мы понимаем, что их оставляют скорее те, кто не имеет вредных привычек. Соответственно, те, кто их имеет, в обсуждениях практически не участвуют.

Тема **«правильное питание»** аналогично теме привычек содержит в основной массе посты информирующего характера, где приведены рекомендации по правильному питанию: «Клетчатка является неотъемлемой частью здорового питания, однако, к сожалению, рацион подавляющего большинства людей во всем мире по содержанию клетчатки не соответствует рекомендуемым нормам...». Посты по теме правильного питания имеют высокий отклик у студентов (41 347 лайков и 2 317 комментариев). Достаточно много постов о проводимых мероприятиях в рамках университетов и факультетов по теме правильного питания, на которых поднимается проблема нездоровой пищи, транслируется правильный подход к выбору своего рациона: «23 июня в 19:00 в актовом зале общежитии № 2 пройдет киновстреча „Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты“». Однако, например, комментарии к постам не позволяют понять, насколько прошедшее мероприятие было полезным и востребованным (администраторы групп не просят оставить отзывы по итогам мероприятий).

Комментарии, главным образом, имеют позитивную или нейтральную тональности: «Да, правильное питание – залог успеха, так как оно поддерживает твой организм в форме и благополучно отражается на здоровье»; «Магний В6, правильное питание плюс физические нагрузки и все наладится». При этом примечательно, что в постах практически не содержится информации о конкретных механизмах приобщения к правильному питанию. Например, нет информации, где в городе или на территории университетов располагаются точки здорового питания; не публикуются конкретные рецепты «полезных завтраков» для студентов и т.д. Комментарии также очень общие и не содержат конкретной информации о том, что самим студентам хотелось бы изменить или улучшить в пространстве университета, чтобы питаться лучше (например, питание в столовых по принципу ЗОЖ, бесплатная питьевая вода в свободном доступе и пр.).

Тема **«здоровый сон»** упоминается в постах как составляющая хорошего физического и психического здоровья. Рекомендации о необходимости соблюдать здоровый сон совмещаются с рекомендациями соблюдать правильное питание, вести активный образ жизни и т.д.: «Нарушения сна проявляются от любых сигарет, включая электронные, которые табачные компании часто выдают за безопасную альтернативу обычным. Однако на самом деле

они абсолютно так же доставляют ядовитый алкалоид в мозг и негативно влияют на сон»; «...полюс ценный сон очень важен для здоровья. Он улучшает память и настроение, во сне происходит выработка жизненно необходимых гормонов, мозг усваивает полученную за предыдущий день информацию...». Посты по теме здорового сна в сумме набрали 58 192 лайка и 4 578 комментариев. Данное количество комментариев несколько выше в сравнении с близкой по числу постов темы правильного питания, что свидетельствует о большем интересе студенческой аудитории к данной теме. Вероятно, ввиду больших умственных нагрузок и не всегда высокой физической активности (что характерно для студенчества), проблема здорового сна действительно является для студентов значимой и актуальной. Так, например, 16,3% комментариев носят негативную тональность, что обусловлено проблемами студентов со сном: «...Разовые акции еще не так страшны, а регулярный недосып плохо сказывается как на физическом, так и психическом здоровье!»; «Да, апатия и тревога, в институт нет совсем желания ходить, вроде понимаешь, что надо, но соскребать себя с постели и доехать элементарно нет сил, ужасная усталость, хотя вроде ничем и не занимался...». Позитивную тональность имеют комментарии (21,8%), связанные с советами других студентов к налаживанию здорового сна и его ощутимой пользе для здоровья: «Но, помани мои слова, здоровье важнее всех выполненных дз. Лучшие нормально поспать, но отложить до выходных дз, чем не спать вовсе».

Тема «гигиена» в постах представлена незначительно. Тем не менее в тех постах, где данная тема упоминается, подчеркивается ее важность в практике профилактики инфекционных заболеваний: «Часто мойте руки с мылом. Чистите и дезинфицируйте поверхности, используя бытовые моющие средства. Гигиена рук – это важная мера профилактики распространения гриппа». Общее число лайков к постам по теме – 9 270 и комментариев – 335, что сообщает о невысоком интересе аудитории. Вместе с тем представляется, что эта тема могла бы обсуждаться в социальных сетях значительно чаще ввиду того, что выполнение требований личной гигиены имеет не только индивидуальное, но и социальное значение.

Заключение

На сегодняшний день информационная повестка вузов относительно ценности ЗОЖ в целом представляется разнообразной и охватывает его значимые компоненты. Однако среди прочих тем, обсуждаемых в студенческой среде, теме ЗОЖ уделено недостаточно внимания (менее 1% от общего числа всех обсуждений). Общее число комментариев по теме (1 175) также свидетельствует о недостаточном вовлечении студентов в обсуждение темы.

Стоит отметить определенную «строгость» и формальность той повестки относительно ЗОЖ, которую транслируют вузы. Она носит в большей степени информационный характер (призывы вакцинироваться, приглашения к участию в мероприятиях и пр.). Представляется, что университеты могли бы формировать более «живой» контент по теме, который имел бы больший отклик у студентов. Например, это могли бы быть: публикация примеров сотрудничества с эко-брендами, презентация городских сообществ, где студенты могут поддерживать друг друга в вопросах ЗОЖ, публичное проведение акций и розыгрышей «полезных» продуктов, публикация постов-интервью со

значимыми людьми (по различным темам ЗОЖ), историй успеха сотрудников и студентов и пр.

Таким образом, представляется, что задачей вузов по-прежнему остается формирование у студентов ценности здорового образа жизни не только через расширение спектра просветительских и воспитательных мероприятий, но и посредством формирования актуального для студенчества тематического контента. Именно такой контент, содержательный и современный, мог бы составить конкуренцию «синтетическому» и «разрушающему», транслируемому в других, внешних по отношению к университетам, сообществах.

Список источников

1. *Стратегия 2030* // Министерство спорта России. URL: <https://minsport.gov.ru/activity/strategy/> (дата обращения: 12.12.2024).
2. *Приказ* Министерства здравоохранения РФ от 15 января 2020 г. № 8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73421912/> (дата обращения: 12.12.2024).
3. *Федеральный закон* от 29.12.2012 № 273-ФЗ Об образовании в Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения: 12.12.2024).
4. *Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета* / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 383 с.
5. *Дзугоева М.Г.* Психические новообразования студенческого возраста : дис. ... канд. психол. наук. 1999.
6. *Баскакова Я.А.* Студенчество как особая социальная группа // *Информация и образование: границы коммуникаций.* 2012. № 4. С. 364–365.
7. *Сторожева Ю.А.* Социально-психологические особенности профессионального самоопределения студенческой молодежи // *Акмеология.* 2013. № S1. С. 233.
8. *Иванова Н.Г., Порубайко Л.Н., Ковтун Р.И.* Здоровый образ жизни студента и его составляющие в период обучения в вузе // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2021. № 4 (37). С. 86–88.
9. *Позднышева Е.А., Белова В.В.* Анализ здорового образа жизни студенческой молодежи // *Современные аспекты физкультурной, спортивной и психолого-педагогической работы с учащейся молодежью : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием.* Пенза : Пензенский гос. ун-т, 2021. С. 115.
10. *Петрова Т.Н., Пьянзина Н.Н., Шиленко О.В.* Здоровый образ жизни студентов и его зависимость от социальных и субъективных факторов // *Актуальные проблемы физической культуры и спорта.* 2020. С. 259–262.
11. *Петрова Т.Н.* Выявление значимости факторов, определяющих отношение студентов к здоровому образу жизни // *Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта.* 2020. С. 349–354.
12. *Лядова А.В.* Здоровьесбережение в представлениях студентов: особенности и факторы формирования // *Высшее образование в России.* 2024. Т. 33, № 8–9. С. 140–160.
13. *Ефимова П. и др.* Определение информированности о технологиях здоровьесбережения и степени вовлеченности в здоровый образ жизни студентов университета // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта.* 2024. Т. 34, № 2.
14. *Куликова И.В., Батталова М.Р.* Формирование мотивационно-ценностных ориентиров и повышения престижа здорового образа жизни, физической культуры и спорта в университетской среде // *Актуальные проблемы физической культуры и спорта в системе высшего образования.* 2023. С. 317–321.
15. *Bonko T.I., Grabelnykh T.I., Nitsina O.A.* Отношение студенческой молодежи к физической культуре и здоровому образу жизни // *Koinon.* 2022. Vol. 3, № 3–4.
16. *Боданов М.Б., Смирнов И.Б.* Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2021. № 1. С. 304–328.

17. Donald L. Diefenbach Cultivation Theory. The International Encyclopedia of Health Communication / Eds. E.Y. Ho, C.L. Bylund, J.C.M. Van Weert. Hoboken, Wiley & Sons, 2022. P. 1–4. doi: 10.1002/9781119678816.ieh0656
18. Bozkurt A., Tu C.H. Digital identity formation: socially being real and present on digital networks // Educational Media International. 2016. Vol. 53, № 3. P. 153–167. doi: 10.1080/09523987.2016.1236885
19. Engel E., Gell S., Heiss R., Karsay K. Social media influencers and adolescents' health: A scoping review of the research field // Soc. Sci. Med. 2023. Vol. 340. P. 116387. doi: 10.1016/j.socscimed.2023
20. Rutherford B.N., Lim C.C.W., Johnson B. et al. TurntTrending: a systematic review of substance use portrayals on social media platforms // Addiction. 2022. Vol. 118, № 2. P. 206–217. doi: 10.1111/add.16020
21. Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 21–30.
22. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 12.12.2024).
23. Ибрагимов К.Н., Чингина Е.Н. Особенности формирования компонентов здорового образа жизни у студентов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–4 (76). С. 107–109.
24. Каприн А.Д., Александрова Л.М., Старинский В.В. Медико-социальные аспекты формирования в России концепции здорового образа жизни // ПМЖ. 2017. Т. 25, № 14. С. 995–999.

References

1. Ministry of Sports of Russia. (n.d.) *Strategiya 2030* [Strategy 2030]. [Online] Available from: <https://minsport.gov.ru/activity/strategy/> (Accessed: 12th December 2024).
2. Ministry of Health of the Russian Federation. (2020) *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya RF ot 15 yanvarya 2020 g. № 8 "Ob utverzhdenii Strategii formirovaniya zdravogo obraza zhizni naseleniya, profilaktiki i kontrolya nein-fektsionnykh zabolevaniy na period do 2025 goda"* [Order N 8 of the Ministry of Health of the Russian Federation of January 15, 2020, On approval of the Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population, prevention and control of non-communicable diseases for the period up to 2025]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73421912/> (Accessed: 12th December 2024).
3. Russian Federation. (2012) *Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii* // *Prezident Rossii* [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, On Education in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (Accessed: 12th December 2024).
4. Tarkhanova, I.Yu. (2018) *Izmerenie i otsenka sformirovannosti universal'nykh kompetentsiy obuchayushchikhsya pri osvoenii obrazovatel'nykh programm bakalavriata, magistratury, spetsialiteta* [Measurement and assessment of the formation of universal competencies of students in the development of educational programs of bachelor's, master's, and specialist degrees]. Yaroslavl: YaSPU.
5. Dzugkoeva, M.G. (1999) *Psikhicheskie novoobrazovaniya studencheskogo vozrasta* [Mental neoplasms of student age]. Psychology Cand. Diss.
6. Baskakova, Ya.A. (2012) *Studenchestvo kak osobaya sotsial'naya gruppa* [Students as a special social group]. *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsiy*. 4. pp. 364–365.
7. Storozheva, Yu.A. (2013) *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti professional'nogo samoopredeleniya studencheskoy molodezhi* [Social and psychological features of professional self-determination of student youth]. *Akmeologiya*. S1. p. 233.
8. Ivanova, N.G., Porubayko, L.N. & Kovtun, R.I. (2021) *Zdorovyy obraz zhizni studenta i ego sostavlyayushchie v period obucheniya v vuze* [Student's healthy lifestyle and its components during the study at a university]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 4(37). pp. 86–88.
9. Pozdnysheva, E.A. & Belova, V.V. (2021) *Analiz zdravogo obraza zhizni studencheskoy molodezhi* [Analysis of healthy lifestyle of student youth]. *Sovremennye aspekty fizkul'turnoy, sportivnoy i psikhologo-pedagogicheskoy raboty s uchashcheyhsya molodezh'yu* [Modern Aspects of Physical Education, Sports and Psychological-Pedagogical Work with Students]. Penza: Penza State University. p. 115.
10. Petrova, T.N., Pyanzina, N.N. & Shilenko, O.V. (2020) *Zdorovyy obraz zhizni studentov i ego zavisimost' ot sotsial'nykh i sub'ektivnykh faktorov* [Healthy lifestyle of students and its dependence on social and subjective factors]. In: Drandrov, G.L. & Pyanzin, A.I. (eds) *Aktual'nye*

problemy fizicheskoy kul'tury i sporta [Topical Problems of Physical Education and Sports]. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 259–262.

11. Petrova, T.N. (2020) Vyyavlenie znachimosti faktorov, opredelyayushchikh otnoshenie studentov k zdorovomu obrazu zhizni [Identifying the significance of factors determining students' attitudes towards a healthy lifestyle]. In: *Aktual'nyye voprosy fizicheskogo vospitaniya molodezhi i studencheskogo sporta* [Topical Issues of Physical Education of Youth and Student Sports]. pp. 349–354.

12. Lyadova, A.V. (2024) Zdorov'esberezhenie v predstavleniyakh studentov: osobennosti i faktory formirovaniya [Health preservation in students' views: features and factors of formation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 33(8–9). pp. 140–160.

13. Efimova, P. et al. (2024) Opredelenie informirovannosti o tekhnologiyakh zdorov'esberezheniya i stepeni вовлеченности в zdorovyy obraz zhizni studentov universiteta [Determining awareness of health-preserving technologies and the degree of involvement in a healthy lifestyle of university students]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta* [Health, Physical Culture and Sports]. 34(2)

14. Kulikova, I.V. & Battalova, M.R. (2023) Formirovanie motivatsionno-tsennostnykh orientirov i povysheniya prestizha zdorovogo obraza zhizni, fizicheskoy kul'tury i sporta v universitetskoй srede [Formation of motivational and value guidelines and increasing the prestige of a healthy lifestyle, physical education and sports in the university environment]. *Aktual'nye problemy fizicheskoy kul'tury i sporta v sisteme vysshego obrazovaniya* [Topical problems of physical education and sports in the system of higher education]. pp. 317–321.

15. Bonko, T.I., Grabelnykh, T.I. & Nitsina, O.A. (2022) Otnoshenie studencheskoy molodezhi k fizicheskoy kul'ture i zdorovomu obrazu zhizni [Attitude of student youth to physical education and healthy lifestyle]. *Koinon*. 3(3–4).

16. Bogdanov, M.B. & Smirnov, I.B. (2021) Vozmozhnosti i ogranicheniya tsifrovyykh sledov i metodov mashinnogo obucheniya v sotsiologii [Possibilities and limitations of digital traces and machine learning methods in sociology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 304–328.

17. Donald, L. (2022) Diefenbach Cultivation Theory. In: Ho, E.Y., Bylund, C.L. & Van Weert, J.C.M. (eds) *The International Encyclopedia of Health Communication*. Hoboken, Wiley & Sons. pp. 1–4. DOI: 10.1002/9781119678816.ieh0656

18. Bozkurt, A. & Tu, C.H. (2016) Digital identity formation: socially being real and present on digital networks. *Educational Media International*. 53(3). pp. 153–167. DOI: 10.1080/09523987.2016.1236885

19. Engel, E., Gell, S., Heiss, R. & Karsay, K. (2023) Social media influencers and adolescents' health: A scoping review of the research field. *Social Science & Medicine*. 340. pp. 116387. DOI: 10.1016/j.socscimed.2023

20. Rutherford, B.N., Lim, C.C.W., Johnson, B., et al. (2022) TurntTrending: a systematic review of substance use portrayals on social media platforms. *Addiction*. 118(2). pp. 206–217. DOI: 10.1111/add.16020

21. Dudina, V.I. (2016) Digital data – potential for the development of sociological knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 21–30.

22. *World Health Organization*. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru> (Accessed: 12th December 2024).

23. Ibragimov, K.N. & Chingina, E.N. (2023) Osobennosti formirovaniya komponentov zdorovogo obraza zhizni u studentov [Formation of healthy lifestyle components among students]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 1–4(76). pp. 107–109.

24. Kaprin, A.D., Aleksandrova, L.M. & Starinskiy, V.V. (2017) Mediko-sotsial'nye aspekty formirovaniya v Rossii kontseptsii zdorovogo obraza zhizni [Medical and social aspects of the formation of the concept of a healthy lifestyle in Russia]. *RMZH*. 25(14). pp. 995–999.

Сведения об авторах:

Александрова Ю.К. – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация). E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Ливенцова Е.Ю. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии, старший научный сотрудник Центра когнитивных исследований и

нейронаук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация). E-mail: evg.liv@mail.ru

Гойко В.Л. – заведующий научно-исследовательской лабораторией прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Российская Федерация). E-mail: goiko@data.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Aleksandrova Yu.K. – junior researcher, Research Laboratory of Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Liventsova E.Yu. – Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor of the Department of General and Educational Psychology, senior researcher at the Center for Cognitive Research and Neuroscience, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evg.liv@mail.ru

Goiko V.L. – head of the Research Laboratory of Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: goiko@data.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.12.2024;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 16.12.2024;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Original article

УДК 316.34

doi: 10.17223/1998863X/84/16

SOCIAL ANALYSIS AND ACTIONS FOR GHANAIAN WOMEN'S DEVELOPMENT WITHIN BOSORE AND ABIREM COMMUNITIES: A PROJECT STUDY

Gabriella Leelee Enchill

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
genchill@hse.ru*

Abstract. Background: The empowerment of women is contingent upon the attitudes of both women and men, especially when there is no opposition from men. The project study sought to explore the barriers that hinder women to challenge themselves to be capable for their own development. The study, in the form of a social analysis, was initiated along with a project that served as a social action, within the period of 2021–2023. It was a collaboration between Mama's Helping Hand community-based group, which emanated from the support of ASA International to the two women's groups in Bosore and Abriem communities (Salvation Army Group and Amazing Grace Group respectively). Methods. The study employed a qualitative approach, which involved 40 women aged between 20 and 65 years. Non-probability sampling was adopted, in regards to purposive sampling and snowball sampling for focus group discussions (10 participants each for 4 groups). A vignette design for an open-ended structured discussion guide was used for data collection. The process was framed within the characteristics and principles of Participatory Action Research (PAR). Thematic analysis was employed, in which the retrieved data were transcribed and coded. Subsequently, the data were interpreted by sorting them into broad themes per the 9 central human functional capabilities of Martha Nussbaum, and their subtopics. One of the 10 human capabilities, being the 8th (other species: to live with animals/plants and concern for), was omitted as the study goal did not focus on the women's ability to live with the world of nature. Results. The data discovered how the actions of the communities and existing barriers that conform to the system of the communities which recognized social institutions tend to limit the women's capabilities to be empowered. Such existing barriers include traditions, gendered values and roles that create gender hierarchy, lack of family support, and religious practices that build submissive women. Some of the women hold barriers like traditions and gender roles high esteem, as some do not. In such cases, social expectations and the actions of the local people that are based on locally held beliefs, make the women face difficulties to decide and perform paid jobs aside from their domestic responsibilities. Stigmatization happens to both men and women. Those of the women, who choose to go against the gendered traditional practices, are sometimes stigmatized. At the same time, the men, who choose to support and empower their wives to be economically active, are also stigmatized. Wise sayings were revealed as a heritage of their traditions, which administer the femininity of females and the masculinity of males in the communities, as the people are socialized as such. Conclusion. The concept of women empowerment is also significant to the consideration of the role of men. This is because the involvement of men will enable them to gain the necessary understanding of the positive aspects of women's development and the negative consequences that may arise when women remain underdeveloped.

Keywords: women's development, social analysis, social action, capabilities approach, Ghana

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Fundamental Research Program at HSE University.

For citation: Enchill, G.L. (2025) Social analysis and actions for Ghanaian women's development within Bosore and Abirem communities: a project study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 196–204. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/16

Научная статья

СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ДЕЙСТВИЯ ПО РАЗВИТИЮ ЖЕНЩИН ГАНЫ В ОБЩИНАХ БОСОРЕ И АБИРЕМ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЕКТА

Габриэлла Лили Энчилл

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, genchill@hse.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования, основанного на теории потенциальных возможностей и анализе полевых данных о повседневном опыте женщин сельских общин Босоре и Абирем (Гана). Подчеркнута необходимость применения государственными и частными организациями комплексного подхода при условии активного участия членов сообщества к устранению коренных причин бесправия женщин Ганы.

Ключевые слова: развитие женщин, социальный анализ, социальные действия, подход, основанный на возможностях, Гана

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Enchill G.L. Social analysis and actions for Ghanaian women's development within Bosore and Abirem communities: a project study // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 196–204. doi: 10.17223/1998863X/84/16

Introduction

Gender inequality is evident in all countries, particularly in the Global South, and the most affected are Sub-Saharan Africa, Arab States, and South Asia [1. P. 367]. This issue tends to manifest itself in a number of sectors within the aforementioned regions, including education, health, economic participation and political representation [2. P. 686984]. Collectively, these hinder women's empowerment and societal progress [3. P. 1–62]. Amadiume discovered that, in Africa, patriarchal gender arrangements are reproduced within kinship structures as familiarization of women whose social roles are reduced to those of daughters, wives or mothers when it comes to the redistribution of goods and title-taking [4. P. 173]. All these conditions lay the ground for the global significance of Sustainable Development Goals (SDGs) for women's development, addressing gender equality and women's empowerment [5. No. 267638; 6. P. 76–79].

Among SDGs, recognizing the critical roles of women and girls in achieving sustainable development is seen as a crucial agenda by nations [7. P. 66–75]. This article is grounded in Amartya Sen's and Martha Nussbaum's human capability approach [8. P. 130; 9. P. 78–81] and presents an analysis of the women's awareness of their capabilities, the barriers preventing them to fully participate in their communities, and the ways they envisage to be empowered and develop, per the significance of women's agency.

The capability theory serves as a conceptual framework, where this study begins, followed by the presentation of the empirical research. The article continues with the analysis of the empirical data collected, in accordance with Nussbaum's central human functional capabilities [9. P. 78–81]. The main section of the article presents the results of the analysis of the Kwabre women's experience, which has been discussed per Nussbaum's capability theory. This is to highlight specific challenges of the women, explore their capabilities, and promote comprehensive empowerment. The conclusion emphasizes the ways to solve the lack of essential capabilities for women to identify and develop their potential in a manner that is meaningful to them.

Conceptual Framework

The foundational work of the theory of capability approach (CA) was pioneered by Amartya Sen [8. P. 130], for the understanding of human dignity and justice. He argued that evaluating people's well-being should not be solely based on their access to resources, but consider their actual capabilities to function in society and lead a fulfilling life. The recognition of such "major sources of unfreedom" [10. P. 3] that limits individuals' ability to make their own decisions is essential to understand how development can alleviate them [11. P. 153–174]. Nussbaum built on the theoretical framework of Sen, positing the need for social and political transformations that expand women's capabilities and freedoms [9. P. 78–81]. Nussbaum identified a list of ten central human functional capabilities (life, bodily health, senses, imagination and thought, emotions, practical reason, affiliation, other species, play, and control over one's environment) [9. P. 78–80]. She considered that these components are "of central importance and all are distinct in quality" [9. P. 81]. The significance of CA to this study is to identify and analyze the freedoms, unfreedoms, and opportunities the women have to engage in in various dimensions of life, which can contribute to their overall well-being. To explore the Kwabre women's experiences and interpret them in the framework of Nussbaum's CA, the next section lays the methodology ground of this study.

Methodology

Foremost, the project was initiated with other significant stakeholders during a pilot study. In 2021, the author of this article was collaborating with a community-based group (CBG) known as Mama's Helping Hand, which emanated from the support of ASA International (<https://ghana.asa-international.com/>). The group had a vision of implementing a project with women, and this collaboration led to conducting research and elaborating an action plan.

The study used a qualitative approach to describe the life experiences of the participants, to interpret gender arrangements in their social relations. Purposive and snowball sampling was employed for the selection of 40 participants (aged between 20 and 65 years). Ethical clearance was gained from Mama's Helping Hand CBG prior to the study, as of 10th January, 2022. After an informed consent was received from all the participants, discussions were audio recorded, and hand written for documentation.

Each record (total duration of 40 minutes) was further transcribed, coded and analyzed. Subsequently, the data were interpreted by sorting them into broad themes, per the 9 central human functional capabilities [9. P. 78–81] and their

subtopics. One of the 10 human capabilities, being the 8th (other species: to live with animals/plants and concern for), was omitted.

Research Setting

The townships of Bosore and Abirem are among 86 settlements of Kwabre East District in the Ashanti Region of Ghana [12. P. 15–38]. Kwabre East District is located in the northern part of the Ashanti Region, with a total population of 115,556, with 52.3% being females and 47.7% being males [12. P. 15–38]. Most of the habitants are the Asante ethnic group, who speak Asante Twi from the 7 Akan ethnic groups in Ghana. The dominant occupations in the district are “service and sales workers”, “craft and related trade workers”, “elementary occupations” and “skilled agricultural forestry and fishery workers” [13. P. 58–91]. Bosore and Abirem were targeted due to their farness from each other.

Results and Discussion

The first capability in Nussbaum’s approach is life, which means “being able to live to the end of a human life of normal length; not dying prematurely, or before one’s life is so reduced as to be not worth living” [9. P. 78]. As narrated by Serwaa (42 years): *“I was engaged in the occupation of craft trading. I was able to save an amount of money that I was content and proud of. But with family pressure for me to marry, I used the money I had from my trading for the marriage ceremony. This is without my husband assisting me”*. It was stressed that, traditionally, it is the responsibility of a man to finance all activities pertaining to the ceremony held for marrying a woman, but not the other way round. This depicts the capability of life for a woman is not achieved so far as some of them have regrets and see their lives not to be worth living. The deprivation of capabilities tends to affect people’s ability to lead well-lived lives [14. P. 1055–1061]. A healthily well-lived life of the women is crucial for extending their lives, so it is relevant to consider other conditions that influence their longevity outcomes [15. P. e518–519].

The second capability is bodily health, i.e. “being able to have good health, including reproductive health; to be adequately nourished; to have adequate shelter” [9. P. 78]. Overall well-being entails reproductive health, adequate nutrition, and shelter [16. P. 2–17]. Women who decide to go against the expectations of them to perform their domestic responsibilities suffer domestic abuse from their husbands. Here, the capabilities framework highlights the significance of tackling any social determinants [17. P. 74–95]. Jenny (42 years) commented: *“Say and say it again oo. I have been complaining about his (her husband) behavior. This idiot (her husband) is asking me for a divorce, and that he will go to my family to tell them about it”*. Most of the women tend to be threatened by their family or husband when they voice out, which can lead to any form of abuse (verbal or domestic). Holistically, it is essential to address the interconnectedness of gender-based violence and women’s disempowerment, and attain significant progress in improving women’s development.

The third capability is bodily integrity, i.e. “being able to move freely from place to place... being able to be secure against assault, including sexual assault, child sexual abuse, and domestic violence...” [9. P. 78]. It is also discovered that some of the unmarried women are compelled to leave their home if they decide to

pursue paid jobs, and some of the married women are threatened with divorce. Esi (26 years) disclosed that: *"I was once beaten by my husband, which made me tell my family about it and their response shocked me especially from my mother. All they could tell me was that is how marriage is because they have never seen any marriage that has no quarrels or beatings. Maybe he hit me because I disrespected my husband"*. The need for females to be educated and empowered is crucial for bodily autonomy, as determined among Brazilian societies, whose unrestricting practices can reduce domestic violence [18. P. NP925–943]. Thus, the prioritization of a more balanced approach, in regards to policy reforms and community engagement, ensures that all the women are able to exercise their rights to safety and autonomy.

The fourth capability is senses, imagination, and thought, i.e. "being able to use the senses, to imagine, think, and reason – and to do these things in a 'truly human' way, a way informed and cultivated by an adequate education... to search for the ultimate meaning of life in one's own way... to have pleasurable experiences, and to avoid unnecessary pain" [9. P. 78–79]. There are distinct roles that are assigned to each sex (male and female) in the domestic sphere that were developed per the traditions and customs of the communities. Asabea (35 years) argued: *"If it is the tradition for a man to have such duties, why not? Provide for us and let's see"*. The discussion led to the actions the women will take when they lack support from the husband, with their decision to do paid jobs outside home. Asabea (35 years) vocalized: *"I will rather keep it (her decision) to myself and watch my husband to provide for us just like how he is insisting. I don't want any stress"*. Some of the women remain silent and perform their duties, as expected of them. This is because they do not want to go through any stressful and uncomfortable circumstances, which is termed as "hedonic pursuit" by Huta [19. P. 80–89]. This highlights the need for a supportive social environment with the practice of cognitive and emotional learning in the Kwabre people's gender socialization system.

The fifth capability is emotions, i.e. "being able to have attachments to things and people outside ourselves...to grieve, to experience longing, gratitude, and justified anger..." [9. P. 79]. Irene (33 years) shared how her father treated her mother when she was young: *'He will later throw you and your children away, and go in for another woman. My father did the same thing to my mother when I was in my teens, and it was never easy for us'*. Irene's father also verbally abused her mother, as she stated: *"He (her father) even called her names like 'bad luck', 'witch' and even, 'musuo' (a taboo)"* (Irene, 33yrs). From the extract of Irene, it is seen that her childhood experience has had an effect on how she sees men. A widow among the participants narrated how her deceased husband's family used to accuse her of killing her sick husband, as she was tagged as a killer. All the women's early experiences of neglect and abuse implicate the reasons why women tend to refrain from discussing their situations to other people in the communities. This serves as one of the barriers that prevent the women from having intrinsic motivation to develop themselves, which leads to the creation of an inferiority complex trait of women [20. P. 429]. The need is to tackle any barrier that may challenge the women's social connections and complicate their emotional responses and interpersonal relationships.

The sixth capability is practical reason, i.e. “being able to form a conception of the good and to engage in critical reflection about the planning of one’s life” [9. P. 79]. Empowering the women has to be the conscious efforts of both the women and their various families, as they serve as a faculty of practical reason [21. P. 833–840]. For married women, it should be a joint effort by the women and their husbands. The situation is different within the communities. Some of the men tend to see women who are not performing paid jobs to be lazy. Aba (38 years) declared: *“Men will be the same individuals who boast that they are the primary providers for the family. These same men will gossip about their wives’ being lazy, with the lack of commitment to work”*. Such negative connotations of women degrade femininity in regards to their roles, which makes up the reasons behind some of the women not to work or to work. Afia (37 years) decided: *“So, if I am seen as lazy just to be told to be a housewife, then I will stop being a housewife and work. It is better if I solve my own problem rather than because nobody is willing to do so”*. The gendered separate sphere is the ideal conception of the Bosore and Abriem communities. This is essential to recognize the interplay between practical reasoning and the social norms of the communities, which can serve as a guiding force for the women’s autonomy and moral reasoning for their decision-making processes.

The seventh capability is affiliation, i.e. “being able to live with and toward others... to engage in various forms of social interaction... to be treated as a dignified being whose worth is equal to that of others...protections against discrimination... exercising practical reason...” [9. P. 79]. Women agency is an essential tool to achieve collectivism for the women to come together and form social networks. Boahemaa (57 years) affirmed: *“This even encourages mutual support and the identification of strategies for pursuing meaningful activities that align with this self-help group members’ values and aspirations, before it is too late to unite, be there for each other, and assist each other”*. Initially, the two women’s groups comprised only economically active women. These women’s course of actions to support each other attracted other women to join. Asabea (35 years) assured new members that: *“...Right now this group is here to support so don’t worry”*. As time went on, they had external support from organizations like Asa International and Mama’s Helping Hand CBG. Most of the new members’ motive of joining the women’s group was to be able to gain financial assistance from Asa International. To understand affiliation, it is needed to create healthy connections between the identity of individuals and the dynamics of their societies [22. P. 518–531; 23. P. 280–287]. It is crucial to consider any condition that undermines communal bonds, which tend to create imbalance between affiliation and alienation, leading to the practice of gender discrimination.

The ninth capability is play, i.e. “being able to laugh, to play, to enjoy recreational activities” [9. P. 80]. Play is essential throughout life for emotional and mental health repair and development, for the enhancement of people’s intrinsic motivation, which can boost their overall well-being. The declaration of Naana (33 years) was: *“I was socialized in the community accordingly. Especially when it comes to how I have to play with girls because it was weird for a girl to be seen playing with a boy”*. Such characteristics of boys, having to possess masculine qualities, and girls, expected to possess feminine qualities, are related to the practices of gender roles and traditional values by the people. Some of the women

accepted the traditional practices as they are, as ascertained by Asana (30 years): *"That is the traditions of the land. Each family has been educated on that since the time we were born. Just like how we dress, cook our foods, do our house work, speak, play, and others"*. Mostly, children learn by seeing [24. P. 17–31]. If they live in an environment where their parents conform to such stereotypical traditions, they are naturally able to also adopt them before socialization in their schools and the community begins. This is critical to reflect cultural differences of people for the understanding of women's social interactions and development, emphasizing their role to play and have leisure in their societal existence.

The tenth capability is control over one's political and material environment. This pertains to the political aspect, "being able to participate effectively in political choices that govern one's life; having the right of political participation, protections of free speech and association" [9. P. 80], and the material aspect, "being able to hold property, not just formally but in terms of real opportunity; and having property rights on an equal basis with others; having the right to seek employment..." [9. P. 80]. In terms of material capability, lack of skills in occupations could cause imbalance in the labor market [25. P. 225]. There is the need to ensure equal opportunity in employment, and protection is crucial for a just society [26. P. 425–444]. It was also discovered that most women want men as political leaders. The women then compare the work of men and women as political leaders during their tenure to make such decisions. Cee (24 years) described: *"My sister, men need to be voted for, because the women do not do anything when they are voted for"*. The emphasis of the women's individual subjective experience in the political landscape shows their perceptions of political control. This is where the women's attitudes for women's political leadership compared to the male counterparts were disagreed among the participants. There is the need for the reform of local political structures that can improve women's political control and enhance the democratic governance of Ghana.

Limitation of the study

The method of having mixed aged groups as participants could have prevented younger women from speaking up in the presence of the elders. However, the participants were comfortable with each other, as most of them are long-term members of the women's groups, they treat each other as friends and family. Although the discussion guide was open-ended, a reactivity threat was experienced, causing confusion over definition. Two interpreters were then introduced to assist with detailed translation and explanation. Additionally, the views and experiences of other Kwabre women located at the different settings of Kwabre East District can differ. Thus, the findings may be generalized to all Kwabre people only tentatively, since all of them share deeply ethnically rooted culture, beliefs and values.

Conclusion

Empowering rural women in Ghana, such as the Kwabre women, is crucial for achieving gender equity and overcoming the barriers that hinder their development. Such barriers include most of the participants seeing no wrong with gendered traditional and religious practices. This perpetuates segregation of economic activities per gender, rural women living in poverty, deterioration of their nutrition

and health, regress in females' education and training, their unsupportive spirit towards female political representatives, and marital restrictions with threats from husbands, which lead to domestic and human rights abuse. Here, Nussbaum's central human capabilities offer a comprehensive framework for understanding and addressing such challenges of the Kwabre women in their communities. However, ensuring the women to have a "fulfilled life", is for them to have access to significant resources and support needed for them to tackle gender issues in their communities. For that matter, this could contribute to combating issues such as domestic violence, inadequate healthcare services, unavailability of resourceful information, marital restrictions, and their unfreedom to reproductive choices, ensuring the women having the capability to gain a "healthy body" and "bodily integrity". Hence, promoting public education and dissemination of information among the rural women can help them acquire knowledge and critical thinking skills, enhancing their capability of "senses, imagination, and thought". This will foster the women's "emotional well-being", when supportive environments are established. Thus, where the women will gain emotional intelligence and can express their emotions about the challenges being encountered without fear or anxiety will promote healthy relationships and self-respect. The women also need to be encouraged to have "practical reason" for critical reflection and decision-making skills that will enable them to challenge any form of discrimination. This can be achieved via the capability of "affiliation", by building social connections to support each, just as the existence of the Salvation Army and Amazing Grace self-help groups in the Bosore and Abirem communities. The availability of such social networks can enhance the women's capability of "play", providing opportunities for recreational activities that will help them to mitigate the stress and difficulties associated with their rural life. By having "control over their environment", the women can be empowered enough to participate in social processes such as communal leadership, political participation, own property, and to be economically viable. However, for the Kwabre women, having these capabilities being addressed through interventions can effectively empower them to overcome any challenges for the enhancement of their well-being and dignity as rural women.

References

1. Altuzarra, A., Galvez-Galvez, C. & Gonzalez-Flores, A. (2021) Is gender inequality a barrier to economic growth? A panel data analysis of developing countries. *Sustainability*.13(1). 367. DOI: 10.3390/su13010367
2. Ahinkorah, B.O., Hagan, J.E.Jr., Ameyaw, E.K., Seidu, A.A. & Schack, T. (2021) COVID-19 pandemic worsening gender inequalities for women and girls in Sub-Saharan Africa. *Frontiers in Global Women's Health*. 2. p. 686984. DOI: 10.3389/fgwh.2021.686984
3. Amu, N.J. (2005) *The Role of Women in Ghana's Economy*. Accra: Friedrich Ebert Foundation. pp. 1–62.
4. Amadiume, I. (2015) *Male Daughters, Female Husbands: Gender and Sex in an African Society*. Zed Books Ltd. p. 173.
5. UNDP. (2016) *Africa human development report 2016 accelerating gender equality and women's empowerment in Africa*. United Nations Development Programme, Africa, No. 267638.
6. Mondal, A. (2022) Gender equality and women's empowerment: The foundation stones of sustainability. *International Journal of Home Science*. 8(2). pp. 76–79.
7. Bitto, A. (2015) SDGs and the dawning of a new globally empowered era of women's health and wellbeing research & reviews. *Journal of Medical and Health Sciences*. 4(4). pp. 66–75.
8. Sen, A. (1985) *Commodities and Capabilities*. North Holland. p. 130.
9. Nussbaum, M.C. (2000) *Women and Human Development: The Capabilities Approach*. Cambridge University Press. pp. 78–81.

10. Sen, A. (1999) *Development as Freedom*. Alfred Knopf. p. 3.
11. O'Neil, J. (2022) Varieties of unfreedom. In: Sanghera, B. & Calder, G. (eds) *Ethics, Economy and Social Science*. Routledge. pp. 153–174.
12. Ghana Statistical Service. (2014) *2010 population and housing census. District Analytical Report*. Kwabre East District. pp. 15–38.
13. Ministry of Trade and Industry of Ghana. (2021) *[One District One Factory: District endowment of Kwabre East]*. National Development Planning Commission Publication. pp. 58–91.
14. Donatelli, P. (2024) *Martha Nussbaum*. STUDI E SAGGI. pp. 1055–1061.
15. Sisto, R. (2023) Crucial factors affecting longevity. *The Lancet Healthy Longevity*. 4(10). pp. e518–519.
16. Plagerson, S. (2021) *Human Well-Being and Capabilities*. UNRISD. pp. 2–17.
17. DeJong, J. (2013) Capabilities, reproductive health and well-being. In: Hulme, D. & Toye, J. (eds) *Understanding Poverty and Well-Being*. Routledge. pp. 74–95.
18. Raj, A., Singh, A., Silverman, J.G., Bhan, N., Barker, K.M. & McDougal, L. (2022) Freedom of movement and adolescent sexual violence in India. *Journal of Interpersonal Violence*. 37(1–2). pp. NP925–943.
19. Huta, V. (2005) *Pursuing pleasure versus growth and excellence: Links with different aspects of well-being*. Dr. Diss. Montreal: McGill University. pp. 80–89.
20. Feingold, A. (1994) Gender differences in personality: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*. 11(3). p. 429.
21. Zinkin, M. (2021) Reason, systematicity and judgment. *The Court of Reason*. Proc. of the 13th International Kant Congress. Vol. 134. pp. 833–840.
22. Feldman, R. (2022) The neurobiology of affiliation; maternal-infant bonding to life within social groups. In: Della Sala, S. (ed.) *Encyclopedia of Behavioral Neuroscience*. 2nd ed. Elsevier. pp. 518–531.
23. Gerson, S. (2024) Affiliation vs. Alienation. *Psychoanalytic Dialogues*. 34(3). pp. 280–287.
24. Whitaker, J. (2023) What is play? In: Whitaker, J. & Tonkin, A. *Play and Health in Childhood*. Routledge. pp. 17–31.
25. Mikell, G. (1992) Culture, law, and social policy: Changing the economic status of Ghanaian women. *Yale Journal of International Law*. 17. p. 225.
26. Bryan, A. (2023) The material conditions of non-domination: Property, independence, and the means of production. *European Journal of Political Theory*. 22(3). pp. 425–444.

Information about the author:

Enchill G.L. – Bachelor of Art in Integrated Community Development, Master of Science in Population and Development, International Laboratory for Social Integration Research, PhD student in Sociology, and research fellow, Doctoral School of Sociology, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: genchill@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Энчилл Г.Л. – бакалавр искусств по направлению «Комплексное развитие сообществ», магистр наук по направлению «Население и развитие» Международной лаборатории исследований социальной интеграции, аспирант по направлению «Социология», научный сотрудник аспирантуры по социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: genchill@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 26.03.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025
Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025

Original article

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/84/17

BEYOND MATERIAL GRIEVANCES: ANALYZING THE 2015 BANGLADESH “NO VAT ON EDUCATION” MOVEMENT THROUGH A NEW SOCIAL MOVEMENT PERSPECTIVE

Saikot Chandra Ghosh

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
saikotghosh1952@gmail.com*

Abstract. The 2015 Bangladesh student protests against a proposed value-added tax (VAT) on private university tuition are conventionally framed in public imagery as a material struggle against an economic policy threatening educational access. This article reinterprets the movement through the New Social Movement (NSM) theoretical framework, which emphasises identity formation, post-material values, and cultural contestation over traditional economic redistribution. Drawing on the NSM theory, this analysis demonstrates how the protests transcended financial grievances to forge a collective student identity, resist the neoliberal commodification of education, and demand democratic participation within Bangladesh’s increasingly authoritarian political context. Employing a qualitative framework, this study draws upon primary interview data and integrates them with an extensive corpus of secondary sources and historical analysis, framing the contemporary student movement as the broader continuum and evolution of Bangladesh’s activist heritage. The findings reveal the “No VAT on Education” movement as a multifaceted critique of neoliberal governance, a reassertion of youth agency, and a symbolic challenge to systemic power, resonating with global NSM trends like Chile’s 2011 education protests or South Africa’s #FeesMustFall. This perspective challenges reductionist economic interpretations, offering a nuanced understanding of contemporary social movements in the Global South, where material and post-material struggles intersect. By bridging the immediate trigger of the VAT with broader societal aspirations – autonomy, justice, and cultural meaning – the 2015 movement reflects a transformative shift in Bangladesh’s youth activism, suggesting enduring implications for the nation’s political landscape and the applicability of the NSM theory in postcolonial, neoliberal settings.

Keywords: Bangladesh, New Social Movement, 2015 No VAT on Education, postcolonialism, neoliberalism, interview

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Fundamental Research Program at HSE University.

For citation: Ghosh, S.Ch. (2025) Beyond material grievances: analyzing the 2015 bangladesh “No VAT on Education” movement through a New Social Movement perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 84. pp. 205–218. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/17

Научная статья

ПОМИМО МАТЕРИАЛЬНЫХ ОБИД: АНАЛИЗ ДВИЖЕНИЯ «НЕТ НДС НА ОБРАЗОВАНИЕ» В БАНГЛАДЕШ В 2015 ГОДУ В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Сайкот Чандра Гхош

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, saikotghosh1952@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается бангладешское студенческое движение 2015 г. против предлагаемого налога на добавленную стоимость на обучение в частных университетах в общественном сознании как борьба с экономической политикой, угрожающей доступу к образованию. Данное движение переосмысливается с помощью теории новых социальных движений (NSM), которая подчеркивает формирование идентичности, постматериальные ценности и культурное оспаривание традиционного экономического перераспределения. Опираясь на теорию NSM, этот анализ демонстрирует, как протесты превзошли финансовые основания массового недовольства, чтобы сформировать коллективную студенческую идентичность, противостоять неолиберальной коммерциализации образования и требовать демократического участия в рамках все более авторитарного политического контекста Бангладеш.

Ключевые слова: Бангладеш, новые социальные движения, Движение «Нет НДС на образование» 2015, постколониализм, неолиберализм, интервью

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Ghosh S.Ch. Beyond material grievances: analyzing the 2015 bangladesh "No VAT on Education" movement through a New Social Movement perspective // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 205–218. doi: 10.17223/1998863X/84/17

Introduction

On June 4, 2015, Bangladesh's Awami League-led government introduced its 2015–16 national budget, embedding within it a proposal that seemed minor at first glance but soon proved explosive: a 10% value-added tax (VAT) on private university tuition fees [1]. After the initial pushback from educators and administrators, the rate was trimmed to 7.5%, yet this concession did little to quell the outrage it sparked among students [2]. Presented as a fiscal mechanism to enhance state revenue amid Bangladesh's accelerating integration into the global economy, the VAT proposal struck a nerve in a nation where higher education is both a coveted pathway to upward social mobility and a financially burdensome endeavour for many. Over the ensuing months, what began as murmurs of discontent evolved into a full-fledged protest movement, peaking in September 2015 with widespread demonstrations that paralysed urban centres and forced the government to retract the VAT on September 14 [3]. On its face, the "No VAT on Education" movement might be interpreted as a conventional economic protest: students mobilising against a measure that threatened to intensify the already considerable costs of private education, thereby risking the exclusion of middle-class and aspiring lower-income families. Yet, a more rigorous analysis reveals dimensions beyond material concerns, encompassing cultural, symbolic, and

political significance that necessitate a comprehensive theoretical framework to elucidate fully.

Conventional theories of social movements, notably Marxism and resource mobilization, provide critical yet partial frameworks for interpreting the 2015 protests. Marxism situates collective action within the dynamics of class antagonism, foregrounding the contest between labour and capital over material resources. In contrast, resource mobilization theory highlights the calculated use of organisational resources – such as leadership, financial support, and social networks – to secure defined objectives. These perspectives shed light on the concrete stakes of the VAT policy: annual fees at private universities, ranging from \$2,000 to \$10,000, far exceed those at public institutions, which accommodate just 50,000 students against the 300,000 enrolled privately [4]. The proposed VAT, potentially adding hundreds of dollars per student, intensified pressures in a nation where per capita income stood at \$1,900 [5], and youth unemployment skyrocketed. However, these approaches fall short of capturing the protests' deeper currents: the fervent appeals to rights and dignity, the symbolic interruption of urban routines, and the insistent call for inclusion in governance processes. This multifaceted unrest points to the necessity of a theoretical lens that engages with identity, moral commitments, and opposition to entrenched systemic authority.

The New Social Movement (NSM) theory, articulated in the late 20th century by thinkers such as Alain Touraine, Alberto Melucci, and Jürgen Habermas, emerged to account for activism within post-industrial and transitional societies. Departing from traditional emphases on economic redistribution, NSM theory foregrounds the construction of identity, the pursuit of post-material values – autonomy, justice, and democratic inclusion – and the cultural resistance to hegemonic forces wielded by state or market actors. This paper contends that the 2015 “No VAT on Education” movement aligns with NSM characteristics, functioning not merely as a reaction to a tax policy but as a profound critique of neoliberal governance, a reassertion of student identity, and a demand for agency within Bangladesh's increasingly centralised political system under Sheikh Hasina's prolonged rule since 2009. The movement's roots in economic policy belie its broader aspirations, positioning it as a transformative moment in Bangladesh's social and political landscape.

Bangladesh's socio-political context provides fertile ground for this analysis. Since achieving independence in 1971 through a war fueled by student activism, the nation has witnessed its youth as pivotal agents of change. The Language Movement of 1952 enshrined Bengali identity against Pakistani domination, the 1969 uprising accelerated liberation, and the 1990 protests toppled General Ershad's military regime, restoring democracy. These movements blended material demands – linguistic access, economic autonomy, and political rights – with ideological visions of nationalism and justice, prefiguring NSM traits. By 2015, however, Bangladesh had entered a new era. Under Hasina's Awami League, economic growth averaged 6–7% annually, earning accolades as an emerging “Asian Tiger”, yet this prosperity coincided with democratic erosion: electoral irregularities, opposition suppression, and centralised control. Neoliberal reforms reshaped education, with private universities exploding from a handful in the 1990s to over 80 by 2015, serving a burgeoning middle class and urban youth. This privatization expanded access but introduced market logic, clashing with cultural

expectations of education as a public good rooted in the liberation struggle. The VAT proposal crystallised this tension, igniting grievances that extended beyond affordability to encompass rights, dignity, and societal purpose.

This paper embarks on a threefold exploration. It first seeks to unpack the New Social Movement (NSM) theory, articulating its pertinence to the 2015 protests in Bangladesh and grounding it within the specificities of that moment. The analysis then turns to interpreting the movement through this lens, interlacing historical trajectories, rich accounts of the protests themselves, and insights drawn from primary voices to construct a textured narrative. Finally, it engages in a critical appraisal of the NSM theory’s interpretive capacity, weighing its merits against other theoretical perspectives and probing its limits within the complexities of a postcolonial, developing society. Drawing together secondary scholarship on neoliberal currents in Bangladesh’s educational landscape, historical reconstructions, and original sources that echo the movement’s pulse, this study offers a layered synthesis. By reframing the protests as an NSM, this study contributes to understanding contemporary activism in the Global South, where material and post-material struggles intersect. In a country where education is a lifeline for youth facing unemployment and inequality, the VAT symbolized state indifference to their aspirations. Through the NSM theory, the 2015 movement emerges as a bridge between Bangladesh’s activist past and its neoliberal present, raising questions about youth agency in a society at a crossroads. This reinterpretation challenges us to look beyond economics to the cultural and political currents shaping modern resistance.

Conceptual Framework

The New Social Movement theory emerged in the 1970s and 1980s as a response to the evolving nature of activism in post-industrial societies, where traditional class-based conflicts – central to Marxist analyses – began to give way to struggles over culture, identity, and symbolic meaning. Unlike classical frameworks that prioritise economic redistribution or organisational logistics, the NSM theory offers a lens attuned to the complexities of modern social dynamics, making it particularly apt for analysing movements like the 2015 “No VAT on Education” protests in Bangladesh, which blend material triggers with broader societal aspirations.

Alain Touraine [6] pioneered the NSM theory, arguing that contemporary movements contest “historicity” – the capacity to define and shape societal meanings and self-determination. In post-industrial contexts, Touraine asserts, conflicts shift from the economic sphere (e.g. wages and workplaces) to the cultural domain, where actors challenge systemic control over personal and collective life. He distinguishes NSMs from older labour movements by their focus on autonomy and symbolic production rather than purely material gains, framing them as struggles over who controls the narrative of societal progress. For Touraine, NSMs are not about seizing the means of production but about redefining the ends of social existence – a perspective that resonates with the 2015 protests’ resistance to education’s commodification and their assertion of education as a right.

Alberto Melucci [7] expanded this foundation by conceptualising collective identity as a dynamic process rather than a fixed attribute. For Melucci, movements

are “laboratories of experience”, where participants negotiate shared meanings through collective action, often in opposition to dominant ideologies or power structures. This process becomes both a means and an end, as actors redefine themselves through their resistance – a dynamic evident in how Bangladesh’s students transformed from fee-paying individuals into a cohesive force advocating for educational justice. Melucci’s emphasis on the submerged networks of everyday life – where movements incubate before erupting – further illuminates the grassroots momentum of the 2015 protests, which lacked formal leadership yet achieved rapid escalation.

Jürgen Habermas [8] complements these insights with his theory of the “lifeworld” – the realm of culture, identity, and interpersonal communication – which he argues is increasingly “colonized” by systemic forces like the state and market. NSMs, in Habermas’s view, emerge to defend the lifeworld against such encroachments, resisting the imposition of bureaucratic or economic logic into spheres of human experience. This framework aligns with the 2015 movement’s rejection of neoliberal policies that subordinated education to market imperatives, positioning students as guardians of a cultural domain under threat. Habermas’s focus on communicative action – where resistance fosters dialogue and solidarity – also mirrors the protests’ use of social media to amplify their cause.

The collective insights of these theorists illuminate several core attributes that distinguish NSMs. A process of identity formation emerges, through which movements forge cohesive collective identities, binding together a multiplicity of participants beyond their individual discontents and cultivating a profound sense of solidarity rooted in joint struggle. This dynamic is both enacted and transformative, evident in how students recast themselves from mere consumers within an educational market to active agents of resistance. The embrace of post-material values, inspired by Ronald Inglehart’s 1977 exploration of post-materialism, shifts the focus toward ideals such as autonomy, justice, and democratic engagement, eclipsing a singular concern with economic subsistence [9]. Inglehart’s analysis posits that such priorities take root among educated youth, even within economies in transition, a pattern that finds resonance among Bangladesh’s student activists. Cultural contestation also comes to the fore, as these movements confront entrenched norms and ideologies through symbolic gestures, seeking not just to capture institutional authority but to reconfigure the very values that define society – an impulse reflected in the 2015 protests’ disruption of urban rhythms to elevate education above commercial imperatives. Finally, a decentralised mode of organisation prevails, eschewing the rigid frameworks of conventional labour unions or political entities in favour of adaptable, networked configurations that draw strength from grassroots vitality, a characteristic mirrored in the fluid, leaderless orchestration of the protests through social media and campus connections.

The NSM theory, while compelling, does not escape scrutiny. Claus Offe contends that the theory places undue weight on cultural facets, potentially sidelining the enduring salience of material realities [10] – a point that carries particular resonance in a developing context like Bangladesh, where economic subsistence remains a daily struggle for many. Meanwhile, Craig Calhoun [11] challenges the theory’s claim to originality, observing that identity-driven mobilisations – such as religious or nationalist surges – stretch back well before the

post-industrial era, implying a thread of continuity rather than a sharp rupture from past activism. In Bangladesh, the Language Movement of 1952 exemplifies such continuity, blending material and cultural goals. These critiques highlight the need for contextual adaptation when applying the NSM theory to a postcolonial, neoliberal setting, where material and post-material elements are entwined.

For the 2015 movement, the NSM theory provides a robust framework to unpack dimensions overlooked by economic reductionism. The VAT's material impact – raising tuition costs and threatening access – was undeniable, yet students' rhetoric (e.g. “Education is not a commodity”, “We demand our rights”) and tactics (e.g. road blockades disrupting commerce) [12] suggest broader aspirations: resisting neoliberal commodification, asserting agency, and redefining education's societal role. This framework bridges the movement's immediate trigger with its symbolic and cultural stakes, offering a lens to explore how students positioned themselves as both victims of and resistors to systemic power. In Bangladesh, where neoliberal reforms intersect with postcolonial legacies and authoritarian governance, the NSM theory's flexibility allows it to illuminate the interplay of material and post-material struggles. Applying the NSM theory to a developing nation requires nuance. Bangladesh's economic constraints – low income, high unemployment – might temper post-material claims, yet the protests' emphasis on rights and dignity aligns with Inglehart's observation that post-material values can emerge among educated youth in transitional contexts. The movement's hybrid nature – material grievances fueling symbolic resistance – suggests the NSM theory's adaptability, guiding this analysis with precision and depth while acknowledging the need for balance with material perspectives.

Historical Context: Student Movement in Bangladesh

Bangladesh's history of student activism provides a critical lens to understand the contemporary movement, revealing a deep-rooted tradition of youth-led resistance that blends material demands with ideological aspirations. This legacy situates the 2015 movement within a continuum of activism while underscoring their adaptation to a modern, neoliberal era marked by globalisation, privatisation, and state centralisation.

The Language Movement of 1952 [13] stands as the foundational moment of student power in Bangladesh, then East Pakistan under Pakistani rule. Students from Dhaka University protested the imposition of Urdu as the sole national language – a policy that marginalised Bengali speakers, who comprised over 50% of Pakistan's population, and restricted their access to education, employment, and political participation. On February 21, 1952, police opened fire on demonstrators, killing several students, and sparking a nationwide uprising. This event, now commemorated as the International Mother Language Day, fused material grievances (linguistic access to jobs and education) with cultural identity (Bengali nationalism), establishing students as moral and political vanguards [14]. The movement's success in securing Bengali's status as a state language in 1956 laid the groundwork for Bangladesh's independence struggle, demonstrating students' capacity to shape national destiny through sacrifice and solidarity [14].

The 1969 mass uprising built on this foundation, with students again at the forefront. Facing economic exploitation – East Pakistan contributed 60% of Pakistan's exports yet received only 25% of imports [15] – and political repression

under Ayub Khan's martial law, students organised strikes, rallies, and clashes with authorities [16]. The Six-Point Movement, led by Sheikh Mujibur Rahman and supported by students, demanded regional autonomy, escalating into a broader rebellion that eroded military control in East Pakistan. This activism culminated in the 1971 Liberation War, during which students played critical roles as organisers, fighters, and propagandists – many joining the Mukti Bahini (freedom fighters) – helping secure Bangladesh's independence in December 1971 after nine months of brutal conflict. The war's toll – millions dead, displaced, or traumatized – underscored students' willingness to risk everything for collective goals, blending material demands (economic equity) with ideological visions (national sovereignty).

Post-independence, the 1990 protests against General Ershad's military regime reaffirmed this legacy [17]. Ershad, who seized power in a 1982 coup, ruled through repression and rigged elections, prompting students from Dhaka and other universities to lead nationwide demonstrations. From October to December 1990, they endured arrests, baton charges, and shootings – culminating in Ershad's resignation on December 6, restoring democratic governance. This movement combined material stakes (economic hardship under military rule) with ideological goals (democratic restoration), echoing earlier struggles while showcasing students' enduring role as agents of change.

These historical movements share traits with NSMs – identity formation, symbolic resistance, challenges to hegemonic power – yet were anchored in national or class-based objectives: linguistic sovereignty in 1952, economic and political autonomy in 1969, and democratic legitimacy in 1990. Each blended tangible demands with broader visions, prefiguring the hybrid nature of later activism. By 2015, Bangladesh's socio-economic and political landscape had transformed significantly. Under Sheikh Hasina's Awami League, the nation achieved consistent economic growth, averaging 6–7% annually, earning accolades as an emerging “Asian Tiger” [18]. Yet prosperity masked democratic erosion: electoral irregularities, suppression of opposition parties, and centralised control over state institutions [19]. Neoliberal reforms reshaped education, with public universities – state-subsidised but capped at 50,000 students – contrasting sharply with a burgeoning private sector. By 2015, over 80 private universities enrolled more than 300,000 students, driven by demand from an expanding middle class and urban youth seeking professional qualifications [4].

This privatisation broadened access but introduced market logic, with tuition fees ranging from \$2,000 to \$10,000 annually [4] – exorbitant in a country with a per capita income of \$1,900 [5]. Education, once a public good tied to national development and the ideals of 1971, increasingly resembled a commodity, creating a cultural dissonance. Faculty quality varied, with many private institutions relying on part-time instructors, and infrastructure lagged behind rising fees, fueling student discontent. The job market compounded these tensions: youth unemployment exceeded 10% [20], and graduates faced underemployment, diminishing education's promised returns. The VAT proposal emerged against this backdrop, announced on June 4, 2015, as a revenue measure targeting private universities. Initially set at 10% and later reduced to 7.5%, the tax threatened to add \$150–\$750 annually to fees, intensifying financial pressures and symbolising neoliberal overreach.

Unlike earlier movements tied to nationalism or democracy, the 2015 protests reflect a globalised youth confronting market-driven policies in a semi-authoritarian state. Their decentralised organisation – lacking formal party affiliation, cultural critique of commodification, and emphasis on rights distinguish them as an NSM-style uprising, rooted in yet diverging from Bangladesh’s activist tradition. Students inherited a legacy of agency – forged through bloodshed in 1952, resilience in 1969, and triumph in 1990 – but adapted it to a neoliberal era where education’s privatisation clashed with societal values. The VAT became a flashpoint not just for economic survival but for a broader struggle over meaning, identity, and purpose, setting the stage for an NSM analysis that bridges Bangladesh’s past with its contemporary challenges.

The 2015 “No VAT on Education” Movement: An Overview

The movement unfolded over three months, triggered by the Awami League government’s June 4, 2015, budget proposal to impose a 10% VAT on private university tuition fees, later reduced to 7.5% amid the initial pushback from educators and students. What began as localised campus demonstrations escalated into a nationwide uprising, forcing the government to retract the policy on September 14, 2015.

The budget announcement sparked immediate discontent among private university students. Early protests at campuses like East West University (EWU), North South University (NSU), and BRAC University featured rallies, petitions, and press conferences. The government responded with assurances of dialogue, temporarily quelling unrest, though scepticism lingered. As the academic year began in July–August, renewed protests emerged. Students formed loosely coordinated efforts across campuses. Demonstrations included sit-ins and small marches, with chants like “No tax on knowledge” echoing through Dhaka’s streets. The government maintained the VAT would proceed, citing fiscal necessity, while students warned of escalation. The turning point came when police attacked EWU protesters with tear gas and rubber bullets, injuring over 20 students after a rally escalated into a confrontation [21]. This brutality, widely shared via social media, galvanised outrage nationwide, transforming a policy dispute into a broader struggle [22]. Mass protests erupted, with road blockades paralysing Dhaka, Chittagong, and other cities. Students formed human chains stretching kilometres, chanted “No VAT, no surrender”, and trended #NoVatOnEducation online, with posts like “Education is our right, not your cash cow” amassing thousands of shares [22]. Clashes with police intensified, with baton charges and arrests reported, yet students persisted, occupying key intersections of the city. Facing unrelenting pressure – hundreds of thousands mobilised, urban life disrupted – the government withdrew the VAT, with Finance Minister AMA Muhith citing “student sentiment” in a rare policy reversal [3].

The movement’s tactics were multifaceted, blending physical disruption with digital amplification. Road blockades halted commerce, signalling education’s societal priority over economic routine – on September 11, Dhaka’s traffic stood still for hours [12]. Sit-ins occupied university gates, while marches converged on government offices, with banners reading “Stop selling our future”. Social media – particularly Facebook and Twitter – mobilised support beyond campuses [23]. The movement’s decentralised nature – lacking a single leader – enabled rapid

escalation and adaptability¹, as impromptu rallies sprang up across dozens of campuses. Economically, the VAT's stakes were stark. Private university fees, already 10–20 times higher than public ones, burdened middle-class families, with a 7.5% tax adding \$150–\$750 annually – significant against a \$1,900 per capita income. In a job market where youth unemployment stood almost at 11%, this threatened exclusion, particularly for students from lower-middle-income backgrounds aspiring to professional careers. Yet, the movement's rhetoric transcended costs. Slogans like “Education for all, not the elite” and “We're not here for discounts, we're here for justice”² – framed the VAT not only as an assault on rights and dignity but also as encapsulating a critique of neoliberal commodification.

Police violence catalysed escalation, echoing Bangladesh's history of state repression fueling resistance – like the 1952 killings or 1969 clashes. Many accounts describe baton charges scattering crowds, only for students to regroup: “Tear gas stung, but our resolve grew”, a BRAC University protester recalls³. Arrests numbered in the dozens, yet solidarity deepened, with Facebook posts rallying: “They hit us, we rise – #NoVatOnEducation”. This shift from economic negotiation to broader defiance marks the movement as distinct from earlier, party-driven struggles, aligning it with NSM characteristics of spontaneity, cultural resistance, and collective agency. The movement's diversity – urban students from elite and mid-tier universities united – further underscores its reach. While EWU, NSU, and BRAC led, smaller institutions like Stamford and Daffodil joined, reflecting a shared stake in education's future. This coalition, forged in the streets and online, defied stereotypes of private university students as apathetic or privileged, setting the stage for an NSM analysis of their transformative potential.

Reimagining the 2015 No VAT Movement Through an NSM Prism

The 2015 movement presents a sociological puzzle that challenges conventional interpretations of social movement. At first glance, the movement appears rooted in economic self-interest – a reaction to a policy threatening to inflate already steep tuition costs in a nation where education is a fragile lifeline to social mobility. Yet, to confine this episode to a materialist frame risks obscuring its deeper currents, which ripple through questions of identity, values, and cultural meaning. The economic pressure became a catalyst for a broader process of self-definition, as students shed their fragmented identities as fee-payers to coalesce into a collective force. Melucci's (1989) insight into identity as a relational endeavour proves instructive here: rather than inheriting a pre-existing class position, these students crafted a shared narrative through their resistance to the VAT, positioning themselves as defenders of a societal good against neoliberal encroachment. Touraine's (1981) notion of historicity – the contest over who

¹ In an interview (taken on 13th December 2024 at Shahbag), a student named Aniruddha (then a student of EWU) told me, “In this increasingly authoritarian political climate, we have seen before that this government has been able to easily manipulate or suppress any movement by identifying the leader or leaders. One of the strengths of this movement was its leaderlessness or horizontal structure of the movement.”

² A student of NSU, who wanted to remain anonymous, told me this during an interview (taken on 8th January 2025 at Basundhara).

³ From an interview of a BRAC University student who wanted to remain anonymous (interview taken on 13th January 2025 at Badda).

shapes societal trajectories – further frames this shift, as students asserted agency over education's meaning in a polity increasingly governed by market logic. The forging of this collective subject was neither automatic nor uniform, unfolding through the crucible of public action and digital solidarity. Rallies erupted across campuses – North South University, East West University, BRAC University – and spilled into Dhaka's streets, where human chains linked students from elite and mid-tier institutions alike. A voice from Southeast University declares: "The VAT didn't spare the rich or the poor – it bound us together"¹. Online, the hashtag #NoVatOnEducation became a virtual thread, weaving a tapestry of unity as posts proclaimed a shared stake in the struggle. This process diverged from Bangladesh's earlier student mobilisations, which rallied around linguistic or national causes; instead, it reflected a modern battle against the commodification of a cherished domain. Symbolic acts – chants like "Education is ours, not yours" – crystallised this emerging identity, offering a stark contrast to the hierarchical affiliations of past movements and aligning with NSM's emphasis on organic, action-driven cohesion.

What distinguishes this collective identity is its resonance with Bangladesh's historical ethos, reimagined for a neoliberal age. Education has long been a pillar of national aspiration, a legacy of the 1971 liberation struggle when it symbolised collective progress. The 2015 students tapped into this heritage, not to fight colonial or authoritarian foes, but to resist a subtler erosion: the transformation of learning into a market transaction. A student reflection notes: "We stand where our forebears did, guarding what they won – not with guns, but with our voices"². This melding of historical weight with contemporary critique underscores the NSM claim that identity emerges as a struggle over societal meaning, positioning students as both inheritors and innovators of a cultural tradition. Globally, this echoes the 2010 UK student protests [24], where a unified "student generation" resisted fee hikes, though Bangladesh's postcolonial context adds a layer of historical depth absent in Western parallels.

Beyond the immediate economic stakes, the 2015 uprising reveals a pursuit of values that extend past material relief, a hallmark of NSM dynamics. Inglehart's (1977) post-materialism thesis suggests that educated cohorts, even in transitional economies, increasingly prioritise autonomy, justice, and participation over survival needs. Habermas's (1984) concept of the lifeworld – the cultural sphere threatened by systemic rationalisation – further illuminates this shift, as students sought to shield education from market intrusion. The students' rhetoric soared beyond affordability, embracing a vision of education as an inalienable right. Their testimony could emphasise a fight for dignity over discounts. This elevation of principle over pragmatism drew strength from constitutional moorings – Article 17 guarantees education as a fundamental entitlement [25] – casting the VAT as a moral affront rather than a mere fiscal burden. Students' willingness to face physical peril reinforces this post-material turn. When police batons rained down during street blockades, they held their ground. This sacrifice aligns with Inglehart's contention that post-material values drive action beyond economic

¹ A former student who wanted to remain anonymous told me this in an interview (Interview taken on 7th January 2025 at Mohakhali).

² A former NSU student who wanted to remain anonymous (Interview taken on 2nd February 2025 at Basundhara).

necessity, distinguishing the uprising from traditional resource-based protests like wage disputes.

Yet, this pursuit of post-material ideals navigated a landscape of material hardship, a complexity that tests the NSM theory's applicability in the Global South. For some, the hike in tuition was not an abstract figure but a semester's lifeline, a reality that could not be ignored. Their response, however, framed the tax as a symptom of a larger malaise – neoliberal governance eroding societal goods. Their demand – “End the tax, end its logic” – reflects a dual commitment to immediate relief and systemic change. This interplay suggests that post-materialism, as Inglehart observes, can emerge unevenly, here among youth with educational exposure yet economic fragility, adapting the NSM theory to Bangladesh's socio-economic contours. Globally, this mirrors Spain's 15-M movement [26], where youth sought dignity amid austerity, though Bangladesh's semi-authoritarian setting amplified the radicalism of their value-driven stand. The cultural dimensions of the movement further cemented its NSM character, as students contested the redefinition of education's societal role. In Bangladesh, education's historical status as a public good – forged in the crucible of 1971 – clashed with its neoliberal recasting as a commodity. The proliferation of private universities, numbering over 80 by 2015, had already tilted this balance, prioritising profit over pedagogy. The VAT crystallised this shift, prompting students to reclaim education's cultural primacy against market rationalisation. Their resistance took a vivid form in the streets and squares of Dhaka. Blockades brought the city to a standstill, human chains and sit-ins punctuated the message proclaiming “Education over economics”, a direct challenge to neoliberal hegemony. These acts of disruption were not mere tactics but symbolic assertions, aligning with Touraine's vision of NSMs as struggles over meaning rather than power. They echoed Habermas's call to defend cultural spheres, reasserting education as a societal cornerstone rather than a revenue stream.

This contestation bridges Bangladesh's past and present, drawing on a legacy of cultural defence. The 1952 Language Movement fought for education in Bengali, a cultural stand against external imposition; the 2015 uprising fought for education's integrity against internal marketisation. A student's conviction draws this thread: “Our elders secured our tongue; we secure our future”¹. This historical dialogue positions students as cultural stewards, resisting neoliberal erosion with a nod to their forebears' sacrifices. Globally, this finds kinship with Mexico's #YoSoy132 [27], which challenged media monopolies as cultural threats, though Bangladesh's repressive context – where dissent invites swift retaliation – lends the 2015 effort a sharper edge. The organisational dynamics of the movement enhance its NSM profile, revealing a movement that thrived on fluidity rather than fixed structures. The movement's energy sprang from grassroots spontaneity. This was a stark departure from the party-led campaigns of 1969 or 1990. The movement's spread – from EWU's initial clash on September 9 to dozens of campuses within days – testifies to this organic momentum, driven by students' initiative rather than top-down directives. Digital platforms fueled this fluidity, transforming the uprising into a networked phenomenon. Facebook livestreams of police clashes and Twitter's #NoVatOnEducation hashtag turned isolated acts into a collective surge.

¹ A student of Daffodil University who wanted to remain anonymous (interview taken on 4th January 2025 at Uttara).

This technological backbone, absent in earlier mobilisations, mirrors NSM's reliance on diffuse networks, enabling rapid escalation and broad reach. Repression – tear gas, arrests numbering in the dozens – tested this structure, yet its lack of a central figure confounded state efforts to suppress it.

Discussion and Conclusion

The “No VAT on Education” movement was more than a policy protest – it was a critique of Bangladesh's neoliberal trajectory under Hasina. Economic growth masked democratic deficits: rigged elections, opposition arrests, and centralised control. The education sector exemplified this paradox: privatisation expanded access but commodified learning, alienating youth facing unemployment. The VAT's withdrawal was a tactical victory, but its legacy lies in its symbolic impact. By asserting agency, students prefigured later uprisings – 2018's quota reform movement, 2024's July Uprising – suggesting a growing NSM-style consciousness. A student asserts: “We stopped VAT, but we started something bigger – our voice matters now”¹. This shift challenges a regime reliant on economic legitimacy over democratic consent. The protests exposed neoliberalism's limits – growth without equity or participation – resonating with youth disillusioned by unfulfilled promises. This movement echoes global NSMs like South Africa's #FeesMustFall, where students contested market-driven education, or Chile's 2011 protests against privatisation. In Bangladesh, this consciousness hints at systemic change, as youth reject top-down governance for collective agency. The movement's legacy extends culturally. By framing education as a right, students revived 1971's ethos – education as nation-building – against neoliberal erosion. This cultural reclamation, seen in chants like “Education for all, not the elite”, positions them as custodians of Bangladesh's founding ideals, bridging past and present. The NSM theory enriches the analysis of the 2015 protests, capturing their cultural and identity-based dimensions. It reveals how students transcended economic grievances to contest neoliberal power, aligning with global trends. The movement shares NSM traits but is shaped by Bangladesh's postcolonial, authoritarian context – unlike Chile's democratic setting. This necessitates adaptation, as material survival coexists with post-material goals. The protests' success highlights NSM efficacy, yet their limits suggest further research into a material–post-material interplay in developing nations, refining theory for hybrid settings. It extends Bangladesh's student movement tradition into a neoliberal age, offering insights into youth resistance in the Global South. By challenging commodification and asserting agency, students secured a policy reversal and signalled a shift toward activism prioritising meaning and justice, with lasting implications for Bangladesh's political future and the NSM theory's postcolonial application.

References

1. Ministry of Finance of the People's Republic of Bangladesh. (2015) *Budget in Brief 2015-16*. Dhaka: Finance Division, Ministry of Finance. [Online] Available from: https://mof.gov.bd/sites/default/files/files/mof.portal.gov.bd/page/budget_in_brief_2015_16.pdf (Accessed: 9th February 2025).

¹ An engineering student named Rakayat of BRAC University (interview taken on 16th January 2025 at Badda).

2. Anik, S.S.B. (2015) NBR asks private varsities to pay VAT by August 15. *Dhaka Tribune*. 15th August. [Online] Available from: <https://www.dhakatribune.com/bangladesh/education/106385/nbr-asks-private-varsities-to-pay-vat-by-august-15> (Accessed: 6th February 2025).
3. *The Daily Star*. (2015) V for no VAT. [Online] Available from: <https://www.thedailystar.net/frontpage/news/v-no-vat-143461> (Accessed: 15th March 2025).
4. University Grants Commission of Bangladesh. (2024) *Annual Report 2023*. Dhaka: University Grants Commission. [Online] Available from: https://ugc.portal.gov.bd/sites/default/files/files/ugc.portal.gov.bd/annual_reports/104b8c32_dbe2_4c07_8228_76b999beff2a/2024-01-23-05-49-e04bbf524cb5120252822612c3fab6df.pdf (Accessed: 3rd March 2025).
5. World Bank Open Data. (2015) *World Bank Open Data*. [Online] Available from: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?end=2015&locations=BD&most_recent_year_desc=true&start=2015 (Accessed: 10th February 2025).
6. Touraine, A. (1981) *The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements*. Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press; Paris: Maison des sciences de l'homme.
7. Melucci, A. (1989) *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. Philadelphia: Temple University Press.
8. Habermas, J. (1984) *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press.
9. Inglehart, R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press.
10. Offe, C. (2019) New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics (1985). In: Schmidt, A. & Weber, B. (eds) *Social Movements and Political Change: Theoretical Perspectives*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. pp. 255–294.
11. Calhoun, C. (1993) New Social Movements of the Early Nineteenth Century. *Social Science History*. 17(3). pp. 385–427.
12. *The Daily Star*. (2015) Students' demo stops Dhaka. [Online] Available from: <https://www.thedailystar.net/frontpage/news/students-demo-stops-dhaka-141397> (Accessed: 10th March 2025).
13. Umar, B. (2004) *The Emergence of Bangladesh: Class Struggles in East Pakistan, 1947–1958*. Oxford: Oxford University Press.
14. Alam, S.M.S. (1991) Language as political articulation: East Bengal in 1952. *Journal of Contemporary Asia*. 4(21). pp. 469–487.
15. Sobhan, R. (1993) *Bangladesh: Problems of Governance*. University Press.
16. Jahan, R. (1995) *Pakistan: Failure in National Integration*. Dhaka: University Press.
17. Baxter, C. (1991) Bangladesh in 1990: Another New Beginning? *Asian Survey*. 31(2). pp. 146–152.
18. Barai, M.K. (ed.) (2020) *Bangladesh's Economic and Social Progress: From a Basket Case to a Development Model*. Singapore: Springer.
19. Jackman, D. (2021) Students, movements, and the threat to authoritarianism in Bangladesh. *Contemporary South Asia*. 2(29). pp. 181–197.
20. International Labour Organization (ILO). (2015) *Global Employment Trends for Youth 2015*. Geneva: ILO. [Online] Available from: <https://www.ilo.org/publications/global-employment-trends-youth-2015-scaling-investments-decent-jobs-youth> (Accessed: 16th January 2025).
21. *Dhaka Tribune*. (2015) 23 hurt as police foil anti-VAT EWU demo. [Online] Available from: <https://www.dhakatribune.com/bangladesh/bangladesh-others/109087/23-hurt-as-police-foil-anti-vat-ewu-demo> (Accessed: 11th February 2025).
22. Anjalin, U. (2020) *Portrayals of Hashtag Activism in Southeast Asia: A Case Study of #NOVATONEDUCATION Citizen Movement in Bangladesh*. Dr. Diss. University of Tennessee. p. 278.
23. Karim, E. (2015) The Power of Social Media. *The Daily Star*. 4th December. [Online] Available from: <https://www.thedailystar.net/star-weekend/spotlight/the-power-social-media-181789> (Accessed: 18th January 2025).
24. Cammaerts, B. (2013) The Mediation of Insurrectionary Symbolic Damage. *The International Journal of Press/Politics*. 18(4). pp. 525–548.
25. *The Constitution of the People's Republic of Bangladesh*. [Online] Available from: <http://bdlaws.minlaw.gov.bd/act-367.html> (Accessed: 18th November 2024).
26. Sampedro, V. & Lobera, J. (2014) The Spanish 15-M Movement: a consensual dissent? *Journal of Spanish Cultural Studies*. 15(1–2). pp. 61–80.
27. García, R.G. & Treré, E. (2014) The #YoSoy132 movement and the struggle for media democratization in Mexico. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 20(4). pp. 496–510.

Information about the author:

Ghosh S.Ch. – PhD, research assistant, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: saikotghosh1952@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Гхош С.Ч. – научный сотрудник, аспирант, кафедра социологии факультета социальных наук Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: saikotghosh1952@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 19.03.2025;
approved after reviewing 01.04.2025; accepted for publication 17.04.2025
Статья поступила в редакцию 19.03.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.04.2025*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 328.122.2
doi: 10.17223/1998863X/84/18

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВНЕОЧЕРЕДНЫХ ВЫБОРОВ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТ ГЕРМАНИИ 2025 г. НА ОСНОВЕ НЕЙРОСЕТЕВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Дмитрий Игоревич Каминченко

*Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
Университет Неймарка, Нижний Новгород, Россия,
dmitkam@inbox.ru*

Аннотация. Работа посвящена изучению избирательной кампании на внеочередных федеральных выборах в немецкий парламент, запланированных на 23 февраля 2025 г. Цель исследования заключается в прогнозировании результатов голосования на примере трех популярных политических партий и блоков – Христианско-демократического союза (ХДС) и Христианско-социального союза (ХСС), Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и партии «Зеленые». В качестве базового эмпирического метода использовано нейросетевое моделирование. Разработан целый ряд экспериментальных нейросетей, «обученных» на основании комплекса количественных переменных социально-экономического и политического свойства. В результате «обученные» нейросети сделали собственный прогноз относительно исхода голосования для трех указанных политических сил. Представленные результаты сопоставлены с показателями текущего электорального рейтинга обозначенных политических партий.

Ключевые слова: выборы, избирательная кампания, парламент, Бундестаг, нейросеть, моделирование, прогнозирование

Для цитирования: Каминченко Д.И. Прогнозирование результатов внеочередных выборов в национальный парламент Германии 2025 г. на основе нейросетевого моделирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 219–235. doi: 10.17223/1998863X/84/18

POLITICAL SCIENCE

Original article

FORECASTING THE RESULTS OF THE FEDERAL ELECTION TO THE GERMAN PARLIAMENT IN 2025 BASED ON NEURAL NETWORK MODELING

Dmitriy I. Kaminchenko

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
Neimark University, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
dmitkam@inbox.ru*

Abstract. In November 2025, it became known that the “traffic light coalition” of political parties in Germany had collapsed due to the withdrawal of the Free Democratic Party (FDP). This caused a political crisis in Germany, culminating in a session of the Bundestag on December 16, 2024, at which a vote of no confidence in the government of the current Chancellor Olaf Scholz was passed. As a result, the federal election to the country’s parliament was announced in Germany for February 23, 2025. The aim of this research is to predict the voting results for the largest German parties in the upcoming elections to the Bundestag. The main applied method used in the current study is neural network modeling, based on the results of which a whole series of neural networks were “trained” to predict the results of the vote. The neural networks were “trained” based on a set of socio-economic and political parameters, starting from 1990 and ending in 2023. The study examined the election prospects of three political parties and blocs: the Christian Democratic Union (CDU) and the Christian Social Union (CSU), the Social Democratic Party of Germany (SPD) and the Green Party. Due to the sample requirements, data on the popular Alternative for Germany (AfD) party, which has been participating in federal parliamentary elections since 2013, was not used in the “training” of the neural networks. Based on the results of the “training”, the neural networks made a forecast according to which, “in the opinion” of the neural network, the center-right CDU/CSU bloc will receive 41.49%, the center-left SPD 20.5%, and the left-liberal Green Party 14.79% of the “second” votes (cast on party lists). The forecast indicators were compared with the data of the current electoral rating of the three specified political parties. Based on the results obtained using neural networks, preliminary conclusions were made regarding various options for the composition of the participants of the party coalitions that could be formed based on the results of the voting in the Bundestag election.

Keywords: election, election campaign, parliament, Bundestag, neural network, modeling, forecasting

For citation: Kaminchchenko, D.I. (2025) Forecasting the results of the federal election to the German parliament in 2025 based on neural network modeling. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 84. pp. 219–235. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/18

Введение

В политических системах парламентского типа краеугольную роль играет институт коалиции партий, формирующих состав правительства. От процесса создания коалиции, ее содержания и продвигаемых ею идей социально-экономического и политического развития во многом зависит функционирование общества в течение определенного (фиксированного на законодательном уровне) периода времени. Распад партийной коалиции способствует образованию политического кризиса в странах с парламентской политической системой, за которым часто следует проведение новых – досрочных выборов.

Похожая ситуация сложилась в Германии осенью 2024 г., когда стало известно о выходе из «светофорной коалиции» (названной таким образом по основным цветам образовавших ее партий – «Социал-демократическая партия Германии» (СДПГ), «Зеленые» и «Свободная демократическая партия» (СвДП)) – представителей СвДП. Причиной раскола внутри коалиции, как отмечают эксперты, послужили разногласия в бюджетной, финансовой и экономической политике¹. В своем правительствоном заявлении от 13 ноября 2024 г. канцлер Германии Олаф Шольц (СДПГ) заявил о намерении поставить вопрос о доверии своему кабинету министров в нижней палате федерального

¹ Что известно о распаде правящей коалиции в ФРГ // Официальный веб-сайт Информационного агентства ТАСС. 07.11.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22335229> (дата обращения: 4 января 2025 г.).

парламента – Бундестаге. Итоговое голосование по данному вопросу состоялось на заседании Бундестага 16 декабря, по результатам которого правительство Шольца поддержали 207 депутатов (при необходимости набрать 367 голосов), против выступили 394 парламентария, воздержались – 116, а 16 человек не приняли участие в поименном голосовании¹. После вотума недоверия кабинету министров «светофорной коалиции» в Германии было объявлено о проведении досрочных выборов в Бундестаг 23 февраля 2025 г.

Один из ключевых вопросов, обсуждаемых сегодня в экспертном сообществе применительно к современной немецкой политике, заключается в том, какие результаты на предстоящих выборах покажут действующие политические силы. По свежим, агрегированным информационным порталом «Статиста» данным (на момент начала января 2025 г.), электоральный рейтинг оппозиционного правоцентристского блока Христианско-демократического союза (ХДС) и Христианско-социального союза (ХСС) составляет от 30 до 36%, правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) – от 18 до 20,5%, левоцентристской СДПГ – от 14 до 18%, леволиберальной партии «Зеленые» – от 12 до 14%, «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» – от 4 до 7%. Остальные партии, включая либеральную СвДП, пока не могут преодолеть пятипроцентный барьер². Серьезный исследовательский интерес вызывает потенциальный партийный состав новой правящей коалиции, которая будет сформирована по итогам выборов февраля 2025 г.

Целью текущей работы является прогнозирование результатов федеральных выборов в Германии, запланированных на 23 февраля 2025 г. Для построения прогнозной модели предполагается использовать целый ряд количественных переменных, которые, по мнению автора работы, способны повлиять на итоги голосования на парламентских выборах. Причем представляется необходимым использовать переменные как непосредственно политического, так и социально-экономического плана (ввиду того, что политическое поведение индивида определяется целым комплексом базовых аспектов социальной, экономической, культурной и политической сфер). В качестве зависимой количественной переменной в прогнозной модели будет применяться уровень поддержки разных политических партий Германии. Исследование носит пилотный характер, оно направлено на поиск оптимальной прогнозной модели, основным методом – нейросетевое моделирование, в результате которого будет построена соответствующая нейросеть, «обученная» на основе заданных количественных параметров (т.е. нейросеть «с учителем»).

Теоретические основания

Рассмотрению различных аспектов, связанных с функционированием немецкой партийной системы, в последнее время уделено немало внимания со стороны научного сообщества [1–8].

¹ 394 Abgeordnete sprechen Bundeskanzler Scholz nicht das Vertrauen aus // Offizielle Website des Deutschen Bundestages. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw51-de-vertrauensfrage-1033624> (accessed: 04.01.2025).

² Welche Partei würden Sie wählen, wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre? // Offizielle Website des Informationsportals Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/30321/umfrage/sonntagsfrage-zur-bundestagswahl-nach-einzelnen-instituten/> (accessed: 04.01.2025).

Одним из наиболее популярных тематических направлений является изучение различных процессов, относящихся к проведению парламентских выборов. Профессор Университета Дуйсбурга-Эссена К.Р. Корте, анализируя результаты электоральной кампании в Бундестаг 2017 г., обращает внимание на рост явки избирателей, «реполитизацию» («die Repolitisierung») и общественную поляризацию (последняя, в частности, привела к усилению фрагментации в парламенте страны). Он отмечает, что федеральная избирательная кампания 2017 г. серьезно отличалась от предыдущих в связи с актуализацией всеобъемлющей темы беженцев в Германии [9. S. 78].

В преддверии федеральных выборов в Бундестаг 2021 г. профессор Ф. Декер писал о том, что во многих отношениях указанные выборы проводились в исключительных обстоятельствах и, по ощущению ученого, они должны были бы стать одними из самых захватывающих в истории Федеративной Республики. В частности, Декер указывает на то, что еще никогда ранее действующий федеральный канцлер – в данном случае женщина-канцлер (Ангела Меркель, представитель блока ХДС/ХСС) – не воздерживался от выдвижения своей кандидатуры на выборах. Подобная ситуация ставит правоконсервативный блок в сложное положение в ходе предвыборной кампании, так как они шли на нее с новым кандидатом – председателем ХДС Армином Лашетом, голосование за которого должно было одновременно стать и оценкой избирателями качества работы уходящего кабинета министров А. Меркель.

Кроме того, помимо прочего Ф. Декер обращает внимание на то, что электоральная кампания 2021 г. проходила в условиях серьезнейшего кризиса, вызванного пандемией новой коронавирусной инфекции, что оказало существенное влияние не только на тематическую сторону предвыборной кампании, но и на технические и организационные процессы (например, на проведение партийных конференций и процедуры выдвижения кандидатов) [10. S. 107].

Немалое внимание в научном сообществе уделяется и изучению роли отдельных политических партий внутри немецкой политической системы, которые, как пишет в одной из своих работ К. Деттербек, в таких странах, как Германия, «имеют монопольный контроль над доступом в состав парламентов и правительств» [11. S. 103]. Набирающая в последнее время популярность среди избирателей крайне правая партия «Альтернатива для Германии» находится в центре внимания в работе Карин Пристер с лаконичным названием «Die Alternative für Deutschland». Она отмечает, что ретроспективно, с точки зрения развития правого популистского направления в Европе, основанная только в 2013 г. АдГ заявила о себе в Германии относительно поздно. Долгое время крайне правые политические партии оставались в Германии маргинализированными и не оказывали существенного влияния на принятие значимых решений. Причины этого, по мнению К. Пристер, кроются в «особой ответственности перед немецкой историей, в демократически сложившейся политической культуре страны и, не в последнюю очередь, в существовании двух крупных, относительно стабильных народных партий и их принципиальной ориентации на политический консенсус всеобщего благосостояния после 1945 года» [12. S. 445].

Тематически близким к указанному направлению исследований является изучение идейно-идеологического спектра современной внутренней немецкой политики. Здесь сошлемся на одну из недавних работ Николаса Биндера, где изучается вопрос о том, какие политические идеи и представления так или иначе имеют отношение к популизму, а также рассматривается взаимосвязь между популистскими установками и установками в области экономической и социальной политики [13. S. 506–507]. Один из выводов, который сделал Н. Биндер на основе анализа общественного мнения в Германии с применением модели линейной регрессии стало то, что скептицизм в отношении вопросов о свободной торговле и трудовой миграции в немецком обществе идет рука об руку с более популистскими настроениями [13. S. 527].

Региональный аспект политической и партийной жизни в современной Германии также оказывается в фокусе внимания немецких ученых. Профессор политологии в Техническом университете Хемница Экхард Йессе в 2021 г. писал о том, что специфика Восточной и Западной Германии очевидна: на Востоке больше протестов, «колеблющихся» избирателей («Wechselwählerinnen und Wechselwähler») и тех граждан, кто не участвует в голосовании. Ученый отмечает, то, что было верно 20 лет спустя после объединения Германии, актуально и еще десять лет спустя, хотя указанные тенденции несколько ослабли за прошедшее время. Вместе с тем, он подчеркивает, что определенные различия существуют и между Севером и Югом страны, а также – между городом и деревней. При этом региональные различия в Германии, по мнению Э. Йессе, не перерастают в сепаратистские тенденции в отличие от некоторых других европейских государств [14. S. 119].

Несмотря на уже сложившийся массив научных исследований в области партийной и политической жизни Германии, происходящие внутри- и внешнеполитические события способны оказать существенное влияние на электоральные процессы, что требует своего детального изучения. Более того, политический кризис, вызванный распадом правящей коалиции, является относительно нечастым событием в немецкой политической жизни, он порождает целый ряд актуальных вопросов, среди которых – причины и последствия распада коалиции, электоральные предпочтения граждан Германии на внеочередных федеральных выборах, потенциальный состав нового коалиционного правительства и т.д. Текущая работа представляет собой попытку дать ответ только на некоторые из обозначенных вопросов.

Завершая теоретический обзор, необходимо отметить возрастающий интерес к изучению роли технологий искусственного интеллекта в функционировании общества в целом и его политической сферы в частности [15–20]. В одной из работ Ф. Дариуса и А. Рёммеле рассматривается проблема использования искусственного интеллекта в политической коммуникации между партиями и избирателями. Как пишут авторы, «новые технологии, такие как генеративный ИИ, т.е. системы, способные создавать осмысленные тексты, изображения и музыку автономно или в соответствии с заранее подготовленной инструкцией, расширяют набор инструментов, а точнее – арсенал доступных ресурсов политической (предвыборной) кампании и оказывают влияние на „цифровую среду кампании“ („digitale Kampagnenumgebungen“), такую, как социальные интернет-платформы или поисковые онлайн-системы» [19. S. 199–200].

Коллектив российских ученых в составе С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко и Н.М. Печенкина, проанализировав особенности рассмотрения политической роли искусственного интеллекта в различных исследовательских работах, сделали вывод о появлении научного дискурса, «в рамках которого фиксируются потенциальные социально-политические угрозы, риски и вызовы ключевым сферам жизнедеятельности современных государств и обществ, которые требуют их определения, глубокого рассмотрения и анализа современными специалистами и учеными в области политических наук» [15. С. 411].

В текущей работе представлена попытка провести исследование с использованием технологии искусственного интеллекта (создания нейросети «с учителем») для построения прогнозной модели результатов выборов в немецкий Бундестаг, запланированных на 23 февраля 2025 г.

Эмпирический метод исследования

Основной прикладной метод, используемый в работе, – это нейросетевое моделирование с построением нейронных сетей, позволяющих на основе целого ряда социально-экономических и политических факторов спрогнозировать результаты голосования на предстоящих выборах в Германии в феврале 2025 г. В качестве так называемых «входных» переменных, на базе которых и будет прогнозироваться уровень поддержки конкретной политической партии, используются следующие:

1. Уровень валового внутреннего продукта на душу населения, по годам (в абсолютных значениях) – переменная «X1» (использованы официальные данные Федерального статистического управления ФРГ)¹.

2. Уровень индекса потребительских цен, по годам (в абсолютных значениях) – переменная «X2» (использованы официальные данные Федерального статистического управления ФРГ)².

3. Уровень безработицы, по годам (в процентах) – переменная «X3» (использованы официальные данные Федерального статистического управления ФРГ)³.

4. Уровень иммиграции (не немцы, приезжающие в Германию), по годам (в абсолютных значениях) – переменная «X4» (использованы официальные данные Федерального статистического управления ФРГ)⁴.

5. Результат конкретной политической партии (по которой и производится прогнозирование) на предыдущих (предшествующих анализируемому электоральному циклу) федеральных выборах в парламент (по списочной части или так называемым «вторым голосам» избирателей), по соответстви-

¹ Bruttoinlandsprodukt je Einwohner // Offizielle Website des Statistischen Bundesamtes. URL: <https://service.destatis.de/DE/vgr-monitor-deutschland/bip.html> (accessed: 04.01.2025).

² Verbraucherpreisindex: Deutschland, Jahre // Offizielle Website des Statistischen Bundesamtes. URL: <https://www-genesis.destatis.de/datenbank/online/statistic/61111/table/61111-0001> (accessed: 04.01.2025).

³ Registrierte Arbeitslose, Arbeitslosenquote1 nach Gebietsstand // Offizielle Website des Statistischen Bundesamtes. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Konjunkturindikatoren/Lange-Reihen/Arbeitsmarkt/lrab003ga.html> (accessed: 04.01.2025).

⁴ Wanderungen zwischen Deutschland1 und dem Ausland von 1950 bis 2023 Offizielle Website des Statistischen Bundesamtes. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Wanderungen/Tabellen/wanderungen-zwischen-deutschland-und-dem-ausland_Jahr-02.html (accessed: 04.01.2025).

ющим легислатурным периодам (в процентах) – переменная «X5» (использованы официальные данные сайта Бундестага ФРГ)¹.

6. Уровень участия граждан на предыдущих (предшествующих анализируемому электоральному циклу) федеральных выборах в парламент (в процентах) – переменная «X6» (использованы официальные данные интернет-портала «Статиста»)².

В «обучении» нейронной сети использованы количественные показатели по каждой из указанных выше «входных» переменных. Причем показатели по переменным «X1», «X2», «X3» и «X4» взяты по состоянию на год, предшествующий выборам: например, если сеть обучается по данным, посвященным выборам в Бундестаг 1994 г., то для ее «обучения» используется подушевой показатель ВВП Германии за 1993 г. Это делается неслучайно, так как обычно федеральные выборы в парламент страны проводятся в сентябре, текущих общегосударственных данных по выбранным параметрам в сентябре, естественно, еще нет, поэтому за основу берется количественный показатель за предыдущий год, что, на наш взгляд, не нарушает логики исследования ввиду того, что социально-экономические показатели предыдущего года оказывают немалое влияние на функционирование общества в тот или иной последующий период времени. Выбор обозначенных социально-экономических переменных (X1, «X2», «X3» и «X4») связан с тем, что на электоральное поведение избирателей влияют не только непосредственно политические параметры и особенности ведения предвыборных кампаний кандидатами и политическими партиями, но и ситуация в социальной и экономической сферах, поэтому для комплексного анализа и прагматического учета различных факторов в формировании электоральных предпочтений граждан применяется целый ряд указанных переменных. Вместе с тем возможности использовать большое количество «входных» переменных ограничены небольшой выборкой, обусловленной количеством электоральных циклов (с 1994 по 2021 г. включительно выборы в федеральный законодательный орган ФРГ проводились восемь раз).

Уровень поддержки партии на предыдущих выборах в Бундестаг (уточним: если сеть обучается по данным, посвященным выборам в Бундестаг 1994 г., то для ее «обучения» используется результат конкретной партии на выборах в федеральный парламент в 1990 г.) также используется в «обучении» неслучайно, так как, по нашему мнению, текущая расстановка сил и популярность партий в предыдущем электоральном цикле оказывают определенное влияние на политическое восприятие общества, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Закономерным является и использование в исследовании показателей уровня явки именно на предыдущих выборах (опять-таки, если сеть обучается по данным, посвященным выборам в Бундестаг 1994 г., то для ее «обучения» используется общий показатель явки на выборах в федеральный парламент в 1990 г.). Последовательный анализ активности избирателей позволяет сделать значимые выводы не только об особенностях политического поведения в обществе, но и о специфике политиче-

¹ Bundestagswahlsergebnisse seit 1949 – Zweitstimmen // Offizielle Website des Deutschen Bundestages. URL: https://www.bundestag.de/parlament/wahlen/ergebnisse_seit1949-244692 (accessed: 04.01.2025).

² Wahlbeteiligung bei den Bundestagswahlen in Deutschland von 1949 bis 2021 // Offizielle Website des Informationsportals Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/2274/umfrage/entwicklung-der-wahlbeteiligung-bei-bundestagswahlen-seit-1949/> (accessed: 04.01.2025).

ской культуры социума, поэтому данный количественный показатель представляет немалый интерес для прогнозирования итогов голосования.

В качестве результирующей, «выходной» переменной в «обучаемой» нейросети используется конкретный показатель той или иной политической партии, полученный ею в ходе выборов в Бундестаг, за период с 1994 по 2021 г. (по спискам), что обусловлено целью исследования – прогнозирование результатов голосования (по списочной части) в феврале 2025 г. Нижняя граница временного диапазона выбрана по причине необходимости учета количественных показателей предыдущего года и электорального цикла, поэтому данные, посвященные выборам в Бундестаг 1990 г., не использованы ввиду сложности поиска необходимых количественных показателей, учитывая вхождение Германской Демократической Республики (ГДР) в состав Федеративной Республики Германия (ФРГ) 3 октября 1990 г. Верхняя временная граница соответствует дате проведения последних по времени федеральных выборов в парламент Германии.

«Обучение» нейросети производится по количественным показателям трех политических партий, которые сегодня в целом являются наиболее популярными в немецком обществе (согласно результатам опросов, приведенных ранее в работе) за исключением партии «Альтернатива для Германии». Исключение показателей указанной партии из исследования обусловлено тем, что данная политическая сила принимала участие только в трех избирательных циклах – в 2013, 2017 и 2021 гг., что ощутимо меньше по сравнению с другими партиями, поэтому, чтобы соблюсти требования к выборке, ее показатели не учитывались в ходе «обучения» нейросети. Таким образом, с помощью нейросетевого моделирования планируется спрогнозировать результаты выборов в Бундестаг 2025 г. для трех партий и блоков – ХДС/ХСС, СДПГ и «Зеленые».

Исходные данные, используемые для нейросетевого анализа, представлены в табл. 1

Таблица 1. Исходные количественные данные для «обучения» нейросети

Год проведения выборов	X1	X2	X3	X4	X5, %: ХДС/ХСС; СДПГ; «Зеленые»	X6, %	Y, %: ХДС/ХСС; СДПГ; «Зеленые»
1994	21 710	67,9	9,8	989 847	43,8; 33,5; 1,2	77,8	41,5; 36,4; 7,3
1998	24 134	73,4	12,7	615 298	41,5; 36,4; 7,3	79	35,2; 40,9; 6,7
2002	26 933	77	10,3	685 259	35,2; 40,9; 6,7	82,2	38,5; 38,5; 8,6
2005	28 151	80,2	11,7	602 182	38,5; 38,5; 8,6	79,1	35,2; 34,2; 8,1
2009	32 065	86,9	8,7	573 815	35,2; 34,2; 8,1	77,7	33,8; 23,0; 10,7
2013	34 819	91,7	7,6	965 908	33,8; 23; 10,7	70,8	41,5; 25,7; 8,4
2017	38 812	95	6,8	1 719 075	41,5; 25,7; 8,4	71,5	32,9; 20,5; 8,9
2021	41 481	100	6,5	994 819	32,9; 20,5; 8,9	76,2	24,1; 25,7; 14,8

Примечание. X1 – ВВП на душу населения, в годовых абсолютных значениях, в год, предшествующий выборному году; X2 – индекс потребительских цен, в годовых абсолютных значениях, в год, предшествующий выборному году; X3 – уровень безработицы, в годовых процентных значениях, в год, предшествующий выборному году; X4 – показатель иммиграции, в годовых абсолютных значениях, в год, предшествующий выборному году; X5 – результат партии на предыдущих выборах (по списочной части); X6 – показатель явки на предыдущих федеральных выборах; Y – результат политической партии на выборах (по списочной части).

Непосредственно для прогноза итогов голосования за три указанные политические партии на ближайших выборах использованы количественные показатели по социально-экономическим переменным (X1», «X2», «X3» и «X4») не за 2024 г., что соответствовало общей модели, а за 2023 г. (табл. 2).

Причина состоит в том, что на текущий момент отсутствуют общегодовые статистические показатели практически по всем указанным переменным, что затрудняет использование данных именно за 2024 г. Впрочем, учитывая внеочередной характер федеральных выборов, проводимых не осенью, как это обычно происходит в Германии, а зимой, вполне допустимо использовать для прогноза относительно еще недавние общие статистические показатели за 2023 г. Показатели по двум политическим переменным («X5» и «X6» соответственно) в прогнозной модели использованы за 2021 г., когда состоялись последние по времени проведения выборы в Бундестаг, что полностью соответствует логике исследования.

Таблица 2. Исходные количественные данные для прогнозирования с помощью «обученной» нейросети

X1	X2	X3	X4	X5, %: ХДС/ХСС; СДПГ; «Зеленые»	X6, %
49 525	116,7	6,2	1 741 153	24,1; 25,7; 14,8	76,2

Примечание. X1 – ВВП на душу населения, в годовых абсолютных значениях, в 2023 г.; X2 – индекс потребительских цен, в годовых абсолютных значениях, в 2023 г.; X3 – уровень безработицы, в годовых процентных значениях, в год, предшествующий выборному году; X4 – показатель иммиграции, в годовых абсолютных значениях, в 2023 г.; X5 – результат партии на федеральных выборах 2021 г. (по списочной части); X6 – Показатель явки на федеральных выборах 2021 г.

Результаты исследования

Под примеры с каждой из трех обозначенных политических партий на специализированной аналитической платформе «Deductor Studio Academic» «обучены» по 10 экспериментальных нейронных сетей с целью установить для каждого из случаев ту нейросеть, для которой свойственно наименьшее значение ошибки прогноза. Ошибка прогноза представляет собой разность между фактическими количественными данными (т.е. реальными, при помощи которых и происходит процесс «обучения» нейросети) и прогнозными (формируемыми уже непосредственно самой нейросетью). Чем выше значение ошибки прогноза (в абсолютных числах, от 0 до 1 или в процентах), тем выше отклонение прогнозных значений от фактических. Поэтому из всех «обученных» нейросетей для целей прогнозирования отобраны только те, где количественное значение ошибки прогноза меньше. Соответствующие статистические данные приведены в табл. 3.

Таблица 3. Статистические значения ошибки прогноза для экспериментальных нейронных сетей, построенных по данным для политических партий ХДС/ХСС, СДПГ и «Зеленые»

ХДС/ХСС		СДПГ		«Зеленые»	
Порядковый номер экспериментальной нейросети	Значение ошибки прогноза	Порядковый номер экспериментальной нейросети	Значение ошибки прогноза	Порядковый номер экспериментальной нейросети	Значение ошибки прогноза
1	0,0244	1	0,0389	1	0,0196
2	0,0163	2	0,0493	2	0,0114
3	0,0190	3	0,0156	3	0,0267
4	0,0128	4	0,0156	4	0,0256
5	0,0371	5	0,0479	5	0,0483
6	0,0317	6	0,0566	6	0,0402
7	0,0244	7	0,0156	7	0,0143
8	0,0164	8	0,0301	8	0,0114
9	0,0162	9	0,0476	9	0,0295
10	0,0232	10	0,0486	10	0,0114

Как видно из табл. 3, количественные значения ошибки прогноза по всем 30 «обученным» нейросетям не превышают показателя, равного 0,0566, что относительно немного (примерно равно 5%), т.е. нейросети «обучены» относительно точно в соответствии с изначально заданными параметрами. Для показателей блока ХДС/ХСС наименьшая ошибка прогноза в экспериментальной нейросети № 4, для СДПГ – в нейросетях № 3, 4 и 7, для «Зеленых» – в нейросетях № 2, 8 и 10 (все они выделены в табл. 3).

Графически распределение фактических и прогнозных значений представлены на диаграммах рассеяния № 1, 2 и 3 (в случае с количественными данными для СДПГ и партии «Зеленые» для отражения на диаграмме произвольно выбраны по одной экспериментальной нейросети (из трех возможных) с наименьшей величиной ошибки прогноза, что вполне допустимо, особенно учитывая, что они «прогнозируют» очень близкие результаты голосования по тем партиям, показателям которых они и посвящены, т.е., например, нейросети № 3, 4 и 7, построенные по данным для СДПГ, моделируют практически одинаковый результат для указанной партии на федеральных выборах 2025 г.). Диаграммы представлены на рис. 1–3.

Согласно представленным диаграммам рассеяния данных, видно, что на трех диаграммах прогнозные значения нейросети (красные точки) относительно близко расположены к фактическим значениям, т.е. «обучающим» (зеленые точки), что свидетельствует о высокой степени точности смоделированных экспериментальных нейросетей на основе заданных ранее параметров.

Для непосредственного прогнозирования результатов трех обозначенных политических партий на федеральных парламентских выборах 2025 г. использованы все выделенные в табл. 3 экспериментальные нейросети. Результаты прогнозирования представлены в табл. 4.

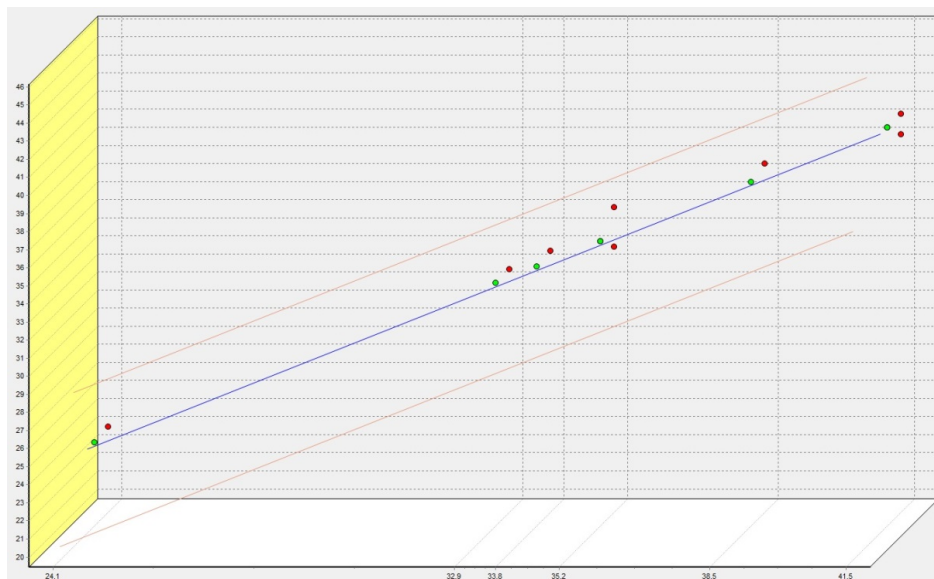

Рис. 1. Диаграмма рассеяния фактических и прогнозных данных по блоку ХДС/ХСС экспериментальной нейросети № 4

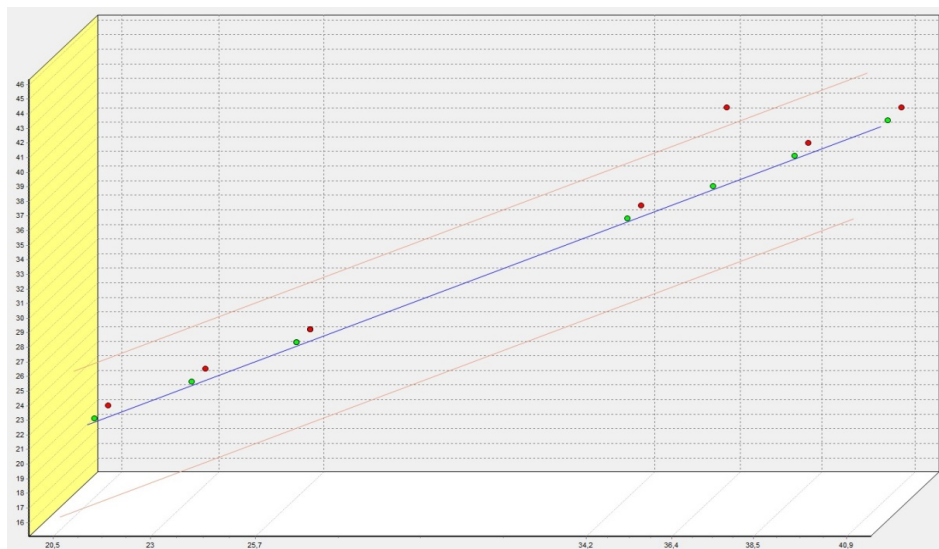

Рис. 2. Диаграмма рассеяния фактических и прогнозных данных по СДПГ экспериментальной нейросети № 3

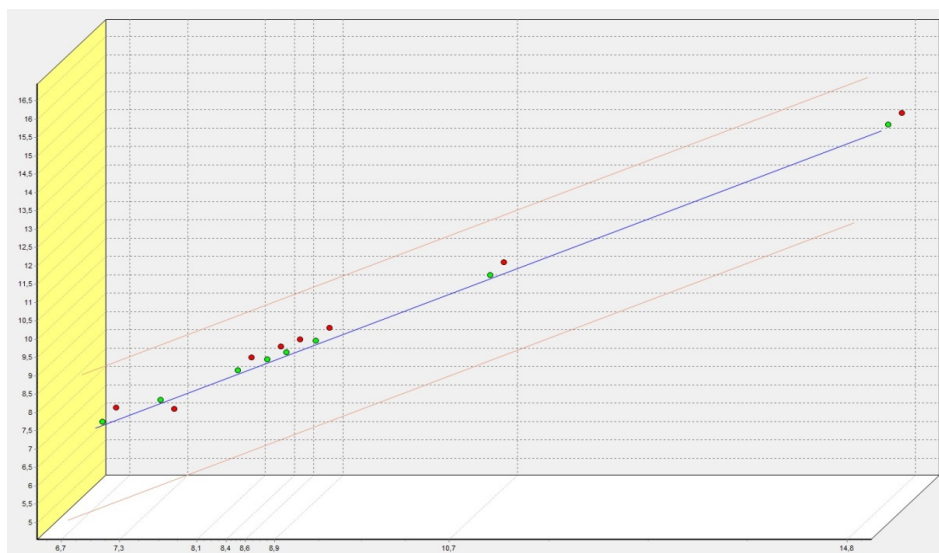

Рис. 3. Диаграмма рассеяния фактических и прогнозных данных по партии «Зеленые» экспериментальной нейросети № 2

Таблица 4. Прогнозные значения результатов политических партий ХДС/ХСС, СДПГ и «Зеленые» на выборах в Бундстаг 2025 г. (по списочной части) на основе данных нейросетевого моделирования

ХДС/ХСС		СДПГ		«Зеленые»	
Порядковый номер экспериментальной нейросети	Прогнозируемый процентный показатель	Порядковый номер экспериментальной нейросети	Прогнозируемый процентный показатель	Порядковый номер экспериментальной нейросети	Прогнозируемый процентный показатель
4	41,49	3	20,5	2	14,79
		4	20,5	8	14,79
		7	20,5	10	14,79

В соответствии с данными табл. 4 все три экспериментальные нейросети с наименьшим значением ошибки прогноза, как в случае с показателями СДПГ, так и в случае с показателями партии «Зеленые», демонстрируют одинаковые прогнозируемые результаты: для СДПГ – 20,5% («вторых голосов» – по партийным спискам), для партии «Зеленые» – 14,79% голосов. Для блока ХДС/ХСС нейросеть спрогнозировала результат равный 41,49% голосов по спискам.

Обсуждение

Результаты проведенного прогнозного моделирования на основе нейросетевого анализа данных позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, прогнозные значения смоделированных нейронных сетей несколько отличаются от текущих электоральных рейтинговых показателей трех изучаемых политических сил (на момент начала января 2025 г. агрегированный электоральный рейтинг правоцентристского блока ХДС/ХСС находится в диапазоне от 30 до 36%, левоцентристской СДПГ – от 14 до 18%, леволиберальной партии «Зеленые» – от 12 до 14%¹). Наиболее ошутимое расхождение между прогнозными значениями нейросети и текущими рейтингами наблюдается у ХДС/ХСС, у СДПГ оно относительно небольшое, а у партии «Зеленые» практически отсутствует. До проведения выборов остается примерно полтора месяца, поэтому рейтинговые показатели указанных партий еще могут измениться, в частности, в сторону увеличения популярности ХДС/ХСС и СДПГ, например, ввиду активной предвыборной кампании лидеров двух политических сил – Фридрих Мерца и Олафа Шольца (который формально не является лидером партии, но именно он выдвинут кандидатом на пост канцлера от СДПГ).

Во-вторых, оппозиционный блок ХДС/ХСС вполне способен за оставшееся до проведения выборов время нарастить уровень поддержки со стороны населения за счет противопоставления себя как политической силы, оппонирующей политике текущего кабинета министров, приведшего Германию к политическому кризису, ключевым элементом которого стал распад сформированной по итогам выборов 2021 г. «светофорной коалиции». Подобный политический дискурс (противопоставления текущему правительству во главе с О. Шольцом) лидер правоцентристов использовал в ходе недавнего выступления на заседании Бундестага 16 декабря 2024 г., где перед парламентариями был поднят вопрос о доверии правительству².

В-третьих, СДПГ также вполне может увеличить уровень поддержки до проведения выборов до спрогнозированных нейросетью 20,5% голосов (по списочной системе), например, за счет активизации действующего канцлера Германии на внешнеполитическом направлении. В частности, в средствах массовой информации появляются сведения о возможной встрече до 23 февраля 2025 г. между вновь избранным президентом США Д. Трампом и канц-

¹ Welche Partei würden Sie wählen, wenn am nächsten Sonntag Bundestagswahl wäre? // Offizielle Website des Informationsportals Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/30321/umfrage/sonntagsfrage-zur-bundestagswahl-nach-einzelnen-instituten/> (accessed: 04.01.2025).

² 394 Abgeordnete sprechen Bundeskanzler Scholz nicht das Vertrauen aus // Offizielle Website des Deutschen Bundestages. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw51-de-vertrauensfrage-1033624> (accessed: 04.01.2025).

лером ФРГ О. Шольцом¹, а министр иностранных дел кабинета правительства Шольца А. Бербок в начале января совместно со своим французским коллегой Ж.Н. Барро посетила Сирию².

В-третьих, максимально близко к текущим рейтинговым показателям нейросеть спрогнозировала результат партии «Зеленые», выдвинувшей на пост канцлера главу министерства по делам экономики и защиты климата Роберта Хабек³. На федеральных выборах партия «Зеленые» еще не получала более 14,8% голосов избирателей, поэтому, скорее всего, результат партии на выборах в 21-й по счету состав Бундестага будет близким к спрогнозированному нейросетью показателю. Партия «Зеленые» в этом случае может стать «младшим» партнером по коалиции, например, для ХДС/ХСС.

В-четвертых, если прогноз «обученных» нейросетей окажется приблизительно точным (ХДС/ХСС – 41,49%, СДПГ – 20,5%, «Зеленые» – 14,79% голосов избирателей), то в этом случае велика вероятность создания коалиции только из двух партий, так как правоцентристам достаточно заручиться поддержкой одной из партий, например, СДПГ или «Зеленые». Впрочем, сделать это будет непросто, учитывая серьезные разногласия между ХДС/ХСС, с одной стороны, и СДПГ, и партии «Зеленые» – с другой. Коалиция с АдГ для Союза исключена, а поддержки СвДП (при условии преодоления ею 5%-го барьера) окажется, скорее всего, недостаточно для получения большинства голосов. Если ХДС/ХСС попробуют сформировать коалицию с СвДП, то в этом случае им необходим еще один партнер, которым может стать, например, «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость», с которым правоцентристы и левоцентристы из СДПГ недавно уже образовали региональную коалицию в Тюрингии (первый случай создания так называемой «ежевичной коалиции»).

В-пятых, в соответствии с прогнозом нейросети становится очевидным, что в будущей коалиции обязательно должен присутствовать именно блок ХДС/ХСС, особенно если учесть значительный электоральный рейтинг партии АдГ, с которой пока ни одна из наиболее популярных немецких политических партий не готова вступать в коалицию. Поэтому состав будущей коалиции и кабинета министров, скорее всего, во многом будет зависеть именно от позиции правоконсервативного блока и его лидеров.

В проведенном исследовании существует и ряд ограничений, что вполне объяснимо, если принять во внимание его пилотный характер. В частности, в работе при помощи «обученной» нейросети представлен прогноз только по трем наиболее сильным на сегодняшний день политическим партиям Германии, без учета популярной в современном немецком обществе партии АдГ (ее показатели не использованы в процессе «обучения» нейросети ввиду того, что в отличие от других партий она принимала участие пока только в трех

¹ Scholz wants to visit Trump before Bundestag elections – DPA // Official website of the TASS Information Agency. 17.12.2024. URL: <https://tass.com/world/1888841> (accessed: 04.01.2025).

² Бербок поставила оказание помощи Сирии в зависимость от соблюдения прав женщин // Официальный веб-сайт Информационного агентства ТАСС. 06.01.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22826797> (accessed: 04.01.2025).

³ «Зеленые» утвердили кандидатуру Хабек на пост канцлера ФРГ // Официальный веб-сайт Информационного агентства ТАСС. 06.01.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22424983> (accessed: 04.01.2025).

федеральных электоральных циклах, не считая текущего, что не соответствует общей выборке из восьми электоральных кампаний, данные по которым использованы при «обучении» нейросети (хотя по некоторым показателям при «обучении» использованы и данные кампании 1990 г., т.е. 9-й по счету в общей выборке).

Кроме того, в исследовании применяется статистика голосов избирателей, отданных именно за партийные списки. Впрочем, в Германии, несмотря на смешанный тип избирательной системы, важнейшую роль при определении количества мандатов в парламенте играет именно расстановка сил, согласно «вторым голосам» (т.е. за партийные списки).

Заключение

Технологии искусственного интеллекта сегодня активно применяются в различных сферах функционирования общества, в том числе и в научной. Методы искусственного интеллекта способны помочь исследователям в области политической науки изучать разнообразные научные проблемы, анализировать происходящие политические процессы, а также оценивать роль в них уже существующих и только формирующихся институтов и норм. В текущей работе представлена попытка «обучения» нейронных сетей с целью прогнозирования результатов внеочередных федеральных выборов в парламент Германии, запланированных на 23 февраля 2025 г. Указанные события явились результатом политического кризиса в немецкой политике, вершиной которого стал распад действующей «светофорной коалиции», состоявшей из СДПГ, партии «Зеленые» и СвДП.

В ходе исследования были построены 30 экспериментальных версий нейросети, смоделированных на основе количественных данных социально-экономического и политического плана. Из целого ряда «обученных» нейросетевых моделей были выбраны только те, в которых степень отклонения прогнозных показателей («определенных» нейросетью) от фактических (заданных исследователем) наименьшая. По итогам проведенного анализа нейросеть спрогнозировала результаты предстоящего голосования в Германии для трех популярных политических партий: правоконсервативный блок ХДС/ХСС, «по мнению» искусственного интеллекта, может получить 41,49% голосов избирателей (по списочной части), левоцентристская СДПГ – 20,5%, а леволиберальная партия «Зеленые» – 14,79%. В исследовании не использовались показатели, связанные с еще одной популярной в Германии партией – крайне правой АдГ ввиду небольшой количественной выборки (так как на федеральных выборах партия участвует только с 2013 г.). Степень точности прогнозных значений, смоделированных нейросетью, станет известна уже после подведения итогов голосования на предстоящих выборах в Бундестаг 2025 г. Вероятность совпадения показателей может зависеть от конкретной политической партии (в случае с партией «Зеленые» она все-таки выше, чем, например, в случае с блоком ХДС/ХСС).

Список источников

1. Partheymüller J., Walter St. Voting for the populist radical-right in Austria and Germany: A comparative analysis // Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie, Festschrift für Rüdiger Schmitt-Beck. Nomos, Baden-Baden. 2023. Vol. 63. P. 533–558. doi: 10.5771/9783748915553-533

2. *Baron D., Görtz A.* Sozioökonomische und einstellungsbezogene Ursachen für Wanderungen von CDU/CSU- und SPD-Wähler*innen zur AfD bei der Bundestagswahl 2017 // Politische Vierteljahresschrift. 2023. Vol. 64, № 2. P. 325–351 doi: 10.1007/s11615-022-00435-1
3. *Irmert N., Mummert K., Nikolai R., Mergele L., Zierow L.* Wer leitet die deutschen Bildungsministerien? Ein neuer Datensatz zur Analyse von biografischen Merkmalen von Bildungsminister:innen der Bundesländer, 1950–2020 // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2023. Bd. 33, № 3. S. 535–554. doi: 10.1007/s41358-023-00343-9
4. *Jankowski M.* Support for strategic voting campaigns: evidence from a survey experiment during the German General Election of 2021 // Politische Vierteljahresschrift. 2023. Vol. 64, № 2. P. 379–393. doi: 10.1007/s11615-023-00456-4
5. *Borucki I., Masch L., Jakobs, S.* Grundsätzlich bereit, aber doch nicht dabei – Eine Analyse der Mitarbeitsbereitschaft in Parteien anhand des Civic Voluntarism Models // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2021. Bd. 31, № 1. S. 25–56. doi: 10.1007/s41358-021-00251-w
6. *Pesthy M., Mader M., Schoen H.* Why is the AfD so successful in Eastern Germany? An analysis of the ideational foundations of the AfD vote in the 2017 Federal Election // Politische Vierteljahresschrift. 2021. Vol. 62, № 1. P. 69–91. doi: 10.1007/s11615-020-00285-9
7. *Kösters R., Jandura O., Weiß R., Schreiber J.* Diskursallianzen in der Migrationsdebatte? Politischer Parallelismus zwischen Medien und Parteien im Framing der Flucht- und Asyلمigration im Jahr 2018 // Politische Vierteljahresschrift. 2021. Bd. 62, № 3. S. 461–487. doi: 10.1007/s11615-021-00324-z
8. *Leidecker-Sandmann M., Geise S.* Tradition statt Innovation. Die deutsche Presseberichterstattung über die Wahlkampfstrategien der Parteien zur Bundestagswahl 2017 // Studies in Communication and Media. 2020. Jahrgang 9. Heft 2. S. 264–307. doi: 10.5771/2192-4007-2020-2-264
9. *Korte K.R.* Die Bundestagswahl 2017: Ein Plebiszit über die Flüchtlingspolitik // Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel. 2021. Jahrgang 71. Heft 3. S. 92–99.
10. *Decker F.* Das Parteiensystem vor der Bundestagswahl 2021 // Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel. 2021. Jahrgang 71. Heft 3. S. 107–113.
11. *Detterbeck K.* Parteien und ihre Aufgaben in der Demokratie // Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel. 2021. Jahrgang 71. Heft 3. S. 100–106.
12. *Priester K.* Die Alternative für Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2019. Jahrgang 67. Heft 3. S. 443–453. doi: 10.1515/vfzg-2019-0027
13. *Binder N.* Wirtschafts- und sozialpolitische Einstellungen und Populismus: Vertikale Konfliktschichten statt ideologischer Konsistenz // Politische Vierteljahresschrift. 2024. Vol. 65, № 3. S. 505–534. doi: 10.1007/s11615-023-00513-y
14. *Jesse E.* Parteien und Wahlen im Osten und im Westen Deutschlands // Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel. 2021. Jahrgang 71. Heft 3. S. 114–121.
15. *Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М.* Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 2. С. 406–424. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424
16. *Петухов А.Ю., Каминченко Д.И.* Анализ текстов о спорном статусе Тайваня, созданных языковой моделью ChatGPT // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29, № 3. С. 593–611. doi: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-593-611
17. *Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М.* Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 113–133. doi: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133
18. *Каминченко Д.И., Петухов А.Ю.* Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта ChatGPT // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29, № 4. С. 772–787. doi: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787
19. *Darius Ph., Römmele A.* KI und datengesteuerte Kampagnen: Eine Diskussion der Rolle generativer KI im politischen Wahlkampf // Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie. Festschrift für Rüdiger Schmitt-Beck. Nomos, Baden-Baden. 2023. Vol. 35. P. 199–212. doi: 10.5771/9783748915553-199
20. *Koster A.K.* Das Ende des Politischen? Demokratische Politik und Künstliche Intelligenz // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2022. Bd. 32, № 2. S. 573–594. doi: 10.1007/s41358-021-00280-5

References

1. Partheymüller, J. & Walter, St. (2023) Voting for the populist radical-right in Austria and Germany: A comparative analysis. In: Faas, T., Roßteutscher, S., Huber, S. & Krewel, M. (eds) *Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie. Festschrift für Rüdiger Schmitt-Beck*. Baden-Baden: Nomos. pp. 533–558. DOI: <https://doi.org/10.5771/9783748915553-533>
2. Baron, D. & Görtz, A. (2023) Sozioökonomische und einstellungsbezogene Ursachen für Wanderungen von CDU/CSU- und SPD-Wähler*innen zur AfD bei der Bundestagswahl 2017. *Politische Vierteljahresschrift*. 64(2). pp. 325–351. DOI: 10.1007/s11615-022-00435-1
3. Irmert, N., Mummert, K., Nikolai, R., Mergele, L. & Zierow, L. (2023) Wer leitet die deutschen Bildungsministerien? Ein neuer Datensatz zur Analyse von biografischen Merkmalen von Bildungsminister: innen der Bundesländer, 1950–2020. *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 33(3). pp. 535–554. DOI: 10.1007/s41358-023-00343-9
4. Jankowski, M. (2023) Support for strategic voting campaigns: evidence from a survey experiment during the German General Election of 2021. *Politische Vierteljahresschrift*. 64(2). pp. 379–393. DOI: 10.1007/s11615-023-00456-4
5. Borucki, I., Masch, L. & Jakobs, S. (2021) Grundsätzlich bereit, aber doch nicht dabei – Eine Analyse der Mitarbeitsbereitschaft in Parteien anhand des Civic Voluntarism Models. *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 31(1). pp. 25–56. DOI: 10.1007/s41358-021-00251-w
6. Pesthy, M., Mader, M. & Schoen, H. (2012) Why is the AfD so successful in Eastern Germany? An analysis of the ideational foundations of the AfD vote in the 2017 Federal Election. *Politische Vierteljahresschrift*. 62(1). pp. 69–91. DOI: 10.1007/s11615-020-00285-9
7. Kösters, R., Jandura, O., Weiß, R. & Schreiber, J. (2021) Diskursallianzen in der Migrationsdebatte? Politischer Parallelismus zwischen Medien und Parteien im Framing der Flucht- und Asylnmigration im Jahr 2018. *Politische Vierteljahresschrift*. 62(3). pp. 461–487. DOI: 10.1007/s11615-021-00324-z
8. Leidecker-Sandmann, M. & Geise, S. (2020) Tradition statt Innovation. Die deutsche Presseberichterstattung über die Wahlkampfstrategien der Parteien zur Bundestagswahl 2017. *Studies in Communication and Media*. 9(2). pp. 264–307. DOI: 10.5771/2192-4007-2020-2-264
9. Korte, K.R. (2021) Die Bundestagswahl 2017: Ein Plebiszit über die Flüchtlingspolitik. *Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel*. 71(3). pp. 92–99.
10. Decker, F. (2021) Das Parteiensystem vor der Bundestagswahl 2021. *Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel*. 71(3). pp. 107–113.
11. Detterbeck, K. (2021) Parteien und ihre Aufgaben in der Demokratie. *Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel*. 71(3). pp. 100–106.
12. Priester, K. (2019) Die Alternative für Deutschland. *Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte*. 67(3). pp. 443–453. DOI: 10.1515/vfzg-2019-0027
13. Binder, N. (2024) Wirtschafts- und sozialpolitische Einstellungen und Populismus: Vertikale Konfliktachsen statt ideologischer Konsistenz. *Politische Vierteljahresschrift*. 65(3). pp. 505–534. DOI: 10.1007/s11615-023-00513-y
14. Jesse, E. (2021) Parteien und Wahlen im Osten und im Westen Deutschlands. *Bundestagswahl 2021: Parteien, Trends und Themen am Ende der Ära Merkel*. 71(3). pp. 114–121.
15. Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N. & Pechenkin, N.M. (2024) Riski, ugrozy i vyzovy vnedreniya iskusstvennogo intellekta i neyrosetevykh algoritmov v sovremennuyu sistemu sotsial'no-politicheskikh kommunikatsiy: po materialam ekspertnogo issledovaniya [Risks, threats, and challenges of introducing artificial intelligence and neural network algorithms into the contemporary system of socio-political communications: The results of expert study]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 26(2) pp. 406–424. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424
16. Petukhov, A.Y. & Kamинchenko, D.I. (2024) Analiz tekstov o spornom statuse Tayvanya, sozdan-nykh yazykovoy model'yu ChatGPT [Analysis of ChatGPT-generated texts on Taiwan's disputed status]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 29(3). pp. 593–611. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-593-611
17. Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N. & Pechenkin, N.M. (2023) Vliyaniye tsifrovoy sredy na so-vremennoe mirovozzrenie: Pro et Contra [Influence of the digital environment on the contemporary worldview: Pro et Contra]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 25(1). pp. 113–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133
18. Kamинchenko, D.I. & Petukhov, A.Yu. (2024) Analiz osobennostey reprezentatsii kandidatov na vyborah v prezidenty SSHa 2024 goda v prilozhenii generativnogo iskusstvennogo intellekta ChatGPT [Analysis of representation of candidates in the 2024 US presidential elections in the

application of generative artificial intelligence]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 29(4). pp. 772–787. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787

19. Darius, Ph. & Römmele, A. (2023) KI und datengesteuerte Kampagnen: Eine Diskussion der Rolle generativer KI im politischen Wahlkampf. In: *Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie. Festschrift für Rüdiger Schmitt-Beck*. Vol. 35. Baden-Baden: Nomos. pp. 199–212. DOI: 10.5771/9783748915553-199

20. Koster, A.K. (2022) Das Ende des Politischen? Demokratische Politik und Künstliche Intelligenz. *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 32(2). pp. 573–594. DOI: 10.1007/s41358-021-00280-5

Сведения об авторе:

Каминченко Д.И. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия); старший научный сотрудник Лаборатории когнитивной безопасности Университета Неймарка (Нижний Новгород, Россия). E-mail: dmitkam@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kaminchenko D.I. – Cand. Sci. (Political Science), associate professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation); senior researcher, Laboratory of Cognitive Security, Neimark University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: dmitkam@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 09.01.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья

УДК 321.01

doi: 10.17223/1998863X/84/19

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ ОТ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ К ПОСТНЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВИТЕЛЬНОСТИ И КОНТУРЫ НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

Павел Игоревич Костогрызов

*Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия,
pkostogryzov@yandex.ru*

Аннотация. Предпринята попытка осмысления глобальных изменений в политике и государственном управлении, произошедших в последние десятилетия и обычно обозначаемых термином «новая нормальность». Проанализированы основные изменения в практиках правительности, наметившиеся в XXI в. и связанные с отходом от неолиберальной модели управления государством и экономикой. Выявлены основные черты формирующейся новой модели; дан обзор существующих в науке подходов к ее концептуализации.

Ключевые слова: Фуко, правительность, неолиберализм, постнеолиберальная правительность, новая нормальность

Для цитирования: Костогрызов П.И. Глобальный поворот от неолиберальной к постнеолиберальной правительности и контуры новой нормальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 236–246. doi: 10.17223/1998863X/84/19

Original article

GLOBAL TURN FROM NEOLIBERAL TO POST-NEOLIBERAL GOVERNMENTALITY AND CONTOURS OF THE NEW NORMAL

Pavel I. Kostogryzov

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, pkostogryzov@yandex.ru*

Abstract. The article discusses global changes in the practices and ideology of governmentality following the recession of the neoliberal “wave”. Characteristic features of post-neoliberal governmentality are identified: the rejection of economic priorities; the continuation of the previously outlined line of depoliticising citizens; de-legalisation, i.e. the displacement of legal norms by “technical” regulation; globality; the strengthening of biopower. The techniques of governmentality, which seeks to take control not only of people’s bodies but also of their thoughts and emotions, are being perfected. An important innovation is the gradual transformation of civil society into a means of disciplining the population. The state, too, has not stopped inventing new technologies of exclusion, whose development was stimulated by the emergency regime of the pandemic era. The new normal is characterised by the state machine’s perception of every individual as a potential source of danger. The approaches to conceptualising post-neoliberal governmentality proposed by various political theorists are considered. The author considers the concept of depoliticisation of the citizen and policisation of the state proposed by Agamben and developed by his followers, including Russian ones, as the most promising for interpreting the new normal. Using Agamben’s metaphor of destituent power, the author argues that the world is witnessing an increasingly explicit removal of the supreme power from fundamental political decision-making by the state apparatus. Destituent power is a manifestation of the power of

the state machinery, which makes the state of emergency the new norm and deprives the sovereign of real authority, i.e. dismantles supreme power itself. As a result, the ruling bureaucracy is in fact usurping sovereignty, which the author sees as a very dangerous trend, fraught with a new totalitarianism. The final part of the article examines the alternatives offered by political science to the global triumph of post-neoliberal governmentality, and the author concludes that none of the theorists has so far managed to formulate a convincing and realistic programme for getting out of the negative scenario of global political development.

Keywords: Foucault, governmentality, neoliberalism, post-neoliberal governmentality, new normal

For citation: Kostogryzov, P.I. (2025) Global turn from neoliberal to post-neoliberal governmentality and contours of the new normal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 236–246. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/19

Понятие правительности ввел Мишель Фуко [1]; он же положил начало изучению неолиберализма не только как политэкономической теории, но и как особого типа правительности, обладающего собственной политической рациональностью и репертуаром практик управления [2]. За прошедшие с тех пор почти полвека неолиберализм успел достичь расцвета и стать господствующим политическим дискурсом, а затем начал постепенно терять влияние, уступая место другим политическим идеям и методам управления. В данной статье предпринята попытка осмысления произошедших в последние десятилетия изменений.

XX в. стал временем массивированной экспансии государства в такие области, которые традиционно относились к сфере частной жизни и гражданского общества. Это по-разному проявилось в таких феноменах, как социальное государство, государство всеобщего благосостояния, не говоря уже о социалистическом или тоталитарном государстве. Неолиберальная политика означала некоторый «откат» этого процесса, который, однако, привел не к восстановлению прежней конфигурации отношений государство–общество, а к складыванию новой. Поскольку неолиберализм представляет собой идеологию подчинения политики экономическим целям и интересам, экономическая эффективность стала единственным мерилom успешности деятельности государства. Поэтому и отступление последнего происходило главным образом по линии управления экономикой: правительства стали отказываться от прямого вмешательства в нее, а также снижать свою вовлеченность в социальную сферу и иные высокзатратные области. Процесс денационализации в определенной степени затронул даже такую чувствительную для власти сферу, как безопасность: неолиберальные реформы везде сопровождались распространением частных охранных агентств. Крайней формой «приватизации» силовой функции государства стал парамилитаризм – феномен, характерный для некоторых стран «третьего мира».

Государственное управление в неолиберальной парадигме понималось не как политическая, а как техническая задача – дело экспертов-технократов, привлекаемых на руководящие должности не электоральным путем, а посредством конкурсов и иных процедур, свойственных скорее частно-корпоративному, нежели публичному администрированию. В результате государство становилось все более похожим на коммерческую корпорацию, а фигура политического деятеля вытеснялась фигурой менеджера.

Главным социальным и даже антропологическим следствием «неолиберальной волны» стала трансформация человека общества позднего модерна из homo politicus в одномерного homo oeconomicus – производителя и потребителя материальных благ. Эта тенденция продолжила обозначенную Фуко линию на дисциплинирование гражданина государством, средством и формой которого и выступает правительность. В 1970–1990-е гг. мир пережил фазу максимального подъема «неолиберальной волны», которая в начале нового тысячелетия сменилась нарастающей секьюритизацией, достигшей апогея в период пандемии COVID-19. Государство постепенно наращивает контроль над всеми сферами жизни, как экономической, так и частной – на этот раз под лозунгом безопасности (а не всеобщего благосостояния, как раньше). Сначала для этого использовалась угроза терроризма, потом пандемия. Враг тем опаснее, чем он менее очевиден; с этой точки зрения идеальный враг – невидимый: он нигде – и повсюду, он есть – и его нет, о нем ничего неизвестно точно – и поэтому ему можно приписать любые свойства.

Таким образом, мы стали свидетелями смены парадигм в политике и государственном управлении (различие между самими этими понятиями постепенно стирается, по крайней мере, в глазах правящих элит): на смену неолиберальной правительности приходит постнеолиберальная.

Термин «постнеолиберальная правительность» не претендует на концептуальность. Как и большинство словесных конструкций с приставкой «пост-», он просто акцентирует внимание на том факте, что на смену старой, уже привычной и хорошо изученной модели (в данном случае – неолиберальной) приходит новая, какая именно – еще не вполне ясно. Она, вероятно, получит свое имя, когда ее «лицо» вполне определится, пока же важно зафиксировать сам факт смены политических парадигм и отметить уже выявившиеся отличия новой от той, которой она идет на смену.

Есть все основания принимать за точку отсчета истории постнеолиберальной правительности осевое событие первого года нового тысячелетия – печально знаменитую террористическую атаку на США 11 сентября 2001 г. Последовавшая за ней «война с терроризмом» обозначила контуры «новой нормальности»: элементы режима чрезвычайного положения, действующие неопределенно долго, ограничения прав человека, оправдываемые требованиями безопасности, и т.д. Тенденция, заданная мировым гегемоном, была подхвачена странами периферии и полупериферии мир-системы. Ограничения политических прав в России, «войны против наркотиков», развернувшиеся в Мексике, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах, стали ее продолжением и развитием. Как это обычно бывает, именно в странах «третьего мира» новые политические практики приобрели особенно brutальные формы.

Самой впечатляющей манифестацией постнеолиберальной правительности, когда ее черты проявились с наибольшей ясностью и географическим охватом, стал глобальный режим «санитарного концлагеря», введенный в период пандемии COVID-19. Эксперимент показал высокую степень управляемости «глобального человечника» [3. С. 90–91] и готовность большинства населения планеты играть по новым правилам, диктуемым политическим менеджментом, какими бы абсурдными и противоречащими основополагающим принципам права они ни были.

Итак, за более чем два десятилетия становления новой административно-политической парадигмы достаточно четко обозначились некоторые ее характерные черты, которые мы попытаемся здесь суммировать.

Отход от экономических приоритетов: если неолиберализм руководствовался рыночной логикой прибылей и издержек, то для постнеолиберализма чисто экономические цели по-видимому отошли на второй план: принимаемые политические шаги разрушительны для экономики, мировой рынок сворачивается, совокупный объем производства и прибыли большинства компаний падают, потребительские возможности населения драматически сокращаются. Значит экономическая эффективность больше не является основным принципом.

Линия на деполитизацию гражданства не только продолжается, но и усиливается, стирая границы между приватным и публичным пространством, и даже между политическим и физическим телом индивида [4; 5. С. 70–85]. Если неолиберализм подчеркнуто придерживался правовых рамок (по крайней мере, в странах «первого мира»), то постнеолиберальная правительственность предполагает открытый переход к режиму чрезвычайного положения, который становится практически постоянным и входит в норму (что, собственно, и понимается под «новой нормальностью»).

Это, в свою очередь, ведет к **делегализации:** постепенное вытеснение правового регулирования «техническими» нормами (регламентами) ведет к «формированию принципиально новой, синкретической системы социальной регуляции, основанной на праве и этике, но в действительности подменяющей собой и то, и другое» [6. С. 179]. Интересно, что такой путь развития нормативной системы общества еще в 20-е гг. XX в. предсказали коммунистические теоретики права, в частности Е. Пашуканис. В соответствии с марксистской теорией по мере продвижения общества к коммунизму государство отомрет, вместе с ним исчезнет и право, а что же придет ему на смену? – спрашивали они. И отвечали: социально-технические нормы [7. С. 198–235]. Парадоксальным образом сегодня капиталистический мир воплощает в жизнь мрачноватые утопии большевистских «правовиков». Ученые-юристы констатируют деградацию [8. С. 123–137] и даже демонтаж [9. С. 100–104] правового государства.

Глобальность: новые меры или административные режимы вводятся во всем мире одновременно (самый наглядный пример – пандемия COVID-19) или в короткий по меркам предшествующей истории срок. Распад экономических, культурных, научных и иных связей, снижение уровня глобализации, достигнутого к концу второго десятилетия XXI в., этому несколько не препятствует. Практики администрирования человеческих тел, выработанные в одних странах, заимствуются другими и быстро внедряются в общемировом масштабе, причем видимый антагонизм политических режимов и враждебные отношения между государствами несколько этому не препятствуют. Так, система кюар-кодов для пересечения невидимых, но вполне определенных границ в пределах населенного пункта, отработанная в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, в период пандемии новой коронавирусной инфекции была имплементирована многими странами мира, причем в первых рядах оказались государства, имевшие репутацию бастионов прав человека и светочей демократии. Мир поверх политических и идеологических антагонизмов становится все более однороден в своем пугающем сходстве с электронным концлагерем.

Увеличивается значение **биовласти**: биологические функции человеческого организма подвергаются все более плотной и непосредственной регламентации со стороны государства, чья биополитика приобретает трансформантропный характер [10]. Переход к постнеолиберальной правительности с новой силой обнажил основное ценностное противоречие модерна – между свободой и рациональностью [11. С. 124–138]. В биополитике эпохи пандемии оно проявилось с особой наглядностью: правительства, вводившие небывалые ограничения свободы передвижения, мотивируя их интересами безопасности, воплощали рациональность, «иррациональные» ковид-диссиденты – свободу.

Приемы правительности усовершенствуются не только в техническом отношении. Не менее существенное новшество состоит в усилении их интроспективности. Если применительно к дисциплинарным обществам и обществам контроля речь шла о биополитике как управлении телами, то теперь есть основания говорить уже о психополитике – управлении содержимым сознания и регулировании мыслительных актов людей, а также сферы эмоций. Теперь «власть выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно распространяющийся на всю совокупность социальных отношений» [12. С. 37].

Что немаловажно, дисциплинирование людей осуществляется в значительной мере силами самого общества. Подготовленные предыдущими этапами, вышколенные люди готовы с энтузиазмом дисциплинировать друг друга согласно формируемой властью имущими повестке. «Слежка, донос, шпионство и, наконец, террор, на чем единственно и держится тоталитаризм, стали здесь частью общественного сознания, т.е. общество вытеснило государство, перенеся у него функцию контроля, и если вы инакомыслящий, то ближние ваши покончат с вами до того, как за вас возьмется полиция, и делают они это не из подлости, низости, зависти, корысти и как бы это ни называлось, а по убеждению» [13. С. 214]. Появились новые формы дискриминации, создаваемые не только государством посредством нормативных или административных актов, как это было раньше, а самим обществом – такие, например, как «культура отмены», применяемая избирательно в отношении отдельных диссидентов, пытающихся идти вразрез с диктуемыми системой регулятивными идеями. Гражданское общество, всегда рассматривавшееся политической теорией как оплот свободы и гарантия от тиранических и тоталитарных популизмов государства, теперь оказывается приспособлено для целей правительности, которая в своем постнеолиберальном варианте достигает нового уровня совершенства: управляющий сигнал воспринимается непосредственно управляемым объектом (населением), без необходимости затрат на передаточный механизм, в роли которого в неолиберальной модели выступали государственный аппарат, политические организации, в частности партии, различные негосударственные акторы, имеющие рычаги влияния на общество – от финансовых и промышленных корпораций до парамилитарных групп.

Государство, впрочем, тоже не перестает изобретать новые технологии исключения, характерным примером которых стали введенные в период санитарных рестрикций ограничения прав по признаку отсутствия прививки, распространившиеся уже на гораздо более многочисленную категорию насе-

ления. В этом проявляется характерное для новой нормальности восприятие государственной машиной любого индивида как потенциального источника опасности, своего рода презумпция – еще не виновности, но уже подозрительности. Эпоха пандемии придала завершенность этому отношению: человек берется под подозрение сразу в двух аспектах – телесном и когнитивном – как потенциальный носитель инфекции и нежелательных идей – и попадает одновременно под биополитический и психополитический контроль.

Попытки научного осмысления новой модели правительности предпринимаются многими политологами и философами [14, 15]. Одни теоретики развивают линию рассуждений Ж. Делёза, который, отталкиваясь от идеи М. Фуко о дисциплинарной власти как основном типе правительности эпохи модерна, разрабатывал концепцию общества контроля, сменившего дисциплинарное общество с приходом неолиберализма [16. С. 225–232]. По мнению А. Эренберга, постнеолиберальной эпохе соответствует уже общество достижений, члены которого стимулируются в нужном направлении не негативно – угрозами, наказаниями и контролем – а позитивно, за счет стремления достигать идеальных, но по сути навязанных извне целей [17]. Правительность, таким образом, становится менее демонстративной и навязчивой и более интроспективной, проникая внутрь субъекта, захватывая его мотивационную сферу. С этими утверждениями можно согласиться, но лишь с оговоркой, что методы контроля, достигшие совершенства на предыдущем этапе, тоже не исключаются из арсенала правительности, а продолжают применяться, причем с возрастающей эффективностью. Возможно, это объясняется особенностями переходного периода, когда контуры постнеолиберальной правительности еще не вполне определились. Вообще, выдвижение на первый план новых приемов правительности не означает отказа от старых, выработанных на более ранних этапах.

Другие ученые видят в новой нормальности «постдемократию» [18], «надзорный капитализм» и даже цифровой тоталитаризм [19]. Некоторые авторы считают одной из характеристик постнеолиберализма рост популизма как реакцию на неолиберальную правительность и способ реполитизации граждан, возвращения на сцену *homo politicus*, ранее вытесненного на периферию общественной жизни, центральную роль в которой неолиберализм отводил *homo oeconomicus* [20. С. 126–130; 21. С. 1–25]. Соглашаясь с этим наблюдением, не следует, однако, переоценивать значение данного феномена. На наш взгляд, популизм нельзя считать ни серьезным противовесом практикам постнеолиберальной правительности, ни частью самих этих практик, так как он, с одной стороны, не способствует созданию устойчивых общественно-политических институтов, способных противостоять деполитизации граждан в сколько-нибудь длительной перспективе, а с другой – не используется и как средство такой деполитизации. Скорее его можно отнести к явлениям переходного периода. Как признак переходного состояния можно рассматривать и отмечаемую рядом ученых [21. С. 1–25; 22. С. 61–78] архаизацию общественно-политических отношений, сопровождающую становление постнеолиберальной правительности.

Наиболее перспективной для истолкования новой нормальности представляется предложенная Дж. Агамбенем и разрабатываемая его последователями, в том числе российскими, концепция деполитизации гражданства и

полицеизации государства. По справедливому замечанию А.В. Яркеева, «современная глобальная политическая власть, руководствующаяся принципом безопасности, трансформируется в полицию, которая обретает собственный суверенитет» [23. С. 10; 24. С. 105]. Если это верно для международных отношений, то тем более верно для внутренней политики.

Агамбен, ссылаясь на формулу немецкого теоретика-полициста XVIII в. Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти «полиция есть отношения Государства с самим собой», отмечает, что «полиция совпадает теперь с настоящей политической функцией, тогда как термин „политика“ отдан политике внешней» [4]. Формула фон Юсти как нельзя лучше характеризует ситуацию постнеолиберальной правительности: никаких других внутривластных акторов, кроме государства не должно остаться. Это конечно не точное описание наличного положения вещей, а лишь цель, предел, к которому стремится постнеолиберальная политическая (или правильнее уже говорить «полицейская»?) система. Ближе всего к достижению этого предела, пожалуй, не самые развитые (далее всех продвинувшиеся по пути идеологического постнеолиберализма), а посттоталитарные государства, такие как КНР, Россия и Белоруссия. Что касается стран «первого» и «третьего мира», то и те и другие несколько отстают на этом пути, хотя и по разным причинам. В «первом мире» пока еще сильно гражданское общество, сформировавшееся в эпоху модерна, и его структуры выполняют некоторые политические функции. В «третьем мире» также сильное общество, но иного типа – переходного от домодерного традиционного к современному гражданскому, основанное в значительной степени на традиционных связях – общинных, родственных, земляческих, родоплеменных и т.д.

В обоих случаях общественные силы могут до некоторой степени служить противовесом стремительно полицеизирующемуся государству, но с одним очень существенным различием. Гражданское общество развитых стран, как сказано выше, само «впитывает» принципы постнеолиберальной правительности, становясь ее проводником чуть ли не впереди государства, тогда как полутрадиционное «недогражданское» общество стран «третьего мира» проявляет большую резистентность к этим принципам, что дает некоторые основания для осторожного оптимизма.

Дж. Агамбен для объяснения последствий деполитизации граждан предложил метафору раз-учреждающей власти – по аналогии с учредительной властью, формирующей новый или преобразующей уже существующий государственный строй (*destituent vs constituent power*) (4). Возникает вопрос, что именно разучреждается в этом случае? Это не государство, так как мы видим постоянное расширение его власти и увеличение имеющегося в распоряжении его аппарата арсенала средств воздействия на граждан. Скорее речь может идти о все большем отстранении верховной власти государственным аппаратом от принятия основополагающих политических решений [25. С. 176]. Таким образом, между учреждающей и раз-учреждающей властью обнаруживается зеркальная симметрия: если первая представляет собой проявление верховной власти, созидая государство, приводя политическую ситуацию из состояния исключения к норме, то во второй проявляется мощь государственного аппарата, превращающего чрезвычайное положение в новую норму [26. С. 11–21] и лишаящего суверена реальных полномочий, т.е. демонтирующего саму верховную власть. Как резюмирует Агамбен, «перед

лицом непрерывного состояния исключения правительство склонно принимать форму нескончаемого государственного переворота» [4] (как тут не вспомнить теорию перманентной революции Л.Д. Троцкого!). В результате правящая бюрократия становится де-факто суверенной, ведя текущее управление в режиме ультимативных решений (Решений в «шмиттовском» смысле см. [27. С. 62–76; 28. С. 36–48]). Это очень опасная тенденция в развитии государственности, чреватая новым тоталитаризмом.

Итак, новая нормальность, возникающая в результате оформления постнеолиберальной модели правительности, представляется довольно неуютным состоянием, далеким от тех гуманистических идеалов, к которым стремилось человечество эпохи модерна и достижение которых еще недавно могло казаться делом недалекого будущего. Существует ли реалистичная альтернатива глобальному торжеству постнеолиберальной правительности и если да, то какие общественные силы могли бы ее предложить?

Возможность направить развитие постдисциплинарного общества в позитивное русло некоторые авторы видят в выстраивании сознательными совместными усилиями людей «локальных моральных порядков» [29]. Однако всемирный характер постнеолиберальной правительности не оставляет возможности противостоять ей исключительно на уровне локальных коллективов. Что же касается проектов глобальной демократии [30. С. 10–25], то они представляются нереалистичными по той причине, что любой из них предполагает построение глобального же аппарата власти, который неизбежно окажется заведомо сильнее призванной сдерживать его демократии.

Развернутый план сопротивления наступлению всемирного Левиафана сформулировали М. Хардт и А. Негри [31]. В их представлении становящаяся глобальная система власти, которую они называют Империей, порождает столь же глобальную общность людей – Множество, включающее (по крайней мере потенциально) все человечество. Оно-то и должно, изобретая новые формы политической деятельности, защитить пространство свободы от всепроникающего контроля власти и стать противовесом Империи, а в конечном счете и ее могильщиком. Оптимизм этих авторов не кажется нам обоснованным, так как для того, чтобы оказывать эффективное сопротивление глобальной власти, Множество должно иметь собственную структуру, независимую от политической системы Империи, а Хардт и Негри не смогли убедительно показать, что это могла бы быть за структура и как она возникнет. И в теориях их предшественников, начиная с Б. Спинозы и Т. Гоббса, и в их собственной работе Множество предстает как нечто аморфное; переставая быть таковым, оно перестает быть Множеством, кристаллизуясь во что-то иное, например, в народ [32. С. 35–52; 33. Р. 228–249]. Но глобальный народ не может появиться вне глобального государства, которое в случае его возникновения немедленно придало бы новый импульс применению уже отработанных практик постнеолиберальной правительности на мировом уровне, что сделало бы любое сопротивление им неэффективным, если не невозможным.

Итак, приходится констатировать, что политическая теория пока не смогла найти реалистичного пути предотвращения негативного варианта будущего, связанного с утверждением постнеолиберальной правительности в глобальном масштабе, и соответствующее направление исследований останется актуальным в ближайшие годы.

Список источников

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. II. М. : Праксис, 2005.
2. Фуко М. Рождение биополитики : пер. с фр. СПб. : Наука, 2010. 448 с.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф, 2000.
4. Агамбен Дж. Государственная безопасность и демократия. К теории раз-учреждающей власти. Лекция, прочитанная в Афинах 16 ноября 2013 г. URL: http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html#more
5. Журбина И.В. Неолиберальный тип демократии: стратегия «исключения» политического // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 3. С. 70–85. doi: 10.17506/18179568_2022_19_3_70
6. Рувинский Р.З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2022.
7. Нерсесянц В.С. Философия права. М. : Норма, 1997.
8. Рувинский Р.З. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 123–147. doi: 10.17506/26867206_2023_23_1_123
9. Филиппова Н.А. Постправовое государство: Российская конституционная реформа в региональном и глобальном конституционном процессе // Право и правоприменение в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 24–26 сентября 2020 года. Новосибирск : Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т, 2020. С. 100–104.
10. Попов Д.В. Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики: дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2023. 388 с.
11. Шемякин Я.Г. Модернизация как процесс межцивилизационного взаимодействия // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М. : Наука, 2015. С. 124–138.
12. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004. 440 с.
13. Свасьян К. ...но еще ночь. М., 2013. 448 с.
14. Davies W., Gane N. Post-Neoliberalism? An Introduction // Theory, Culture & Society. 2021. Vol. 38, № 6. P. 3–28. doi: 10.1177/02632764211036722
15. Laruffa F. Making Sense of (Post)Neoliberalism // Politics & Society. 2023. 0(0). doi: 10.1177/00323292231193805
16. Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. 235 с.
17. Ehrenberg A. Weariness of the Self: Diagnosing the History of Depression in the Contemporary Age. McGill-Queen's University Press, 2010.
18. Crouch C. Post-Democracy After the Crises. Cambridge : Polity, 2020. 200 p.
19. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.
20. Зvoleв Н.П. Возвращение homo politicus в условиях неолиберальной правительности // Манускрипт. 2020. Т. 13, Вып. 8. С. 126–130. doi: 10.30853/manuscript.2020.8.22
21. Ерохов И.А. Постглобализация и политическая архаизация в России // Мировая политика. 2020. № 2. С. 1–25. doi: 10.25136/2409-8671.2020.2.33335
22. Давыдов Д.А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 61–78. doi: 10.17506/26867206_2021_21_4_61
23. Ярков А.В. Теологические основания современной власти: опыт деконструкции // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 7–26. doi: 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26
24. Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М. : Гилея, 2015. 148 с.
25. Костокрызов П.И. Верховная власть: «забытая» категория политической науки? // Политика. 2021. № 4. С. 163–182. doi: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-163-182
26. Ярков А.В. Рождение чрезвычайного государства из духа вечности политического тела // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 1. С. 11–21. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2022.1.2
27. Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Ч. 1 // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 62–76. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76
28. Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Ч. 2 // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 2 (43). С. 36–48. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_36
29. Gaete-Silva J., Gaete A. Disruptive Behavior in the Postdisciplinary Society // Front. Psychol. 2021. Vol. 12. P. 740856. doi: 10.3389/fpsyg.2021.740856
30. Шавeko Н.А. Основные модели глобальной демократии: теоретический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 3. С. 10–25. doi: 10.17506/18179568_2023_20_3_10

31. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006.

32. Третьяк А.Р. Классовый проект multitude // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 4 (99). С. 35–52. doi: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-35-52

33. Sainz Pezonaga A. Where is Spinoza's Free Multitude Now? // Stasis. 2022. V. 12, № 1. P. 228–249.

References

1. Foucault, M. (2005) *Intellectualy i vlast'. Chast' II* [Intellectuals and Power. Part II]. Translated from French. Moscow: Praksis.

2. Foucault, M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.

3. Zinoviev, A. (2000) *Na puti k sverkhobshchestvu* [Suprasociety Ahead]. Moscow: Tsentrpoligraf.

4. Agamben, G. (2013) *Gosudarstvennaya bezopasnost' i demokratiya. K teorii raz-uchrezhdayushchey vlasti. Lektsiya, pročitannaya v Afinakh 16 noyabrya 2013 g.* [State Security and Democracy. For a Theory of Destituent Power. Transcript of lecture delivered in Athens, November 16, 2013]. [Online] Available from: http://s357a.blogspot.com/2014/02/blog-post_14.html#more

5. Zhurbina, I.V. (2022) Neoliberal'nyy tip demokrati: strategiya “isklyucheniya” politicheskogo [Neoliberal Democracy: The Strategy of Excluding the Political Meaning]. *Discourse-P*. 19(3). pp. 70–85. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_70

6. Ruvinsky, R.Z. (2022) *Pravovye aspekty vnedreniya sistemy sotsial'nogo kredita v sovremennoe publichnoe upravlenie* [Legal aspects of implementing the social credit system in modern public administration]. Nizhny Novgorod: National Research University RANEPA Press.

7. Nersesjanc, V.S. (1997) *Filosofiya prava*. [Philosophy of Law]. Moscow: Norma.

8. Ruvinskiy, R.Z. (2023) Data-Driven Regulation: From the Rule of Law to Public Loyalty Programs. *Antinomii*. 23(1). pp. 123–147. (In Russian). DOI: 10.17506/26867206_2023_23_1_123

9. Filippova, N.A. (2020) Postpravovoe gosudarstvo: Rossiyskaya konstitutsionnaya reforma v regional'nom i global'nom konstitutsionnom protsesse [Post-Rule-of-Law State: Russian Constitutional Reform in Regional and Global Constitutional Processes]. *Pravo i pravoprimenenie v sovremennoy Rossii* [Law and Law Enforcement in Modern Russia]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, September 24–26, 2020. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. pp. 100–104.

10. Popov, D.V. (2023) *Upravlenie zhizn'yu: filosofsko-antropologicheskie osnovaniya, potentsial i perspektivy biopolitiki* [Life management: philosophical and anthropological foundations, potential and prospects of biopolitics]. Philosophy Dr. Diss. Omsk.

11. Shemyakin, Ya.G. (2015) Modernizatsiya kak protsess mezhsivilizatsionnogo vzaimodeystviya [Modernization as a process of intercivilizational interaction]. In: *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Vol. 10. Moscow: Nauka. p. 124–138.

12. Hardt, M. & Negri, A. (2000) *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.

13. Svasyan, K. (2013) *...no escho noch'* [...but also the night]. Moscow: [s.n.].

14. Davies, W. & Gane, N. (2021) Post-Neoliberalism? An Introduction. *Theory, Culture & Society*. 38(6). pp. 3–28. DOI: 10.1177/02632764211036722

15. Laruffa, F. (2023) Making Sense of (Post)Neoliberalism. *Politics & Society*. 0(0). DOI: 10.1177/00323292231193805

16. Deleuze, G. (2004) *Peregovory. 1972–1990* [Negotiations. 1972–1990]. Translated from French by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Nauka.

17. Ehrenberg, A. (2010) *Weariness of the Self: Diagnosing the History of Depression in the Contemporary Age*. McGill-Queen's University Press.

18. Crouch, C. (2020) *Post-Democracy After the Crises*. Cambridge: Polity.

19. Zuboff, S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile Books.

20. Zvolev, N.P. (2020) Vozvrashchenie homo politicus v usloviyakh neoliberal'noy pravitel'nosti [Return of homo politicus in the conditions of neoliberal governmentality]. *Manuskript*. 13(8). pp. 126–130. DOI: 10.30853/manuskript.2020.8.22

21. Erokhov, I.A. (2020) Postglobalizatsiya i politicheskaya arkhazatsiya v Rossii [Postglobalisation and political archaisation in Russia]. *Mirovaya politika*. 2. pp. 1–25. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.2.33335

22. Davydov, D.A. (2021) Postkapitalizm kak arkhazatsiya: institutsional'nyy dreyf k neofeodalizmu? [Postcapitalism as archaisation: Institutional drift to neofeudalism?]. *Antinomii*. 21(4). pp. 61–78. DOI: 10.17506/26867206_2021_21_4_61
23. Jarkeev, A.V. (2021) Teologicheskie osnovaniya sovremennoy vlasti: opyt dekonstruktsii [Theological foundations of modern power: deconstruction]. *Antinomii*. 21(1). pp. 7–26. DOI: 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26
24. Agamben, G. (2015) *Sredstva bez tseli. Zametki o politike* [Means without End: Notes on Politics]. Translated from Italian. Moscow: Gileya.
25. Kostogryzov, P.I. (2021a) Verkhovnaya vlast': "zabytaya" kategoriya politicheskoy nauki? [Supreme Power: A "Forgotten" Category of Political Science?]. *Politiya*. 4. pp. 163–182. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-163-182
26. Yarkeev, A.V. (2022) Rozhdenie chrezvychaynogo gosudarstva iz dukha vechnosti politicheskogo tela [The Birth of the State of Exception Out of the Spirit of Eternity of the Political Body]. *Logos et Praxis*. 21(1). pp. 11–21. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2022.1.2
27. Kostogryzov, P.I. (2021b) Detsizionizm v Rossii: dorevolutsionnye predshestvenniki i sovremennye interpretatory Karla Shmitta. Ch. 1 [Decisionism in Russia: Carl Schmitt's Pre-Revolutionary Precursors and Modern Interpreters. Part I]. *Diskurs-Pi*. 1(42). pp. 62–76. DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76
28. Kostogryzov, P.I. (2021c) Detsizionizm v Rossii: dorevolutsionnye predshestvenniki i sovremennye interpretatory Karla Shmitta. Ch. 2 [Decisionism in Russia: Carl Schmitt's Pre-Revolutionary Precursors and Modern Interpreters. Part II]. *Diskurs-Pi*. 2(43). pp. 36–48. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_36
29. Gaete-Silva, J. & Gaete, A. (2021) Disruptive Behavior in the Postdisciplinary Society. *Front. Psychol*. 12. pp. 740856. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.740856
30. Shaveko, N.A. (2023) Osnovnye modeli global'noy demokratii: teoreticheskiy analiz [Basic Models of Global Democracy: Theoretical Analysis]. *Diskurs-Pi*. 20(3). pp. 10–25. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_10
31. Hardt, M. & Negri, A. (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York: Penguin Press.
32. Tretyak, A.R. (2020) Klassovyy proekt multitude [Class project of multitude]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. 4(99). pp. 35–52. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-35-52
33. Sainz Pezonaga, A. (2022) Where is Spinoza's Free Multitude Now? *Stasis*. 12(1). pp. 228–249.

Сведения об авторе:

Костогрызов П.И. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия). E-mail pkostogryzov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kostogryzov P.I. – Cand. Sci. (History), senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: pkostogryzov@yandex.ru, ORCID iD 0000-0002-9345-3900, ResearcherID: K-2794-2018; HZK-8786-2023

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 15.01.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья

УДК: 327

doi: 10.17223/1998863X/84/20

ВЫЗОВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Ирина Александровна Кучерина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
ira.kirina@internet.ru*

Аннотация. Рассматриваются ключевые вызовы и противоречия внешнеполитического курса современной Украины. Анализируются внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на формирование внешнеполитической стратегии страны. Особое внимание уделяется динамике взаимоотношений Украины с Европейским союзом, НАТО, Россией и другими ключевыми международными акторами. Выявляются возможные пути преодоления вызовов, включая сбалансированный подход к внешнеполитическим приоритетам, восстановление диалога с Россией и активизацию международного сотрудничества. Предлагается комплексная стратегия, направленная на достижение стабильности, укрепление суверенитета и обеспечение устойчивого развития Украины в условиях сложной международной обстановки.

Ключевые слова: внешнеполитический курс, евроинтеграция, международные отношения, территориальная целостность, стратегические цели, Украина

Для цитирования: Кучерина И.А. Вызовы и противоречия внешнеполитического курса современной Украины // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 247–263. doi: 10.17223/1998863X/84/20

Original article

CHALLENGES AND CONTRADICTIONS OF THE FOREIGN POLICY COURSE OF MODERN UKRAINE

Irina A. Kucherina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
ira.kirina@internet.ru*

Abstract. The article presents the author's view of Ukraine's foreign policy as a multi-layered and dynamic system in which national interests, internal reforms and international processes are intertwined. The study aims to comprehensively analyze the key challenges and contradictions of Ukraine's foreign policy, consider the factors influencing its formation, and identify strategic ways to overcome existing challenges to ensure stability and sustainable development of the country in the current geopolitical turbulence. The novelty of the research lies in a comprehensive approach to the study of Ukraine's foreign policy, taking into account modern theories of international relations – realism, liberalism and constructivism, as well as in an interdisciplinary analysis of the interaction of internal and external factors. Special attention is paid to the periodization of the foreign policy course, its evolution since independence, as well as the influence of historical and geopolitical factors that shaped Ukraine's foreign policy strategy. The study focuses on the influence of external pressure, internal social divisions, as well as changes in the international environment on the formation of the country's course. The results of the study demonstrate that the modern foreign policy of Ukraine is focused on Euro-Atlantic integration, expressed in the desire for

membership in the EU and NATO, which is the basis of the foreign policy strategy, as well as on strengthening national sovereignty and territorial integrity, which is especially important in the context of the ongoing conflict with Russia. At the same time, the study reveals a number of acute contradictions. On the one hand, the desire to integrate into European and Euro-Atlantic structures faces resistance from some EU and NATO countries, as well as internal socio-economic challenges. On the other hand, strained relations with Russia continue to limit the possibilities of achieving sustainable security and stability. In conclusion, it is emphasized that Ukraine's foreign policy, despite significant progress, remains influenced by the short-term interests of political elites and the volatile international situation. Successfully overcoming challenges requires not only an in-depth integration with the West, but also the development of a long-term strategy based on national interests, compromise and international cooperation.

Keywords: foreign policy, European integration, international relations, territorial integrity, strategic goals, Ukraine

For citation: Kucherina, I.A. (2025) Challenges and contradictions of the foreign policy course of modern Ukraine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 247–263. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/20

Введение

Каждое государство, формируя свою внешнюю политику, исходит из ряда приоритетов, которые базируются на его национальных интересах и стратегических целях. Согласно теории реализма, в разрезе международных отношений внешнеполитические приоритеты любого государства строятся вокруг защиты его суверенитета, территориальной целостности и обеспечения безопасности. По утверждению [1], государства действуют на международной арене, исходя из прагматичных и эгоистичных интересов, стремясь к максимизации своей власти и безопасности в условиях анархии международной системы. В свою очередь, либеральная теория подчеркивает значимость международного сотрудничества, экономической взаимозависимости и участия в глобальных институтах для обеспечения стабильности и процветания. Либерализм предполагает, что интеграция в международные структуры, такие как Европейский союз, Всемирная торговая организация или ООН, способствует укреплению экономического роста, стабильности и мира между государствами через развитие взаимных связей и институциональных гарантий [2].

Одним из государств, которое находится в поиске своих внешнеполитических приоритетов, является Украина. С момента обретения независимости в 1991 г. Украина столкнулась с необходимостью выработки внешнеполитической стратегии, соответствующей ее новым условиям – политическим (переход к демократическому устройству и формирование новой государственной системы сопровождалась политической нестабильностью, частой сменой элит и внутренними конфликтами, что затрудняло определение четких внешнеполитических приоритетов); экономическим (переход от плановой экономики к рыночной, деиндустриализация и зависимость от международных займов ограничивали возможности Украины для активного участия в международных экономических проектах); геополитическим (Украина оказалась на стыке интересов России и Запада, поддерживающего демократические реформы и интеграцию страны в евроатлантические структуры). В связи с чем внешнеполитические ориентиры Украины оказались в центре противоречий,

обусловленных не только ее географическим расположением между Европой и Россией, но и внутренними вызовами, включая политическую нестабильность, экономические проблемы и кризис в сфере национальной идентичности [3].

Актуальность и проблема внешнеполитического курса Украины в настоящее время не только сохраняется, но и усиливается в условиях углубляющегося международного противостояния, продолжающегося вооруженного конфликта на востоке страны, а также необходимости балансирования между евроатлантической интеграцией и сложными отношениями с соседними государствами, включая Россию. В связи с чем целью настоящей статьи является анализ ключевых вызовов и противоречий внешнеполитического курса Украины, выявление факторов, влияющих на его формирование, а также определение возможных путей преодоления существующих вызовов для обеспечения стабильности и устойчивого развития страны в условиях текущей международной обстановки.

Методология исследования

Поскольку современная Украина находится на стыке интересов различных геополитических игроков, включая Россию, Европейский союз, США и Китай, и сталкивается с целым рядом внутренних и внешних вызовов, вопрос построения внешнеполитического курса Украины, учитывая состояние ее геополитических и общественных процессов [4], в современном политическом дискурсе стоит особенно остро.

Прежде всего стоит выделить исследования зарубежных ученых, предлагающих разнообразные и многогранные подходы к анализу внешнеполитических приоритетов Украины, принимая во внимание как внутренние, так и внешние факторы, оказывающие влияние на ее развитие. В работе Й. Бестерс-Дилгера [5] акцентируется внимание на роли западных стран и международных организаций в формировании внешнеполитической стратегии Украины. Автор подчеркивает, что европейская интеграция и сотрудничество с НАТО являются основными направлениями, определяющими ее будущее в глобальной политике, при этом утверждает, что Украина должна укреплять связи с европейскими институтами, чтобы добиться большей политической и экономической стабильности. В свою очередь, З.К. Бжезинский [6] исследует геополитические интересы США и их стратегическое значение для Украины, рассматривая ее как ключевое государство на Восточной Европе. По его мнению, США должны поддерживать Украину в ее стремлении к демократии и интеграции в международные структуры, чтобы противостоять российским амбициям и укрепить западные ценности в регионе. Р. Менон и Э.Б. Румер [7] фокусируют внимание на динамике отношений Украины с Россией, подчеркивая важность нахождения баланса между геополитическими интересами России и Запада. В их исследованиях отмечается, что Украина должна быть готова к противостоянию с Россией, одновременно развивая сотрудничество с Европейским союзом и НАТО, чтобы обеспечить свою безопасность и суверенитет в условиях многополярного мира. Л. Хоффман и С. Меллер акцентируют внимание на социальных и экономических аспектах евроинтеграции Украины, исследуя, как политические и экономические реформы могут повлиять на ее международный имидж. Они утверждают, что

успешные реформы в Украине являются основой ее продвижения на международной арене и обеспечивают необходимую основу для более тесного сотрудничества с западными странами [8].

В исследованиях российских и украинских ученых научный дискурс вокруг внешнеполитического курса Украины формируется на основе ключевых парадигм, позволяющих систематизировать подходы к анализу внешней политики. Геополитическая парадигма акцентирует внимание на уникальном положении Украины между Востоком и Западом, что обуславливает ее необходимость балансировать между различными геополитическими игроками. Евроатлантический вектор рассматривается через призму стремления Украины к интеграции с Европейским союзом и НАТО. Исследование Н.В. Аладьиной [9] подчеркивает влияние евроатлантических структур на политическую и экономическую ситуацию в Украине, а А.И. Кудряченко [10] акцентирует внимание на вызовах, связанных с обеспечением безопасности. Евразийский вектор, напротив, ориентируется на тесные связи с Россией и другими странами постсоветского пространства. С.С. Жильцов [11] исследует значение энергетической зависимости и экономической кооперации с Россией. М.Н. Стебаков [12] позиционирует участие Украины в международных альянсах (НАТО) как способ обеспечения национальной безопасности. Черноморский регион, в свою очередь, представляет собой площадку для конкуренции за влияние. Г.М. Перепелица [13] анализирует важность Украины для региональной безопасности, а К.П. Курылев [14] выделяет ее роль как ключевого транзитного государства. С позиции историко-культурной парадигмы внешнеполитический курс Украины рассматривается через призму ее исторического наследия, культурных связей и национальной идентичности, которые играют ключевую роль в формировании ее международных приоритетов [15, 16]. Значимость евразийской цивилизационной модели для сохранения традиционных ценностей выделена в работе А.Н. Вавилова [17]. Социально-экономическая парадигма анализирует влияние внутренней экономической ситуации на выбор внешнеполитического курса. О.А. Овсянников [18] анализирует экономические последствия адаптации Украины к европейским стандартам и их влияние на внутреннюю политику. Работы П.И. Пашковского [19] и К.Г. Ильиновой [20] подчеркивают, что ориентация на евразийское пространство ограничивает возможности Украины для привлечения западных инвестиций и технологий. Исследования В.Н. Горбулина [21] акцентируют внимание на экономической роли Украины в транспортной и энергетической инфраструктуре региона. Институциональная парадигма рассматривает механизмы формирования внешнеполитической стратегии через призму взаимодействия государственных и негосударственных акторов. А.Ю. Мартинов [22] подчеркивает роль государственных институтов в интеграции с НАТО и ЕС, а также необходимость согласованности между исполнительной и законодательной властью. В.М. Бегма [23] рассматривает необходимость выработки национальной стратегии, направленной на укрепление позиций Украины в региональных институтах, таких как ОЧЭС.

Однако, несмотря на обширную научно-методологическую базу, существующие подходы охватывают лишь отдельные аспекты внешнеполитического курса Украины, не предоставляя комплексного и системного анализа ее стратегии. До сих пор внешнеполитические приоритеты страны остаются не-

завершенными и фрагментарными по ряду причин. Во-первых, внутренняя политическая нестабильность, выражающаяся в отсутствии долгосрочного стратегического видения и политической поляризации. Во-вторых, значительное влияние внешних акторов, преследующих собственные геополитические интересы, что создает дополнительные вызовы для суверенного определения внешнеполитического курса. И, в-третьих, отсутствие консенсуса среди политических элит, что приводит к конфликту приоритетов между различными акторами и мешает выработке единой долгосрочной стратегии. Такое положение усиливает сиюминутность и конъюнктурность принимаемых решений, что негативно сказывается на устойчивости, последовательности и предсказуемости внешнеполитического курса. В результате Украина оказывается в уязвимом положении на международной арене, не имея четко сформированной долгосрочной стратегии, которая могла бы эффективно отвечать на вызовы и использовать существующие возможности.

В силу указанных объективных причин в данной статье представлен авторский взгляд на внешнеполитический курс Украины как сложную, многослойную структуру, в которой интересы государства, его действия и связанные с ними дискурсы взаимодействуют, обеспечивая его успешное участие на международной арене. Особое внимание уделяется динамике изменений, обусловленных внутренними политическими процессами и международными вызовами. В статье применен комплексный междисциплинарный подход, который позволил не только оценить текущее состояние внешней политики страны, но и предложить решения для преодоления существующих вызовов. Методологическая база строится на принципах системности, многоаспектности, историзма, компаративного анализа, геополитической объективности, интердисциплинарности, аналитического подхода и прогнозирования, позволяющие провести глубокий анализ внешнеполитического курса Украины и выявить его ключевые проблемы и противоречия.

Результаты исследования и их обсуждение

Внешнеполитический курс Украины с момента обретения независимости в 1991 г. до настоящего времени претерпел значительную трансформацию, обусловленную как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Каждый период (табл. 1) отражает не только изменения в расстановке внешнеполитических приоритетов, но и глубокие трансформационные процессы в политической, экономической и социальной сферах жизни страны [24].

В первые годы независимости Украина была сосредоточена на признании своей суверенности и установлении международных связей. Важным шагом для закрепления международного признания и получения поддержки со стороны мирового сообщества стало закрепление в 1993 г. «Основных направлений внешней политики Украины» [25], определивших курс на многовекторность: страна стремилась сохранить открытыми пути как к европейской интеграции, так и к сотрудничеству с другими странами. Ключевым событием стало подписание Будапештского меморандума, где Украина отказывалась от ядерного оружия в обмен на гарантии безопасности [26]. Здесь уместно провести аналогию с точкой зрения З. Бжезинского, который отводил Украине роль «буферной зоны» в тот период.

Таблица 1. Особенности внешнеполитического курса Украины

Период	Особенности	Главные направления
1991–1994	Формирование независимой внешней политики, признание суверенитета, отказ от ядерного оружия в обмен на гарантии безопасности (Будапештский меморандум)	Установление дипломатических отношений, вступление в международные организации (ООН, ОБСЕ)
1994–2004	Многовекторная политика Леонида Кучмы, балансирование между Западом и Россией, экономическая зависимость от России	Подписание соглашения о партнерстве с ЕС, поддержка отношений с Россией, прагматичная внешняя политика
2004–2010	Оранжевая революция, приход Виктора Ющенко, усиление евроинтеграционного курса, внутренние политические конфликты	Углубление сотрудничества с ЕС и НАТО, усиление связей с Западом, борьба за демократические реформы
2010–2014	Пророссийская политика Виктора Януковича, отказ от Соглашения об ассоциации с ЕС, Евромайдан и последующий политический кризис	Усиление связей с Россией, приостановка евроинтеграции, политический кризис, вызванный народными протестами
2014–2022	Аннексия Крыма, конфликт на Донбассе, радикальное изменение внешней политики, евроатлантический курс, Соглашение об ассоциации с ЕС	Интеграция с ЕС и НАТО, международная изоляция России, активное реформирование страны для соответствия западным стандартам
2022 – н. в.	Полномасштабная война с Россией, привлечение международной помощи, усиление взаимодействия с Западом и санкции против России	Евроинтеграция, активное сотрудничество с НАТО, мобилизация международной поддержки, восстановление территориальной целостности, политическая изоляция России

Многовекторность внешней политики Украины, проводимой в 1994–2004 гг., выражалась в сбалансированности между Западом и Россией. Украина подписала соглашение о партнерстве с ЕС, но сохраняла тесные связи с Россией, что обеспечивало ее экономическую стабильность. Однако такая ситуация создала внутренние противоречия и поляризацию среди населения, фактически приводя к разделению Украины на западную и восточную части. Западная Украина в основном ориентировалась на европейские ценности и интеграцию, в то время как восточная часть, исторически связанная с Россией, придерживалась более пророссийской позиции [27].

Геополитическая «рубужность» Украины стала одним из факторов, приведших к «оранжевой революции» 2004 г. и усилению евроинтеграционного курса [28]. В 2004–2010 гг. страна усилила сотрудничество с ЕС и НАТО, заложив основу для реформ и интеграции в западные структуры. Однако внутренние конфликты, российское влияние и недостаточная поддержка Запада ограничили реализацию этих амбиций. Попытки президента В. Ющенко заменить «многовекторную» политику на односторонний евроатлантический курс столкнулись с экономическим давлением России и внутренними противоречиями, что привело к нестабильности и ограничило успех реформ, став предпосылкой для последующих кризисов и социальных потрясений в стране.

Противоречивость внешней политики Украины в период 2010–2014 гг. проявилась в попытке одновременно развивать отношения с Европейским союзом и укреплять связи с Россией, что привело к стратегической неопределенности и внутренним кризисам. С одной стороны, В. Янукович и его администрация продолжали декларировать евроинтеграцию как ключевой внешнеполитический приоритет. Были предприняты шаги по подготовке к подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС, которое должно было вклю-

чать положения о зоне свободной торговли и политическом сотрудничестве в соответствии с европейскими стандартами [29, 30]. С другой стороны, в реальной политике Украина демонстрировала явный поворот в сторону России. Ключевые инициативы включали подписание Харьковских соглашений (2010 г.), продливших пребывание Черноморского флота России в Крыму на 25 лет в обмен на снижение цен на газ, а также экономические уступки, предполагающие более тесное сотрудничество в рамках Таможенного союза и других постсоветских интеграционных форматов [31]. Такие шаги позволили Украине получить краткосрочные экономические выгоды, но усилили ее зависимость от России.

Такая двойственность стала причиной внутреннего раскола и политического кризиса, переросших в Евромайдан. В результате страна оказалась втянутой в глубокий политический и социальный кризис, который завершился сменой власти, аннексией Крыма Россией и началом конфликта на Донбассе [32, 33]. Таким образом, противоречивость внешней политики Украины в этот период заключалась в отсутствии четкого стратегического выбора, что привело к утрате доверия как внутри страны, так и на международной арене, а также создало основу для последующих масштабных кризисов.

С 2014 г. Украина вступила в новый этап внешнеполитического взаимодействия с Западом, усилив сотрудничество с ЕС и НАТО. «Крымский фактор» стал ключевым в активизации западной поддержки, включавшей политическую, экономическую и военную помощь, а также проведение реформ, направленных на евроинтеграцию и укрепление обороноспособности [34]. Подписанное Соглашение об ассоциации с ЕС стало основой для преобразований в экономике и государственном управлении. Антироссийская риторика приобрела центральное место в украинских доктринах [35, 36], где Россия обозначена как военная угроза, что, безусловно, способствовало укреплению радикальных националистических позиций и окончательной ориентации внешнеполитического курса на евроатлантическую интеграцию и тесное взаимодействие с НАТО и ЕС в сфере безопасности [37, 38].

Специальная военная операция (СВО), начавшаяся в феврале 2022 г., стала эпицентром глобального противостояния между Западом и Россией, превратив территорию Украины в арену масштабного геополитического конфликта. С первых дней СВО украинская дипломатия активизировалась на международной арене, наращивая контакты с союзниками и партнерами. Киев добивался ужесточения санкционного давления на Россию, направленного на ее экономическую и политическую изоляцию, а также увеличения объемов военной, экономической и гуманитарной помощи от Запада [39]. Западная поддержка Украины в рамках военной помощи достигла впечатляющих масштабов: военная и финансовая помощь США составила 77 млрд долл., из которых свыше 44 млрд были направлены исключительно на военные нужды. Евросоюз также оказал значительное содействие, выделив Украине 110 млрд евро, из которых около 36 млрд предназначены для военных целей. Из этого объема значительную часть составляет помощь Германии, которая выделила Украине 17,1 млрд евро [40].

Ключевыми направлениями внешней политики Украины в текущей ситуации является ускоренная интеграция в Европейский союз, что выразилось в предоставлении Украине статуса кандидата на членство, а также углубле-

ние взаимодействия с НАТО, включающее активное участие в совместных инициативах по безопасности и модернизации оборонной инфраструктуры, что способствует усилению обороноспособности страны. Однако в формирующейся стратегии Запада можно усмотреть два подхода. Первый из них предполагает поиск политического урегулирования для полного прекращения боевых действий либо заморозки конфликта по текущей линии фронта. Второй же подход ориентирован на постепенное снижение интенсивности боевых действий с сохранением стратегической обороны ВСУ, при этом Запад сосредоточивается на долгосрочном военном сдерживании России, превращая конфликт для Москвы в затяжную «бесконечную войну», победить в которой невозможно. С этой точки зрения, западная военная помощь в долгосрочной перспективе должна быть достаточно масштабной, чтобы поддержать «стратегический тупик» на фронте, обеспечив способность ВСУ удерживать контролируемые Киевом территории и продолжать истощать боевой потенциал российской армии, не давая России возможности одержать победу.

Согласно мнению аналитиков [41], на Западе существует негласное признание того, что на данный момент наиболее эффективной стратегией для Украины является концепция «земля в обмен на членство в НАТО». Идея заключается в том, что Украина сохраняет контроль над территорией, которая будет обеспечена гарантиями безопасности через вступление в Североатлантический альянс, по аналогии с «германским сценарием» 1954 г. Дополнительно, в рамках этой концепции, рассматривается «норвежский сценарий» членства, который включает запрет на размещение военной инфраструктуры НАТО на территории Украины. В таком случае Украина обязуется не размещать базы НАТО, а также не разворачивать ядерное оружие и ракеты большой дальности, а также не допускать постоянного присутствия крупных военных сил альянса на своей территории. Киев должен согласиться отказаться от применения силы за пределами своих границ, что будет находиться под ответственностью НАТО. Главным аспектом такого подхода является необходимость зафиксировать четкую линию, до которой будут распространяться гарантии безопасности по статье 5 Североатлантического договора [42].

В свою очередь, российские условия мирного урегулирования предполагают отказ Украины от евроатлантической интеграции, что позволит устранить одну из основных причин конфликта, связанного с расширением НАТО на восток. Для Кремля ключевым аспектом является восстановление или сохранение «сферы влияния» России в постсоветских странах и предотвращение дальнейшей западной экспансии, что воспринимается как стратегическая угроза национальной безопасности России. Украина должна вернуться к нейтральному, внеблоковому и безъядерному статусу, защищать русский язык, соблюдать права и свободы всех своих граждан.

Становится очевидным, что на сегодняшний день основные внутренние и внешние факторы, формирующие внешнеполитический курс Украины, могут быть структурированы следующим образом (табл. 2).

Принимая во внимание всесторонний анализ внешних и внутренних факторов, можно заключить, что современный внешнеполитический курс Украины сталкивается с рядом противоречий и вызовов, определяющих его характер (табл. 3).

Таблица 2. Внешние и внутренние факторы, влияющие на внешнеполитический курс Украины

Факторы		Описание
Внешние факторы	Геополитическое расположение	Украина играет роль буферного государства между Западом и Востоком, что усиливает ее стратегическую важность, но также делает ее объектом внешнего давления и конфликтов
	Вооруженный конфликт	Война на Донбассе и утрата Крыма существенно влияют на всю внешнюю политику Украины, превращая вопросы безопасности и территориальной целостности в приоритетные, вынуждая ориентироваться на западных союзников для обеспечения безопасности
	Интеграционные процессы	Прогресс на пути к интеграции с ЕС и НАТО осложняется необходимостью проведения глубоких внутренних реформ, сопряженных с экономическими и социальными издержками, а также противодействием со стороны России
	Экономическая взаимозависимость	Экономические связи с Россией и СНГ остаются значимыми, несмотря на ориентацию на рынок ЕС
	Международное давление и санкции	Условия внешней помощи часто связаны с требованиями к реформам и модернизации, что вызывает внутренние политические споры и иногда замедляет прогресс
	Влияние международных организаций	Участие в ООН, ОБСЕ и других структурах открывает доступ к ресурсам и поддержке, но требует соблюдения международных стандартов
Внутренние факторы	Политическая нестабильность	Поляризация общества, бессменность правительства и внутренняя борьба элит затрудняют проведение последовательной внешней политики
	Экономическая ситуация	Зависимость от международных займов, слабая экономика и необходимость реформ ограничивают возможности для внешнеполитической активности
	Общество и национальная идентичность	Региональные различия в восприятии внешнеполитических ориентиров создают препятствия для консенсуса и приводят к поляризации в обществе и среди элит
	Национальная безопасность	Конфликт на востоке требует концентрации ресурсов на внутренних вопросах, что ограничивает активность на других внешнеполитических направлениях
Историко-культурные факторы		Требования международных партнеров по проведению реформ оказывают влияние на внутреннюю и внешнюю политику Украины
		Исторические связи с Россией и Восточной Европой противоречат стремлению к западной интеграции, создавая фундаментальные противоречия

Таблица 3. Вызовы и противоречия внешнеполитического курса Украины

Вызовы	Противоречия
Евроинтеграция и сотрудничество с НАТО	Выполнение требований ЕС и НАТО наталкивается на внутренние политические и экономические трудности. Углубление евроатлантической интеграции вызывает напряжение в отношениях с Россией и поддерживающими ее странами
Вооруженный конфликт с Россией	Военные действия отвлекают ресурсы от проведения реформ и восстановления экономики. Конфликт с Россией усиливает геополитическое противостояние, усложняя многостороннюю дипломатическую деятельность
Необходимость экономических реформ	Требования международных кредиторов накладывают ограничения на экономическую политику страны, вызывая социальное напряжение. Разрыв связей с традиционными рынками СНГ требует ускоренной адаптации к стандартам и рынкам ЕС, что сопряжено с высокими затратами
Политическая нестабильность и отсутствие консенсуса среди элит	Политические элиты разделены в вопросах внешнеполитической ориентации, что подрывает последовательность и стратегичность курса. Конфликты внутри правящих кругов и частая смена руководства тормозят принятие долгосрочных решений
Общественная поляризация	Разделение общества по вопросам внешнеполитического выбора между евроатлантической интеграцией и сохранением связей с Россией. Неспособность властей сформировать единую идеологическую основу, укрепляющую национальную идентичность

Вызовы	Противоречия
Угрозы национальной безопасности	Концентрация на противодействии России ограничивает возможности активной дипломатии и реализации внешнеэкономических инициатив. Реформы в сфере безопасности сталкиваются с ограниченными ресурсами и необходимостью срочной модернизации вооруженных сил
Международное давление и обязательства перед партнерами	Реформы в сфере безопасности сталкиваются с ограниченными ресурсами и необходимостью срочной модернизации вооруженных сил. Западные страны требуют ускорения реформ, в то время как внутренние политические и экономические реалии затрудняют их выполнение. Невыполнение обязательств угрожает потерей доверия международных партнеров, что сказывается на внешнеполитической поддержке
Риски эскалации геополитического противостояния	Активное противодействие России и поддержка НАТО усиливают напряженность в регионе, что может привести к расширению конфликта за пределы Украины. Украина оказывается в центре глобального противостояния, что затрудняет проведение сбалансированной внешней политики

В среднесрочной перспективе стратегические цели внешнеполитического курса Украины должны быть скорректированы с учетом нескольких ключевых факторов.

Во-первых, необходимо учитывать изменения в международной политической обстановке, включая возможные корректировки позиций Европейского союза, США и НАТО в отношении Украины и региона в целом [43]. Усиление глобальной конкуренции и нарастание геополитической напряженности требуют гибкого подхода к внешней политике, чтобы учитывать новые возможности и риски на международной арене.

Во-вторых, внутренние социально-экономические вызовы также требуют корректировки внешнеполитических приоритетов. Вопросы экономической стабильности, необходимость реформирования институтов и преодоление внутренней коррупции могут усилить требования к международной поддержке и содействию со стороны партнеров. Это особенно важно для укрепления экономического сотрудничества и привлечения инвестиций, которые помогут Украине решать внутренние задачи.

В-третьих, учитывая продолжающийся конфликт на Донбассе и вопрос Крыма, Украина должна активно развивать стратегию, направленную на поддержку территориальной целостности, укрепление обороноспособности и усиление дипломатических усилий по разрешению конфликта. В этом контексте корректировка целей внешней политики могла бы предполагать более тесное взаимодействие с международными организациями и укрепление партнерств с государствами, разделяющими интересы Украины в обеспечении безопасности в регионе.

Таким образом, корректировка внешнеполитического курса должна быть направлена на учет изменений в международной и внутренней обстановке, что позволит Украине эффективно реализовать свои долгосрочные стратегические цели.

Стратегическая ориентация страны на евроатлантическую интеграцию представляет собой не только политическое, но и экономическое обязательство, направленное на обеспечение ее безопасности и долгосрочного развития. Состояние национального суверенитета и территориальной целостности остается важнейшей целью, особенно в условиях продолжающегося конфликта с Россией. Украина, стремясь к глубокой интеграции с Западом, ак-

тивно использует возможности, которые предоставляет партнерство с ЕС и НАТО, в том числе в виде военной и экономической помощи, что является необходимым для укрепления ее обороноспособности и стабильности. Однако этот путь не обходится без внутренних вызовов: политическая фрагментация, экономическая нестабильность и коррупционные проблемы продолжают оказывать негативное влияние на реализацию внешнеполитических целей. Для успешного преодоления этих проблем Украине необходимо эффективно балансировать между внешним давлением и внутренними преобразованиями, что требует консолидации политической элиты и выработки согласованных стратегий развития. При этом возможность достижения мирного соглашения или заморозки военного конфликта остается, однако российские требования по нейтральному статусу Украины создают значительные препятствия для конструктивных переговоров. В конечном счете успешная интеграция в европейские и евроатлантические структуры, а также гармонизация внутренней ситуации могут стать основой для укрепления позиций Украины на международной арене.

В условиях современной геополитической нестабильности, усугубляемой вооруженным конфликтом, экономическими кризисами и активным влиянием внешних акторов, Украина стоит перед необходимостью выработки стратегических решений, направленных на преодоление существующих вызовов и достижение устойчивого развития. Одним из ключевых направлений может стать установление сбалансированной, нейтральной внешнеполитической позиции, которая позволит снизить уровень конфронтации и сосредоточиться на восстановлении конструктивного взаимодействия с Россией. Возможные пути преодоления существующих вызовов и противоречий внешнеполитического курса Украины систематизированы в табл. 4.

Таблица 4. Определение возможных путей преодоления существующих вызовов и противоречий внешнеполитического курса Украины

Направления	Пути преодоления
Дипломатическое урегулирование конфликта	Активизация переговорного процесса с Россией для поиска компромиссных решений, способствующих окончанию военных действий и восстановлению территориальной целостности. Участие в международных переговорах, способствующих деэскалации, и развитие репутации ответственного международного партнера
Экономическое сотрудничество	Восстановление торговых и инвестиционных связей, которые могут стать основой для восстановления экономики Украины, снижения зависимости от западной финансовой помощи и стимулирования промышленного развития. Создание условий для совместных инфраструктурных проектов
Укрепление национальной безопасности	Установление нейтрального статуса Украины, отказ от вступления в НАТО. Восстановление сотрудничества в сфере безопасности с Россией. Активизация работы в рамках региональных инициатив для обеспечения стабильности и повышения международного статуса Украины
Международная дипломатия	Поддержание конструктивных отношений как с западными, так и с восточными партнерами. Укрепление связей с Европейским союзом и США, при этом восстановление диалога с Россией для снижения напряженности и урегулирования конфликтов
Социальная политика	Внедрение программ по интеграции и поддержке населения восточных регионов, включая защиту языковых и культурных прав, что позволит преодолеть внутренний раскол и укрепить национальную идентичность
Энергетическая безопасность и экологическая устойчивость	Переговоры о выгодных условиях поставок энергоресурсов из России. Совместное развитие энергетической инфраструктуры. Внедрение программ экономии энергии в промышленности и ЖКХ, что снизит уязвимость экономики. Участие в международных климатических инициативах, восстановление экосистем пострадавших от боевых действий территорий

Таким образом, комплексный подход, направленный на преодоление текущих вызовов Украины, включая внутренние реформы, укрепление внешних связей и реализацию политики устойчивого развития опирается на долгосрочные стратегические цели, призванные обеспечить стабильность, независимость и прогресс страны даже в условиях сложной международной обстановки. Такая стратегия не только снизит международное напряжение, но и создаст предпосылки для более сбалансированного развития Украины, обеспечив стабильность и восстановление ее суверенитета в условиях сложной международной обстановки.

Заключение

Таким образом, несмотря на наличие значительной политико-правовой базы, на которой строится современный внешнеполитический курс Украины, утверждать, что страна окончательно определилась с приоритетами своей внешней политики, было бы преждевременно, даже спустя более чем двадцать лет независимого развития. Приоритеты продолжают формироваться, и хотя, основные внешнеполитические векторы уже обозначены вокруг территориальной целостности как ключевом условии любых переговоров, они не являются окончательными и стабильными, что затрудняет достижение компромиссов. Во-первых, членство Украины в НАТО противоречит интересам безопасности ряда государств – членов блока. На фоне продолжающегося военного конфликта на востоке Украины многие страны НАТО опасаются, что принятие Украины в Альянс может спровоцировать прямое столкновение с Россией. При этом некоторые из них, такие как Словакия и Венгрия, выступают против членства Украины из-за опасений по поводу ухудшения безопасности своих границ. Во-вторых, конфликт в Донбассе и аннексия Крыма остаются открытыми вопросами, которые представляют собой серьезные препятствия для членства Украины. По правилам НАТО, страны с неразрешенными территориальными конфликтами не могут стать членами Альянса, так как это может привести к вовлечению других государств-членов в военные действия. В-третьих, несмотря на определенные достижения в проведении реформ в области обороны и безопасности, украинские Вооруженные Силы по-прежнему не соответствуют стандартам НАТО. Остаются нерешенные проблемы, включая недостаток оперативности и прозрачности в Вооруженных Силах, нечеткое распределение обязанностей, а также пробелы в нормативно-правовой базе, что вызывает сомнения у союзников по НАТО в способности Украины выполнять обязательства, вытекающие из членства. Более того, внутренние реформы и изменение геополитической обстановки вносят свои коррективы. Отсутствие консенсуса среди политических сил, социальные вызовы и экономические трудности влияют на способность Украины следовать четкому курсу. В таких условиях важным становится не только укрепление институциональной базы, но и развитие диалога с международными партнерами, что может способствовать более последовательной и устойчивой внешней политике.

В целом успешное формирование устойчивого внешнеполитического курса Украины требует синергии внутренних и внешних факторов. Важно учитывать динамику внутренней политики, включая необходимость политической консолидации, проведение институциональных реформ и преодоление

социальных и региональных расколов, что позволит создать прочный фундамент для выработки стратегических решений. Одновременно требуется оперативная и гибкая реакция на вызовы международной арены, включая геополитическое давление, военные угрозы и экономическую нестабильность. Конструктивное взаимодействие с другими государствами и международными организациями должно базироваться на принципах национальных интересов, что включает углубление сотрудничества с Европейским союзом, НАТО и другими союзниками, а также поиск путей для восстановления диалога с Россией. Проведенное исследование свидетельствует о том, что внешняя политика Украины переживает качественно новый этап своего развития. Это делает необходимым проведение дальнейших исследований данной области.

Список источников

1. Дробот Г.А. Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 182–204.
2. Дробот Г.А. Либерализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 146–147.
4. Паишковский П.И. Генезис и специфика общественных противоречий в контексте проблемы внешнеполитического позиционирования Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (40), № 3. С. 137–146.
4. Кучерина И.А. Особенности геополитических и общественных процессов, происходящих на территории Украины // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 4. С. 225–230.
5. Besters-Dilger J. Ukraine on its Way to Europe: Interim Results of the Orange Revolution. Freiburg, Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2009. 332 p.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : АСТ, 2018. 384 с.
7. Menon R., Rumer E.B. Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order. Massachusetts : The MIT Press, 2014. 248 p.
8. Hoffmann L., Möllers F. Ukraine on the Road to Europe. Physica, 2001. 313 p.
9. Аладьина Н.В. Нематериальные внешнеполитические ресурсы и факторы, определяющие внешнюю политику Украины // Международные отношения в XXI веке : материалы Четвертой Межвуз. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М. : Изд-во РУДН, 2008. С. 4–14.
10. Кудряченко А.І. Зовнішньополітичні виклики сучасної України. Стратегічні пріоритети. 2007. Т. 4, № 5. С. 172–177.
11. Жильцов С.С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 3. С. 189–198.
12. Стебаков М.Н. Внешнеполитический курс современной Украины: характер и тенденции развития // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 9–11 декабря 2020 года. М. : Москов. гос. лингвист. ун-т, 2022. С. 408–417.
13. Перепелица Г.М. Зовнішня політика України – 2007: стратегічні оцінки, прогнози та пріоритети : щорічник. Київ : Стилосо, 2008. 311 с.
14. Курьлев К.П. Эволюция внешнеполитических приоритетов Украины в 1991–2011 гг. // Вестник РУДН. История России. 2012. № 3. С. 114–130.
15. Сонько С.П., Кисельов Ю.О. Сучасні геополітичні та соціально-економічні особливості європейської інтеграції України // Соціально-економічні аспекти розвитку національної економіки в умовах перманентних кризових явищ. Умань : Вид.-поліграф. центр «Візаві», 2015. С. 10–15.
16. Терехов Є.М. Зовнішньополітичний курс України як фактор впливу на динаміку її зовнішньоторговельних зв'язків // Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. Фінансовий ринок України: стабілізація та євроінтеграція : зб. наук. праць. 2010. № 1 (81). С. 450–457.
17. Вавилов А.Н. Украинская политическая элита как фактор формирования основ внешней политики Украины // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 15 (6). С. 131–146.

18. Овсянникова О.А. Внешнеполитический курс Украины: реалии и перспективы // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Вып. 5. Ч. 1. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 246–254.
19. Паиковский П.И. Геополитическая «рубежность» как фактор позиционирования Украины в международных отношениях: опыт украинского дискурса начала XXI века // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10 (2). С. 173–184.
20. Ильинова К.Г. Внешняя и внутренняя политика Украины на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5, № 1. С. 89–100.
21. Горбулін В.П. Оборонна політика України на початку XXI століття. Київ: Інтертехнологія, 2009. 103 с.
22. Мартинов А.Ю. Зовнішня політика України: еволюція концептуальних засад та проблеми реалізації // Український історичний журнал. 2011. Вип. 4 (№ 499). С. 55–77.
23. Бегма В.М. Оборонна політика України на початку XXI століття: аналітична доповідь. Київ: НІСД, 2010. 72 с.
24. Курьлев К. П. Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М.: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2014. 531 с.
25. Об Основных направлениях внешней политики Украины. Верховная Рада Украины. 20.07.2010. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3360-12>
26. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией. Верховная Рада Украины. 01.04.2019. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/643_006#Text
27. Забытый кризис. Как Украина впервые оказалась на пороге распада. URL: <https://ukraina.ru/20220512/1033943374.html>
28. Паиковский П.И. Происхождение и характеристики феномена геополитической «рубежности» Украины // Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей: сб. науч. тр. XLII Междунар. Харакского форума, Ялта-Симферополь, 8–10 ноября 2023 года. Симферополь: Изд-во Типография «Ариал», 2024. С. 205–210.
29. Закон України Про засади внутрішньої і зовнішньої політики. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102411.htm
30. Янукович В. Главная стратегическая цель Украины – интеграция в ЕС. URL: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/v-yanukovich-glavnaya-strategicheskaya-tsel-ukrainy---integratsiya18062010142000>
31. Указ Президента України. «Про нову редакцію Стратегії національної безпеки України» – 2012 р. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/14823.htm>
32. Украина: путь на Запад // Россия в глобальной политике. URL: <https://global-affairs.ru/articles/ukraina-put-na-zapad/>
33. Богатыренко Е.А. Политические элиты Украины: деструктивная политика современной украинской власти // Политическая элитология. 2024. № 2. С.130–145.
34. Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия политология. 2016. № 1. С. 7–15.
35. Указ Президента України Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 6 травня 2015 року «Про Стратегію національної безпеки України». URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U287_15.html
36. Указ Президента України Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 14 вересня 2020 року «Про Стратегію національної безпеки України». URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U392_20.html
37. Белащенко Д.А., Сикираж В.В. Украинский кризис в современных международных отношениях: уровни влияния // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3 (56). С. 29–43.
38. Печёрин Т.К. Украинский национализм в современной истории на государственном уровне // Проблемы реализации норм международного гуманитарного права на современном этапе. 2024. С. 155–159.
39. Шумилов М.М., Гуркин А.Б. Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022-2023) // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 10–27.
40. Оружейное сальдо: какой может быть стратегия Запада в отношении Украины в 2024 году. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/503293-oruzhejnoe-sal-do-kakoj-mozet-byt-strategia-zapada-v-otnosenii-ukrainy-v-2024-godu>
41. Вариант для Киева: как меняется внешнеполитическая дискуссия вокруг Украины. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/522965-variant-dla-kieva-kak-menaetsa-vnesnepoliticalkaa-diskussia-vokrug-ukrainy>

42. Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm

43. Рыжов В.Б. Украина – НАТО: взаимоотношения и перспективы членства // Международное право. 2024. № 1. С. 51–62.

References

1. Drobot, G.A. (2014) Realizm v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: istoriya, zarubezhnaya i otechestvennaya shkoly [Realism in the theory of international relations: History, foreign and domestic schools]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 182–204.
2. Drobot, G.A. (2014) Liberalizm v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: istoriya, zarubezhnaya i otechestvennaya shkoly [Liberalism in the theory of international relations: history, foreign and domestic schools]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5. pp. 146–147.
3. Pashkovskiy, P.I. (2018) Genezis i spetsifika obshchestvennykh protivorechiy v kontekste problemy vneshnepoliticheskogo pozitsionirovaniya Ukrainy [Genesis and specificity of social contradictions in the context of the problem of foreign policy positioning of Ukraine]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 4(70–3). pp. 137–146.
4. Kucherina, I.A. (2024) Osobennosti geopoliticheskikh i obshchestvennykh protsessov, proiskhodyashchikh na territorii Ukrainy [Geopolitical and social processes taking place on the territory of Ukraine]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 225–230.
5. Besters-Dilger, J. (2009) *Ukraine on its Way to Europe: Interim Results of the Orange Revolution*. Freiburg: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften.
6. Bzhezinskij, Z. (2018) *Velikaya shakhmatnaya doska* [The Great Chessboard]. Translated from English. Moscow: AST.
7. Menon, R. & Rumer, E.B. (2014) *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Massachusetts: The MIT Press.
8. Hoffmann, L. & Möllers, F. (2001) *Ukraine on the Road to Europe*. Physica.
9. Aladina, N.V. (2008) Nematerial'nye vneshnepoliticheskie resursy i faktory, opredelyayushchie vneshnyuyu politiku Ukrainy [Intangible foreign policy resources and factors determining Ukraine's foreign policy]. *Mezhdunarodnye otnosheniya v XXI veke* [International relations in the 21st century]. Proc. of the Fourth Conference. Moscow: RUDN University Press. pp. 4–14.
10. Kudryachenko, A.I. (2007) Zovnishn'opolitichni vikliki suchasnoï Ukraïni [Foreign policy challenges of Modern Ukraine]. *Strategichni prioriteti*. 4(5). pp. 172–177.
11. Zhiltsov, S.S. (2021) Vneshnyaya politika Ukrainy: kuda vedet stranu V. Zelenskiy [Foreign policy of Ukraine: where V. Zelensky is leading the country]. *Postsovetskie issledovaniya*. 4(3). pp. 189–198.
12. Stebakov, M.N. (2002) Vneshnepoliticheskii kurs sovremennoy Ukrainy: kharakter i tendentsii razvitiya [The foreign policy course of modern Ukraine: The nature and trends of development]. *Geopoliticheskaya kartina mira: ugrozy i vyzovy* [Geopolitical Picture of the World: Threats and Challenges]. Proc. of the Conference. Moscow, December 9–11, 2020. Moscow: MSLU. pp. 408–417.
13. Perepelitsa, G.M. (2008) *Zovnishnya politika Ukraini – 2007: strategichni otsinki, prognozi ta prioriteti*. Kiiv: Stilos.
14. Kurylev, K.P. (2012) Evolyutsiya vneshnepoliticheskikh prioritetov Ukrainy v 1991–2011 gg. [Evolution of Ukraine's foreign policy priorities in 1991–2011]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii*. 3. pp. 114–130.
15. Sonko, S.P. & Kiselyov, Y.O. (2015) Suchasni geopolitichni ta sotsial'no-ekonomichni osoblivosti evropeys'koï integratsii Ukraïni [Sovremennye geopolitical and socio-economic features of European integration of Ukraine]. In: *Sotsial'no-ekonomichni aspekti rozvitku natsional'noï ekonomiki v umovakh permanentnikhkrizovikh yavishch*. Uman: Vizavi. pp. 10–15.
16. Terekhov, E.M. (2010) Zovnishn'opolitichnii kurs Ukraïni yak faktor vplivu na dinamiku її zovnishn'otorgovel'nikh zv'yazkiv [Foreign policy course of Ukraine as a factor of influence on the dynamics of its foreign trade relations]. *Sotsial'no-ekonomichni problemi suchasnogo periodu Ukraïni. Finansoviy rink Ukraïni: stabilizatsiya ta evrointegratsiya*. 1(81). pp. 450–457.
17. Vavilov, A.N. (2020) Ukrainskaya politicheskaya elita kak faktor formirovaniya osnov vnesh-ney politiki Ukrainy [The Ukrainian political elite as a factor in the formation of the foundations of Ukraine's foreign policy]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 15(6). pp. 131–146.
18. Ovsyannikova, O.A. (2022) Vneshnepoliticheskii kurs Ukrainy: realii i perspektivy [The foreign policy course of Ukraine: Realities and prospects]. In: *Bol'shaya Evraziya: Razvitie*,

bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. Vol. 5. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. pp. 246–254.

19. Pashkovskiy, P.I. (2023) Geopoliticheskaya “rubezhnost” kak faktor pozitsionirovaniya Ukrainy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: opyt ukrainskogo diskursa nachala XXI veka [Geopolitical “frontier” as a factor of Ukraine's positioning in international relations: the experience of Ukrainian discourse at the beginning of the XXI century]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 10(2). pp. 173–184.

20. Ilinova, K.G. (2018) Vneshnyaya i vnutrennyaya politika Ukrainy na sovremennom etape [Foreign and domestic policy of Ukraine at the present stage]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 5(1). pp. 89–100.

21. Gorbulin, V.P. (2009) *Oboronna politika Ukraïni na pochatku XXI stolittya*. Kïiv: Intertechnologiya.

22. Martinov, A.Yu. (2011) Zovnishnya politika Ukrani: evolyutsiya kontseptual'nikh zasad ta problemi realizatsii [Foreign policy of Ukraine: Evolution of conceptual foundations and problems of implementation]. *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal*. 4(499). pp. 55–77.

23. Begma, V.M. (2010) *Oboronna politika Ukraïni na pochatku XXI stolittya: analitichna dopovid'*. Kyiv: NISD.

24. Kurylev, K.P. (2014) *Vneshnyaya politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noy sistemy bezopasnosti v Evrope* [Ukraine's foreign policy in the context of the formation of a regional security system in Europe]. Moscow: Russian University of Peoples' Friendship (RUDN).

25. Verkhovna Rada of Ukraine. (2010) *Ob Osnovnykh napravleniyakh vneshney politiki Ukrainy* [On the main directions of Ukraine's foreign policy]. [Online] Available from: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3360-12>

26. Verkhovna Rada of Ukraine. (2019) *Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i partnerstve mezhdru Ukrainoy i Rossiyskoy Federatsiey* [The Treaty of Friendship, Cooperation and Partnership between Ukraine and the Russian Federation]. [Online] Available from: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/643_006#Text

27. Ukraine. (2022) *Zabytyy krizis. Kak Ukraina vperve okazalas' na poroge raspada* [Forgotten Crisis. How Ukraine First Found Itself on the Brink of Collapse]. [Online] Available from: <https://ukraina.ru/20220512/1033943374.html>

28. Pashkovskiy, P.I. (2024) Proiskhozhdienie i kharakteristiki fenomena geopoliticheskoy “rubezhnosti” Ukrainy [The origin and characteristics of the phenomenon of the geopolitical “frontier” of Ukraine]. In: *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya* [Political Space and Social Time: Dialectic of Goals and Values]. Proc. of the Conference. Yalta-Simferopol, November 8–10, 2023. Simferopol: Arial. pp. 205–210.

29. Ukraine. (n.d.) *Zakon Ukraïni Pro zasadi vnutrishn'oi i zovnishn'oi politiki*. [Online] Available from: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102411.html

30. Yanukovich, V. (n.d.) *Glavnaya strategicheskaya tsel' Ukrainy – integratsiya v ES* [The main strategic goal of Ukraine is integration into the EU]. [Online] Available from: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/v-yanukovich-glavnaya-strategicheskaya-tsel-ukrainy---integratsiya18062010142000>

31. Ukraine. (2012) *Ukaz Prezidenta Ukraïni. “Pro novu redaktsiyu Strategii natsional'noi bezpeki Ukraïni” – 2012 r.* [Decree of the President of Ukraine. “About the new edition of the Strategy for National Security of Ukraine” – 2012]. [Online] Available from: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/14823.html>

32. Asmus, R. (2004) *Ukraina: put' na Zapad* [Ukraine: the way to the West]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/ukraina-put-na-zapad/>

33. Bogatyrenko, E.A. (2024) Politicheskie elity Ukrainy: destruktivnaya politika sovremen-noy ukrainskoy vlasti [The political elites of Ukraine: the destructive policy of the modern Ukrainian government]. *Politicheskaya elitologiya*. 2. pp. 130–145.

34. Zhiltsov, S.S. (2016) Evraziyskaya integratsiya: problemy i perspektivy [Eurasian integration: problems and prospects]. *Vestnik RUDN. Seriya politologiya*. 1. pp. 7–15.

35. Ukraine. (2015) *Ukaz Prezidenta Ukraïni Pro rishennya Radi natsional'noi bezpeki i oboroni Ukraïni vid 6 travnya 2015 roku “Pro Strategiyu natsional'noi bezpeki Ukraïni.”* [Online] Available from: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U287_15.html

36. Ukraine. (2020) *Ukaz Prezidenta Ukraïni Pro rishennya Radi natsional'noi bezpeki i oboroni Ukraïni vid 14 veresnya 2020 roku “Pro Strategiyu natsional'noi bezpeki Ukraïni.”* [Online] Available from: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U392_20.html

37. Belashchenko, D.A. & Sikirazh, V.V. (2022) Ukrainskiy krizis v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: urovni vliyaniya [The Ukrainian crisis in modern international relations: levels of influence]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 3(56). pp. 29–43.
38. Pecherin, T.K. (2024) Ukrainskiy natsionalizm v sovremennoy istorii na gosudarstvennom urovne [Ukrainian nationalism in modern history at the state level]. In: *Problemy realizatsii norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava na sovremennom etape* [Problems of implementing the norms of international humanitarian law at the present stage]. pp. 155–159.
39. Shumilov, M.M. & Gurkin, A.B. (2023) Predposylki, mezhdunarodnyy kontekst i osobennosti oposredovannoy voyny NATO protiv Rossii na Ukraine (2022–2023) [Prerequisites, international context and features of the NATO-mediated war against Russia in Ukraine (2022–2023)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 7. pp. 10–27.
40. Forbes. (2024) *Oruzheynoe sal'do: kakoy mozhet byt' strategiya Zapada v otnoshenii Ukrainy v 2024 godu* [The arms balance: What might be the strategy of the West towards Ukraine in 2024]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/mneniya/503293-oruzhejnoe-sal-do-kakoj-mozet-byt-strategiya-zapada-v-otnoshenii-ukrainy-v-2024-godu>
41. Forbes. (n.d.) *Variant dlya Kiev: kak menyaetsya vnesnepoliticheskaya diskussiya vokrug Ukrainy* [An option for Kiev: How the foreign policy discussion around Ukraine is changing]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/mneniya/522965-variant-dla-kieva-kak-menaetsa-vnesnepoliticheskaya-diskussiya-vokrug-ukrainy>
42. NATO. (1949) *Severoatlanticheskiy dogovor. Vashington, Federal'nyy okrug Kolumbiya, 4 aprelya 1949 g.* [The North Atlantic Treaty. Washington, D.C., April 4, 1949]. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm
43. Ryzhov, V.B. (2024) Ukraina – NATO: vzaimootnosheniya i perspektivy chlenstva [Ukraine – NATO: Relations and prospects of membership]. *Mezhdunarodnoe pravo*. 1. pp. 51–62.

Сведения об авторе:

Кучерина И.А. – аспирант, факультет глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ira.kirina@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kucherina I.A. – postgraduate student, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ira.kirina@internet.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 21.11.2024;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.17223/1998863X/84/21

КУЛЬТУРА СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА И РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)

Елена Викторовна Матвеева¹, Алия Викторовна Сат²

¹ Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия,
tev.matveeva2020@yandex.ru

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических
исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия, *aliya_sat@mail.ru*

Аннотация. Приводятся результаты социологических исследований, проведенных среди вузовской молодежи Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва. При интерпретации результатов исследований авторы основываются на теории рефлексивного выбора В.А. Лефевра и теории культуры Л.Н. Когана, что позволяет рассматривать культуру субъектности студенческой молодежи в социальных сетях через призму потребностей человека.

Ключевые слова: культура субъектности, студенческая молодежь, социальные сети, политическая идентичность, регионы

Для цитирования: Матвеева Е.В., Сат А.В. Культура субъектности студенческой молодежи в социальных сетях (на примере Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 264–273. doi: 10.17223/1998863X/84/21

Original article

CULTURE OF SUBJECTIVITY OF STUDENT YOUTH IN SOCIAL NETWORKS (ON THE EXAMPLE OF THE KEMEROVO REGION – KUZBASS AND THE REPUBLIC OF TYVA)

Elena V. Matveeva¹, Aliya V. Sat²

¹ Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation,
tev.matveeva2020@yandex.ru

² Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government
of the Republic of Tyva, Kyzyl, Russian Federation, *aliya_sat@mail.ru*

Abstract. The aim of the article was to identify the features of the culture of subjectivity of student youth in social networks in the context of determining political preferences using the example of universities in two regions of Russia – the Kemerovo Region – Kuzbass and the Republic of Tyva. The authors of the article consider the culture of subjectivity of student youth within the framework of the theory of reflexive choice by V.A. Lefebvre and the theory of culture by L.N. Kogan, which allows analyzing the phenomenon under study from the perspective of assessing needs as a regulator of human behavior in social networks. At the same time, social networks act as a kind of a “bridge” between the subjectivity of an

individual and cultural principles manifested in the assessment of ongoing socio-political events. The study is based on the results of a mass sociological survey and focus groups conducted in November–December 2024 among student youth of three universities of the Kemerovo Region – Kuzbass (Kemerovo State University, Kemerovo State Institute of Culture, Kuzbass State Agrarian University) and Tuva State University in the Republic of Tyva. The main attention is paid to the issues of demand for social networks in the culture of student youth, as well as the “involvement” of young people in the political agenda in social networks. It was revealed that the preferences of student youth in the use of social networks and instant messengers depend on the region of study and age characteristics. However, a targeted interest in political events and forms of civic activity using social networks is most characteristic of respondents aged 30–35. A number of features of the culture of subjectivity of student youth in social networks are highlighted, manifested in the preferences of student youth of universities in Kuzbass and Tuva. This is a high role of social networks in the daily activities of student youth, which is expressed in the multifunctional focus of their use, a high percentage of apoliticality among Tuvan youth in comparison with Kuzbass youth as a consequence of the dominance of traditional values in the culture, selectivity in young people’s demonstration of their preferences and moods in relation to political leaders and artists (bloggers) in social networks.

Keywords: culture of subjectivity, student youth, social networks, political identity, regions

For citation: Matveeva, E.V. & Sat, A.V. (2025) Culture of subjectivity of student youth in social networks (on the example of the kemerovo region – kuzbass and the republic of tyva). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 264–273. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/21

Введение

Проблема формирования политической идентичности современной российской молодежи продолжает привлекать к себе внимание в силу динамичных изменений, происходящих в цифровом ландшафте социальных сетей в Российской Федерации. На протяжении последних лет на законодательном уровне приняты нормативно-правовые акты о социальных сетях, фактически меняющие «на наших глазах» архитектуру цифровой среды российского общества, делая ее более «прозрачной», а деятельность человека в ней все более регламентированной.

В этих динамично развивающихся условиях необходимо проведение дальнейшего научного анализа культуры субъектности студенческой молодежи в социальных сетях как важной составной части социального и политического самоопределения личности. В этой связи обращают на себя внимание исследования, затрагивающие вопросы идентичности культуры молодежи в социальных сетях [1–3]. Е.Б. Ивушкина и Н.И. Морозова анализируют вопросы, связанные с противоречивым воздействием информационной среды на идентичность человека, его поведение, моральные нормы, духовные ценности в обществе [4. С. 23]. Е.Б. Хорольцева и А.В. Федорова рассматривают вопросы самоопределения личности через коммуникационные практики в социальных сетях как некий конфликт ценностей и приоритетов в жизненном пространстве [5. С. 79].

Целью статьи явилось выявление особенностей культуры субъектности студенческой молодежи в социальных сетях в контексте определения политических предпочтений на примере вузов двух регионов России – Кемеровской области – Кузбасса (далее Кузбасс) и Республики Тыва (далее Тува). Под субъектностью, прочно утвердившейся в психологии, педагогике и социологии (Т.А. Антопольская, М.А. Варламова, Н.А. Гаврилова, Т.А. Оль-

ховская, И.В. Плаксина и др.) [6–9], рассматривается субъект социальной реальности на примере отдельных личностей, групп или организаций. Субъектность в данном случае проявляется через некий «выбор в поле социальных отношений» [10. С. 60], или в рамках более узких категорий, например, таких как профессиональная субъектность в контексте оценки качества профессиональной подготовки [11. С. 121].

В представленной статье культуру субъектности авторы рассматривают в рамках теории рефлексивного выбора В.А. Лефевра, где сознание выступает «неотъемлемой компонентой сущего» [12. С. 24], поэтому культура субъектности – это рефлексивный выбор человека между осознанием какого-либо явления и его поведением. При понимании культуры субъектности важное место играет категория «культуры». Данная категория рассматривается в рамках теории культуры Л.Н. Когана, где анализу подвергается «изучение самореализующегося в культуре человека» [13. С. 62]. В теории культуры Л.Н. Коган рассматривал культуру с позиции «способностей и потребностей человека и их реализации в творчестве» [14. С. 122].

Проведенное исследование основывается на данных, полученных методом массового опроса и пяти фокус-групп в ноябре–декабре 2024 г., среди студенческой молодежи вузов Кузбасса и Тувы. В качестве генеральной совокупности (23 800 тыс. человек) рассматривались студенты бакалавриата и магистратуры всех форм обучения в Кемеровском государственном университете (КемГУ), Кемеровском государственном институте культуры (КемГИК), Кемеровском государственном аграрном университете им. В.Н. Полецкого и в Тувинском государственном университете (ТувГУ). Выборка (785 респондентов) квотная с контролем признаков возраста (17 лет – 4,6%, 18–23 года – 80%, 24–29 лет – 10,6%, 30–35 лет – 4,8%) и пола (37,1% мужчин и 62,9% женщин согласно гендерному соотношению генеральной совокупности). Отдельно среди студентов выделена группа несовершеннолетних респондентов, не достигших возраста 18 лет. Доверительная вероятность составила 95% при ошибке выборки 5%.

В фокус-группах участвовал 51 студент 2–4-х курсов бакалавриата. Гендерный состав определялся спецификой направлений подготовки в вузах: КемГУ – 65% женщин и 35% мужчин, КемГИК – 80% женщин и 20% мужчин, ТувГУ – 70% женщин и 30% мужчин.

Результаты и их обсуждение

В рамках рассматриваемой проблемы авторы хотели бы уделить внимание вопросам востребованности социальных сетей в культуре субъектности студенческой молодежи, а также отдельно остановиться на вопросах «включенности» молодых людей в политическую повестку в социальных сетях. Культура субъектности проявляется не только через активность при работе в социальных сетях, но и в возможности «выбора» через выражение собственной позиции. Так, в анкету вошли вопросы, связанные с выявлением общей направленности предпочтений респондентов в социальных сетях и мессенджерах, мотивов целеполагания в поиске информации, предпочитаемых форм онлайн- и офлайн-активности. При этом вопросы анкеты давали возможность респонденту право выбрать один, несколько или написать собственный ответ в графе «другое». В фокус-группах больше внимания уделялось получению

качественных характеристик с указанием предпочитаемых респондентами ресурсов, их направленности и тематики.

Наиболее востребованными среди молодежи являются такие социальные сети и мессенджеры, как Telegram (мужчины – 87,8%, женщины – 92%) и «ВКонтакте» (мужчины – 93,2%, женщины – 86,2%). Далее с большим отрывом респонденты отмечали YouTube (мужчины – 74,3%, женщины – 68,2%), WhatsApp (мужчины – 47,7%, женщины – 56 %) и TikTok (мужчины – 21,1%, женщины – 39,8%). Среди рассматриваемых социально-демографических характеристик взаимосвязь прослеживается с параметрами место проживания и, соответственно, обучения, а также возрастными особенностями. Так, студенты ТувГУ в отличие от студентов вузов Кузбасса в число приоритетов после сетей Telegram и «ВКонтакте» на третье и четвертое место поставили Viber (71,3%) и YouTube (66,7%), и только на пятое – WhatsApp (23,3%). По возрастному критерию в число наиболее популярных ответов вошли: 17 лет (Telegram – 92,5%, YouTube – 75%, «ВКонтакте» – 70%), 18–23 года (Telegram – 93,6%, «ВКонтакте» – 89,7%, YouTube – 73,7%), 24–29 лет («ВКонтакте» – 91,4%, Telegram – 75,3%, YouTube – 58,1%), 30–35 лет (WhatsApp – 95,2%, Telegram – 78,6%, «ВКонтакте» – 71,4%). Очевидна тенденция, связанная с трансформацией потребностей в культуре субъектности молодого поколения от простого интереса прочтения постов и выставления собственного контента в социальных сетях Telegram и «ВКонтакте» в сторону повседневного обмена сообщениями в мессенджере WhatsApp.

Давая ответы на вопрос «С какой целью Вы пользуетесь социальными сетями и мессенджерами?», респонденты чаще всего отмечали, что это «средство общения и досуга» (мужчины – 84%, женщины – 89,2%), «средство получения информации» (мужчины – 81,4%, женщины – 85,6%), «ресурс обучения» (мужчины – 58,2%, женщины – 70,2%). Меньшее количество ответов набрали варианты «моя работа (мониторинг, продвижение рекламы)» (мужчины – 22,8%, женщины – 18,7%), «новые знакомства» (мужчины – 19,8%, женщины – 19,6%), «продвижение личного контента» (мужчины – 13,9%, женщины – 18,5%). При возрастном анализе процент выбравших ответ «моя работа (мониторинг, продвижение рекламы)» увеличивался за счет уменьшения популярности остальных вариантов ответов (табл. 1).

Таблица 1. Ответы на вопрос «С какой целью Вы пользуетесь социальными сетями и мессенджерами?», %

Вариант ответа	Ваш возраст			
	17 лет	18–23 года	24–29 лет	30–35 лет
Моя работа (мониторинг, продвижение)	12,5	18,4	20,4	47,6
Продвижение личного контента	25,0	18,0	14,0	4,8
Средство получения информации	90,0	85,4	78,5	76,2
Средство общения и досуга	92,5	88,6	88,2	69,0
Новые знакомства	25,0	20,3	18,3	7,1
Ресурс обучения	72,5	66,7	66,7	66,7

Отдельный вопрос анкеты включал в себя выявление разных форм гражданской активности среди молодежи в политике путем выбора респондентами нескольких из предложенных вариантов, как и в предыдущей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Ответы на вопрос «Что из нижеперечисленного Вы стараетесь делать или это вызывает у вас интерес?», %

Вариант ответа	Ваш возраст			
	17 лет	18–23 года	24–29 лет	30–35 лет
Хожу на выборы и (или) обсуждаю в кругу друзей политические события и новости	10,0	14,4	21,5	31,0
Посещаю политические акции и мероприятия	0	2,9	2,2	4,8
Слежу за политическими новостями в России и мире	45,0	42,9	41,9	61,9
Обсуждаю политические события и новости в социальных сетях	5,0	7,6	9,7	2,4
Участвую в волонтерской деятельности	17,5	16,9	10,8	21,4
Ничего из перечисленного не делаю	27,5	31,1	35,5	16,7

Полученные ответы показали, что по мере взросления у молодежи появляется более осознанное отношение к значимости участия в политике (в 17 лет лишь 10% «обсуждают в кругу друзей политические события и новости», в 30–35 лет – 31%, что, в частности, уже выражается и в голосовании на выборах). Аналогичная ситуация относится и к возрастанию интереса в отношении «просмотра политических новостей в России и в мире» (от 45 до 61,9% соответственно). В то же время ответы респондентов показывают падение интереса среди молодежи в возрасте 30–35 лет к «обсуждению политических новостей в кругу друзей и социальных сетях». Подобная динамика, выявленная во взглядах студенческой молодежи, показывает, что формирование взглядов и мнений определяется рассматриваемой нами культурой субъектности человека, где потребности человека являются следствием поколенческих различий респондентов.

В то же время наблюдаются определенные отличия в ответах участников опроса в зависимости от региона обучения. Политическая активность студентов из Кузбасса заметно выше, чем в Туве, хотя по популярности выбранные респондентами варианты ответов совпадают: «слежу за политическими новостями в России и в мире» (Кузбасс – 48%, Тыва – 36,6%), «хожу на выборы и (или) обсуждаю в кругу друзей политические события и новости» (16,9 и 12,5% соответственно), «ничего из перечисленного не делаю» (27,8 и 37,6%).

Ответы респондентов в фокус-группах позволили выявить информацию о политических предпочтениях студенческой молодежи в социальных сетях. Ответы на вопрос «В случае необходимости в каких социальных сетях Вы получаете интересующую Вас политическую информацию?» показывают, с одной стороны, четкую привязку в мотивах поиска политической информации в случае резонансных событий, с другой стороны, демонстрируют отсутствие какого-либо интереса к любой политической информации (наиболее часто встречается среди студентов КемГИК). Примеры некоторых высказываний приведены ниже (орфография и пунктуация сохранены. – Авт.):

– Смотрю новости в «ВКонтакте», телеграм-каналах (КемГУ).

– Я была подписана на разные политические паблики еще до 2022 г. Когда поступила в вуз времени не осталось. Обычно обращаю внимание только на что-то «громкое». Последнее, что помню это теракт в «Крокус-се» (КемГУ)

– Я не интересуюсь совсем политикой. Не смотрю такие новости (КемГИК).

– Смотря какую информацию, с какой стороны я хочу получить. С точки зрения фактов и официальной позиции, то смотрю РБК. Если я хочу узнать что-то более-менее с нейтральной точки зрения, то я обращаюсь к блогерам, например, Екатерине Шульман¹, у которой мне нравится подача и логика, с которой она рассуждает (КемГИК).

– Я беру политическую информацию чаще всего в «Телеграме». Региональные политические новости читаю в телеграм-канале «СендИ NEWS» (ТувГУ).

– Я в основном подписана на блогеров, политические новости не читаю. Смотрю Instagram², «Телеграм», YouTube и Tik-Tok. Новости смотрю в телеканалах «Дождь» и «Медуза»³ (ТувГУ).

– В «ВКонтакте» я не видела политическую информацию. Если новости, то я подписана на канал ГТРК «Тыва» в «ВКонтакте». Региональные новости я узнаю из сайта «Тыва-Онлайн» (ТувГУ).

Мнения студентов разных вузов и регионов показывают сходство полученных ответов на такие вопросы, как «Политической информацией чаще всего Вы интересуетесь целенаправленно или по причине случайного ее попадания в ленту „ВКонтакте“? На каких политических лидеров и деятелей искусства (блогеров) Вы подписаны в социальных сетях?». Респонденты крайне редко подписаны на политиков, чаще речь идет о подписке на блогеров с совершенно разным новостным контентом.

– Мне интересно слушать людей, которые подходят с разных сторон и предлагают решения. Интересуюсь блогером Артемием Лебедевым (КемГУ).

– Допустим, если произошла какая-то серьезная ситуация в стране, например, теракт, то да, начинаешь искать новости, читать, сопереживать (КемГИК).

– Я интересуюсь деятелями культуры гораздо больше, чем политическими. И опять же, это связано с профессиональной деятельностью. Однако могу назвать телеграм-канал депутата Антона Горелкина, который мне знаком и на который я подписан (КемГИК).

– Скорее случайно, когда попадают новости в ленте. На политиков не подписан. Из блогеров подписан на Артемия Лебедева (ТувГУ).

Респонденты имели возможность в рамках фокус-групп назвать основную тематику новостей, значимую лично для каждого участника. Интерес к какой-то конкретной сфере (сферам) общества определяется исключительно сформированными личными увлечениями.

– Политика, экономика и военные мировые конфликты (КемГУ).

– При просмотре новостей в «ленте» может попадаться совершенно разный контент (КемГУ).

– Для нашего поколения самая интересная информация – это «мемы». Потому что, если появится какой-то «мем», посвященный какому-то событию, если он действительно смешной, то это нравится (КемГИК).

¹ Включена Минюстом 15.04.2022 в список СМИ-иноагентов.

² Принадлежит экстремистской организации Meta, запрещенной на территории РФ.

³ Включены Минюстом 01.12.2023 и 23.04.2021 в список СМИ-иноагентов.

– Мне интересно, когда о какой-то новости говорят много, тогда лично у меня возникает интерес к этой новости (КемГИК).

– Большие мне интересен контент культурный и экономический, потому что сегодня понимание процессов в экономике важно, чтобы знать, как ориентироваться в современных процессах (КемГИК).

– Культурной жизнью не интересуюсь. Спортивные новости смотрю только тогда, когда идут крупные спортивные мероприятия (ТувГУ).

– Мне интересна личная жизнь политиков и новости о нашем регионе разного характера от криминальных сводок до политических событий (ТувГУ).

Полученные результаты позволяют утверждать о наличии особенностей в культуре субъектности студенческой молодежи исходя из территориального, возрастного и в меньшем мере гендерного признаков. Так, выбор той или иной социальной сети или мессенджера зависит от региона обучения и возраста, что в конечном итоге определяет функциональную направленность использования данных сетевых средств коммуникации от потребности предоставления и обмена информацией в сетях Telegram и «ВКонтакте» до возможности решения повседневных учебных, производственных, а порой бытовых вопросов с использованием мессенджеров WhatsApp или Viber. При этом целенаправленный интерес к политическим событиям и формам гражданской активности присущ в наибольшей мере группе респондентов в возрасте 30–35 лет. В свою очередь, полученные ответы респондентов в рамках фокус-групп среди студентов бакалавриата подтверждают преобладание в сформированной культуре субъектности у молодежи 17–23 лет «низкой» потребности в получении политической информации.

Заключение

Подводя итог, следует еще раз обратиться к понятию «культура субъектности» студенческой молодежи в социальных сетях и выделить основные, присущие ему характеристики. В основу понятия закладывается контекст восприятия культуры как некоего «выбора» человека. Социальные сети позволяют связать субъектность отдельного человека и культурные принципы, проявляющиеся в оценке происходящих общественно-политических событий, наличие или отсутствие интереса к гражданской активности и участия в политике, и мотивационных факторах, определяющих эту активность. Результаты исследования дают возможность выделить несколько особенностей культуры субъектности студенческой молодежи вузов Кузбасса и Тувы в социальных сетях в настоящее время.

Во-первых, это высокая роль социальных сетей в повседневной жизни студенческой молодежи всех возрастных групп. Это свидетельствует о разных целевых назначениях социальных сетей в повседневной жизни, начиная от средства общения и досуга, заканчивая вопросами участия в волонтерской деятельности и обсуждения политических новостей в социальных сетях.

Во-вторых, молодежь Тувы в отличие от молодежи Кузбасса меньше интересуется политикой в силу доминирования в культуре традиционных ценностей, консервативным укладом в семейной воспитании и обучении [15. С. 166]. Как следствие, среди респондентов Тувы много аполитичных граж-

дан, и каждый третий респондент из Тувы не интересуется политическими событиями и новостями, не обсуждает их в кругу друзей.

В-третьих, респонденты часто не хотели называть публично свои политические предпочтения и выражать в социальных сетях свои мнения о политических лидерах, деятелях искусства, блогерах, что демонстрирует стремление сохранить определенную закрытость личного пространства. Использование социальных сетей, средств массовой информации, запрещенных на территории РФ, отражает скорее стремление молодежи расширить информационное пространство «лично для себя» без репрезентации его в массы.

Список источников

1. Багдасарьян Н.Г., Ромашикина А.П. Цифровое поведение личности в интернет-коммуникациях: культура и риски // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 1. С. 61–72.
2. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Спутник+, 2016. 147 с.
3. Глухов А.П., Бычкова М.Н., Гужова И.В., Окушова Г.А., Стаховская Ю.М. Социально-сетевая цифровая коммуникативная культура молодежи / науч. ред. А.П. Глухов. Томск : ТГУ, 2020. 142 с.
4. Ивушкина Е.Б., Морозова Н.И. Идентичность в сетевой культуре как механизм самоопределения // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. Т. 10, № 2. С. 23–28. doi: 10.23947/2414-1143-2024-10-2-23-28.
5. Хорольцева Е.Б., Федорова А.В. Коммуникационные аспекты самоопределения личности в онлайн-пространстве // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21, № 1. С. 71–79. doi: 10.22394/1682-2358-2021-1-71-79.
6. Антопольская Т.А., Силаков А.С. Лидерство как фактор развития субъектности подростков поколения Z: результаты исследования // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 38–44. doi: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-4.
7. Рябинкина А.Н., Варламова М.А. Психологическое благополучие и субъектность личности студентов // Образование и общество. 2019. № 5 (118). С. 109–121.
8. Ольховая Т.А., Гаврилова Н.А. Субъектность как основа становления гражданской позиции студентов университета // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 257.
9. Панов В.И., Плаксина И.В. Субъектность студентов педагогического вуза в меняющейся образовательной среде // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14, № 2. С. 64–84. doi: 10.17759/psyedu.2022140205.
10. Дарган А.А. Субъектность и социальная субъективность в социологии и психологии // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2017. С. 60–68.
11. Гизатуллина Е.А., Маврина И.А. Профессиональная субъектность студентов: к структуре и содержанию понятия // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т. 18, № 3. С. 120–127. doi: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.11.
12. Лефевр В.А. Что если Платон был прав? // Рефлексивные процессы и управление. 2010. Т. 10, № 1–2. С. 23–32.
13. Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю., Шапко В.Т. Л. Н. Коган о социологических проблемах культуры и личности // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 62–72.
14. Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1988–1997 гг. / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург : Маска, 2009. 382 с.
15. Матвеева Е.В., Сат А.В. Политическая культура избирателей Республики Тыва как индикатор отношений власти и общества (по результатам социологических исследований) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 159–167. doi: 10.17223/15617793/476/17

References

1. Bagdasaryan, N.G. & Romashkina, A.P. (2021) Tsifrovoye povedenie lichnosti v internet-kommunikatsiyakh: kul'tura i riski [Digital behavior of an individual in Internet communications: Culture and risks] *Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Ser.: Nauki o cheloveke i obshchestve*. 1. pp. 61–72.

2. Lysak, I.V. & Kosenchuk, L.F. (2016) *Formirovanie personal'noy identichnosti v usloviyakh setevoy kul'tury* [The formation of personal identity in the context of network culture]. Moscow: Sputnik +.
3. Glukhov, A.P., Bychkova, M.N., Guzhova, I.V., Okushova, G.A. & Stakhovskaya, Yu.M. (2020) *Sotsial'no-setevaya tsifrovaya kommunikativnaya kul'tura molodezhi* [Social and network digital communicative culture of youth]. Tomsk: Tomsk State University
4. Ivushkina, E.B. & Morozova, N.I. (2024) Identichnost' v setevoy kul'ture kak mekhanizm samoopredeleniya [Identity in network culture as a mechanism of self-determination]. *Nauchnyy al'manakh stran Prichernomor'ya*. 10(2). pp. 23–28. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-2-23-28
5. Khoroltseva, E.B. & Fedorova, A.V. (2021) Kommunikatsionnye aspekty samoopredeleniya lichnosti v onlayn-prostranstve [Communication aspects of personal self-determination in the online space]. *Vestnik povolzhskogo instituta upravleniya*. 21(1). pp. 71–79. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-1-71-79
6. Antopolskaya, T.A. & Silakov, A.S. (2021) Liderstvo kak faktor razvitiya sub"ektnosti podrostkov pokoleniya Z: rezul'taty issledovaniya [Leadership as a factor in the development of subjectivity of teenagers of Generation Z: Research results]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 4. pp. 38–44. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-4
7. Ryabinkina, A.N. & Varlamova, M.A. (2019) Psikhologicheskoe blagopoluchie i sub"ektnost' lichnosti studentov [Psychological well-being and subjectivity of the student's personality]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 5(118). pp. 109–121.
8. Olkhovaya, T.A. & Gavrilova, N.A. (2016) . Sub"ektnost' kak osnova stanovleniya grazhdanskoj pozitsii studentov universiteta [Subjectivity as a basis for the formation of the civic position of university students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. pp. 257.
9. Panov, V.I. & Plaksina, I.V. (2022) Sub"ektnost' studentov pedagogicheskogo vuza v menyayushcheysya obrazovatel'noy srede [Subjectivity of students of a pedagogical university in a changing educational environment]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*. 14(2). pp. 64–84. DOI: 10.17759/psyedu.2022140205
10. Dargan, A.A. (2017) Sub"ektnost' i sotsial'naya sub"ektivnost' v sotsiologii i psikhologii [Subjectivity and social subjectivity in sociology and psychology]. *Lichnost', intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye praktiki* [Personality, intelligence, metacognition: research approaches and educational practices]. Proc. of the 2nd International Conference. Kaluga. pp. 60–68.
11. Gizatullina, E.A. & Mavrina, I.A. (2024) Professional'naya sub"ektnost' studentov: k strukture i soderzhaniyu ponyatiya [Professional subjectivity of students: To the structure and content of the concept]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 18(3). pp. 120–127. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.11
12. Lefebvre, V.A. (2010) Chto esli Platon byl prav? [What if Plato was right?]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*. 10(1–2). pp. 23–32.
13. Vishnevsky, Yu.R., Vishnevsky, S.Yu. & Shapko, V.T. (2011) L. N. Kogan o sotsiologicheskikh problemakh kul'tury i lichnosti [L.N. Kogan on the sociological problems of culture and personality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8(328). pp. 62–72.
14. Kogan, L.N. (2009) *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Izbrannye trudy 1988–1997 gg.* [Personality. Culture. Society. Selected works 1988–1997]. Ekaterinburg: Maska.
15. Matveeva, E.V. & Sat, A.V. (2022) Political culture of voters in the Republic of Tyva as an indicator of relations between authorities and society (based on the results of sociological research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 159–167. DOI: 10.17223/15617793/476/17

Сведения об авторах:

Матвеева Е.В. – доктор политических наук, профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Сат А.В. – кандидат политических наук, руководитель Центра социологических исследований Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия). E-mail: aliya_sat@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Matveeva E.V. – Dr. Sci. (Political Science), professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Sat A.V. – Cand. Sci. (Political Science), head of the Center for Sociological Research, Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: aliya_sat@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025*

*The article was submitted 16.01.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научная статья
УДК 323
doi: 10.17223/1998863X/84/22

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нина Гаррьевна Щербинина¹, Антон Юрьевич Красноперов²,
Елена Григорьевна Аванесова³

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *krasnopyorov.anton@gmail.com*

³ *avanesovafsf@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы современного политического образования через призму семиотики, цифровизации и содержания учебных программ. Цель исследования – определение и оценка проблем политического образования в контексте коммуникативных трудностей сегодняшнего дня. В результате выделены ключевые проблемные зоны, требующие особого внимания при реформировании политико-образовательных стратегий, предложены рекомендации.

Ключевые слова: политическое образование, политическая коммуникация, семиотика, цифровизация, профессиональное образование, политология

Для цитирования: Щербинина Н.Г., Красноперов А.Ю., Аванесова Е.Г. Коммуникативные проблемы актуального политического образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 274–285. doi: 10.17223/1998863X/84/22

Original article

COMMUNICATION PROBLEMS OF CURRENT POLITICAL EDUCATION

Nina G. Shcherbinina¹, Anton Yu. Krasnoperov², Elena G. Avanesova³

^{1, 2, 3} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *krasnopyorov.anton@gmail.com*

³ *avanesovafsf@yandex.ru*

Abstract. Modern political education faces a number of problems, including the crisis of meaning generation and deconstruction of the political sign, ideological transformations under the influence of digitalization, the gap between curricula and dynamic political reality. From the point of view of the cultural-semiotic approach, the problem of political education lies in the deconstruction of political signs, leading to their meaninglessness. As a result, communication loses its semantic load, despite the increase in the number of information exchanges. Yuri Lotman emphasizes the role of texts as “meaning-generating devices”. In political education, such texts are ideas about the past, present and future. The construction and transmission of these texts are associated with a number of didactic difficulties. In

addition, modern political communication is networked and non-linear in nature, which gives rise to new challenges: loss of trust in experts and traditional sources of information, fragmentation of knowledge and values, inability of education to produce a creative audience ready for independent meaning generation. Digitalization and social media play a significant role in political education. Artificial intelligence and algorithms actively influence the agenda and the formation of public opinion, acting as gatekeepers and content makers, and political communication takes the form of digital rituals. The effect of echo chambers and information bubbles contributes to the fragmentation of worldviews, although trends and advertising can create a common communicative experience. Nevertheless, the digital environment forms an unstable and dynamic picture of the political world, which creates a threat of polarization of society and reduces the deliberative potential of democracy. Thus, ideological deconsolidation can be considered as part of political socialization and education. Institutional political education in Russia is implemented at the universal (schools, non-core faculties, etc.) and professional (university political science programs) levels. At the universal level, political education is characterized by isolation from current politics, dogmatism, and lack of reflection, which gives rise to mistrust on the part of students, fragmentation of knowledge, and cognitive poverty. Professional political education is complicated by the imbalance of interests of the state, students, and employers, as well as by the insufficient substantive value of educational programs.

Keywords: political education, political communication, semiotics, digitalization, professional education, political science

For citation: Shcherbinina, N.G., Krasnoperov, A.Yu. & Avanesova, E.G. (2025) Communication problems of current political education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 274–285. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/22

Введение

Современное политическое образование подвергается вызовам сразу по нескольким основаниям, среди которых особенно выражены, во-первых, кризис смыслопорождения и деконструкция политического знака, составляющие ядро образовательного процесса и отвечающие за его содержательную глубину, во-вторых, мировоззренческие трансформации под влиянием цифровизации, особенно под воздействием алгоритмизации и искусственного интеллекта, способных выступать в роли учителя, и, в-третьих, разрыв между учебными программами и динамичной политической реальностью, снижающий качество, результативность и полезность политического образования для всех вовлеченных участников этого процесса. Эти проблемы актуализируют поиск новых подходов к политическому образованию на базе семиотики, цифровых технологий и новых медиа, а также актуализации институциональных образовательных практик. Для России такая задача приобретает особую остроту в силу специфики ее политического контекста, порождающего запрос на формирование гражданского самосознания и идентичности как необходимых условий для сохранения внутренней стабильности перед лицом внешних вызовов.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы посмотреть на проблемы политического образования в контексте коммуникативных трудностей сегодняшнего дня. В качестве основного метода выступает теоретический анализ. Сущностной характеристикой, отличающей нынешнюю политическую коммуникацию, является продолжающаяся и даже углубляющаяся деконструкция политического знака. Обесмысливание как таковое, в свою очередь, приводит к кризису репрезентации ведущих политических знаков, а поскольку

ку политическая коммуникация представляет собой символический обмен, то коммуникация (при росте числа обменов) перестает быть смыслонесущей.

Данное рассуждение подводит нас к вопросу о феномене смыслопорождения в политике. Как нам представляется, по-прежнему все сводится к такому «смыслопорождающему устройству» как текст. Именно в текстах, полагал Ю.М. Лотман, генерируются новые смыслы [1. С. 155, 162]. Под «текстом» в семиотическом плане понимается любая знаковая система, обладающая содержательной целостностью, т.е. текст представляет собой наполненную смыслами знаковую структуру. И такими знаковыми смыслопорождающими политическими текстами всегда выступали «будущее», «настоящее» и «прошлое». И здесь мы подходим к теме образования как коммуникации, поскольку именно образование всегда строилось на смысловом обмене посредством указанных знаковых текстов – представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Политическое образование как смыслонесущая коммуникация

В плане коммуникации политическое образование отличается от других образовательных сфер:

- политика явление актуальное и динамичное, потому она весьма непохожа на дидактический срез, преподносимый в учебных посланиях, а ряд политических явлений вообще ускользает не только от педагогов, но и от исследователей;

- поскольку политические феномены столь мимолетны, мы больше верим устоявшемуся историческому нарративу, нежели современной аналитике и полагаем, что из него можно вывести будущее [2];

- итак, будущее неотвратимо и не определено, потому мы прибегаем к его конструированию, руководствуясь управленческими шаблонами или кейсами прошлого.

За это конструирование определенного будущего несет ответственность и политическое образование, подающее политику исключительно в виде элементарных схем и простых ответов. И решения выявляющейся дилеммы нет: транслировать ли устоявшиеся знания и схемы в духе учебников или комментировать то, что происходит на улицах и в социальных сетях?

Поставленная нами проблема политического образования может быть рассмотрена под углом культурно-семиотического подхода к политике, поскольку знаковость производится в политико-коммуникационном процессе. В этом процессе обучаемая сторона предстает как некая «коллективная личность», вступающая в коммуникацию с обучающей стороной. Данное понимание коммуникации является преобразованным от подхода к истории Бориса Успенского [3]. Итак, некоторым событиям приписывается значение, и они становятся существенными «фактами» в содержании образовательного контента, а интерпретация обусловлена переменчивыми семиотически понимаемыми языками. Значения же и сам язык очень часто зависят от эпохи и политико-культурного контекста. Язык, согласно данной коммуникационной модели, порождает образовательные «тексты», ведь именно в политическом языке отбираются значимые факты. Так осуществляется семиозис политического образовательного «содержания».

В чем же именно состоит значение символической коммуникации «прошлое – настоящее – будущее»? В каждый момент политически трактуемого настоящего мы уверены, что прошлое «было» именно в данной коллективно-му сознанию релевантной смысловой конфигурации его понимания. Таким образом, сфера политического образования частично отвечает за реконструкцию политического и исторического прошлого вообще. Преподаватель фактически создает текст-репрезентацию. Аналогичные цельные знаковые тексты объективированы в учебниках по политологии, и частные объективации включены в учебники по обществознанию. И здесь мы имеем дело уже с так называемым историческим сознанием, выстраивающим поступательный ряд феноменов: прошлое – настоящее – будущее.

Таким образом, содержание политического образовательного знания, представляемое в виде совокупности «значащих» текстов, вступивших в коммуникацию и даже диалог друг с другом, дает нам конкретный значимый вариант трактовки соотношения настоящего и прошлого. И именно это соотношение задает смысл будущего. Отсюда, на наш взгляд, вытекает особая судьбоносность политического образования как политической коммуникации сегодня. И потому образовательные политические программы, игнорирующие семиотичность политического образования (имеется в виду заметное предпочтение формы в ущерб содержанию/знанию), сводят образовательное коммуникативное отношение к бессмысленной симуляции акта. Потому политическое образование служит часто не семиозису политических знаков современности, но их дальнейшей десемиотизации. То есть невольно политическое образование вовлекается в процесс деконструкции политического знака.

Структурно политическое образование представляется следующим образом:

1. В его основе лежит политическая социализация как передача опыта поколению молодежи, это селектированный опыт прошлого, ведь мы не можем передать больше, чем имеем. Мы передаем *Знание-Что* и *Знание-Как*. Это категоризированные представления об институтах и процессах, формирующие легитимную картину политического мира.

2. Картина политического мира подкрепляется на втором уровне – воспитательном, с его моральным императивом «Что такое хорошо» и «Как оно должно правильно работать». Оба уровня, презентующие прошлое и настоящее, нацеливают политические знания в будущее.

3. Но на пути в будущее что-то происходит. Б. Гройс призывает различать будущее и новое [4. С. 47]. Новое заключено в зазоре между настоящим и будущим, поэтому меняет последнее, делает его другим и новое становится проектом будущего в результате ценностного выбора.

За новое в политическом образовании отвечает уровень приращения политического знания. Новое в нашем случае может возникнуть из политического участия, а может быть порождено источниками теоретического знания. В любом случае активная позиция политической педагогики является непреходящей общественно-политической задачей, носящей непременно поисковый характер в отношении новых явлений и новых знаний.

Схематически политическое образование, предстающее в контексте данного подхода как смыслонесущая коммуникация, может быть выражено ли-

нейно. Но особенности сегодняшней политической коммуникации связаны с ее преимущественно сетевым нелинейным характером, что относится и к политической социализации.

Отсюда вытекают проблемы образования-коммуникации:

- старые модернистские понятия требовали «правильной (истиной) трактовки» истории и политики, сегодня истина это лишь версия событий истории и политики. Фейковый характер и неverifiedируемость политических фактов дополняют картину сегодняшнего не убеждающего коммуникационного акта. Отсюда – неверие в старые схемы в принципе и довольно произвольная вера в факты, однако остается сугубое доверие к выбранному источнику;

- в эпоху постсовременности вообще была подорвана власть экспертов (преподавателя, сообщающего новости диктора, политического лидера), оракулов больше нет и любой ответ можно оспорить;

- политическая социализация как вторичная социализация никогда не обладала качествами полноты и завершенности, потому политическое знание – всегда «новое» знание, а политические ценности время от времени переоцениваются;

- идея М. Кастельса о совместно производимых смыслах в сетевом интерактиве [5. С. 157] не работает в отношении политического образования-коммуникации. Дело в том, что в так понимаемом процессе образования не создается «творческая аудитория», продуцирующая собственный смысл, что М. Кастельс называет «массовой самокоммуникацией». По сути, даже в нелинейном процессе политической коммуникации в случае принятия (интернализации) смысла, значения и знания возникает «обучающая линейная ситуация» их передачи. Даже в сетевой коммуникации как таковой не все эмпирические показатели «обратной связи», к примеру, являются индикаторами возвратных сообщений, а лишь констатациями простого согласия и поддержки;

- и наконец, конструктивной власти (официальной или нет), создающей знаково-символическую систему и номинирующей политический мир сегодня, нужно «поладить» с новыми медиа, именно они способны передать новое политическое «знание», которое будет считаться «правильным».

Роль цифровизации в политическом образовании

Несмотря на возрастающую роль смыслов в современном политическом образовании-коммуникации, совершенно невозможно недооценивать его технологическую сторону. Роль социальных медиа (и шире – цифровизации современного мира) в политическом образовании важна, учитывая долю времени, которая онлайн-коммуникация занимает в жизни современного человека, особенно молодого. Как отмечает Саймон Кемп, в 2024 г. среднее время, которое пользователи интернета тратили на социальные медиа ежедневно, составляет 2 часа 23 минуты (в России – 2 часа 19 минут), и это составляет 35,8% времени, затраченного на интернет в течение суток (6 часов 40 минут, в России – 8 часов 21 минута, т.е. 27,7%) [6]. Современное политическое образование невозможно рассматривать в отрыве от цифровой трансформации, которая оказывает влияние на способы политической коммуникации, а как следствие – политическую социализацию и формирование мировоззрения.

ских установок в области политики. Цифровые платформы, такие как социальные сети, вики-проекты и видеохостинги, становятся важными инструментами для распространения политических знаний и формирования общественного мнения.

Значимой и востребованной технологией в эпоху цифровизации становится искусственный интеллект (ИИ), в той или иной степени интегрированный в различные сервисы, платформы, веб-сайты и т.п. Особенно важна его роль в настройке алгоритмов социальных медиа (например, в части формирования новостной ленты), что позволяет ему выполнять функцию определения повестки дня (о чем будут знать пользователи) и формирования мнения (поскольку ИИ способен создавать контент – генерировать новостные статьи, писать комментарии и проч.). Искусственный интеллект и использующие его алгоритмические системы становятся не просто инструментами обработки информации, но и активными субъектами, участвующими в процессе политической социализации наравне с другими онлайн-актерами, будучи неотличимыми от последних. Как показывает наше исследование, проведенное в 2023–2024 гг., молодые люди, независимо от уровня политической грамотности, не справляются с задачей различения настоящих и ложных новостей о политике, в том числе созданных ИИ [7]. Есть основания полагать, что частое взаимодействие с коммуникативной средой, функционирующей по определенному алгоритму (т.е. правилам, нормам), способно оказывать влияние на формирование определенных паттернов поведения, когда алгоритмизация может выходить за рамки программного кода и воздействовать (алгоритмизировать) мышление и действия индивидов. Например, в части способов формулировать и структурировать мысли в письменной коммуникации, делать селфи, ставить «лайки» и т.п. П. Бергер и Т. Лукман описали бы этот процесс как хабиутализацию, которая предшествует любой институционализации [8. С. 91]. С.В. Володенков и С. Н. Федорченко предлагают термин «цифровой ритуал», который они определяют как «однотипное действие индивида, являющееся реакцией на действия других индивидов в условиях сообществ интернет-коммуникации» [9. С. 192]. Они считают, что соблюдение цифровых ритуалов позволяет сохранить идентичность относительно какой-либо группы, а ИИ добавляет этим ритуалам политическое значение, поскольку, будучи неотличимыми от других цифровых аватаров, выполняют действия в интересах своих создателей [9. С. 193].

Субъектность ИИ также отражается в том, что умные алгоритмы, управляющие поисковой выдачей и новостными лентами, а также рекомендациями, становятся своего рода гейткиперами. Таким образом, представленность и характер информации, которая выступает содержательной базой как политической коммуникации, так и политического образования, во многом зависит от нового типа субъекта, не являющимся человеком.

Одним из ключевых механизмов такого влияния, ставшего предметом многочисленных исследований, являются эхо-камеры (или информационные пузыри), которые усиливают однородность информационного потребления, создавая относительно замкнутые циклы воспроизводства схожих идей и мнений. Но влияние эхо-камер не стоит абсолютизировать. Современные цифровые платформы формируют новостные ленты, основываясь не только на индивидуальных предпочтениях (анализ истории поиска и реакций), но и

на общих трендах, а также коммерчески продвигаемом контенте. Это создает общий опыт, которые «пробивает» границы информационных пузырей, связывая пользователей с разными взглядами, и играет ту же роль, что и телевидение в теории культивации Дж. Гербнера [10. С. 493–495], но в меньших масштабах и с большей переменчивостью за счет быстрой смены трендов. В результате формируется сложная мозаика мировоззрения (в том числе политического), которая, хотя и объединена общими знаками, остается фрагментарной и изменчивой.

Современные цифровые коммуникации не создают единого монолитного мировоззрения, как это можно было бы ожидать от традиционных обществ с их устойчивыми ценностными и смысловыми системами. Вместо этого они формируют гибкую, но неустойчивую картину мира политического, которая постоянно подвергается вызовам и бомбардировке новыми потоками данных. Такая фрагментарность может приводить к эмоциональному напряжению и рациональной неупорядоченности, что делает пользователей уязвимыми к манипулятивным практикам. Отсутствие устойчивого ценностно-смыслового фундамента затрудняет критическую оценку информации. Это может приводить к интересным эффектам, выявленным эмпирически: опасаясь стать жертвой манипуляции в интернете, молодые люди реже доверяют СМИ, приписывая им манипулятивные намерения [11. С. 16]. Учитывая слабо выраженную разницу между СМИ в классическом понимании и другими цифровыми аватарами и акторами, которые также являются источниками информации, можно предположить более высокий уровень недоверия в онлайн-коммуникации.

Таким образом, современные общества и государства рискуют столкнуться с массовыми масштабными мировоззренческими кризисами и расколами. Причиной такой поляризации будут не идейные системы, а, наоборот, неоформленные точки зрения, сформированные из смеси рационального и эмоционального, и меняющиеся вместе с трендами. В свою очередь, такой эффект может негативно сказаться на стабильном функционировании демократий, требующих не только участия, но и дискуссии. Последняя будет невозможна, если мировоззренческая поляризация станет новой нормальностью. Отмеченная угроза актуализирует запрос на проекты политического образования, но оставляет открытыми вопросы о субъектах и объектах такого образования, о целях, методах и инструментах. Особенно важна в этой связи проблема устройства и модерации интернет-платформ, где происходит политическая коммуникация. С одной стороны, как отмечает В.А. Фурс, «Интернет и сопутствующие онлайн-технологии формируют удобную инфраструктуру для публичного обсуждения политических решений» [12. С. 22], с другой – оставляет опасение, что модерация таких платформ со стороны их владельцев или иных субъектов, как ИИ, будут «способствовать не столько развитию делиберативной демократии, сколько имитации ее ключевых процедур» [12. С. 27]. Решение этих и других проблем затруднено постоянной динамичностью цифровой среды, развитием технологий, накладывающим отпечаток на характер политических коммуникаций. Но, судя по всему, эффект мировоззренческой деконсолидации продолжит быть частью политической социализации. А значит, любой проект политического образования должен принимать его во внимание.

Проблемы современного российского политического образования

Все вышеназванные проблемы в полной мере характерны и для российского политического образования. На сегодняшний день оно осуществляется на двух уровнях: универсальном и профессиональном. Первый уровень реализуется в школах, техникумах, непрофильных факультетах вузов, второй – в университетах на образовательных программах по политологии [13. С. 240–241]. Важность универсального политического образования никем не оспаривается, скорее наоборот, в последнее время и государство, и эксперты обратили внимание на необходимость «выстраивания единой системы политологического образования, которое начиналось бы в школе, а завершалось в вузе» [14]. В школьных программах политологическая проблематика включена в отдельные модули курса «Обществознание». И как показывает практика, совершенствование содержания этих модулей является давно назревшей проблемой. Оторванность от актуальных политических проблем сегодняшнего дня, передача готового знания без должной рефлексии, рассогласование теории и практики не способствуют выстраиванию конструктивной коммуникации и полноценному взаимодействию между учителем и учеником, но приводят к тому, что молодые люди не верят «ни учителю, ни учебнику», и все официальное, по мнению А.В. Селезневой, «что идет от учителя и учебника, воспринимается критически» [15]. Обновление содержания политического образования просто не «успевает» за быстро меняющейся политической действительностью, в то время как социальные сети всегда предоставляют актуальную информацию. Поэтому интернет становится альтернативой школьному политическому образованию, а учитель «уже не выступает в роли единственного источника знаний» [16. С. 117]. Итогом несостоявшейся коммуникации становится, с одной стороны, формирование политико-психологического мировоззрения школьника, особенностями которого являются «когнитивная бедность, стереотипность, фрагментированность представлений о стране, государстве и обществе в России» [17. С. 576], а с другой – недостижение государством своей цели по формированию гражданского самосознания молодежи. Дальнейшее обучение молодых людей на непрофильных специальностях вузов мало что меняет в этой ситуации уже в силу того, что преподавание политологии не является обязательным на негуманитарных факультетах, чем те активно пользуются, аргументируя свое нежелание включать политологические дисциплины в свои образовательные программы тем, «что в рамках образовательных стандартов нового поколения среди компетенций неполитологических специальностей и направлений подготовки отсутствует упоминание самого термина „политика“» [14].

Общий стандарт профессионального политического образования задает государство, ожидания которого, касающиеся содержания и результатов образовательной деятельности, закреплены во ФГОС по направлениям подготовки 41.03.04 Политология и 41.04.04 Политология. Наличие такого Стандарта унифицирует образовательные программы, поскольку их разработчики обязаны учитывать ряд факторов, в том числе практикоориентированную направленность документа и необходимость получения конкретного образовательного результата, соотносимого с набором закрепленных компетенций, но в

то же время не лишает вузы определенной степени свободы в формировании дизайна и содержательного наполнения образовательных программ, поэтому они характеризуются оригинальностью, непохожестью друг на друга.

Между тем их реализация сопряжена с определенными трудностями, которые в последнее время только усиливаются, и связаны они с неизбежностью учета программами интересов различных акторов, которые в той или иной степени причастны к политическому образованию. С одной стороны, это интересы государства. В условиях усложнения политической сферы жизни российского общества и той непростой ситуации, которую оно переживает, государство делает ставку на формирование национально ориентированной системы политического образования, опорными пунктами которой должны являться патриотизм, духовно-нравственные ценности, отечественные традиции и научные школы [18]. В рамках этой системы роль преподавателя состоит не только в передаче знаний, но и в формировании ценностно-смысловой сферы личности студента. С другой стороны, это интересы самого студента, который хочет получить профессию, и запросы работодателей, которые ждут от политологов конкретные профессиональные навыки, поскольку для успешной конкуренции на рынке труда они должны обладать не только теоретическими знаниями, но и прикладными умениями. Как пишут российские эксперты, проблемой отечественной политологии является «ограниченность навыков работы с эмпирическими данными» [19. С. 19], неумение пользоваться «арсеналом точных наук», что является на сегодняшний день трендом мировой политической науки [20. С. 76] и одновременно слабым звеном российского политического образования. В данной ситуации очевидно, что выживание вузовской политологии потребует «постоянной саморефлексии дисциплины» [19. С. 8], целью которой должно стать примирение интересов всех причастных к политическому образованию сторон.

Заключение

Таким образом, актуальное политическое образование сталкивается с комплексом коммуникативных проблем, которые требуют переосмысления его формы и содержания. В частности, актуальное политическое образование должно учитывать три взаимосвязанных аспекта: семиотический аспект политического образования с акцентом на содержание и смыслы, влияние цифровизации на политическое мировоззрение, а также формальные образовательные практики с учетом запросов всех заинтересованных сторон. При этом кризис смыслопорождения требует переосмысления роли текстов и знаков в политической коммуникации, а цифровизация диктует важность адаптации (и шире – управления) к сетевым реалиям и алгоритмизации при разработке образовательных стратегий. Формальное образование, помимо всего прочего, должно характеризоваться конкурентоспособностью по сравнению с интернетом и другими «учителями» в части формирования целостной картины политического мира, что, в свою очередь, требует пересмотра существующих методических подходов на всех уровнях, от школьного до профессионального, с учетом динамики современной политической реальности. Сочетание семиотических, технологических и институциональных особенностей будет способствовать преодолению коммуникативных трудностей и ре-

шению обозначенных коммуникативных проблем, удовлетворяя запросы современного общества и государства.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб. : Искусство СПб, 2001. С. 150–390.
2. Талёб Н.Н. Черный лебедь. М. : КоЛибри, 2009. 528 с.
3. Успенский Б.А. Вместо введения. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002. С. 9–76.
4. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.
5. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
6. Kemp S. Digital 2024: Global Overview Report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 18.02.2025).
7. Краснопёров А.Ю., Гончаров М.Д., Соколова А.В., Бушин Ю.Ю. Влияние делиберации на восприятие и выявление фейковых новостей по политическим вопросам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 239–240.
8. Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
9. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. М. : Проспект, 2024. 496 с.
10. Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики : пер. с англ. Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр» : Науменко А.А., 2015. 688 с.
11. Быков И.А., Медведева М.В. Значение медиаграмотности для политической коммуникации в России // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 4. С. 7–22.
12. Фурс В.А. Перспективы развития делиберативной демократии в условиях цифровизации коммуникативных технологий // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 4. С. 20–30.
13. Гукова И.Н., Бойко Ж.В., Половнева Л.С. Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48, № 1. С. 238–248.
14. Эксперты РОП: Проблемы политологического образования в современной России. URL: <https://ruspolitics.site/content/11970/> (дата обращения: 28.02.2025).
15. РОП провело семинар по разработке школьного предмета и учебника о политике. URL: <https://ruspolitics.site/sobytiya/11624/> (дата обращения: 28.02.2025).
16. Самсонова Т.Н. Практики политической социализации в современной российской школе: состояние, проблемы и векторы развития // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2023. Т. 29, № 1. С. 110–126.
17. Селезнева А.В. Формирование ценностно-мировоззренческих ориентаций российской молодежи: потенциал политического образования и просвещения // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития : материалы X Всерос. конгресса политологов РАПН с междунар. участием. Москва, 5–7 декабря 2024 г. М., 2024. С. 576.
18. V Съезд РОП открылся работой секции, посвященной политологическому образованию. URL: <https://ruspolitics.site/sobytiya/15058/> (дата обращения: 28.02.2025).
19. Гаман-Голутвина О.Г. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН / РАПН // Политические исследования. 2016. № 1. С. 8–28.
20. Попова Ю.В. Политическая наука в российском вузе: между задачей изучать и целью преподавать и сохраниться // Политическое образование в современной России и в мире : материалы III Съезда Российского общества политологов (Москва, 10–12 сентября 2018 г.) / Российское общество политологов ; сост. В.А. Соболев ; под общ. ред. А.Ю. Шутова, С.Г. Еремеева, В.И. Якунина, И.И. Кузнецова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. С. 74–76.

References

1. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo SPB. pp. 150–390.
2. Taleb, N.N. (2009) *Chernyy lebed'* [The Black Swan]. Moscow: KoLibri.
3. Uspenskiy, B.A. (2002) *Etyudy o russkoy istorii* [Sketches of Russian History]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 9–76.

4. Groys, B. (2015) *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [On the New. Experience in the Economy of Culture]. Moscow: Ad Marginem Press.
5. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow: HSE.
6. Kemp, S. (2024) *Digital 2024: Global Overview Report*. [Online] Available from: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (Accessed: 18th February 2025).
7. Krasnoperov, A.Yu., Goncharov, M.D., Sokolova, A.V. & Bushin, Yu.Yu. (2024) The Impact of Deliberation on the Perception and Detection of Fake News on Political Issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 239–240. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/81/21
8. Berger, P. & Luhmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium.
9. Volodenkov, S.V. & Fedorchenko, S.N. (2024) *Tsifrovyye tekhnologii i iskusstvennyy intellekt v sovremennoy politike* [Digital technologies and artificial intelligence in modern politics]. Moscow: Prospekt.
10. Griffin, E. (2015) *Kommunikatsiya: teorii i praktiki* [Communication: Theories and Practices]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr; Naumenko A.A.
11. Bykov, I.A. & Medvedeva, M.V. (2021) Znachenie mediagramotnosti dlya politicheskoy kommunikatsii v Rossii [The importance of media literacy for political communication in Russia]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 5(4). pp. 7–22.
12. Furs, V.A. (2022) Perspektivy razvitiya deliberativnoy demokratrii v usloviyakh tsifrovizatsii kommunikativnykh tekhnologiy [Prospects for the development of deliberative democracy in the context of digitalization of communication technologies]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 6(4). pp. 20–30.
13. Gukova, I.N., Boyko, Zh.V. & Polovneva, L.C. (2021) Sostoyaniye politicheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii: problemy i puti ikh resheniya [The state of political education in modern Russia: problems and ways to solve them]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 48(1). pp. 238–248.
14. Ruspolitics.site. (n.d.) *Eksperty ROP: Problemy politologicheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii* [ROP Experts: Problems of Political Science Education in Modern Russia]. [Online] Available from: <https://ruspolitics.site/content/11970/> (Accessed: 28th February 2025).
15. Ruspolitics.site. (n.d.) *ROP provelo seminar po razrabotke shkol'nogo predmeta i uchebnika o politike* [ROP held a seminar on the development of a school subject and textbook on politics]. [Online] Available from: <https://ruspolitics.site/sobytiya/11624/> (Accessed: 28.02 2025).
16. Samsonova, T.N. (2023) Praktiki politicheskoy sotsializatsii v sovremennoy rossiyskoy shkole: sostoyaniye, problemy i vektory razvitiya [Practices of political socialization in the modern Russian school: state, problems and vectors of development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 29(1). pp. 110–126.
17. Selezneva, A.V. (2024) Formirovaniye tsennostno-mirovozzrencheskikh orientatsiy rossiyskoy molodezhi: potentsial politicheskogo obrazovaniya i prosveshcheniya [Formation of value and ideological orientations of Russian youth: the potential of political education and enlightenment]. *Rossiya v polittsentrichnom mirovom poryadke: vyzovy i novye paradigmy razvitiya* [Russia in a polycentric world order: challenges and new paradigms of development]. Proc. of the 10th All-Russian Congress of Political Scientists of the Russian Academy of Political Sciences. Moscow, December 5–7, 2024. Moscow. p. 576.
18. Ruspolitics.site. (n.d.) *V S"ezd ROP otkrylsya rabotoy sektsii, posvyashchennoy politologicheskomu obrazovaniyu* [The 5th Congress of the Russian Political Scientists opened with the work of the section devoted to political science education]. [Online] Available from: <https://ruspolitics.site/sobytiya/15058/> (Accessed: 28th February 2025).
19. Gaman-Golutvina, O.G. (2016) Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoy politiki. K 60-letiyu SAPN / RAPN [Political Science Facing the Challenges of Modern Politics. On the 60th Anniversary of SAPN / RAPN]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 8–28.
20. Popova, Yu.V. (2020) Politicheskaya nauka v rossiyskom vuze: mezhdru zadachey izuchat' i tsel'yu prepodavat' i sokhranit'sya [Political Science in a Russian University: Between the Task to Study and the Goal to Teach and Survive]. In: Shutov, A.Yu. Eremyeva, S.G., Yakunina, V.I. & Kuznetsova, I.I. (eds) *Politicheskoe obrazovanie v sovremennoy Rossii i v mire* [Political Education in Modern Russia and in the World]. Moscow: Moscow State University. pp. 74–76.

Сведения об авторах:

Щербинина Н.Г. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Краснопёров А.Ю. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Аванесова Е.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shcherbinina N.G. – Dr. Sci. (Political Science), docent, professor of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Krasnopyorov A.Yu. – Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Avanesova E.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Научная статья
УДК 141.1, 165.7
doi: 10.17223/1998863X/84/23

«РЕАЛИЗМ» АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

Виталий Валентинович Целищев

*Институт философии и права, Сибирское отделение РАН, Новосибирск, Россия,
leitval@gmail.com*

Аннотация. Предметом статьи является критика концепции перевода аналитических текстов, представленная С. Никоненко в определении институциональных и теоретических контуров Томской школы. Показано, что предлагаемая им реконструкция дискурса и методологии работы с аналитическими текстами содержит серьезные фактологические ошибки, осложненные подменой концепции перевода с собственно философскими взглядами переводчика. Опровергается взгляд на перевод философских текстов как на процесс, подразумевающий «правку», «дописывание» и «додумывание» за автора переводимого текста. Показывается, что приписывание подобных установок является свехупрощением в оценке тщательной и тонкой работы, которая присуща томским аналитическим философам.

Ключевые слова: аналитическая философия, Томская школа, концепция перевода, реализм, текст

Для цитирования: Целищев В.В. «Реализм» аналитической философии: кривое зеркало // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 386–294. doi: 10.17223/1998863X/84/23

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Original article

THE “REALISM” OF ANALYTIC PHILOSOPHY: A CROOKED MIRROR

Vitaly V. Tselishchev

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, leitval@gmail.com*

Abstract. The subject of the article is a criticism of the concept of translation of analytical texts, presented by S. Nikonenko in the definition of institutional and theoretical contours of the Tomsk school. It is shown that his proposed reconstruction of the discourse and methodology of working with analytical texts contains serious factual errors complicated by the substitution of the translation concept with the translator's own philosophical views. Although Nikonenko considers two special cases, firstly, the translation into Russian of works of analytic philosophy, and, secondly, the practice of such translation by Tomsk

philosophers, the discussion is characterized by several beliefs, or rather, Nikonenko's prejudices. These latter, in the form of implicit assumptions, from my point of view, significantly distort both the goals of translation of foreign philosophers and the work done by translators themselves. Thus, the aim of this note is to assess the degree of distortion and try to present a more objective picture. According to Nikonenko, the translation of analytical texts does not act as a craft peculiar to a significant range of discourses, but as some kind of embodiment of the principles and views that Tomsk philosophers profess and follow them strictly within a rather rigid paradigm. Indeed, "realism can be singled out as the ideological and theoretical setting of the Tomsk school". The "realism" that Nikonenko attributed to Tomsk philosophers is understood by him as a philosophical virtue, since it serves as a support for their critical position against the anti-realistic, idealistic and relativistic currents of analytic philosophy (which are automatically credited to its vices). And here begins the confusion that is characteristic of the entire Nikonenko's essay. He does not distinguish between these two types of work, one of which relates to the quality of translation, and the second to the translator's possible critical assessment of the position of the work in question. The "realism" of Tomsk philosophers as translators looks like a completely inappropriate characteristic in Nikonenko's description, since I do not see any common position among all Tomsk philosophers engaged in translations, and even more so, realism. Nikonenko's mistake is attributing to representatives of the Tomsk school the desire to "edit", "finish", "think out" the translated text. Here Nikonenko passes off the "mortal sin" of translators as a virtue. Fortunately, this sin is in no way peculiar to the Tomsk school; Nikonenko's very idea to portray the translation work of Tomsk philosophers in this light is a splint, and I strongly object to this kind of oversimplification in evaluating the careful and subtle work that is inherent in Tomsk analytic philosophers.

Keywords: analytic philosophy, Tomsk school, translation concept, realism, text

For citation: Tselishchev, V.V. (2025) The "realism" of analytic philosophy: a crooked mirror. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 386–294. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/23

«Томская школа аналитической философии: критические комментарии при переводе и редактировании аналитических текстов» – так называется очерк С.В. Никоненко [1], опубликованный в «Вестнике Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология» (далее – *Вестник*) (№ 80). Цель статьи, судя по всему, состоит в том, чтобы дать оценку той работы, которая ведется томскими исследователями в области аналитической философии, через призму ознакомления ими русскоязычных читателей с важными достижениями зарубежных мыслителей. Статья, несмотря на свою краткость, дает некоторое представление о трех вещах: о взглядах представителей Томской школы, об их переводах (и автор добавляет, «редактировании текстов»), наконец, волей-неволей, о философских предпочтениях самого автора статьи.

Очерк написан в позитивном ключе, без критических замечаний в адрес философов. Это обстоятельство и то, что статья опубликована в журнале, где главную скрипку играют герои очерка, ставят последних в несколько неловкое положение по этическим причинам. Поэтому, очевидно, имело смысл предоставить «человеку со стороны» дать оценку того, в какой степени все три аспекта очерка адекватно характеризуют ситуацию с Томской школой аналитической философии. Именно это сделал главный редактор *Вестника*, пригласив меня сделать эту работу.

Предметом анализа у Никоненко является понятие перевода. Хотя он рассматривает его для двух частных случаев, во-первых, перевод с английского на русский произведений аналитической философии и, во-вторых,

практика такого перевода томскими философами, обсуждению свойственны несколько убеждений, или скорее, предубеждений Никоненко. Последние, в виде неявных посылок, с моей точки зрения, существенно искажают как цели перевода иностранных философов, так и саму проделанную работу переводчиков. Таким образом, цель данной заметки состоит в том, чтобы оценить степень искажений и попытаться представить более объективную картину.

Судя по всему, замысел автора состоял в том, чтобы придать группе исследователей в области аналитической философии Томского государственного университета, которые также известны своей переводческой деятельностью, некоторую особую манеру, позволяющую назвать ее Школой. Такого названия заслуживает некоторого рода переводческая традиция, со многими специфическими признаками, методологическими установками, особым стилем, преемственностью и т.п. Я не уверен, что сами томские философы рассматривают себя в виде Школы, по крайней мере, в области перевода, но Никоненко находит некоторые характерные черты, которых, по его мнению, достаточно для такого понимания.

При этом перевод аналитических тестов выступает у него не как ремесло, свойственное значительному диапазону дискурсов, а как некоторого рода воплощение принципов и взглядов, которые томские философы исповедуют и следуют им неукоснительно в рамках довольно жесткой парадигмы. В самом деле, «в качестве идейно-теоретической установки Томской школы можно выделить реализм» [1. С. 267]. Похоже, что этот «реализм», которым Никоненко наградил своих героев, понимается им как философская добродетель, поскольку он служит опорой их критической позиции против антиреалистических, идеалистических и релятивистских течений аналитической философии (которые автоматически зачисляются в ее пороки). И вот здесь начинается путаница, которая свойственна всему очерку Никоненко.

Если, скажем, исследователь занимается формальным реализмом, то следует ли из этого, что сам он также является формальным реалистом? Другими словами, можно ли из предмета исследования заключать о собственной позиции исследователя? Или, совсем другими словами, если я исследую разновидности крокодилов, обязательно ли мне быть, скажем, нильским крокодилом? Но именно так получается у Никоненко, который зачисляет исследователей и переводчиков в логические реалисты, формальные реалисты, правовые реалисты и даже феноменологические реалисты, исходя из его понимания, кто чем из них занимается. Если читатель полагает, что это гротеск, то напрасно: дело обстоит именно так.

Понятно, что для описания собственно переводческой деятельности Школы нужно некое теоретическое представление области исследований упомянутых философов, если они не просто переводчики «по найму» и в своих переводах передают дух своего критического взгляда на переводимого мыслителя. Но это весьма сложное предприятие, поскольку спектр собственно философских точек зрения чрезвычайно разнообразен. Никоненко разрубил гордиев узел, возложив всю специфику работы «переводчиков и редакторов текстов по аналитической философии» на «воззрения представителей Томской школы», а эти воззрения описываются им просто – как уже говорилось, они все реалисты. Этим и ограничивается «анализ» их теоретических

воззрений», и далее Никоненко переходит к основному – «переводческому» – вопросу.

Хорошо известно, что философы ТГУ фактически начали новое дело, запустив систематическое издание по переводу работ в области аналитической философии, поначалу на местном уровне, в частности, в виде книг Издательства ТГУ, а затем уже в известном московском издательстве в рамках серии под названием «Библиотека аналитической философии». Само по себе это предприятие вышло за рамки простого ознакомления русскоязычных читателей с важнейшими работами в философии XX в., поскольку стало одним из организующих элементов структурирования несколько аморфной атмосферы российской философии, прежде всего в отношении последней к естественным наукам, математике и математической логике. Кроме того, должное внимание в этой серии уделялось и «пограничным» разделам, в частности, феноменологии, философии языка, а также анализу языка права.

Безусловным достижением является представление русскоязычному читателю работ отцов-основателей аналитической философии – Фреге, Рассела, Витгенштейна. Обычно к этим трем добавляется Дж. Мур, но в последнее время ходит шутка, что он играет в предполагаемой четверке ту же роль, что Ринго Старр в группе «Битлз». Природа не терпит пустоты, и это место занял Ф. Рамсей. Можно только удивляться проницательности томичей, которые перевели труды Рамсея (дополненные монографией о его творчестве) и тем самым завершили довольно полную «презентацию» истоков аналитической традиции. Не остановившись на этом, они уделили особое внимание позднему Витгенштейну и опять-таки, пойдя дальше, представили на русском языке его ипостась в лице Крипкенштейна и полемику вокруг нее [2, 3]. Для полноты картины ими дан целый спектр книг и статей, окружающих основные фигуры, доводя обсуждение проблем до совсем недавних авторов. В некотором смысле аккордом в этой деятельности является перевод нескольких сборников статей и одной книги монументальной фигуры Куайна; некоторые из этих статей инициировали новый поворот в аналитической философии. Вызывает восхищение как объем проделанной собственно переводческой работы, так и ее «аналитическое» сопровождение в виде комментариев, вводных статей и оценок.

Как уже было сказано выше, Никоненко не склонен различать эти два вида работы, один из которых относится к качеству перевода, а второй – к возможной критической оценке переводчиком позиции рассматриваемой работы. «Реализм» томских философов как переводчиков выглядит в описании Никоненко совершенно неуместной характеристикой. Означает ли она, что содержимое материала, который переводится, нужно передавать каким-то особым образом, который бы высвечивал «реализм» переводчика, или, в неприятном для Никоненко, какой-то иной «-изм», скажем «релятивизм» или «идеализм». Должно ли это обстоятельство, в духе *Трактата*, «показывать» себя, не будучи высказываемым, или же сам перевод должен быть проникнут атмосферой неприятия неприятных «-изм», или же, наконец, должна быть явная оговорка переводчика, что он «переводит» в «правильном реалистическом направлении». Означает ли это, что переводчик намеренно отклоняется от исходного текста одним из трех упомянутых способов, тем самым умышленно искажая текст, и, как следствие, что читатель перевода будет только

благодарен переводчику за то, что тот уберег его от «неверного» понимания текста? Это поднимает сложные вопросы адекватности перевода, и я не настаивал бы особо на том, что переводчик является воистину нейтральным – в любом случае он к чему-то склонен. Однако эта склонность не должна доходить до такой степени, чтобы перейти в разряд предубеждения или, больше того, «заказа». Но, как бы то ни было, такие предубеждения обычно скрываются, поскольку высшим критерием качества перевода является все-таки «передача» мысли автора, как бы наивно это не звучало.

Другой упрек Никоненко состоит в том, что он привержен реализму, как «правильному» философскому направлению, поскольку с явным одобрением отзывается о реализме томских философов. Здесь возникает несколько вопросов. Термин «реализм» имеет множество смыслов, и этим термином с полным правом можно обозначить значительное число четко различающихся направлений. Какое именно имеет в виду Никоненко, он не уточняет. Далее, противоположность реализму, а именно, так называемый антиреализм, скажем в философии логики и математики (именно та область, которая предпочтительна для томских философов), является вполне respectable направлением, так что вышеупомянутое одобрение повисает в воздухе – томские философы вполне могли быть антиреалистами, без всякого ущерба для своей репутации. Это вообще-то банальные вещи, и странно как-то оговаривать их специально. Но есть ощущение (я не настаиваю на его повсеместности), что считаться реалистом у Никоненко – значит обладать моральной и даже идеологической добродетелью. В противном случае трудно понять, почему Никоненко с ошутимым осуждением говорит о «релятивизме», «идеализме» и «антиреализме» как противниках реализму. Больше того, он подозревает, что элементы этих предосудительных учений каким-то образом прокрались в переводимые томскими философами труды, и достоинством их переводов является как раз выявление «супостатов».

Мне кажется, Никоненко плохо понимает, что собой представляет пресловутый релятивизм Р. Рорти или Т. Куна, или же объективный идеализм К. Гёделя, или же субъективный идеализм феноменологии, и т.п. Тут все термины надо брать в кавычки, потому что только наивный новичок может понимать эти термины буквально. Но тогда трудно понять, является ли название томских философов реалистами просто похвалой или же попыткой какого-то анализа их философских приверженностей.

Дальнейший упрек состоит в том, что Никоненко напрямую связывает эти приверженности с качеством переводов. Больше того, он полагает, что именно правильные приверженности (надо понимать, приверженности «реализму») позволяют томским философам свою переводческую работу считать не просто ремесленным делом, а серьезным исправлением тех дефектов, которые изначально присутствуют в переводимых работах. В данном случае таким дефектом, очевидно, является сползание «реализма» переводимых авторов в «релятивизм», «идеализм» и «анти-реализм». Но этого мало. Никоненко полагает, что такая бдительность томских философов связана с традицией именно русской переводческой школы. А как иначе можно расценить такой пассаж из статьи Никоненко: «Здесь особо следует отметить, что представители Томской школы как переводчики и редакторы демонстрируют безупречный исследовательский такт. Будучи реалистами, томские ученые (что соответствует духу

русской философии) стремятся вскрыть внутреннюю „правду“ в анти-реалистических, идеалистических, релятивистских позициях» [1. С. 270–271].

Вообще говоря, плоды русской переводческой традиции можно видеть в издании классиков зарубежной литературы, например, в серии «Философское наследие» (изд-во «Мысль»). И здесь мне стало обидно за русских переводчиков, скажем, *Первой Критики* И. Канта (можно упоминать и любого другого философа). Они были достойными представителями русской философии (М. Владиславов, Н. Соколов и, конечно же, Н. Лосский), добросовестными и квалифицированными переводчиками, исправлявшие ошибки предшественников, но никак не старавшиеся «вскрыть правду» относительно Канта. Это же относится и современному изданию сочинений Канта на русском языке под редакцией Н. Мотрошиловой. Так что приписывание русской школе переводчиков стремления исказить переводимый текст в угоду любых соображений я считаю совершенно необоснованным.

Но те же самые слова следует сказать и о томских философах, переводческая работа которых отмечена высокой степенью профессионализма и добросовестности. Здесь есть два аспекта, которые нужно подчеркнуть. Во-первых, Никоненко все время путает, о чем уже говорилось, проблемы перевода собственно текста и комментирование этого текста. Во-вторых, он почему-то считает, что тон и содержание комментариев томских философов определяются их единой позицией «реализма». Прежде всего, я не усматриваю никакой единой позиции у всех томских философов, занятых переводами, и уж тем более реализма. И кроме того, я не усматриваю в их комментариях ничего похожего на «вскрытие правды» (заметьте, «правды», а не «истины») — есть существенная разница в коннотации этих слов в русском языке). И я решительно возражаю против приписывания томским философам намерений исказить мысль переводимого мыслителя. В самом деле, допустимо ли считать, что «представители Томской школы... не являются простыми трансляторами; они всегда интерпретаторы, зачастую критически настроенные, стремящиеся „править“, „дописывать“, „додумывать“ переводимый текст» [1. С. 268]. Здесь Никоненко выдает «смертный грех» переводчиков за добродетель! К счастью, этот грех никак не свойствен Томской школе; сам замысел Никоненко изобразить переводческую работу томских философов в таком свете представляет собой лубок, и я резко возражаю против подобного рода сверхупрощений в оценке тщательной и тонкой работы, которая присуща томским аналитическим философам.

Но, как гласит знаменитый афоризм, «Дьявол кроется в деталях» Помимо разговоров о методологии перевода, статья Никоненко полна странными заявлениями, сделанными как будто представителем аналитической философии, как в фактическом, так и в стилистическом отношениях. Последние особенно бросаются в глаза. Например, о Витгенштейне: «Британский философ австрийского происхождения» [1. С. 269] (как будто читатели не знают ничего о философе), или о переводчиках: «Комментирование высшей степени сложности» [1. С. 269] (что является излишней по всем понятиям лестью им). Встречаются и вовсе загадочные фразы вроде: «В свою очередь, Суровцев представляет Рассела как последовательного эпистемологического реалиста, вопреки суждениям большинства критиков, вскрывающих логицизм британского философа» [1. С. 269]. Здесь все неясно: когда Рассел был «последова-

тельным эпистемологическим реалистом», кто были эти самые критики, и наконец, что значит «вскрытие логицизма британского философа»? Анатомический термин тут явно неуместен, и совсем уж неясна предполагаемая связь логицизма с эпистемологическим реализмом. Ясно, что тут имеет место простое нагромождение никак не соотносящихся друг с другом терминов, имен и анонимного «большинства критиков».

Вынужденная краткость статьи Никоненко склоняла его к замечаниям, отнести которые к какому-то периоду или стадии эволюции философа попросту невозможно, что делает эти замечания загадочными. Например: «Витгенштейн, памятуя о реалистическом прошлом...» [1. С. 269]. Быть может, Никоненко решил подкрепить «реализм» Томской школы авторитетом «реалиста» Витгенштейна, но в любом случае такие фразы просто повисают в воздухе. Именно это случается, когда Никоненко провозглашает: «Представители Томской школы... демонстрируют унифицированный подход с позиций критического реализма» [1. С. 270]. Хотя я не берусь отвечать за реакцию на этот вердикт самих томских философов, но не удивлюсь, что они будут несколько озадачены им или скоро признаются, что недостойны пока такой похвалы.

Иногда Никоненко делает и вовсе опрометчивые замечания: «С нашей точки зрения, в отечественной литературе никто столь решительно не противопоставляет идеи Рассела и раннего Витгенштейна» [1. С. 269]. Дело в том, что В. Суровцев был редактором перевода книги Я. Хинтикки «О Витгенштейне», третья глава которой называется «Мысли Рассела под названием „Логико-философский трактат“» [4], и я как переводчик ни разу ни слышал от редактора никаких «решительных» протестов в адрес Хинтикки по этому поводу. Больше того, как переводчик В. Суровцев, судя по всему, согласен с вердиктом автора переведенной им статьи Л. Голдстейна «В какой степени оригинален “Логико-философский трактат“?» Голдстейн говорит: «Взгляд, который я защищал в этой статье, состоит в том, что на раннем этапе Витгенштейн был вторичным мыслителем, что признание, сделанное им относительно отсутствия собственной оригинальности, было хорошо обосновано. *Трактат* – важная работа, но это плод семян, посеянных в душе Витгенштейна Расселом, Фреге и многими другими» [5. С. 239].

Томские переводчики сделали доступными многие книги, но все-таки учитывать надо в первую очередь значимость самих этих книг (не того, что они были переведены). Никоненко делает как раз обратное: он считает перевод книги А. Айера «Язык, истина, логика» [4], очень популярной книги об идеях Венского кружка, чуть ли не вехой в объяснении эволюции Рассела и Витгенштейна. Никоненко утверждает, что «подчеркивая эволюцию Рассела и Витгенштейна в сторону все более последовательного формализма, Суровцев сделал ключевой фигурой для понимания этого процесса труд Айера „Язык, истина, логика“» [1. С. 270].

Слов нет, книга действительно очень известная, ясно и то, что приведенная выше цитата Никоненко является сильным преувеличением, если не сказать больше. Я. Хакинг назвал в одной из своих работ книгу Айера «восхитительной вулгаризацией», каковой она и является для профессионалов, будучи крайним упрощением взглядов логических эмпиристов и раннего Витгенштейна. Честно говоря, мне трудно представить, как можно было сде-

лять Айера «ключевой фигурой» в загадочной эволюции обеих фигур «в сторону все более последовательного формализма». Что означает здесь «формализм» – программу Гильберта, веру Витгенштейна в силу «показывающего», но не «высказывающего» символизма, модификацию символизма второго издания *Principia Mathematica* или что-то еще?

Боюсь, мои претензии к очерку Никоненко заключаются еще и в крайне небрежном разбрасывании им имен и течений, концепций и намерений, что крайне нежелательно при обсуждении судеб аналитической философии, хотя бы и в переводах. Вот, например, говорит Никоненко по поводу наиболее известного аналитического философа второй половины XX в. У. Куайна: «По сути, куайновская трактовка высказываний не сталкивается с реальностью; она замкнута в рамках концептуальной схемы. В последние годы в исследованиях Томской школы критика лингвистического релятивизма, равно как и антиреалистических и натуралистических концепций, становится все более заметной» [1. С. 271].

Итак, Куайн – лингвистический релятивист? Как и прежде, весь этот набор слов никак не отвечает ни тому, что делал сам Куайн, ни тому, что собственно говорят сделанные Томской школой переводы Куайна [7, 8]. Откуда же появляются «стимулы» Куайна, как не из реальности? В чем заключается все «более заметность» критики Томской школы, скажем, натуралистических концепций?

Если Никоненко хотел воздать должное Томской школе в ее крайне важной работе по переводам классических и современных работ по аналитической философии, то боюсь, что он не справился со своей задачей. В статье есть много неточностей и несообразностей, но, пожалуй, главный недостаток заключается в неявном предписании переводчикам «править», «дописывать», «додумывать» переводимый текст, исходя из предубеждений не самого грамотного толка. Именно такую установку он ставит в заслугу Томской школе. Я считаю, что она никогда не принимала к реализации такую установку, и приписываемый томским философам «реализм» в качестве единственной правильной позиции для аналитической философии является скорее результатом понимания ее характера самим Никоненко, нежели «реальным» положением дел в ней.

Список источников

1. Никоненко С.В. Томская школа аналитической философии: критические комментарии при переводе и редактировании аналитических текстов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 265–273.
2. Кринке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. Суровцева М. : Канон-плюс, 2010.
3. Бейкер Г., Хакер П. Скептицизм, правила и язык / пер. с англ. В. Суровцева, В. Ладова. М. : Канон-плюс, 2008.
4. Хинтика Я. О Витгенштейне / пер. с англ. В. Целищева ; ред. В. Суровцев. М. : Канон-плюс, 2013.
5. Голдстейн Л. «В какой степени оригинален ‘Логико-философский трактат’?» // Логика, онтология, язык / пер. с англ. В. Суровцева. Томск : Изд-во ТГУ, 2006.
6. Айер А. Язык, истина, логика / пер. с англ. В. Суровцева, Н. Тарабанова. М. : Канон-плюс, 2010.
7. Куайн У. С точки зрения логики / пер. с англ. В. Суровцева, В. Ладова. М. : Канон-плюс, 2010.

8. Куайн У. Философия логики / пер. с англ. В. Суровцева, В. Ладова. М. : Закон-плюс, 2008.

References

1. Nikonenko, S.V. (2024) Tomsk school of analytic philosophy: critical comments by translators and editors of analytic texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 80. pp. 265–273. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/80/24
2. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on rules and private language]. Translated from English by V. Ladov, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
3. Baker, G. & Hacker, P. (2008) *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Scepticism, rules, and language]. Translated from English by V. Ladov, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
4. Hintikka, J. (2013) *O Vitgenshteine*. [On Wittgenstein]. Translated from English by V. Tselishchev, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
5. Goldstein, L. (2006) V kakoy stepeni originalen “Logiko-filosofskiy traktat”? [To what extent is the Tractatus Logico-Philosophicus original?]. Translated from English by V. Surovtsev. In: Surovtsev, V. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 219–244.
6. Ayer, A. (2010) *Yazyk, istina, logika* [Language, Truth, and Logic]. Translated from English by V. Surovtsev, N. Tarabanov. Moscow: Kanon-plus.
7. Quine, W. (2010) *S tochki zreniya logiki* [From a logical point of view]. Translated from English by V. Ladov, V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.
8. Quine, W. (2008) *Filosofiya logiki* [Philosophy of Logic]. Translated from English by V. Surovtsev. Moscow: Kanon-plus.

Сведения об авторе:

Целищев В.В. – научный руководитель, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права Сибирское отделение РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: leitval@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tselishchev V.V. – scientific director, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: leitval@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 15.02.2025;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 17.04.2025

Научная статья

УДК 165.12

doi: 10.17223/1998863X/84/24

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ И ПОИСК ВОЗМОЖНЫХ ВЫХОДОВ ИЗ «ПЕЩЕРЫ» ПЛАТОНА

Леонид Леонидович Чекалов

ООО «Транс-Мобил Спедишн», Самара, Россия, Ltrans777@mail.ru

Аннотация. Описывая образ «пещеры», Платон еще в античные времена показывает серьезные ограничения сознания человека на восприятие и понимание реальности. Приводится описание структуры сознания с использованием понятия информации. На основе этого описания сравниваются различия в подходах к расширению познания или выхода из «пещеры» Платона в «восточной» и «западной» культурах.

Ключевые слова: сознание, информация, различение

Для цитирования: Чекалов Л.Л. Особенности функционирования сознания и поиск возможных выходов из «пещеры» Платона // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 295–303. doi: 10.17223/1998863X/84/24

Original article

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF CONSCIOUSNESS AND THE SEARCH FOR POSSIBLE EXITS FROM PLATO'S "CAVE"

Leonid L. Chekalov

Trans-Mobil Spedishn, Samara, Russian Federation, Ltrans777@mail.ru

Abstract. For several millennia, Plato's "cave" has been present in the field of philosophical mind as a figurative description of some of the limitations of *consciousness* and the problems that may arise if *consciousness* tries to go beyond these limitations. At the present moment of scientific development in this figurative description, the *physiological* and *psychic* natural limitations of a person can be found on an adequate perception of the *real world* and falling into the branched "caves" of illusions. These limitations form for many people, including scientists, the walls of a "cave" which close the review of the *real world*. At the *physiological* level, these walls are the limitation of the sensitivity in the *distinction* of the physical *inhomogeneities* by our senses. The "western" civilization proposes to strengthen the *distinction* by invention and improvement of microscopes, telescopes and other technical devices. Therefore, the strengthening of *distinction* can lead to a change in the description of the *world view*. For instance, the invention of the microscope helped in the *distinction* of bacteria and viruses, which for a long time were unrecognized by people and could be the source of various diseases. On the other hand, we perceive the *world view* through the descriptions in the shape of various semiotic schemes. However, excessive reliance on historically established semiotic schemes of description or *world views*, for instance, the scheme of motion of space objects by Ptolemy, seriously complicated the transition to a more adequate Copernicus scheme. Nowadays, similar problems still exist. Summarizing, it can be noted that in the research of *consciousness*, it is desirable to consider and combine into a general system both descriptions of human physiology and the presence in their intellectual activity of various semiotic systems and schemes. This approach can make the search for the way out of Plato's "cave", which still exists in our *consciousness* although we are trying to expand its boundaries, more efficient.

Keywords: consciousness, information, distinction

For citation: Chekalov, L.L. (2025) Features of the functioning of consciousness and the search for possible exits from Plato's "cave". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 295–303. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/24

Введение

В последние десятилетия мы часто слышим о желательности проведения большего числа междисциплинарных исследований для связывания фрагментированной на сегодня научной *картины мира* в единое целое. Не менее интересны могут быть и кросскультурные исследования, позволяющие взглянуть на один и тот же объект исследования через призму накопленного в различных культурах опыта. Некоторые ключевые понятия выделены курсивом для обозначения их центральной роли в этой статье.

Множество проблем, возникших в современной науке за последние 100 лет, также как и за 1 000 и 2 000 лет, в основном связано с двумя ключевыми недопониманиями значения общей *картины мира* и основами функционирования *сознания* в этом *мире*. Современная наука распалась и продолжает распадаться на бесчисленное множество направлений исследования этого *мира*, ученые надеются на математические методы, статистические формулы, но без стремления к пониманию общей *картины мира*, математика лишь напускает еще больше тумана в *сознание* исследователя. И где же выход или хотя бы направление, на котором возможно заглянуть за занавес театра под названием жизнь и наука, и увидеть *действительные* декорации *мира*?

В условно «западном» *сознании* основные усилия были направлены вовне себя в попытках познакомиться с внешним *миром* [1. С. 12]. Но движение вовне осуществляет некто изнутри, и этот некто имеет множество внутренних ограничений на *познание*, которые уже тысячи лет назад описал Платон в образе «пещеры».

В дальнейшем некоторые ученые, достигнув пределов понимания в своем научном направлении, пытались перейти на следующий уровень понимания *картины мира* – философский, но без понимания основ функционирования *сознания* такой переход не имеет своей завершенности.

«Пещера» Платона и «закрытые часы» Эйнштейна

Множество философских описаний, как древних, так и современных, очень интересно рассматривать, когда понятны общие закономерности функционирования *сознания*. Сегодня рассмотрим знаменитую в философских кругах «пещеру» Платона и попробуем поискать возможные выходы из ее ограничений. Для начала вспомним основную суть «пещеры» в смысловом звучании перевода первоисточника:

«– ...ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... Представь, что люди находятся как бы в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у их прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди

обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной, вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю, – сказал Главкон.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Станный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

– Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно...» [2. С. 239].

Конечно, все философы знают этот диалог, но мало кто знает описание сходной проблемы всем известным физиком Альбертом Эйнштейном, и по аналогии этот смысловой образ можно назвать «закрытые часы» Эйнштейна:

«В нашем стремлении понять реальность мы подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и движущиеся стрелки, даже слышит тиканье, но не имеет средств открыть их. Если он остроумен, он может нарисовать себе картину механизма, которая отвечала бы всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть вполне уверен в том, что его картина единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения. Он никогда не будет в состоянии сравнить свою картину с реальным механизмом, и он не может даже представить себе возможность и смысл такого сравнения» [3. С. 161].

Можно заметить, что механизм часов – это куклы, проносимые кем-то перед источником света, а стрелки часов – это тени, наблюдаемые людьми. Как пример «часов» можно вспомнить две схемы описания движения звезд – схему Птолемея и Коперника. Обе дают прогноз движения, но первая схема не соответствует динамической структуре *действительности*. И в первой схеме описания невозможно определить адекватное физическое взаимодействие движения – гравитацию. Каждой схеме описания может соответствовать только своя физика [4. С. 45]. Таким образом, можно сделать вывод, что

наблюдаемые тени в пещере Платона можно описывать различными семиотическими схемами и системами, каждая из которых может давать прогноз, претендуя на научность и в некоторой мере на соответствие *действительности*, но в каждой схеме будет различная физика взаимодействия и траектории движения «теней» или механизма «часов».

Особенности функционирования сознания и понятие «информация»

А теперь, для понимания сути проблемы относительно некоторых ограничений человека, отмеченной множество раз в различных формах описания, рассмотрим основные особенности функционирования *сознания*.

Самое первое, что желательно понимать в функционировании *сознания* на всех его уровнях, – это наличие *различия неоднородностей*. Полное отсутствие *различия*, возможно, соответствует понятию *пустоты* в индуизме и христианстве. *Различение неоднородностей* на различных уровнях и есть для *сознания* – *информация* [5. С. 271].

Рассмотрим первый уровень *информации* в *сознании* человека – это *различение* чувства отдельного рецептора, связанное с физической *неоднородностью* внешнего пространства. На этом уровне внешняя физическая *неоднородность* трансформируется в внутреннюю чувственную *неоднородность* или внутреннюю *информацию*, которую можно назвать *физиологической*. Следующий уровень внутренней чувственной *информации* образуется при объединении дискретных чувств отдельных рецепторов в непрерывное чувство цвета, запаха, вкуса, звука, прикосновения. Этот уровень можно назвать *психическим*, хотя для многих этот термин может показаться спорным.

Потом непрерывное чувство *психического* уровня разделяется на дискретные *смысловые* фрагменты, если говорить о цветных пятнах, *различаемых* нашим зрением, то они на основе накопленного опыта без наших особых усилий и управления разделяются на смыслы: дерево, трава, небо и т.п. Этот уровень внутренней чувственной *информации* можно назвать *смысловым* [5. С. 271].

Все органы чувств работают по этой единой *информационной* схеме в своих узких границах *различения* физических *неоднородностей*. Именно границы *различения* органов чувств человека и есть те «тиски» на первом *физиологическом* уровне чувственной *информации*, которые не дают возможность повернуть голову в «пещере» Платона. Но и на других уровнях *чувственной информации* существуют определенные границы *различения неоднородностей*. Если мы *различаем* некоторые *физиологические* и *психические неоднородности*, то именно им мы имеем возможность присваивать *знаки* и *имена*. Таким образом, в этих пределах *различения* выстраиваются различные семиотические системы и основанные на них динамические схемы описания *неоднородностей реальности*.

Еще раз: основная проблема *сознания* – это постоянное наличие границ *различения неоднородностей* на *физиологическом, психическом* и *смысловом* уровнях *информации*. Эти ограничения и являются стенами «пещеры» и «тисками». Мы все находимся, с одной стороны, в общей социальной «пещере» накопленных *знаний* и *культуры*, но и у каждого есть еще своя личная «пещера». Но если человек выбирает путь постоянного расширения *познания*,

то он постоянно расширяет границы собственной «пещеры» и если повезет, то заодно и границы социальной «пещеры».

В современном мире образ «пещеры» Платона чудесно иллюстрирует обычный и привычный кинотеатр. Но в кинотеатре никто никого не держит, и люди находятся там добровольно. Так же образ кинопроектора при описании *сознания* использовал Макс Гендель [6. С. 22].

И сейчас, если вышеизложенное более-менее понятно, то можно перейти к поиску возможных выходов из «пещеры» Платона, чем и занимаются коллективное человечество и индивидуальные субъекты все свое существование и по сей день.

Два выхода из «пещеры»

Рассмотрим два примера:

1) появление микроскопа привело к утончению *различения* зрения и выяснилось, что причиной некоторых заболеваний являются бактерии и вирусы, и тогда прикованная к возможностям органов чувств голова человека немного поворачивается к выходу из пещеры, источнику света и реальным силам взаимодействия;

2) изобретение сверхмощных телескопов, которое позволило *различить* огромное количество новых звездных систем, и расчеты, основанные на понимании физического взаимодействия в космосе в виде гравитации, показали, что они не работают на таких расстояниях, и пришлось предположить наличие «темной энергии» и «темной материи» для спасения закона гравитации, хотя можно было бы параллельно подумать и о других физических основах взаимодействия в космосе.

Можно сделать вывод, что не только накопление фактов в определенной области исследований, но и расширение диапазонов *различения неоднородностей* может привести к кардинальной смене описания *действительности* (*картины мира*) или к *научной революции* [7. С. 21–25].

Здесь стоит отметить различие в подходах к утончению различения условно «западной» и «восточной» цивилизации. Как мы видим, «западная» цивилизация утончает и расширяет диапазоны различения техническими средствами, а «восточная» – расширением и утончением восприятия человека в процессе сосредоточения на внутренних органах, *информация* от которых на *физиологическом* уровне в современной жизни не востребована и в памяти человека не сформирован опыт дальнейшего перехода этой *информации* на *психический* и *смысловой* уровни. Далее привожу полностью цитату из произведения Ромена Ролана «Жизнь Рамакришны» [1. С. 12]:

«Как известно, вся тысячелетняя история духовного развития Индии есть история бесчисленного народа, идущего на завоевание высшей *действительности*. Все великие народы мира, в сущности, имеют одну и ту же цель, явную или скрытую: они – завоеватели, идущие из века в век на приступ этой *действительности*, частью которой они сами являются, которую они охватывают, по которой взбираются, падают время от времени, истощенные, и затем, переведя дух, снова устремляются вперед, пока не овладеют ею или не погибнут. Только все они видят разные стороны этой *действительности*. Она точно огромная крепость, обложенная со всех сторон многочисленными армиями, лишенными связи друг с другом. И каждая из них имеет свою так-

тику и свои орудия войны. И каждой приходится изобретать собственные методы атаки и приступа.

Западные расы штурмуют главным образом бастионы, внешние укрепления – всю сеть физических сил природы, которой они хотят овладеть, чтобы познать управляющие ею законы и направить их против внутреннего города, чтобы сдалась вся крепость.

Индия действует иначе. Она идет прямо к цели, атакуя начальника невидимого генерального штаба, управляющего всем из центра. *Действительность*, к которой она стремится, трансцендентальна. Но не вздумайте противопоставлять реализм запада идеализму Индии. Это два реализма. Индусы по существу своему реализаторы. Они не хотят удовлетворяться абстрактной идеей; чтобы постигнуть ее, они охотно прибегают к приемам чувственного овладения. Им надо видеть, слышать, осязать, попробовать на вкус идею. Богатство их чувственных восприятий, необычная сила фантазии и способность воплощать интуицию в видимый образ далеко превосходят эти же способности на западе. Имеем ли мы право их отвергать именем нашего разума? Разум кажется нам путем всеобщим, безличным и объективным, открытым для всех людей. Так ли это? Объективен ли он? В какой степени это верно относительно того или другого человека? Не имеет ли разум границ, поставленных ему личностью? И разве не ясно, что «реализации» индуистского разума, которые кажутся нам сверхсубъективными, нисколько не являются таковыми в Индии, где они представляют логический результат научных методов (или тщательного экспериментирования), проверенный веками и должным образом зарегистрированный? Каждый из великих религиозных духовидцев указывает своим ученикам путь, неизменно ведущий к одним и тем же прозрениям...».

Процесс этот можно сравнить с наработкой опыта различения других групп рецепторов нашего организма, отличных от рецепторов известных нам сегодня органов чувств и также реагирующих на внешние воздействия. Если наше внимание не отвлекается на другие органы чувств и долго удерживается на чувственных реакциях этих «новых» рецепторов, то постепенно будет сформирован непрерывный *психический* уровень осознания этой *информации*, который в дальнейшем будет разделяться на *смысловые* фрагменты. Этот последний этап сравним с тем же процессом для «западного» человека, когда он первый раз заглянул в микроскоп и сначала увидел там просто какие-то цветные пятна (*психический* уровень *информации*), а потом в процессе длительных наблюдений (концентрации внимания, медитации) цветные пятна получили *смысловую* интерпретацию. Среди нас иногда встречаются люди с функционирующими другими органами чувств, но это часто вызывает непонимание сути этого явления. А это и есть возможный второй выход из «пещеры».

Кстати, в «восточной» индусской традиции пребывание человека в «пещере» обозначалось понятием иллюзии – *майи*.

Но есть и еще одна «пещера» в «пещере»: «иллюзия» в «иллюзии», о которой не упомянули Платон и Альберт Эйнштейн, но очень эмоционально обозначил Насим Талеб [8. С. 54] – это «пещера» «интеллектуального идиотизма» или пещера семиотических схем, в которой люди семиотические схе-

мы воспринимают как *действительность* и как полностью соответствующие *действительности*.

Семиотическая «пещера»

Различая неоднородности, человек получает возможность присваивать *неоднородностям* знаки и имена. И вот люди начинают активно расписывать стены «пещеры» знаками и именами, как это делают неразумные туристы в достопримечательных местах, и тогда следующие туристы увидят уже не достопримечательность (*действительную* стену «пещеры»), а множество надписей. То же самое происходит и со стенами «пещеры» Платона, которые люди обосновано и не очень разрисовываются знаками и схемами различных семиотических систем, часто никак не связанных между собой, и за которыми большинство людей уже не способны увидеть сами стены в их первоизданной красоте.

Здесь также большое значение имеет и современная схема обучения детей и взрослых. Сначала дается теория, т.е. семиотическая схема, срисованная со стены «пещеры», а потом, уже когда в *сознании* записана определенная установка восприятия *действительности*, проводятся практические занятия и люди пытаются увидеть саму стену. Но если любое явление *действительности* можно описывать в различных семиотических схемах (схема описания движения небесных тел Птолемея и Коперника), то изначальная установка от авторитета или учителя будет иметь решающее значение для ученика при восприятии и понимании *действительности*. Но как мы уже говорили, каждому описанию (геометрии) соответствует своя физика [4. С. 45] – «звездный купол» для своего времени понимания строения космоса или гравитационное взаимодействие.

Представьте: люди сидят в «пещере», все стены которой расписаны знаками и схемами так, что самих стен уже совсем не видно. И если касаться ученых, то многие работают именно с семиотическими схемами, часто не замечая и не *различая действительность*, которая прячется за ними. Когда ученый через завалы знаковых научных описаний прорывается к *действительности*, то зачастую он отмечает, что описания не соответствуют динамической структуре *действительности* на *психическом* и *смысловом* уровнях *информации* и тогда формируется новая семиотическая схема или даже система и происходит *научная революция* [7. С. 21–25]. Не только в науке, но и в других видах деятельности человека очень важное значение имеет *различение* соответствия структуры схемы семиотического описания динамической структуре *неоднородностей реальности*. Такие несоответствия в итоге и приводят в науке к *научным революциям*, а в общественной жизни – к революционным изменениям социальных систем.

А что же мешает человеку заглянуть за «ширму» семиотического описания и посмотреть на *действительность*?

Почему человек не любит выходить из «пещеры»

Процесс функционирования *сознания* основан на постоянном соединении нашей памяти или опыта с изменяющейся текущей ситуацией и записи результатов в память. Это соединение и есть трансформация *чувственной информации* с уровня на уровень: *физиологический, психический, смысловой*.

Переход от *физиологического* к *психическому* уровню человеком на данный момент не управляется и происходит «автоматически», а переход от *психической информации* к *смысловой* может осуществляться как «автоматически» по привычке, так и управляемо, когда требуется «выделение внимания» для решения задачи. Даниэль Канеман назвал «автоматический» переход к *смысловой информации* «системой мышления 1», а требующей выделения управляемого внимания – «системой 2» [9. С. 31].

И все бы ничего, если не одна проблема – в состоянии спокойного «автоматического» мышления наш мозг потребляет меньше энергии – более 10% от потребления энергии всего организма, а в состоянии напряженного мышления – до 25%, хотя вес мозга составляет всего около 2% от веса нашего тела [10. С. 64]. Как вы понимаете, организм не приветствует такое расточительство и старается всеми доступными средствами вернуть мышление в «автоматический» режим работы по «привычке», вплоть до «веерного отключения энергоснабжения». Возможно, по этой причине некоторые студенты и засыпают на лекциях.

Также известно, что новые задачи – от управления автомобилем до решения новых научных проблем – вызывают дискомфортное состояние стресса, описанное Гансом Селье [11]. Понимание перечисленных физиологических проблем при выходе из привычной «пещеры» также объясняет серьезные задержки в принятии научным сообществом новых открытий. В этом отношении можно с интересом понаблюдать за дискуссией или даже наоборот – отсутствием серьезного обсуждения работы Симона Шноля «Космофизические факторы в случайных процессах» [12].

Конечно же, трудное восприятие всего нового происходит не только в науке, но и во всех сферах социального взаимодействия. А неприятие нового и есть нежелание выходить из «пещеры» на чистый свет, но уже новой *действительности*.

Но не все новое одинаково полезно. Если новое соответствует *действительности*, то оно помогает избегать болезненного столкновения с *действительностью*, а «новое» или «старое», которое не соответствует *действительности* (к примеру, наблюдая *мир* через систему Птолемея, не имеет смысла запускать ракету в космос) сначала приведет к противоречию с *действительностью* и к различного вида *революциям*, а уже потом исчезнет за горизонтом истории, что не раз происходило. И это лишь дело *времени*...

Список источников

1. Ролан Р. Жизнь Рамакришны. СПб. : Свет, 2019. С. 256.
2. Платон. Государство / пер. А.Н. Егунова. М. : Академический проект, 2015. 398 с.
3. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1948. С. 249.
4. Бартини Р.Л., Кузнецов П.Г. Множественность геометрий и множественность физик // Сборник «Моделирование динамических систем». Вып. 2. Труды семинара «Кибернетика электроэнергетических систем». Брянск, 1974. С. 45–50.
5. Чекалов Л.Л. Некоторые особенности функционирования сознания и различные способы построения семиотических систем // Сборник материалов Международной научной конференции «История. Семиотика. Наука», посвященной 200-летию Ф.М. Достоевского и 150-летию С.Н. Булгакова (Самара, 22–23 октября 2021 г.) / отв. ред. И.В. Демин. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2021. С. 270–276.
6. Гендель М. Космогоническая концепция Розенкрейцеров. СПб. : Комплект, 1994. 400 с.
7. Кун Т. После «Структуры научных революций». М. : АСТ, 2014. 443 с.

8. Талей Н. Рискую своей шкурой. М. : Азбука-Аттикус, 2018. 370 с.
9. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М. : АСТ, 2019. 653 с.
10. Савельев С. Энергетический подход к эволюции мозга // Наука и жизнь. 2006. № 11. С. 61–68.
11. Селье Г. Стресс без дистресса. М. : Прогресс, 1979. 124 с.
12. Шноль С.Э. Космофизические факторы в случайных процессах. Стокгольм, 2009. 388 с.

References

1. Roland, R. (2019) *Zhizn' Ramakrishny* [The Life of Ramakrishna]. St. Petersburg: Svet. p. 256.
2. Plato. (2015) *Gosudarstvo* [The State]. Translated by A.N. Egunov. Moscow: Akademicheskii proekt.
3. Einstein, A. & Infeld, L. (1948) *Evolutsiya fiziki* [The Evolution of Physics]. Moscow: [s.n.]. p. 249.
4. Bartini, R.L. & Kuznetsov, P.G. (1974) Mnozhestvennost' geometrii i mnozhestvennost' fizik [Multiplicity of Geometries and Multiplicity of Physics]. In: *Modelirovanie dinamicheskikh sistem* [Modeling of Dynamic Systems]. Vol. 2. Bryansk: [s.n.]. pp. 45–50.
5. Chekalov, L.L. (2021) Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya soznaniya i razlichnye sposoby postroyeniya semioticheskikh sistem [Some Features of the Functioning of Consciousness and Various Ways of Constructing Semiotic Systems]. In: Demin, I.V. (ed.) *Istoriya. Semiotika. Nauka* [History. Semiotics. Science]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 270–276.
6. Gendel, M. (1994) *Kosmogonicheskaya kontseptsiya Rozenkreytserov* [The Cosmogonic Concept of the Rosicrucians]. St. Petersburg: Komplekt.
7. Kuhn, T. (2014) *Posle "Struktury nauchnykh revolyutsiy"* [After the "Structures of Scientific Revolutions"]. Moscow: AST.
8. Taleb, N. (2018) *Riskuya svoey shкурой* [Risking Your Skin]. Moscow: Azbuka-Attikus.
9. Kahneman, D. (2019) *Dumay medlenno... Reshay bystro* [Thinking, Fast and Slow]. Translated from English. Moscow: AST.
10. Saveliev, S. (2006) Energeticheskiy podkhod k evolyutsii mozga [Energy Approach to Brain Evolution]. *Nauka i zhizn'*. 11. pp. 61–68.
11. Selye, G. (1979) *Stress bez distressa* [Stress without Distress]. Moscow: Progress.
12. Shnol, S.E. (2009) *Kosmofizicheskie faktory v sluchaynykh protsessakh* [Cosmophysical Factors in Random Processes]. Stockholm: [s.n.].

Сведения об авторе:

Чекалов Л.Л. – кандидат технических наук, директор ООО «Транс-Мобил Спедишн» (Самара, Россия). E-mail: Ltrans777@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chekalov L.L. – Cand. Sci. (Engineering), director, Trans-Mobil Spedishn, ООО (Samara, Russian Federation). E-mail: Ltrans777@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.11.2021;
одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 17.04.2025
The article was submitted 01.11.2021;
approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 17.04.2025*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2025. № 84

Редакторы *Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 20.05.2025 г. Дата выхода в свет 23.05.2025 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 19; усл. печ. л. 24,7; уч.-изд. 26,1.

Тираж 50 экз. Заказ № 6343. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru